

СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

СКАЗКИ
НАРОДОВ
СИБИРИ,
СРЕДНЕЙ
АЗИИ
И КАЗАХСТАНА

Annotation

В этот том вошли сказки о животных, волшебные и бытовые сказки народов, проживающих в Сибири, на Крайнем Севере, Дальнем Востоке России, в странах Средней Азии и Казахстана.

Сказки народов Сибири, Средней Азии и Казахстана (Том 10 из серии "сказки народов мира в 10 томах")

Редакционный совет издания «СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА»

Аникин В. П., Никулин Н. И.,

Ващенко А. В., Путилов Б. Н.,

Кор-оглы Х. Г., Рифтин Б. Л.,

Михалков С. В., Шатунова Т. М.,

Налепин А. Л.

Научный руководитель издания В. П. АНИКИН

© А. И. Алиева. Составление» вступительная статья в словарь, 1995

© Б. А. Диодоров. Оформление серии, 1995

© В. А. Тогобицкий. Оформление тома, 1995

© Б. В. Попкова. Иллюстрации, 1995

ISBN 5-08-001848-8

ISBN 5-08-003552-8

**СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА**

*в
десяти
томах*

ТОМ

X

**СКАЗКИ НАРОДОВ
СИБИРИ,
СРЕДНЕЙ
АЗИИ
И КАЗАХСТАНА**

Увлекательное путешествие

Дорогой друг, в этой книге представлены сказки разных народов Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана.

Такое объединение не случайно.

Народы, населяющие Сибирь, Крайний Север и Дальний Восток с одной стороны и Среднюю Азию и Казахстан с другой, объединяет географическая близость, сходство или общность исторических судеб, экономического и культурного развития, во многих случаях родство языков, сходство духовной культуры.

Значительное место в книге отведено сказкам многочисленных народов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. В Южной Сибири — это буряты, якуты, алтайцы, хакасы, тувинцы, западно-сибирские татары, шорцы, тофалары.

Все эти народы говорят на разных языках — преимущественно тюркских или монгольских.

В Северной Сибири и на Дальнем Востоке живут ханты и манси, нэнцы, нганасаны, энцы, селькүпы, кеты, эвэнки, долгане, эвены, негидальцы, нанайцы, ульчи, удэгейцы, орочи, ороки, нивхи, юкагиры, чукчи, эскимосы, коряки, ительмены, алеуты. Некоторые из этих народов насчитывают по несколько тысяч, численность других не превышает и одной тысячи человек.

Народы эти говорят на тунгусо-маньчжурских, самодийских и угорских языках.

Языки разных народов Сибири и Дальнего Востока значительно различаются между собой. Так, нивхский и юкагирский языки не имеют ничего общего ни между собой, ни с языками чукчей, коряков, ительменов.

Существенно различаются история и культура народов Южной Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Малочисленные коренные народности Северной Сибири и Дальнего Востока, разделенные огромными труднопроходимыми пространствами тайги и тундры, жили в суровых климатических и бытовых условиях. С древнейших времен и до начала XX века их основными занятиями были рыболовство и охота на различных зверей и животных — морских и тундровых. Значительные перемены в жизнь народов Севера принесло приручение дикого оленя, возникновение оленеводства.

Занятия охотой, рыболовством, собиранием съедобных и лекарственных трав, растений развили у народов Севера веру в силы природы и даже преклонение перед ними.

Восхищением природными силами проникнута вся духовная жизнь народов Севера, и прежде всего их религиозные представления, широко отразившиеся в народных сказках.

Таковы представления о «верхнем» и «нижнем» мире (герой чукотской сказки «Белая яранга» отправляется в верхнюю тундру добывать себе жену), о «хозяевах» стихий (хозяине ветров — в ненецкой сказке «Хозяин ветров», сыне Грома — в долганской сказке «Песенный человек», о хозяине тайги в

нанайской сказке «Храбрый Мэргэн» и др.).

Особое место в сказках северных народов занимают шаманы. Здесь, как и в народных представлениях, они характеризуются как люди, наделенные сверхъестественной способностью вступать в общение с различными духами и благодаря этому совершать невероятное. Суеверный страх перед силой шамана, способного отправляться в царство духов, общаться с ними и возвращаться обратно, который испытывали многие, широко отразился в сказках народов Севера.

Убедительное подтверждение этому мы находим в нганасанском «Сказании о старике шамане, его сыновьях и о Чин-чире шитолицем».

Восхищение таинственной природой Севера отразилось и в изобразительном искусстве северных народов. Изумительны по своей красоте и совершенству работы северных мастериц — прежде всего аппликация на одежде, шитье, вышивка подшейным оленьим волосом (специалисты считают такую вышивку одним из архаичных способов создания орнамента), шитье бисером, вышивка шелком, аппликации из кусочков ткани, шкуры, кожи.

Особое развитие получила такая область прикладного изобразительного искусства, как резьба по моржовому клыку, мамонтовой кости, металлу, инкрустация металлом на трубках, огнивах, на деталях оленьей упряжи, сделанных из кости, орнаментация берестяной и деревянной посуды.

Но наиболее яркое отражение восхищения природой, стремление понять многие ее явления, объяснить их происхождение мы находим в замечательных сказках народов Севера. Конечно же, в них выразительно описаны жизнь, быт, обычаи северных народов, остававшиеся неизменными на протяжении многих веков. Незабываемы описания того, как сказочные герои охотятся на морского зверя или дикого оленя, ловят рыбу (что в условиях Севера — дело совсем не легкое и далеко не безопасное), а женщины ведут необычное для европейского читателя домашнее хозяйство: готовят пищу, выделывают шкуры добытых мужчинами животных, шьют из них одежду.

В сказках северных народов мы находим стремление по-своему объяснить происхождение многих бытовых явлений (например, того, как люди научились добывать огонь — в сказке «Как птицы огонь добывали»), но прежде всего особенных свойств разных птиц, зверей и животных.

Но наиболее многочисленны и художественно убедительны у народов Севера сказки, в которых говорится о происхождении и особенностях разных зверей, животных и птиц (хантыйская сказка «Лиса и медведь», эвенская «Кукушка», эскимосская «Как ворон и сова друг друга разукрасили», мансийская «Зайчик» и другие).

Конечно же, у народов Севера бытуют и волшебные, и бытовые сказки, но неповторимое своеобразие сказочному эпосу народов Крайнего Севера и Дальнего Востока придают именно эти древнейшие произведения их устной народной поэзии.

Читатель этой книги обратит внимание на то, что сказки народов Южной Сибири значительно отличаются от сказок народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Это не случайно и имеет историческое объяснение.

Южная Сибирь, заселенная людьми уже в эпоху верхнего палеолита, была областью древнего скотоводства и земледелия. В последующем своем развитии она входила составной частью в различные государственно-политические временные объединения тюркских и монгольских племен и не без их влияния стала областью сравнительно высокой древней культуры.

Северная Сибирь имела постоянные многовековые хозяйственные и культурные связи с южными областями Сибири, а через их посредство — с древними цивилизациями не только Востока, но и Запада. В

Китае, Индии и Средней Азии много веков назад славились драгоценные северные меха.

Население Западной Сибири имело несомненные связи и с Восточной Европой. Походы Чингисхана, тюркский каганат, движение гуннов оказали отраженное влияние на этнические перемещения народов Сибири, на развитие их культуры, прежде всего их устной народной поэзии, где сказки занимают одно из центральных мест. Вместе с тем сказки народов Южной Сибири — алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов, — созданные в глубине веков, сохранили тесные связи с различными древними ритуалами и представлениями. Так, например, в давние времена алтайцы исполняли сказки только зимой — вечером или ночью. Дело в том, что они, как и другие тюркоязычные народы Сибири, считали, что в середине января мир распадается на старую и новую части. И вот для того чтобы противостоять зимней спячке, разгулу «нечистой» силы в трудную зимнюю пору и подготовиться к новой жизни, которая должна прийти с наступлением весны, люди и рассказывали сказки.

Со временем, с постепенной утратой этих представлений, алтайцы стали рассказывать сказки не только долгими зимними ночами, но и в любое другое время года, и не только с ритуальной, но и развлекательной целью.

Сказки народов Сибири были связаны и с почитанием «хозяина Алтая» — духа гор, которому дважды в год делали жертвоприношение. Хакаские, тувинские и шорские охотники верили, что сказки оказывают магическое влияние на хозяина гор: за хорошую сказку он может послать охотнику богатую добычу.

В процессе длительного бытования сказки народов Сибири отразили не только древнейшие представления. Каждая эпоха в истории этих народов оставила в них свой отпечаток, и внимательный читатель, прочитав эти сказки, словно побывает у них в гостях и обретет новых и очень интересных друзей.

Значительное место в книге занимают сказки народов Средней Азии и Казахстана, прежде входивших в Советский Союз, а теперь населяющих независимые государства — Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан.

Республики Средней Азии и Казахстан расположены на обширной территории, которая протянулась от берегов Волги и Каспийского моря на западе до Китая на востоке, от Западной Сибири на севере до Афганистана и Ирана на юге. На их территории проживает ряд народов — узбеки, казхи, таджики, туркмены, киргизы, каракалпаки, уйгуры, дунгане, корейцы, татары, русские, украинцы, белорусы, немцы. Более половины населения Средней Азии и Казахстана — узбеки, казахи, киргизы, каракалпаки, туркмены, уйгуры, татары и др. относится к тюркской группе алтайской семьи языков, то есть являются тюркоязычными. Другая значительная часть населения говорит на иранских языках — это прежде всего таджики, а также белуджи, курды, персы.

Средняя Азия и Казахстан — один из древнейших центров мировой цивилизации: ученые-археологи, историки, этнографы установили, что уже более пяти тысячелетий назад здесь, как и в странах древневосточной цивилизации Передней Азии, было орошаемое земледелие. Во 2-м тысячелетии до нашей эры — в эпоху бронзы — население Средней Азии и Казахстана было знакомо с ирригацией, а в середине 1-го тысячелетия до нашей эры здесь существовали могущественные государства, где процветали науки, искусство, литература.

На протяжении своей многовековой истории народы Средней Азии и Казахстана создали богатую и самобытную культуру, значительной и органической частью которой является устная народная поэзия — фольклор.

Одно из значительных мест в фольклоре и этих народов занимают сказки. Понятно, что в пределах одной книги невозможно представить все наиболее характерные типы сказок народов этого региона, но составитель книги старался отобрать самые выразительные образцы.

Как и в фольклоре других народов, здесь должны быть выделены сказки трех основных типов — животные, волшебные, бытовые.

Если сказки о животных имеют много общего со сказками ряда других народов (они сходны с анекдотами краткостью формы и выразительностью диалогов, в них центральными персонажами бывают, как правило, звери и животные, реже фигурируют и люди), то волшебные сказки отличает ряд специфических черт. Прежде всего это обусловлено многовековыми культурными связями народов Средней Азии и Казахстана, с одной стороны, между собою, а с другой — с мифологией и фольклором иранцев и арабов. Вот почему в сказках казахов, таджиков, киргизов, туркмен и других народов фигурируют очень похожие герои, совершающие сходные подвиги или просто поступки. Герою сказки нередко помогает сказочная птица Симург или птица Зумруд, он отправляется на поиски необыкновенной девушки-красавицы — пэри и вступает в борьбу с дэвами или драконами, которых, конечно же, обязательно побеждает.

Все эти персонажи пришли в узбекскую, туркменскую или казахскую сказку из персидской или арабской.

Одни из них, например пэри или дэвы, изменили свой облик, обрели некоторые специфические туркменские, казахские или таджикские черты, другие (птица Симург) сохранили и свой облик, и свою роль в сказочном действии.

Но определяющими в формировании своеобразия сказок народов Средней Азии и Казахстана стали собственные мифологические и сказочные традиции этих народов, их этические и эстетические представления. В них широко отразились быт, нравы, обычаи узбеков и казахов, таджиков и туркмен, дунган и уйгуров.

Дорогой друг, прочитав эту книгу, ты совершишь увлекательное путешествие к разным народам, таким не похожим между собою по своим историческим судьбам, языку, культуре, чертам характера и вместе с тем очень сходным в утверждении в жизни торжества правды, добра, справедливости на земле.

Доброго тебе пути!

А. И. Алиева

СТАРУШКА БАЙБЯРИКЯН С ПЯТЬЮ КОРОВАМИ

Якутская сказка

Пересказ С. Шуртакова

Жила-была маленькая старушка Байбярикан. Все ее богатство состояло из пяти дойных коров, и соседи ее так и звали: «Старушка Байбярикан с пятью коровами». Коровы поили ее молоком, давали ей масло и сметану. Тем старушка и жила.

Однажды летним утром пошла старушка Байбярикан в поле проведать своих коров. На поле она увидела необыкновенную хвощ-травинку с пятью отростками. Старушка Байбярикан бережно, не сломав ни одного отростка, не повредив ни одного корешка, выкопала хвощину, принесла в юрту и положила под одеяло на подушку.

Пришло время доить коров. Старушка Байбярикан вышла из юрты, взяла подойник. Но только первые струйки молока зазвенели о дно подойника — в юрте зазвенели колокольчики-бубенчики и раздался стук упавшего наперстка. Пролив молоко, старушка поспешила в юрту. Прибежала, посмотрела: все как было, все на своем месте — на подушке хвощинка лежит, трава травой.

Опять вышла старушка Байбярикан к своим коровам, опять взялась за подойник. И опять: только ударились о дно подойника первые струйки молока — зазвенели в юрте колокольчики-бубенчики, а следом раздался звон упавшей иголки. Кинулась старушка в юрту, опрокинув второпях подойник, открыла дверь, видит — лежит хвощинка на подушке, трава травой. «Что за диво? — думает старушка. — Раздаются какие-то звоны, словно бы лишь для того, чтобы я проливала молоко».

В третий раз принялась старушка Байбярикан доить своих коров. Снова зазвенели в юрте колокольчики-бубенчики и раздался стук упавших ножниц. Опрокинув в спешке подойник, вбежала старушка в дом и видит: сидит на постели девушка невиданной красоты — на белом лице драгоценными камнями глаза сияют, а брови над ними как два черных соболя.

Это хвощинка превратилась в такую девушку. Обрадовалась Байбярикан, обнимает ее, дочерью своей называет.

Стала девушка жить вместе с маленькой старушкой Байбярикан и ее пятью коровами. Ухаживала за коровами, помогала по дому. Долго они так жили.

Однажды молодой охотник Харжит-Берген отправился на охоту в тайгу.

Увидел он серую белку, прицелился в нее, выстрелил — не попал. Вскочила белка на елку, с елки на березу перепрыгнула, с березы — на лиственницу: лес велик, всяких деревьев в нем много. Целый день с раннего утра до заката солнца гнался Харжит-Берген за белкой, но сколько ни стрелял — все мимо. Дивился и досадовал на себя молодой охотник. Выходит, зря ему такое имя дали. Берген значит «меткий стрелок», а какой же он меткий, если обыкновенную белку подстрелить не может!

Доскакала белка до юрты старушки Байбярикан с пятью коровами и уселась на ближнюю сосну.

Подбежал Харжит-Берген к сосне и — уже в который раз! — выстрелил. Нет, опять не попал. Прошла стрела мимо и упала в дымовое отверстие юрты.

— Старуха, вынеси стрелу, отдай мне! — крикнул Харжит-Берген.

Никто ему стрелу не вынес, никто не ответил. Охотник крикнул еще раз, и опять никто на его крик не отозвался.

Рассердился, разгневался Харжит-Берген и сам вбежал в юрту.

Вбежал, увидел девушку и от ее неопишуемой красоты чувств лишился. А когда очнулся, ни слова не говоря, вихрем вылетел из юрты, сел на коня и поскакал домой.

— Мой отец, моя матушка! — еще с порога возгласил он. — У маленькой старушки Байбярикан с пятью коровами, оказывается, такая красивая, такая хорошая дочка. Уговорите старушку отдать ее мне в жены!

Отец Харжит-Бергена тут же послал гонцов на девяти конях за девушкой-красавицей.

Во весь опор помчались гонцы, летящих птиц догоняли и перегоняли. Прискакали к старушке Байбярикан с пятью коровами. Зашли в юрту, увидели девушку и тоже обмерли от ее красоты. А когда очнулись, самый старший и рассудительный спросил у хозяйки:

— Старушка Байбярикан, отдай свою дочку молодому Харжит-Бергену в жены!

— Почему бы не отдать, — ответила старушка, — отдам!

Спросили у девушки: пойдет ли она?

— Пойду, — сказала девушка.

— А какой выкуп дадите? — спросила старушка Байбярикан.

— Какой потребуешь, такой и будет.

— Хорошо. Тогда наполните мое чистое поле всяким скотом. И как только это будет сделано, можете забрать девушку.

Живо пригнали на поле старушки Байбярикан столько коров и лошадей, что поля не стало видно. После этого ловко и проворно одели и нарядили девушку. Привели Чубарую лошадь, которая понимала человеческую речь, и взнуздали ее серебряной уздой, оседлали серебряным седлом, а к седлу серебряную плетку привесили.

Харжит-Берген взял невесту за руку, вывел из юрты, на Чубарую лошадь посадил, домой повез.

Едут они краем тайги. Видит Харжит-Берген — лисица бежит. Взыграло его охотничье сердце, говорит он невесте:

— Поскачу я в тайгу за лисицей. А ты поезжай пока одна. Вскоре дорога разделится на две: одна пойдет на восток — там будет висеть соболья шкура, другая дорога идет на запад — там увидишь шкуру медведя. На западную дорогу не сворачивай. Поезжай той, где повешена на дереве соболья шкура. Я тебя скоро догоню.

Сказал так и ускакал.

Отправилась девушка дальше одна. Едет-едет, доехала до развилки. Доехала и позабыла, что ей наказывал Харжит-Берген, — повернула на ту дорогу, где висела медвежья шкура, и приехала к большой железной юрте.

Вышла из юрты дочь восьминогого абаасы[1], в железные одежды одетая, с одной-единственной крученой ногой, с одной-единственной крученой рукой, с одним, на середине лба, мутным глазом, с длинным черным языком, спускающимся на грудь.

Схватила она девушку, стащила с лошади. Весь красивый убор сняла с невесты, сама в него оделась и обличье ее приняла. Сделав так, села дочь абаасы на Чубарую лошадь и поехала на восток.

К якутской сказке «Старушка Байбярикян с пятью коровами».

Харжит-Берген догнал ее, когда она уже подъезжала к юрте его отца. Не догадался жених, что за невеста едет в ним рядом.

Много народу собралось встречать невесту. Девять молодцов стали с одной стороны коновязи, чтобы принять повод ее лошади. Восемь девушек стали с другой стороны, чтобы привязать тот повод к коновязи. А вышло так, что невеста сама привязала свою лошадь к обломанному сучку ивы, за который старуха скотница привязывала пестрого глупого бычка. Огорчило это встречавших юношей и девушек, хоть они и не подали виду. Да в конце концов и надо ли придавать большое значение тому, куда невеста привязала лошадь? Все ждали, что будет дальше.

Девушки между собой говорили:

— Вот вымолвит невеста слово — красные бусинки посыплются на землю. Подбирать да нанизывать их будем.

Для этого они и нитки припасли.

Молодцы думали:

«Где ступит невеста — там по ее следу соболи побегут. Стрелять их будем».

Для этого и стрелы приготовили.

А невеста слово вымолвила — лягушки посыпались, невеста шагнула — облезлые горностаи побежали.

Тут уж и все встречающие опечалились, огорчились.

От коновязи до юрты настлали зеленой травы. Взяли невесту за руку, в юрту повели. Вошла она в юрту, разожгла, по обычаю, тремя верхушками молодых листовниц огонь в очаге. После этого начался свадебный пир.

Пили, ели, веселились. Ни жених, ни кто другой о подмене невесты не догадался.

А старушка Байбярикан вскоре после свадьбы пошла как-то на поле своих коров проведать. Пришла, видит — на знакомом месте снова выросла хвощ-трава о пяти отростках, лучше прежней. Выкопала ее старушка вместе с корнем, бережно в юрту принесла, завернула в одеяло, на подушку положила.

Пришло время доить коров. Взяла старушка подойник, вышла из юрты. Только зазвенел под молоком подойник — в юрте колокольчики-бубенчики зазвенели, ножницы со стуком на пол упали. Вбежала старушка в юрту — сидит на постели та же девушка-красавица, только еще красивей прежней.

— Как ты пришла, как здесь очутилась, дочка? — спросила Байбярикан.

— Мама, — ответила девушка, — когда Харжит-Берген повез меня из дому и увидел на опушке леса лисицу, он сказал мне: «Я поскачу в лес за лисицей, а ты поезжай по дороге, где повешена соболья шкура; на ту дорогу, где повешена медвежья шкура, не сворачивай». Забыла я его наказ, не той дорогой поехала и доехала до железной юрты. Из нее вышла дочь восьминоного абаасы, стащила меня с лошади. Весь мой убор-наряд с меня сорвала, сама в него нарядилась и мое обличье приняла. Потом села верхом на мою лошадь и поехала. Серые злые собаки схватили меня и, бездыханную, бросили в широком поле. Тут я и выросла снова хвощ-травой. Как мне теперь найти-увидеть Харжит-Бергена?

Старушка Байбярикан утешать девушку стала.

— Увидишь, встретишь, — сказала она. — А пока живи у меня любимой дочерью, как и раньше жила.

И стала девушка-хвощинка снова жить у маленькой старушки Байбярикан с пятью коровами.

Чубарая лошадь, как только узнала, что ее хозяйка ожила, пожаловалась отцу Харжит-Бергена.

— Слушай, что я тебе скажу, господин, — проговорила она. — Дочь восьминоного абаасы погубила мою хозяйку! Когда твой сын Харжит-Берген оставил невесту одну, доехала она до развилки, свернула на ту запретную дорогу, где висит медвежья шкура, и приехала к железной юрте. Из юрты выскочила дочь абаасы. Стащила с невесты весь праздничный убор-наряд и нарядилась в него сама и ее обличье приняла. И живет теперь дочь абаасы в твоей юрте, твоей невесткой стала, а моя хозяйка снова ожила, снова стала дочерью старушки Байбярикан. Возьмите ее, приведите в юрту, отдайте сыну, а не то дочь абаасы очаг ваш разрушит, погубит вас всех!

Выслушал старик слова Чубарой лошади, за голову схватился, стремглав в юрту вбежал.

Увидела его дочь абаасы. Должно быть, догадалась — почернела вся.

— Сын! — спросил старик Харжит-Бергена. — Откуда ты привез свою жену?

— Я привез дочь маленькой старушки Байбярикан с пятью коровами! — ответил Харжит-Берген.

— Какой масти была лошадь, на которой ты ее вез?

— Лошадь была Чубарая, понимающая человеческую речь.

— Так вот, Чубарая лошадь сказала мне, что когда ты оставил невесту одну и она доехала до развилки, то свернула на ту дорогу, где висит медвежья шкура. Приехала она к железной юрте. Из юрты выскочила дочь восьминогого абаасы, стащила с невесты весь праздничный наряд, сама в него нарядилась и ее обличье приняла. Так, обманом, к нам и приехала. Вот почему она лошадь не к разукрашенной коновязи, а к старой, корявой иве привязала... Ступай, сын, к старушке Байбярикан, упроси-умоли девушку вернуться к нам. Приведи ее во что бы то ни стало. А дочь восьминогого абаасы, как велит Чубарая лошадь, привяжи к хвосту дикого коня и выгони его в поле — пусть он разметет там ее кости. А не то погубит она всех нас — и людей, и скотину!

Услыхал это Харжит-Берген, устыдился и разгневался. Схватил коварную дочь абаасы, выволок из-за занавески, привязал к хвосту дикого коня. Умчал ее конь в широкое поле.

А потом Харжит-Берген поскакал к старушке Байбярикан с пятью коровами. Соскочил с коня, еще не доехав до коновязи, — так торопился. Увидела его старушка Байбярикан, выбежала навстречу, обрадовалась, как потерявшемуся, который нашелся, как умершему, который ожил. От коновязи до юрты постлала зеленой травы, на радостях лучшую свою корову заколола.

А девушка подошла к Харжит-Бергену, взглянула на него, заплакала:

— Зачем ты пришел ко мне? Ты дал дочери восьминогого абаасы пролить мою алую кровь, кинул меня на растерзание свирепым псам... После этого какую ты теперь жену ищешь здесь? Девушек больше, чем окуней. Ищи жену среди них. А как я могу пойти за тебя?

— Не отдавал я тебя дочери восьминогого абаасы, — сказал Харжит-Берген, — не отдавал на растерзание свирепым псам! Ты же знаешь, погнался я за лисицей, а тебе дорогу указал. Но ведь я тебе не говорил: «Ступай навстречу гибели!»

Старушка Байбярикан, глядя на молодых, прослезилась от счастья, потом смахнула слезы с обоих глаз на обе стороны, между девушкой и Харжит-Бергеном села:

— Что же это вы — отыскались, увиделись и не радуетесь? Скажу вам: опять любите друг друга, живите в дружбе. И пусть никто из вас моих слов не ослушается!

Девушка тихо сказала:

— Хорошо, не ослушаюсь тебя. Все старое забуду.

А Харжит-Берген вскочил, запрыгал от радости, заплясал, стал девушку обнимать-целовать. Начали они играть и никак не могли наиграться, стали разговаривать и никак не могли наговориться.

А потом Чубарую лошадь оседлали серебряным седлом, взнуздали серебряной уздой, покрыли серебряной попоной, навесили серебряные переметные сумы, пристегнули у седла серебряную плетку. Девушку одели-нарядили, в путь-дорогу снарядили.

Долго ли, коротко ли молодые ехали, к юрте отца Харжит-Бергена приехали.

Все родные, все девять братьев Харжит-Бергена вышли встречать невесту.

От коновязи до юрты устлали дорогу зеленой травой.

«Приедет невеста, — подумали молодцы, — ступит на землю, и по ее следам побегут соболи».

Готовили они стрелы для этого и так старательно работали, что с больших пальцев кожа сошла, а от долгого прицеливания глаза скосились на сторону.

Восемь девушек-сестер нитки сучили так, что с ладоней кожа сошла. Ждали невесту, думали: «Как

явится на жениховом дворе да звонко заговорит — посыплются изо рта ее дорогие красные бусинки».

Приехал Харжит-Берген с невестой. Девушки приняли поводья их коней и привязали у коновязи. Приняли невесту на руки, спустили на землю.

Заговорила невеста — словно колокольчики-бубенчики зазвенели, посыпались красные бусинки.

Принялись девушки собирать их да на нитки нанизывать. Пошла невеста к юрте — соболи побежали по ее следам. Стали молодцы стрелять соболей.

Вошла невеста в дом, растопила очаг тремя верхушками молодых лиственниц — запылал ярко огонь и все в юрте, как солнцем, осветил.

Натянули вокруг дома ремень с девятью изгибами, привязали к нему девяносто чубарых жеребят. На правой стороне двора воткнули девять столбов и привязали к ним девять белых жеребцов. Девять белых шаманов пригласили. На левой стороне поставили восемь столбов и привязали к ним восемь быков из восьми стад.

Начали играть свадьбу. Съехались-собрались на нее гости из всех племен, из всех улусов^[2]. Целую неделю ели, пили, веселились. Были тут певицы, были тут плясуны, были тут певцы-олонхóсуты^[3], были тут борцы, были тут бегуны и прыгуны...

Кончился пир, разъехались гости.

А Харжит-Берген с женой-хвощинкой стали жить-поживать да добра наживать. Долго жили. Говорят, внуки их до нынешнего дня живут.

ТРИ СЫНА БЕДНЯКА

Казахская сказка

Перевод Н. Анова

Жил на свете бедняк. Было у него три сына. Старшего звали Ашкэн, среднего — Мошкэн, а младшего — Жумагельды. Отличались они большой силой и были очень похожи друг на друга.

Отдал отец сыновей в школу. С нетерпением ждал, когда они выучатся, вырастут и станут ему помощниками.

Заметил как-то он, что сыновья, уходя утром в школу, а вечером возвращаясь домой, стали с ним здороваться. Раньше никогда этого не было.

Призадумался бедняк:

«Поглупели они, что ли, от учения? Или недоброе задумали?»

И сказал он сыновьям:

— Дети! Не к добру такая вежливость для простых людей. Не надо так делать.

Но сыновья не обратили никакого внимания на его слова.

Позвал тогда бедняк друзей и поведал им свою печаль.

Друзья сказали:

— Ни к чему тебе с ними жить. Пусть уходят куда хотят.

Послушал бедняк совета друзей. Собрал он сыновей, дал им полный мешок провизии и проводил со двора.

Дошли сыновья до большой дороги. Оглянулись и видят, что за ними бежит отец и руками машет.

Старший сын Ашкен говорит:

— Подождем отца. Он просит нас остановиться. Средний сын Мошкен сказал:

— Не надо. Раз он нас выгнал, нечего надеяться, что позовет обратно.

Младший сын Жумагельды поддержал старшего брата:

— Послушаем все же, что скажет отец.

«При двух голосах — третий молчит» — говорит пословица. Подчинился Мошкен братьям. Остановились они и подождали отца.

— Желаю вам, дорогие дети, счастливого пути, — сказал бедняк. — На прощание хочу дать несколько советов. Встретится вам в пути дремучий лес с болотами и камышами — не останавливайтесь и не ночуйте в нем. попадется одинокая могила — не отдыхайте возле нее. Встретится большое кладбище — не делайте там привала.

Попрощался бедняк с сыновьями. Пошли они дальше своею дорогой.

Однажды в полдень добрели усталые братья до дремучего леса с болотами и камышами.

Вспомнил тут Ашкен:

— Отец наказывал не останавливаться в таком месте!

Решили путники поторопиться, чтобы пройти лес до наступления темноты и заночевать в степи.

Долго шли они. А лесу конца-краю не видно. Наступил вечер.

Выбились братья из последних сил и говорят между собой:

— Чему быть — того не миновать. Давайте заночуем здесь. Иначе заблудимся и пропадем.

Устроили они привал. Мошкен и Жумагельды легли спать, а Ашкен стал их караулить.

Не спит он. Зорко посматривает вокруг. Охраняет сон братьев.

Прошла полночь. Вдруг зашумел ветер, нагнал черные тучи. Спрятался месяц. Темно стало, хоть глаза выколи. Поднялась сильная буря. Страшно загудел дремучий лес.

Вдруг какое-то чудовище накинулось на Ашкена. Не растерялся старший брат, вступил с ним в борьбу. До утренней зари боролся и победил чудовище.

Смотрит: лежит перед ним огромная Желтая семиглавая птица.

Отсек он ей все головы, а из спины вырезал узкую полосу в четыреста пядей^[4]. Отшвырнул Ашкен подальше труп Желтой птицы, а срезанную шкуру положил в карман. После этого улегся он около братьев и крепко уснул.

Утром пошли они дальше. Мошкен и Жумагельды не спросили Ашкена, как прошла ночь, и он им ничего не сказал.

Под вечер подошли путники к одинокой могиле. Не выполнили они наказ отца и остались ночевать возле нее. Охранять сон братьев теперь должен был Мошкен.

Вот стоит он на карауле и думает:

«Почему отец не велел устраивать привала около одинокой могилы? Хорошо бы разузнать, в чем тут дело».

Подошел батыр^[5] поближе и видит: лежит на могиле камень и словно светится изнутри, как прозрачный.

Поднял Мошкен камень. Под ним оказалась дверь. Открыл он ее и очутился в помещении, наполненном золотом.

Заглянул батыр в соседнее помещение и увидел спящего Семиглавого дракона. Проснулся дракон и накинулся на Мошкена. Долго они боролись. Одолеп Мошкен дракона, повалил его на землю и отрубил шесть голов.

Взмолилась тут седьмая голова:

— Не убивай меня, батыр! Лучше возьми мои сокровища.

Дал дракон Мошкену связку ключей. Осмотрел батыр помещения. Увидел много кладовых, а в каждой золото, серебро и драгоценные камни.

Тогда Мошкен отрубил последнюю голову дракону, положил ключи в карман и выбрался из могилы.

Прилег около братьев и уснул.

Утром пошли путники дальше. Ашкен и Жумагельды не спросили Мошкена, как прошла ночь. Он им тоже ничего не сказал.

Вечером подошли братья к громадному кладбищу и сделали привал. Охранять сон наступила очередь младшего брата. Встал на караул Жумагельды. Вот стоит он и думает:

«Что есть там, на кладбище? Почему отец наказывал не делать здесь привала?»

Не вытерпел Жумагельды, решил посмотреть. Едет он и слышит — раздается из-под земли шум. Притаился Жумагельды. Чей-то грубый голос приказывает:

— Нас всех шестьдесят, и для нас надо приготовить шестьдесят блюд мяса.

Не удержался Жумагельды и крикнул:

— И мне приготовьте одно блюдо!

Не успел он оглянуться, как неведомо откуда выскочил джигит, взял его за руку и повел под землю.

Очутился Жумагельды в огромной пещере. Смотрит — за накрытыми столами сидят шестьдесят великанов. Стал Жумагельды прислушиваться к разговору и узнал, зачем они собрались.

У хана была красивая дочь. Хан пообещал выдать ее замуж за самого сильного батыра. Вот великаны и решили устроить борьбу, чтобы узнать, кому можно жениться на красавице.

Жумагельды первому подали блюдо с мясом. Оно было такое огромное, что его с трудом несли пятеро слуг.

Не успели слуги отойти, как Жумагельды разом проглотил все кушанье и вернул пустое блюдо.

Переглянулись между собой великаны, а слуги принесли второе блюдо, еще больше. Жумагельды быстро опустошил и его.

Встревожились великаны.

Притащили слуги третье блюдо. Жумагельды и третье съел. Так он один и уничтожил шестьдесят одно блюдо мяса. Великанам ничего не осталось.

Тогда отправили они слугу к хану. Просят прислать для нового угощения шестьдесят одну жирную лошадь.

Пока великаны заботились о пище, Жумагельды стал их по одному вызывать в соседнюю комнату. Великаны покорно шли. Они видели, как он в один присест съел шестьдесят одно блюдо мяса, и считали его сильнейшим из сильных.

Жумагельды поодиночке отрубил им всем головы, а затем отрезал от каждой головы по одному уху. Завернул он уши в платок, положил в карман и выбрался на поверхность земли.

Подошел он к братьям, прилег и заснул.

Утром Жумагельды ничего не сказал Ашкену и Мошкену о ночном приключении, но повел их той дорогой, по которой ночью вышел из подземелья.

Добрались братья до большого города. Идут они по улице и замечают большой переполох.

— Что случилось? — спрашивает Ашкен.

Отвечают ему прохожие:

— В нашем ханстве было шестьдесят великанов. Каждый день они съедали по шестьдесят лошадей и шестьдесят баранов. Народу трудно было кормить этих обжор. Но сегодня ночью неведомый батыр — да

будет благословенно его имя! — убил всех великанов, отрезал у них по одному уху и унес с собой. Хан ищет батыра, освободившего страну от обжор. Он пообещал отдать ему в жены свою дочь и уступить трон.

Жумагельды и виду не подал, что причастен к этому делу.

Поселились братья в лачуге бедной старухи и легли отдыхать.

Ханские слуги долго искали храбреца, убившего великанов, но никак не могли его обнаружить.

Нашлись в городе хитрые люди, пожелавшие получить награду от хана. Отрезали они уши мирным жителям, приходили во дворец и заявляли, что это они освободили город от великанов-обжор. Но как только хитрецы показывали отрубленные уши, обман сразу раскрывался: у великанов уши были громадные, а они приносили самые обыкновенные.

Тогда устроил хан пир и пригласил на него все население города. Стали искать батыра-победителя среди гостей и тоже не нашли.

— Может быть, не все еще явились? — спрашивает хан.

Отвечают ему придворные:

— Явились все, кроме трех неведомых пришельцев, остановившихся у бедной старухи.

— Привести их немедленно на пир! — приказал хан.

Пришел его посланец к братьям и говорит:

— Хан велел привести вас на пир! Отвечают братья:

— Устали мы с дороги. Не можем прийти.

Узнал хан об отказе братьев, разгневался и послал за ними своего визиря^[6]. Строго-настрого приказал ему не возвращаться без троих пришельцев.

Приходит визирь к братьям. Передает им приказ хана.

Говорят братья:

— Если есть у хана дело к нам, пусть сам сюда придет.

Растерялся визирь от таких грубых слов, побежал к хану и рассказал, как приняли его три неведомых пришельца.

«Должно быть, эти храбрецы и уничтожили великанов!» — решил про себя хан.

Отправился он сам к братьям и пригласил их в свой дворец.

Угощает хан братьев и спрашивает:

— Откуда, батыры, идете? Каким искусством можете похвастать? Слышали ли вы что-нибудь о гибели шестидесяти великанов?

Положил тут Ашкен полосу из шкуры Желтой птицы, Мошкен — связку ключей от сокровищ Семиглавого дракона, а Жумагельды — шестьдесят ушей великанов.

— Сто лет прошло с тех пор, как началась борьба между Желтой птицей и Семиглавым драконом из-за золота, зарытого в одинокой могиле. Наконец-то они погибли!

На следующий день хан снова устроил пир. Приказал он зарезать шестьдесят быстрых и семьдесят необъезженных лошадей. Собрал всех своих подданных и объявил, что отдает свою дочь за Жумагельды и ему уступает свой трон.

Но Жумагельды ответил:

— Хан! Не могу я принять твой трон и взять твою дочь. Нельзя мне жениться раньше старшего брата. Отдай свой трон и дочь Ашкену.

Пришлось хану согласиться. Ашкен женился на ханской дочери и стал управлять страной, а Мошкен и Жумагельды отправились дальше.

Прощаясь с братьями, Ашкен сказал:

— Совершили мы вместе большой путь, а я так и не знаю, какими способностями каждый из вас обладает.

Ответил Мошкен:

— Я могу в один миг проглотить целое море. Сказал Жумагельды:

— Моя душа находится в моем кинжале величиной в сорок обхватов. Когда он при мне, бросай меня хоть в огонь — я останусь невредим.

— Ну, идите, — напутствовал их Ашкен. — О вашем благополучии я буду узнавать по небесным звездам.

* * *

Целый год идут Мошкен и Жумагельды. Приходят они в большой город и заходят в крайнюю лачужку. Сидит в ней старуха и горько плачет.

Спрашивают братья:

— Что случилось, бабушка? Почему ты плачешь?

— Как же мне не плакать? — отвечает старуха. — Вчера потеряла я свою единственную дочь.

— От какой болезни она умерла?

— Да она и не болела никогда! — говорит старуха и объясняет: — Вот уже два года, как в нашей стране бесчинствует страшная змея. Каждый день она съедает по одной девушке и по одному барану.

Вчера дошла очередь до моей дочки, а сегодня змея должна проглотить дочь нашего хана.

— Не плачь, бабушка! — сказали братья. — Мы будем тебе сыновьями.

Обрадовалась старуха, накормила гостей и уложила их спать.

Братья отдохнули и стали расспрашивать у старухи, куда приходит за своими жертвами змея. Старуха указала им юрту, одиноко стоящую за городом.

Пошли братья к юрте и советуются, кому первому идти на бой со змеей.

Говорит Мошкен:

— Я старше тебя. Мне надо идти.

Но Жумагельды упросил брата уступить ему первую очередь.

Вот входит он в юрту и видит: сидит на кошме девушка-красавица и горько плачет. А рядом с ней привязан большой баран.

Увидела девушка Жумагельды и спрашивает:

— Зачем ты пришел сюда, батыр? Разве не знаешь, какая опасность тебе угрожает?

Но Жумагельды выкопал у дверей юрты яму и улегся в нее, а девушке сказал:

— Если я усну, возьми горсть земли и брось в меня. Тогда я сразу проснусь.

Уснул Жумагельды, а девушка караулит его и дрожит от страха.

Прошло немного времени, и вдруг поднялся страшный ветер, полил сильный дождь. Видит девушка: сквозь ливень приближается к ней чудовищная змея.

Испугалась девушка, заметалась по юрте. Будит она Жумагельды, а тот храпит как ни в чем не бывало. Что делать? Схватила она нож и ударила Жумагельды по ноге. А он даже не заметил — словно комар укусил.

Вспомнила наконец девушка, какой наказ ей дал батыр. Схватила она горсть земли и бросила в Жумагельды.

Мигом вскочил он на ноги и вынул кинжал. Змея разинула пасть и проглотила батыра. Но Жумагельды изнутри проткнул тело чудовища кинжалом. Продвигаясь от головы к хвосту, он распорол змею во всю длину и вылез на свободу. Чудовище сразу же издохло.

Упала тут девушка на колени перед батыром и стала благодарить за спасение. Хотела она отвести его к хану и схватила за одежду. Но Жумагельды вырвался и убежал. Край его чапана^[7] все же остался в руках красавицы.

Отвязала девушка барана и побежала домой.

Увидели ее ханские слуги и докладывают отцу:

— Радуйся, повелитель! Жива твоя дочь.

Не поверил хан своим ушам. Но тут вбежала дочь и бросилась отцу на грудь. Заплакал хан от радости. Обнял ее и спрашивает, как удалось ей спастись от змеи-чудовища.

Ответила ему дочь:

— Пришел молодой батыр, убил змею и спас меня.

— Где же этот храбрец?

— Он убежал.

— Почему же ты отпустила его?

— Я не хотела отпускать, но он вырвался.

И девушка показала отцу оторванный край чапана.

На следующий день хан устроил богатый пир для всего народа. Он объявил, что выдаст замуж свою дочь за батыра, убившего чудовище-змею.

А по городу уже распространился слух, что спаситель ханской дочери оставил в ее руках край своей одежды.

Нашлись хитрые люди, которые приходили во дворец с оторванной полкой чапана и уверяли, что змею убили они. Но напрасно портили хитрецы одежду свою. Ханская дочь доставала кусок чапана и сразу обнаруживала обман.

Когда собрался весь народ, хан спросил:

— Все ли пришли на пир?

Придворные ответили:

— Все, кроме приемных сыновей бедной старухи.

— Пойдите к ним и пригласите их! — велел хан. Пришли братья во дворец. Как только увидела ханская дочь Жумагельды, бросилась она к нему и воскликнула:

— Вот мой спаситель!

Примерила девушка кусок оторванной одежды к чапану Жумагельды, и он подошел в точности.

Сказал тогда хан:

— Я отдаю тебе, батыр, свою дочь и свой трон! Но Жумагельды ответил:

— Не могу я жениться раньше старшего брата. Отдай свой трон и свою дочь моему брату Мошкену.

Хан согласился.

Погулял Жумагельды на свадьбе брата, отдохнул несколько дней и отправился в дальнейший путь один.

Долго шел он, пока добрался до большого города, расположенного на берегу моря. В море, на острове, стоял красивый Белый дворец.

Зашел Жумагельды в бедную лачужку на окраине города. Видит: сидит в ней старуха и вытирает слезы.

— О чем плачешь, бабушка? — спрашивает Жумагельды, а сам думает: «Куда ни зайду, всюду сидят старухи и плачут. Не к добру это!»

Отвечает ему женщина:

— Видишь на море Белый дворец с башнями? В нем живут три великана. Есть у них сестра-красавица. Наш хан захотел жениться на ней, но братья не отдали ее. Сейчас идет бой. Великаны перебили все ханское войско. Вчера убили моего единственного сына, служившего у хана. Вот почему я плачу.

Успокоил Жумагельды старуху:

— Не горюй, бабушка, я буду тебе сыном.

Лег он отдыхать, а на другое утро стал расспрашивать старуху, как добраться к Белому дворцу.

Нашел Жумагельды тропинку. Обогнул море и подошел к Белому дворцу.

Приготовил он кинжал и закричал громким голосом:

— Эй, кто там во дворце?! Выходи!

Услышали великаны его голос. Старший брат приказал младшему:

— Иди, убей крикуна и притащи сюда. Съедем его!

Вышел великан из дворца. Жумагельды взмахнул кинжалом, снял ему голову, а труп оттащил в сторону.

Рассердился старший брат, что младший задерживается. Посылает среднего брата:

— Посмотри, что он там делает.

Вышел второй великан. Жумагельды ему тоже голову отрубил. Подождал старший брат. Думает: «Должно быть, они едят крикуна без меня!»

Выбежал он во двор. Жумагельды ловким ударом отсек голову и третьему великану.

Входит батыр в Белый дворец. Встречает его тут девушка такой красоты, что Жумагельды сразу упал без чувств.

А девушка выбежала во двор и увидела своих обезглавленных братьев. Вынула она кинжал из ножен, вернулась во дворец и хотела убить лежавшего без чувств батыра. Но взглянула она на его красивое молодое лицо и пожалела. Принесла девушка кувшин холодной воды, освежила Жумагельды и привела его в чувство.

Затем они вместе похоронили ее братьев-великанов, а через некоторое время Жумагельды женился на красавице.

Стали они жить вдвоем в Белом дворце. Жумагельды на охоту стал ездить, а жена его хозяйством домашним заниматься. И совсем не чуяли они, что к ним беда приближается.

Хан, который давно хотел жениться на сестре великанов и вел с ними войну, поручил колдунье за большую награду доставить ему девушку. Заказала колдунья золотую лодку, поставила в нее золотой сундук, а в сундуке расстелила мягкую постель. Села старуха в лодку, подплыла к Белому дворцу, лодку спрятала, а сама легла у дороги и притворилась умирающей. Тут ее и увидел Жумагельды, возвращавшийся с охоты.

Подъехал к ней батыр и спрашивает:

— Ты что тут лежишь, бабушка?

Отвечает ему колдунья:

— Я несчастная одинокая женщина. Наш город разгромил враг. У меня нет крова. Я лежу и жду, когда придет ко мне смерть.

Сказал тогда Жумагельды:

— Пойдем со мной, бабушка. Я дам тебе приют. Будешь у меня жить.

Посадил он старуху на своего коня и повез во дворец.

Увидела жена колдунью и говорит:

— Чует мое сердце, не будет нам от этой старухи добра. Отвези ее обратно.

Послушался Жумагельды. Отвез старуху на прежнее место. Но колдунья через день сама пришла во дворец, заливаясь слезами, просит, чтоб ее не выгоняли.

Сжалились хозяева, оставили старуху. Стала колдунья править домашнюю работу и вскоре сделалась своим человеком во дворце.

Вот говорит однажды старуха жене Жумагельды:

— Ты такая молодая и красивая, и не с кем тебе повеселиться. Муж твой уезжает на охоту, а тебя одну оставляет. Попроси своего мужа, чтобы он тебе хотя бы свою душу оставлял для развлечения.

Удивилась женщина:

— Что ты говоришь, бабушка? Разве человек может свою душу оставить? Как же он будет жить без души?

Объясняет старуха:

— Твой муж — батыр. А у батыров душа всегда живет отдельно от тела. Попроси его хорошенько, он оставит.

Утром пришел Жумагельды завтракать. Замечает он: жена ничего не ест и не пьет. Горькие слезы из глаз ручьями льются.

— Что с тобой? — спрашивает Жумагельды. — Отчего ты плачешь?

Отвечает ему жена:

— Ты всегда на охоте, а я сижу одна. Мне скучно. Оставь дома свою душу. Мне будет с ней веселее.

— Хорошо, — сказал Жумагельды, — вечером поговорим о моей душе.

Наступил вечер. Пристала жена к мужу:

— Скажи, где твоя душа?

Долго не хотел говорить Жумагельды, наконец сказал:

— Моя душа за косяком двери.

А колдунья подслушала этот разговор. Встала она чуть свет и изрубила топором косяк двери. Думала колдунья, что она покончила с батыром. Но Жумагельды утром встал, как всегда, здоровый и невредимый. Отправился он на охоту, а старуха спрашивает жену:

— Ну как, красавица, оставил тебе муж душу? Где она?

Молчит женщина.

— Значит, не любит он тебя, если обманул, — сказала старуха.

Вернулся вечером Жумагельды с охоты. Снова плачет его жена.

Спрашивает муж:

— О чем плачешь, дорогая?

— Ты скрываешь от меня, где твоя душа находится.

— Ладно, позже скажу, — успокоил ее Жумагельды.

Когда улеглись спать, батыр сказал жене:

— Душа моя в веревке, пришитой к тундуку [\[8\]](#) юрты.

Подслушала колдунья его слова. Встала она ночью и разрежала на мелкие кусочки все веревки, пришитые к тундуку.

Но утром опять увидела колдунья батыра здоровым и сильным.

Уехал Жумагельды на охоту. Снова подступила старуха к его жене:

— Муж тебя обманывает, красавица. Если любит, то скажет, где его душа. Спроси еще раз.

Приехал батыр домой, а жена опять слезы льет:

— Ты скрываешь от меня свою душу. Я сержусь на тебя!

Сказал тогда Жумагельды:

— Перестань плакать. Я скажу, где моя душа. Она находится в моем кинжале размером в сорок обхватов. Но я не могу его тебе оставить. В нем вся моя сила и жизнь. Я с ним никогда не расстаюсь.

Услышала колдунья слова Жумагельды и стала думать, как отнять у батыра кинжал.

Побежала она в город, накупила много вина, сварила оленьего мяса и подала его на ужин.

Выпили хозяева хмельного и крепко уснули.

Раздела старуха батыра и увидела на нем кинжал в сорок обхватов. Едва дотащила колдунья кинжал до берега. Бросила она его в море, вернулась домой и легла спать.

Утром приготовила старуха пищу, разбудила хозяйку и говорит:

— Поднимай, красавица, хозяина. Кушать пора! Стала жена будить мужа и увидела, что он умер. Упала женщина без чувств. Семь дней и семь ночей не поднималась с постели. Только на восьмой день пришла в себя.

Долго горевала молодая вдова и не находила себе покоя.

Вот старуха однажды говорит:

— Жумагельды мне тоже был как сын родной. Я тоже поплакала. Но разве слезами горю поможешь, красавица? Все равно теперь не вернешь мужа. Пойдем к морю погуляем.

Уговорила она молодую женщину. Пошли они на берег, где золотая лодка находилась. Открыла старуха золотой сундук. Пригласила красавицу прилечь отдохнуть на пуховую постель.

Легла вдова Жумагельды, а старуха в один миг захлопнула крышку сундука.

Отвезла она пленницу в город и отдала хану.

Тут только поняла молодая вдова, что старуха была злой колдуньей.

Обрадовался хан, когда узнал, что красавица находится у него во дворце. Послал он к ней своего главного визиря. Сказал визирь:

— Хан хочет жениться на тебе!

Ответила ему вдова Жумагельды:

— Не могу я сейчас выйти замуж. У меня большое горе. Пусть хан устроит игры на тридцать дней, а потом пир на сорок дней. Может быть, тогда я забуду свое горе. — И еще добавила она: — Пусть хан поставит мне отдельную юрту и не заглядывает в нее, пока я его не позову.

Исполнил хан просьбу пленницы. Поставил ей отдельную юрту и приказал начать игры.

Знала она, что у ее мужа есть два брата. Смотрела она на звезды и просила их передать весточку братьям о смерти Жумагельды...

Однажды Ашкен прогуливался ночью со своими визирями около дворца. Вдруг он заметил, что с одной звезды капает кровь.

— Беда случилась с одним из моих братьев! — сказал он и велел приготовить ему одежду батыра, броню, лук и стрелы.

Отобрал Ашкен сто лучших воинов, каждому дал по два тулпара^[9], взял запас пищи на шесть месяцев и тронулся в поход.

Как ветер помчались тулпары по степи.

Приезжает Ашкен в большой город. Узнает, что в нем живет хан. Направился батыр во дворец. Встречает его у ворот главный визирь и глазам своим не верит. Сидит на коне двойник хана. Только одежда на госте другая.

Попросил визирь подождать приезжих, а сам поспешил к хану. Говорит ему:

— Хан! Приехал батыр, так похожий на тебя, как одна капля дождя похожа на другую. Я прибежал убедиться своими глазами, что ты сидишь в своих покоях.

— Надо незаметно узнать, что это за гость, — сказал хан, — откуда и куда он едет.

Пошел визирь выполнять повеление хана. Стал расспрашивать воинов, как зовут их предводителя. Узнал, что имя ему — Ашкен. Приходит визирь к своему хану и сообщает ему.

Обрадовался хан:

— Это приехал мой старший брат! Пригласи его немедленно. Скажи, брат Мошкен с нетерпением ждет его!

Радостно встретились братья. Поговорили они, и сказал Ашкен:

— Вижу я, что ты жив и здоров. Значит, беда случилась с Жумагельды. Завтра поедем искать его.

Мошкен быстро собрал свое войско, и утром братья выехали в поход.

Долго ехали они, пока добрались до большого города, стоящего на берегу моря. Увидели братья на острове Белый дворец с башнями. Захотели они проехать к нему. Послал Ашкен своего джигита в крайнюю лачужку расспросить дорогу. А это была как раз та самая лачужка, в которой останавливался Жумагельды.

Вошел джигит и видит плачущую старуху.

Спрашивает он ее:

— Какое горе у тебя, бабушка?

Отвечает старуха:

— Потеряла я одного сына мертвым, а другого — живым.

Рассказала старуха, как погиб ее единственный сын в ханском войске в бою с великанами и как ушел Жумагельды в Белый дворец и не вернулся.

И еще рассказала старуха, что красавицу, сестру великанов, жившую в Белом дворце, недавно привезли к хану. Хан хочет на ней жениться и сейчас проводит время в играх и веселье.

Сообщил джигит Ашкену, что узнал от старухи. Направились братья к Белому дворцу, а подойти к нему не могут. Море им путь преградило.

Но Мошкен поднатужился и разом проглотил всю морскую воду.

Подъехали братья к Белому дворцу. Видят: дно в одном месте словно полосатое.

— Это следы кинжала Жумагельды! — догадались братья.

Стали они искать по следам, никак не могут найти кинжал.

— Наверно, занесло его илом и песком, — сказал Ашкен.

Выпустил Мошкен снова воду в море. А потом собрал все силы и снова глотнул.

На этот раз замутилась вода в море, и вместе с водой набрал Мошкен в рот верхний слой морского дна. Заблестел на солнце кинжал. Подняли его братья и пошли искать тело Жумагельды.

Нашли они мертвое тело возле старой заброшенной лачужки.

Положили братья кинжал на грудь покойнику. Открыл Жумагельды глаза, потянулся и сказал:

— Крепко же я уснул!

Поднялся он, узнал своих братьев и обрадовался неожиданной встрече.

Рассказали ему братья, что он не спал, а был мертв.

Увидел Жумагельды пустой дворец, выпитое море и только тогда поверил словам братьев.

Узнал он, что его жена находится в городе у хана, и страшно разгневался.

Пошел батыр в город, побил все ханское войско, а хана и визирей повесил.

Зашел Жумагельды в юрту к своей жене. Увидела его красавица и от радости упала без чувств. Когда же пришла она в себя, рассказала мужу про козни злой колдуньи.

Жумагельды приказал привести старуху и тоже повесить.

После этого он, подобно своим братьям, тоже стал ханом богатой страны.

Послал он одного из своих визирей за отцом, а другого за сокровищами Семиглавого дракона, зарытыми в одинокой могиле.

Вернулся первый визирь и привез отца-бедняка.

Вернулся второй визирь и привез много золота и драгоценных камней.

После этого все три брата счастливо прожили до глубокой старости.

ОСКЮС-ООЛ И ЗОЛОТАЯ ЦАРЕВНА

Тувинская сказка

Пересказ М. Хадаханэ

авным-давно был на свете удалой молодец, по имени Оскюс-оол^[10]. Жил он со своим старым-престарым отцом в ветхом чуме, и было у них всего-навсего семь коз.

Оскюс-оол пас коз и ухаживал за своим старым отцом — готовил ему еду, кипятил чай.

Однажды старику стало совсем плохо. Загоревал Оскюс-оол:

— Не было меня — ты породил меня. Родился я — ты вырастил меня. Что случилось с тобой, чем помочь тебе?

Погладил старик сына по голове и сказал тихим голосом:

— Ничем нельзя помочь мне, сын мой. Я пришел на край жизни. Хорошо бы напоследок отведать наваристого супа, полежать на мягкой шкуре. Да жаль, скота у нас мало — козы тебе самому нужны будут.

— Зачем мне скот, отец, если тебя не будет? — сказал Оскюс-оол и заколол козу. Шкуру козы отцу постелил, а из мяса суп сварил.

Каждый день он варил суп, кипятил чай, а отец плел из козьей шерсти мешок — таар.

Когда была съедена последняя коза, старик кончил плести таар и позвал сына:

— Настал, сынок, мой последний день. Нечего мне оставить тебе, кроме вот этого мешка. Сердце у тебя доброе — не пропадешь. Похорони меня у склона Арзайты-горы, где лежит белый камень, а сам иди к Золотому озеру и живи там.

К утру старик умер.

Заплакал-загоревал Оскюс-оол, но делать нечего, надо выполнять наказ отца. Нашел у склона Арзайты-горы белый камень, похоронил там отца и отправился прямо на север.

Много дней и ночей шел Оскюс-оол по глухой тайге, а Золотого озера все не было видно. На одном из перевалов встретил он белобородого старика на белом коне с белым вьюком.

— Как твое имя-прозвище? Откуда идешь, куда путь держишь, парень? — спросил старик.

— Зовут меня Оскюс-оол. Иду с южной стороны к Золотому озеру. Далеко ли мне идти еще, дедушка?

— Никогда не доберешься тебе, парень, до Золотого озера! — сказал насмешливо белый всадник и ускакал прочь.

«Борода белая, конь и вьюк белые, а душа у старика, видно, черная», — подумал Оскюс-оол и пошел дальше.

На перевале другой горы встретил он чернобородого старика на черном коне с черным вьюком.

— Как твое имя-прозвище? Откуда идешь, куда путь держишь, парень? — спросил старик.

— Зовут меня Оскюс-оол. Иду с южной стороны к Золотому озеру. Далеко ли мне идти еще, дедушка?

— Спустишься с горы и увидишь на реке Чингэ-Карá-Хем-аál [11] Бай-хана. От него до Золотого озера три дневных перехода. Доброго пути тебе, сынок! — ласково сказал старик и отправился дальше.

«Борода черная, конь и вьюк черные, а душа у старика, видно, светлая», — подумал Оскюс-оол и пошел дальше.

У реки Чинге-Кара-Хем увидел он большой аал и вокруг такое множество скота, словно травы в степи.

«Видно, очень богат этот Бай-хан», — подумал парень и зашел в черную юрту.

— Откуда идешь, куда путь держишь, сынок? — спросил его старик — хозяин юрты.

— Иду с юга к Золотому озеру.

— Оставайся у нас, отдохни, — сказал старик. — Завтра будет большое состязание. У хана есть дочь, и к ней съехалось много богатых женихов. Кто быстрее всех принесет воды из-за горы Карадаг, тому хан свою дочь отдаст.

Хоть и не собирался Оскюс-оол жениться, но решил испытать свои силы. Попросил он утром у старика ведро и пошел к ханской юрте. Здесь уже собрались тридцать женихов с ведрами, все здоровые, сильные, друг на друга зло поглядывают, начала ждут.

Увидели они, что оборванный парень хочет состязаться с ними, и стали насмехаться над Оскюс-оолом.

Но тут вышел хан, взмахнул шелковым платком, и все побежали к черной горе. Не успели женихи за гору перевалить, а Оскюс-оол, с малых лет привыкший бегать по горам за козами, уже обратно спешит.

Отдал Оскюс-оол хану ведро с водой и говорит:

— Мне пора в путь. Не нужна мне твоя дочь, не могу я здесь оставаться — отец велел идти к Золотому озеру.

И Оскюс-оол отправился дальше.

Дважды всходило и заходило солнце, а Оскюс-оол все шел на север. А когда взошло солнце в третий раз, подошел он к Золотому озеру и видит: по всему берегу лежит сушеная рыба.

«Прав был отец: здесь я всегда буду сыт», — подумал парень и остался тут жить.

Как-то раз, бродя по берегу, Оскюс-оол увидел, как два рыбака поймали золотую рыбку и хотели ее в котел бросить. Жалко стало Оскюс-оолу рыбку, он попросил:

— Отдайте ее мне.

— А ты что нам дашь взамен? — спросили рыбаки.

— У меня ничего нет, кроме этого мешка — подарка отца. Хотите — берите, только рыбку не губите.

Видят рыбаки — хороший мешок у Оскюс-оола, и согласились.

Вырыл Оскюс-оол около берега ямку, наполнил ее озерной водой и пустил туда золотую рыбку. Ярче солнечных лучей засияла, заискрилась в воде золотая рыбка. Целый день любовался ею Оскюс-оол, даже во сне она, лучезарная, снилась ему.

Наутро он увидел, что в ямке около золотой рыбки появилось много другой рыбы. Обрадовался Оскюс-оол такому богатству. Часть рыбы он съел, часть посушил. Каждое утро ямка с золотой рыбкой опять

наполнялась рыбой.

Как-то пришел Оскюс-оол за рыбой, а в ямке пусто.

Загоревал Оскюс-оол, запечалился. Идет он вдоль берега с поникшей головой и все думает о золотой рыбке. Вдруг видит — взбурлило озеро и выскочил на берег на огненно-красном коне краснолицый старик в собольей шапке. Подскакал он к Оскюс-оолу и говорит приветливо:

— Оскюс-оол, хозяин Золотого озера Далай-хан зовет тебя к себе.

«Зачем я ему понадобился?» — удивился Оскюс-оол, но послушаться не посмел. Сел позади всадника на коня. Так быстро они поехали, что зазвенело-засвистело в ушах, и в один миг оказались оба на дне озера.

— Я хочу тебе помочь, Оскюс-оол, — сказал ему краснолицый старик. — Смело иди во дворец Далай-хана. Ты ведь спас жизнь его дочери. Не бери у хана ни скота, ни добра. У ног хана увидишь маленькую рыжую собачку. Вот ее и проси.

Пошел Оскюс-оол по дороге, усыпанной золотым песком, и вскоре увидел юрту из белой парчи, да такую большую, что на девяти конях вокруг не обскачешь. Около юрты паслось множество скота.

Навстречу Оскюс-оолу выбежали ханские слуги и с почетом повели его в юрту. Там его уже ждал Далай-хан — старик с длинной черной бородой, в халате из зеленого тонкого шелка.

Усадил он Оскюс-оола на белый девятирядный олбук^[12] и стал угощать крепким чаем, сладостями и лепешками. А потом приказал слугам:

— За то, что он спас мою дочь, дайте Оскюс-оолу добра из моего добра, скота из моего скота!

— Не надо мне добра из твоего добра — негде мне хранить его. Не надо мне скота из твоего скота — негде мне пасти его. Подари мне лучше ту собачку, что у ног твоих лежит, — сказал Оскюс-оол.

Взглянул Далай-хан на собачку — заплакал, посмотрел на Оскюс-оола — засмеялся. Потом привязал к собачке волосяную веревку, обнял Оскюс-оола, дал ему поводок в руки и велел краснолицему старику отвезти гостя на берег Золотого озера.

«Зачем я взял собачку? Какая от нее польза? Зря послушался я краснолицего старика», — подумал Оскюс-оол и отпустил собачку.

А собачка тотчас побежала в лес и вскоре вернулась обратно с зайцем в зубах.

«Умная собачка», — подумал Оскюс-оол, вдоволь наевшись жареной зайчатины.

Так каждый день собачка приносила ему то зайцев, то водяную дичь. Оскюс-оол был сыт и доволен.

Однажды утром проснулся Оскюс-оол, смотрит — нет собачки.

«Ушла, наверное, домой, к хану», — запечалился он и пошел ее разыскивать.

Следы привели его к большой юрте. Робко вошел Оскюс-оол в юрту и замер от удивления.

Видит: сидит на дорогом ковре Золотая царевна, а вокруг нее сияние, как от луны и солнца. Черные косы царевны такие толстые, что руками не обхватишь, такие длинные, что не измеришь. Спускались косы ее с плеч до самой земли, где лежала шкура рыжей собачки. Нежно и звонко рассмеялась Золотая царевна при виде удивленного Оскюс-оола:

— Не удивляйся, Оскюс-оол. Я — единственная дочь Далай-хана. Ты спас мою жизнь, ты и будь хозяином моей юрты. Садись, а я пойду за водой.

Взяла царевна серебряные ведра и пошла к озеру.

Налил Оскюс-оол себе чаю из серебряного чайника, взял лепешку. Ест-пьет, а сам все думает, как бы так сделать, чтобы не обернулась больше Золотая царевна рыжей собачкой, чтобы он всегда мог ее красотой любоваться. Решил Оскюс-оол сжечь шкуру. Взял он ее и бросил в огонь.

Вернулась Золотая царевна с водой, догадалась обо всем и запечалилась:

— Напрасно ты сжег шкуру рыжей собачки, Оскюс-оол. В ней я скрывалась от недобрых глаз. А теперь нас могут разлучить злые люди.

— Не бойся, Золотая царевна, злых людей, когда я с тобой, — ответил Оскюс-оол.

И стали они счастливо жить-поживать.

Шло время, но Оскюс-оол помнил про укор Золотой царевны.

И вот однажды охотился злой Караты-хан со своими слугами в черной тайге.

— День прошел, ни одного зверя не убил! — сердился Караты-хан. — Убил только кедровку. Наверно, Оскюс-оол спугнул всех зверей.

Позвал Караты-хан двух слуг и приказал:

— Эй, слуги! Идите к Оскюс-оолу, зажарьте на его очаге кедровку да посмотрите, как он живет. Потом мне расскажете.

Оскюс-оол в это время ловил рыбу в Золотом озере. Пришли слуги Караты-хана к нему в юрту, увидели Золотую царевну, стоят и слова вымолвить не могут. Рассердилась на них Золотая царевна:

— Что вы за люди? Зачем пришли? Почему молчите?

— Мы — люди Караты-хана. Послал он нас в вашу юрту зажарить кедровку, — отвечают слуги.

— Ну что ж, делайте тогда свое дело, — сказала царевна и помешала угли в очаге.

Положили слуги кедровку в огонь да и забыли про нее — глаз с Золотой царевны не сводят. Сгорела кедровка, а слуги до захода солнца все любовались царевной. Смотрят — наглядеться не могут.

— Пасмурное небо проясняется, гость домой возвращается, — сказала царевна.

— Вами нельзя не залюбоваться! — отвечали слуги. — Глядя на вас, мы забыли о приказании хана. Убьет он нас за это.

И стали слуги просить Золотую царевну помочь им в беде. Сжалилась над ними царевна, сделала из муки и мяса новую кедровку.

— Отнесите вашему хану, но обо мне ничего не говорите. Если проговоритесь, станете могильными камнями.

Вернулись слуги и с поклоном подали хану кедровку. Взглянул хан на нее и закричал:

— Худое это мясо и зажарено плохо! Ешьте сами.

Стали слуги есть да нахваливать кедровку. Глядя, как они едят, потекли и у хана слюнки.

— Говорят, охотник не должен отказываться от любой добычи, — сказал хан и отобрал кедровку.

Попробовал и чуть палец свой не откусил — таким вкусным показалось ему мясо. Ест хан кедровку и спрашивает слуг:

— Что видели в юрте Оскюс-оола, как он живет?

Захотели слуги выслужиться перед ханом и начали наперебой рассказывать о красоте Золотой царевны, но тотчас превратились в могильные камни.

Хан стал думать, как бы обменяться с Оскюс-оолом женами: надоела ему своя жена.

«Зачем бедняку красивая жена? — думал злой хан. — Найдется ей место в моей юрте». И решил наутро поехать к Оскюс-оолу — посмотреть Золотую царевну.

А Оскюс-оол в это время вернулся домой довольный, с богатым уловом. Все рассказала ему царевна про слуг хана. Пожалел тогда Оскюс-оол, что сжег рыжую шкуру, и, опечаленный, лег спать.

Утром, когда он опять ушел к Золотому озеру, к его юрте подскакал Караты-хан. Вошел он в юрту, увидел Золотую царевну, а вокруг нее свет, как от луны и солнца. И забыл хан, что нужно поздороваться и сесть на почетное место. Долго простоял он, так долго, что можно было успеть выпить семь новых заварок чая. Ноги у него отекли. Наконец он открыл рот и поздоровался.

— Какой странный хан! — сказала насмешливо Золотая царевна. — Приходит утром, а здороваается вечером.

Стыдно стало хану, выбежал он из юрты и помчался в свой аал. Потерял хан покой, есть-пить не может.

Однажды утром, едва занялась заря и верхушки гор стали золотиться от солнца, послал хан гонцов за Оскюс-оолом.

Привезли гонцы Оскюс-оола. Говорит ему хан:

— Хочу оказать тебе милость. Три дня и три ночи будешь жить в моей юрте, а я — в твоей.

Что делать? Ханскому слову не будешь перечить. Остался Оскюс-оол в юрте Караты-хана, стали ему прислуживать ханские слуги — еду подносить, араку [\[13\]](#) наливать. От всего отказался Оскюс-оол, думал он только о своей Золотой царевне. Даже ночью она ему снилась.

А Караты-хан в это время сидел в юрте Оскюс-оола и глаз не сводил с царевны. Не заметил, как день прошел. Говорит Золотая царевна:

— Оскюс-оол никогда не забывал закрывать дымоход на ночь.

Выскочил хан из юрты, закрыл дымоход, а сойти с места не может — его царевна заморозила. Так и простоял он всю ночь возле юрты.

Только утром хан очнулся и вошел в юрту, а Золотая царевна уже чай разливает и спрашивает:

— Где вы ночевали, хан?

— Юрту караулил, вас от злых людей оберегал, — солгал хан.

Опять весь день просидел хан в юрте, любуясь Золотой царевной. Вечером попросила его царевна прикрыть дверь юрты.

Схватился хан за дверь, а царевна тут его и заморозила. Всю ночь простоял он у двери.

Только утром очнулся хан. А Золотая царевна уже чай разливает и спрашивает:

— Почему вы спать не ложились?

— Всю ночь злые люди в юрту стучались, а я дверь держал, — опять солгал хан.

Вечером третьего дня говорит хану Золотая царевна:

— Покурите, хан, и ложитесь спать — вы две ночи не спали.

Достал хан трубку и стал прикуривать от головешки, а царевна тут его и заморозила. Всю ночь просидел хан у очага, только утром он раскурил свою трубку.

А Золотая царевна уже чай разливает и спрашивает:

— Почему вы всю ночь трубку курили?

— Я за очагом смотрел, чтобы в юрте тепло было, — солгал хан и опять весь день глаз не сводил с Золотой царевны.

— Три дня прошло. Сейчас Оскюс-оол придет. Расскажу ему о вашей заботе, хан, — говорит царевна, а сама смеется.

Посрамленный хан вскочил на коня и пустился во весь дух в свой аал. Вошел в юрту и закричал на Оскюс-оола:

— Пошел вон, несчастный! Завтра пойду на тебя войной!

Вернулся опечаленный Оскюс-оол домой. Рассказала Золотая царевна, как она хана проучила. Рассмеялся Оскюс-оол, а потом вспомнил про угрозу хана и загрустил опять.

— Что случилось, Оскюс-оол? — спросила его царевна.

— Завтра Караты-хан на меня войной пойдет.

— Спешу к Золотому озеру и попроси Далай-хана помочь нашей беде! — воскликнула Золотая царевна.

Поскакал Оскюс-оол к Золотому озеру и стал просить о помощи.

Услышал его просьбу Далай-хан. Выскочил из озера ханский прислужник на черном коне и подал Оскюс-оолу железный ларчик.

Удивился Оскюс-оол: «Какая польза от этого маленького ларчика, когда хан на меня войной идет?» Но все же повез ларчик Золотой царевне.

Рано утром, когда занялась заря и верхушки гор стали золотиться на солнце, услышал он шум и вышел из юрты. Видит: войско Караты-хана пришло и кольцом окружает его аал. Сказал он об этом Золотой царевне, а та его успокаивает:

— Не бойся. Садись чай пить.

Вскоре слышит Оскюс-оол — шум стал еще сильнее. Выбежал опять из юрты и увидел: войско Караты-хана в два кольца окружило его аал. Закричал он Золотой царевне, а та его успокаивает:

— Не бойся. Пей чай.

Не успел Оскюс-оол одну чашку выпить, как раздался шум сильнее прежнего. Как стрела вылетел Оскюс-оол из юрты и видит: войско Караты-хана в три кольца окружило его аал. Закричал тогда Оскюс-оол:

— Золотая царевна! В три кольца окружило нас войско Караты-хана!

— Вот теперь — время, — сказала Золотая царевна и открыла железный ларчик. Оттуда стали выскакивать железные люди с красными мечами и черными палицами.

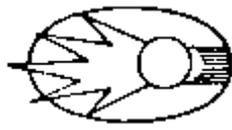
— Что мы должны делать? Куда идти? — закричали железные люди.

— Разгоните войско Караты-хана и вернитесь опять в ларчик! — приказала Золотая царевна.

Успокоился Оскюс-оол при виде железного войска и пошел в юрту чай допивать.

Железные люди быстро разогнали войско Караты-хана, а его самого взяли в плен.

Долго и счастливо жил Оскюс-оол со своей Золотой царевной. И скота у них становилось все больше и больше.

САЛИМ-ПАХЛАВОН

Таджикская сказка

Пересказ Н. Алембековой

Тали было, то ли не было, а жил один падишах. Большим государством правил тот падишах. Состояло государство из семи стран. Долго жил падишах и однажды умер.

Старый падишах умер, а на престол сел его сын. Сын был молодой, ни жены, ни детей у него еще не было, и он очень любил охотиться.

Так вот, отправился однажды молодой падишах на охоту. Под ним был резвый конь, а на руке — любимый сокол, ловчая птица.

И день охотился молодой падишах, и второй, а на третий день заехал он в какой-то маленький кишлак^[14] у подножья высокой горы. Едет молодой падишах по кишлаку и видит: на дувале^[15] одного старого дома сидит стайка воробьев. Захотелось падишаху вспугнуть птиц. И выпустил он на них своего сокола. Вспорхнули воробьи в воздух, и сокол погнался за ними. Один воробей влетел во двор того старого дома — и сокол за ним.

Остановил падишах своего коня перед воротами того дома и стал сокола ждать. Ждал, ждал — не появляется сокол. Тогда падишах сам въехал во двор дома. Въехал во двор и видит: прекрасная девушка с лицом цвета утренней зари и с длинными, черными, как ночь, косами пытается поймать его сокола. Взглянул падишах на девушку двумя глазами, а влюбился в нее тысячью сердцами. Влюбился падишах в прекрасную девушку и лишился дара речи. Молча повернул он своего коня назад и поскакал к своему дворцу. Прискакал во дворец и сказал визирям:

— Поезжайте в маленький кишлак у подножья высокой горы. Там в старом доме живет девушка, краше которой не видал я никого во всех семи странах моего государства. Поезжайте и сосватайте мне ее в жены.

Приехали визири в тот маленький кишлак у подножья высокой горы, нашли старый дом. А в том доме, оказывается, жил пастух и его прекрасная дочь Гульру.

Пастух пригласил визирей в дом и принялся угощать всем, что у него было. Поблагодарили пастуха посланцы падишаха за угощение, и сказал ему тогда визирь правой руки:

— Нас прислал к тебе наш молодой падишах. Он хочет взять себе в жены твою прекрасную дочь.

Согласился пастух отдать свою единственную дочь Гульру за молодого падишаха.

Семь дней во всех семи странах государства продолжался свадебный пир.

После свадьбы молодой падишах перестал даже на охоту ездить. Он ни на шаг не отходил от прекрасной Гульру. Ее красота, скромность, ее сладкие речи с каждым днем все больше пленяли молодого падишаха.

Так проходили дни, недели, месяцы. Настал срок, и Гульру родила падишаху сына. И назвали

мальчика Салимом.

Падишах по-прежнему был очарован своей женой и перестал заниматься делами своего государства. Встревожились его придворные и сказали своему молодому правителю:

— О великий падишах! Ты перестал управлять своим государством из семи стран. Оно придет в упадок, и враги одолеют нас.

И ответил падишах своим придворным:

— Я больше не хочу быть вашим правителем. Я сегодня же покину дворец вместе со своей женой. А падишахом вашим станет мой сын Салим, когда достигнет совершеннолетия. А до тех пор править государством будет визирь правой руки.

Как сказал молодой падишах, так и сделал.

С того дня государством из семи стран начал управлять визирь правой руки.

Салим — сын падишаха — рос не по дням, а по часам. И визиря правой руки считал своим отцом, а его жену — своей матерью.

Мальчик рос быстро, становился все более сильным и ловким.

И забеспокоился тогда визирь правой руки. «Если Салим и дальше будет так быстро расти, то он очень скоро отнимет у меня власть», — подумал он. Подумал так визирь и решил как-нибудь избавиться от сына падишаха. Позвал он тогда к себе одну древнюю хитрую и мудрую старуху и попросил у нее совета.

Выслушала старуха визиря и обещала ему помочь.

Старуха поставила себе шалаш в том месте, где Салим всегда играл в бабки. Села старуха возле своего шалаша, вынула прялку с веретеном и принялась прясть пряжу.

Салим неподалеку от того шалаша играл в бабки. Вдруг одна из косточек отлетела и попала в старухину прялку. Попала в прялку и расколола ее. Старуха рассердилась и закричала:

— Эй, ты, сирота бесприютный! Ты расколол мою прялку! На чем я теперь стану прясть, чем зарабатывать себе на пропитание?!

— О матушка! — воскликнул мальчик. — Почему ты называешь меня сиротой? Ведь мой отец — правитель нашего государства, он жив, и мать моя жива!

— О несчастный! — снова закричала старуха. — Если не знаешь, так узнай: правитель нашего государства не отец тебе. Он визирь правой руки твоего настоящего отца — падишаха! Твой отец и твоя мать давно покинули дворец, и никто не знает, где они теперь живут.

Салим побежал к визирю правой руки и спросил:

— Скажи мне правду — ты не отец мне?

— Хорошо, я скажу тебе правду. Твой отец — падишах здешнего государства, но он давно покинул родные края. Уехала с ним и твоя мать.

— Я их отыщу! — воскликнул Салим.

В тот же день он собрался в дорогу — заткнул за пояс меч, взял сумку с едой, небольшой мешочек с золотыми монетами и вышел из дворца.

Шел он, шел, и скоро попался ему навстречу богатырь. У богатыря в руках было семь мельничных жерновов, которые он легко подкидывал в воздух. И спросил богатырь у Салима:

— Кто ты, мальчик, и куда идешь один?

— А сам ты кто и куда путь держишь?

— Зовут меня Сангиосиёбардóр[16], и иду я к Салиму-пахлавóну[17].

— А зачем ты идешь к нему?

— Силой померяться. Рассказывают, будто сильнее его нет никого на всем белом свете.

— Я — брат Салима-пахлавона. Если одолеешь меня, так поборешь и его.

И начали они бороться. Три дня и три ночи боролись. На четвертый день Салим высоко поднял того богатыря и ударил оземь.

И сказал тогда ему Сангиосиёбардор:

— Не убивай меня! Что пользы в том? Лучше возьми меня себе в спутники. В дороге лучше быть вдвоем, чем одному. Я пойду, куда ты прикажешь, стану делать то, что ты велишь! Я понял, что ты и есть сам Салим-пахлавон — кроме него, никто меня победить не смог бы!

И пошли они дальше вдвоем. И скоро встретился им еще один богатырь. В обеих руках он вертел по толстой чинаре! И спросил он у Салима и его спутника:

— Кто вы и куда идете?

— А сам ты кто и куда путь держишь?

— Зовут меня Чаноргардóн[18], и иду я к Салиму-пахлавону — силой с ним померяться!

— Я и есть Салим-пахлавон, — отвечал богатырю Салим.

И начали они бороться. Три дня и три ночи боролись. На четвертый день Салим высоко поднял того богатыря и ударил оземь.

И сказал тогда ему Чаноргардон:

— Не убивай меня! Что пользы в том? Лучше возьми меня в спутники. В дороге лучше быть втроем, чем вдвоем! Я пойду, куда ты прикажешь, стану делать то, что ты велишь!

И пошли они дальше втроем. Шли они, шли и увидели впереди большую реку. На ее берегу лежал богатырь. Он то выпивал всю реку досуха, то снова выпускал воду изо рта.

Подошел Салим к богатырю и спросил:

— Кто ты и почему тут лежишь?

— Зовут меня Дарьёдаркáш[19], и поджидаю я здесь Салима-пахлавона. Хочу с ним сразиться!

— Я и есть Салим-пахлавон, — отвечал богатырю Салим.

И начали они бороться. Три дня и три ночи боролись. На четвертый день Салим и этого богатыря высоко поднял в воздух и ударил оземь.

— Не убивай меня, — взмолился и Дарьёдаркаш. — Что пользы в том? Лучше я пойду вместе с вами — в дороге лучше быть вчетвером, чем втроем. Я пойду, куда ты прикажешь, стану делать то, что ты велишь!

И пошли богатыри дальше вчетвером. Шли они, шли и дошли до какого-то города. Салим-пахлавон своим спутникам у самых ворот сказал:

— Вы пока оставайтесь здесь, а я пойду и добуду для нас какую-нибудь пищу.

А надо сказать, что к тому времени Салим вырос и уже превратился в высокого и красивого юношу.

Так вот, пошел Салим-пахлавон по городу и скоро увидел какого-то человека, который прямо на улице варил плов сразу в десяти котлах.

И спросил Салим у того человека:

— Кто ты и для кого готовишь столько плова?

— Я — повар правителя этого города и готовлю плов для всех его придворных, — отвечал тот человек.

— Ступай к своему правителю и скажи, что Салим-пахлавон и трое его спутников пришли издалека и тоже хотят есть!

Повар передал правителю города слова Салима-пахлавона.

Правитель был добрым человеком и любил гостей. И Салима-пахлавона, и всех его спутников он сначала накормил досыта и только потом спросил, кто они такие и куда путь держат.

Салим-пахлавон рассказал правителю, что он ищет своих родителей, а его спутники — его названные братья — тоже идут вместе с ним.

И сказал тогда правитель города Салиму-пахлавону:

— В моих владениях нет ни одного чужестранца, нет здесь ни отца твоего, ни матери. Ты мне очень понравился, юноша. Оставайся в моем городе и будь мне названным сыном. Возьми в жены мою единственную дочь.

Поблагодарил Салим правителя и сказал:

— Я не могу здесь оставаться — мне надо найти моих родителей. А останется здесь мой старший названный брат по имени Сангиосиёбардор. Он и станет твоим зятем.

Правитель с радостью согласился. Три дня и три ночи продолжался свадебный пир Сангиосиёбардора и дочери правителя города. А на четвертый день Салим-пахлавон наполнил молоком большую чашу, поставил ее перед Сангиосиёбардором и сказал:

— Каждый день ты поглядывай на эту чашу, а когда увидишь, что молоко в ней покраснело, знай, что со мной приключилась беда. Тогда поспеши мне на помощь.

Сказал так Салим-пахлавон, попрощался со всеми и вместе с двумя остальными своими названными братьями отправился в путь — искать своих родителей.

Шли они, шли, пока не увидели перед собой еще один большой город. Оставил Салим-пахлавон своих братьев у ворот города, а сам отправился на базар. Вынул он из своего мешочка несколько золотых монет и купил на них много мяса, риса, приправ разных и отнес все это одной одинокой старухе, которая жила рядом с базаром. Дал он старухе золотые монеты и попросил приготовить еду для себя и своих братьев. Потом Салим привел их к старухе.

Насытились богатыри и легли спать. Крепко заснули Чаноргардон и Дарьёдаркаш. Не спал один Салим-пахлавон. Скоро он услышал громкие стенания и плач, которые доносились с улицы.

— Что там случилось, матушка? — спросил Салим у старухи.

И ответила старуха, тоже горько плача:

— У нас в городе есть большое озеро. И живет в нем огромный страшный дракон. Каждый день он требует себе по одному быку и по одной девушке. Он выползает на берег и тут же съедает несчастных. Сегодня очередь дошла до дочери правителя, прекрасней которой нет девушки в нашем городе.

Салим тотчас же отправился на берег того озера. Видит: сидит на берегу прекрасная девушка и горько

плачет. А неподалеку от нее и бык пасется.

Подошел к девушке Салим-пахлавон и сказал:

— Я путник. Долго я шел пешком и устал. Я лягу здесь на берегу и немного посплю.

— Нет, нет! — воскликнула девушка. — Уходи! Сейчас из озера выйдет огромный и страшный дракон. Он съест нас и тебя тоже.

— Я очень хочу спать, — отвечал Салим девушке. — Я тут лягу, а когда дракон вылезет на берег, ты разбуди меня.

Согласилась девушка. И лег Салим на землю и тут же заснул.

Скоро показался огромный и страшный дракон. Он разинул свою большую, как пещера, пасть и собирался проглотить всех, кто был на берегу. Заплакала девушка, ее горячая слеза упала на лицо Салима, и он тотчас проснулся. Вскочил на ноги, выхватил из-за пояса свой меч, взмахнул им и тут же разрубил дракона надвое. Поднял Салим-пахлавон мертвого дракона, отнес во двор мечети^[20] и бросил там. И никто не видел его: ведь когда дракон вылезал из озера и глотал свои жертвы, остальные жители города прятались кто куда.

Дочь правителя города вернулась во дворец отца и рассказала о том, как безвестный путник избавил город от дракона.

Обрадовался правитель и велел глашатаям объявить по всему городу: «Пусть немедленно явится во дворец тот, кто убил дракона!»

Много людей явилось во дворец правителя, и каждый из них говорил:

— Это я убил страшного дракона!

Удивился правитель и сказал тем людям:

— Тогда пусть тот, кто убил дракона, уберет его тело со двора мечети!

Но никто из этих людей не мог даже приподнять бездыханное тело чудовища.

И спросил тогда правитель у своих придворных:

— Нет ли в городе каких-нибудь чужестранцев? И придворные ответили повелителю так:

— В доме одной старухи, которая живет рядом с базаром, остановились трое чужестранцев.

Правитель повелел своим слугам доставить этих чужестранцев во дворец.

Когда Салим-пахлавон и двое его названных братьев предстали перед правителем, он спросил у них:

— Кто из вас убил огромного и страшного дракона?

— Я его убил, о правитель! — отвечал Салим.

— Если вправду ты убил дракона, то ступай во двор мечети и убери оттуда поганое тело чудовища.

Салим-пахлавон пошел во двор мечети, поднял бездыханное тело дракона и закинул его далеко-далеко, за высокие горы.

И воскликнул тогда правитель того города:

— О храбрый юноша! Ты избавил мой народ от страшного чудовища, ты спас от неминуемой смерти мою единственную дочь. Возьми ее себе в жены и оставайся жить в моем дворце!

Поблагодарил Салим-пахлавон правителя города и сказал:

— Я ищу своих родителей. В этом городе их нет. Я отправлюсь в другие края — может, там отыщу их. А свою прекрасную дочь ты отдай за моего среднего названного брата, по имени Чаноргардон. Он такой же смелый и храбрый, как и я.

Три дня и три ночи продолжалась свадьба дочери правителя города и Чаноргардона, а на четвертый Салим-пахлавон поставил перед Чаноргардоном большую чашу, наполненную молоком, и сказал:

— Каждый день ты поглядывай на эту чашу. А когда увидишь, что молоко в ней покраснело, знай, что со мной приключилась беда. Тогда поспеши мне на помощь.

Сказал так Салим-пахлавон, попрощался со всеми и отправился в путь с последним своим названным братом по имени Дарьёдаркаш.

Шли они, шли и добрались еще до одного города. Не успели они войти в ворота, как узнали, что у правителя этого города тоже есть дочь. И рассказали пришельцам люди, что эта девушка объявила: «Выйду замуж только за того, кто выполнит пять моих условий». И будто уже много юношей из разных стран сватались к ней, но ни один из них не смог выполнить всех условий этой девушки.

И когда Салим-пахлавон и его названный брат проходили мимо дворца правителя, их увидела в окно его дочь.

— Приведите ко мне этих двух юношей! — приказала она своим слугам.

Когда слуги исполнили ее приказание, девушка поглядела на юношей и сказала, обращаясь к Салиму-пахлавону:

— О юноша! Ты первым будешь выполнять мои условия. Слушай же! У меня есть конь — он быстро скачет и высоко прыгает. Садись на него, а в руки я тебе дам чашу с молоком. Конь подпрыгнет и перелетит вон через ту высокую чинару. Если ни одна капля молока не прольется и чаша будет такой же полной, знай, что ты выполнил первое мое условие.

Привели коня. Сел на него Салим-пахлавон. В одной руке у него был повод, а в другой — чаша, до краев наполненная молоком. Конь взмыл вверх и перелетел через высокую чинару. И несколько капель молока пролились на землю. Тут Салим-пахлавон вспомнил о своих родителях, и слезы его закапали в чашу с молоком. И чаша снова наполнилась.

Когда конь спустился на землю и девушка увидела полную до краев чашу с молоком в руках юноши, она сказала:

— Первое условие ты выполнил. Теперь слушай второе: у меня была золотая шкатулка, а в ней лежал перстень с драгоценным камнем. Однажды я уронила шкатулку вон в ту глубокую реку. Достань золотую шкатулку со дна реки.

Отправился Салим на берег той реки, а вслед за ним и брат его названный Дарьёдаркаш. Припал Дарьёдаркаш к реке и выпил ее досуха. Салим-пахлавон спустился на дно той реки и там, под большим камнем, нашел золотую шкатулку.

Вернулись братья во дворец. Увидела дочь правителя города свою золотую шкатулку в руках Салима-пахлавона и обрадовалась. Открыла она шкатулку, а там и перстень лежит, камнем драгоценным сверкая.

— Ты и второе мое условие выполнил, — сказала она Салиму. — Теперь слушай третье: на окраине нашего города есть у меня ледник. Ступай туда и проспи в леднике до утра.

Слуги девушки отвели Салима в тот ледник и заперли до утра.

В леднике оказалось так много льда и было так холодно, что Салим с головы до ног покрылся инеем.

И как раз в это время поглядел на свою чашу с молоком богатырь Сангиосиёбардор и увидел: покраснело молоко. И понял богатырь: Салим-пахлавон попал в беду. Собрался он в дорогу и тотчас отправился выручать Салима из беды.

И Чаноргардон как раз в то же время поглядел на свою чашу с молоком и увидел: покраснело молоко. Понял богатырь, что брат его названный Салим-пахлавон попал в беду. И Чаноргардон отправился ему на выручку.

Оба названных брата так торопились, что расстояние в один день пути одолевали за один час, а расстояние в два дня пути — за два часа. И скоро они оба в одну и ту же минуту добежали до того ледника, где замерзал Салим-пахлавон.

— Не печалься, — сказали они Салиму, — мы тебя выручим из беды.

Срубили они четыре толстые чинары, что росли неподалеку от ледника, разложили их вокруг ледника и подожгли. Жарким пламенем запылали чинары. От жара того пламени лед в леднике растаял, вода ушла в землю, и Салим-пахлавон спокойно проспал в леднике до самого утра. А братья его названные убрали золу, подмели пепел вокруг ледника, и когда утром явились туда слуги девушки, они ничего не заметили. Открыли слуги ледник и видят: спит богатырь на земле — живой и невредимый. Разбудили его слуги и отвели к своей госпоже.

Удивилась дочь правителя города, что Салим-пахлавон и это ее условие выполнил, и назвала ему четвертое:

— Есть у меня сорок мешков пшеницы. Ты должен за одну ночь смолоть эту пшеницу.

Согласился Салим-пахлавон. Рассказал он об этом условии Сангиосиёбардору. Тот за одну ночь и смолот ту пшеницу своими жерновами.

Увидела наутро девушка, что вместо сорока мешков зерна лежат перед ней сорок мешков пшеничной муки, и сказала Салиму-пахлавону:

— О искусный юноша! Ты выполнил самые трудные мои условия, и не стану я больше тебя испытывать. Теперь я в твоей власти!

И сказал ей тогда Салим-пахлавон:

— О прекрасная дочь правителя этого города! Я ищу своих родителей. И прежде всего я хочу узнать, нет ли их в вашем городе или его окрестностях.

И ответила тогда Салиму девушка:

— О благородный юноша! Похвально, что ты любишь своих родителей и хочешь их найти, но ни в городе нашем, ни в его окрестностях нет ни одного чужестранца. Нет здесь твоих родителей. Поищи их в других краях, а у меня проси чего хочешь.

И сказал тогда Салим-пахлавон:

— Я выполнил твои условия, но сам я должен снова отправляться в путь и потому не могу взять тебя в жены. И прошу тебя стать женой моего младшего названного брата по имени Дарьёдаркаш.

Согласилась девушка. И в тот же день начался свадебный пир дочери правителя города и богатыря по имени Дарьёдаркаш.

Три дня и три ночи пировали во дворце правителя города. На четвертый же день Салим-пахлавон попрощался со всеми и снова отправился в путь.

Шел он, шел и дошел до высокой и крутой горы. Одолел он ту гору и увидел за ней широкую и

глубокую реку. Посреди реки был остров, а на нем дворец. Увидал все это Салим и задумался: «Кто живет в этом дворце посреди реки?»

Только Салим успел это подумать, как все вокруг потемнело, земля страшно задрожала — и перед Салимом появился огромный рогатый дэв на крылатом коне. Дэв грозно посмотрел на Салима и закричал:

— Эй, человек! Кто ты и что тебе здесь нужно?

К таджикской сказке «Салим-пахлавон»

— Я ищу тебя! — бесстрашно отвечал ему Салим. — И зовут меня Смерть дэвов.

Взревел тут дэв страшным голосом и первым набросился на Салима-пахлавона. Семь дней и семь ночей бились они. На восьмой день Салим одолел страшилище, схватил его за рога и отсек ему мечом голову. И бросил он ту голову в реку. Сам сел на крылатого коня дэва и перелетел на остров посреди реки. Спешился он с коня и вошел во дворец. Вошел Салим-пахлавон во дворец, а навстречу ему лучезарная красавица. От нее исходило такое яркое сияние, что оно освещало весь дворец.

— О юноша! — воскликнула прекрасная девушка. — Если не знаешь, так знай: в этом дворце живет огромный рогатый дэв. Спрячься скорее, а то он увидит тебя и тут же убьет.

— О лучезарная! — обратился Салим к девушке. — Теперь дэв никому не страшен: я убил его! Если не веришь мне, выгляни за двери дворца — и ты увидишь крылатого коня рогатого дэва. Если бы я не убил его хозяина, разве смог бы его оседлать? И смог бы очутиться в этом дворце?

Девушка выглянула за дверь и увидела крылатого коня. Поверила она юноше и обрадовалась безмерно. Она тут же раскинула дастархон [\[21\]](#) и принялась угощать Салима.

— О несравненная! — воскликнул Салим-пахлавон. — Скажи мне, кто ты и как попала во дворец страшного рогатого дэва?

— Я — дочь падишаха, правителя Мазандарана. И зовут меня Офтобхон. Отец и мать любили меня и берегли, как самую драгоценную жемчужину, и никуда не отпускали одну. Но вот однажды я убежала в дворцовый сад одна. Вдруг, откуда ни возьмись, налетел черный смерч, поднял меня на небо, и я очнулась вот в этом самом дворце. И поняла, что это страшный рогатый дэв обернулся смерчем и похитил меня. Ты убил дэва и освободил меня из неволи. Я хочу вернуться во дворец своего отца, да не знаю туда дороги.

— Я отвезу тебя во дворец владетеля Мазандарана! — воскликнул Салим-пахлавон.

Сели прекрасная Офтобхон и Салим-пахлавон на крылатого коня дэва и скоро очутились перед входом во дворец падишаха Мазандарана. Увидел падишах свою дочь — живую и невредимую — и обрадовался безмерно. И рассказала ему Офтобхон о том, что это Салим-пахлавон убил дэва и вызволил ее из неволи.

— О храбрый юноша! — воскликнул падишах. — Ты вернул мне мою дочь! Проси за это, что хочешь!

И попросил тогда Салим падишаха, чтобы тот выдал за него прекрасную Офтобхон. Ведь он сразу полюбил лучезарную красавицу, и она его полюбила.

Падишах с радостью согласился.

Семь дней и семь ночей продолжалась свадьба. Веселился падишах, веселились и все его придворные. Радовались Офтобхон и Салим-пахлавон. А на восьмой день перестал Салим радоваться и горестно вздохнул.

— О чем ты вздыхаешь? — спросила у него Офтобхон.

— Знай же, моя возлюбленная жена, — отвечал ей Салим-пахлавон, — пламя разлуки сжигает мое сердце: я покинул родину, чтобы найти своих родителей. Много земель я повидал, но нигде не встретил ни отца своего, ни мать.

— Не печалься, мой возлюбленный муж! — воскликнула Офтобхон. — Будем искать их вместе.

В тот же день сели они на крылатого коня и отправились в путь. Много стран, городов и кишлаков повидали они на своем пути, но нигде не встретили родителей Салима.

И надежда покинула их, и опечалились они. И решили они уже возвращаться, но перед дальней дорогой решили немного отдохнуть. Спешились они с крылатого коня и увидели небольшую речку с прозрачной водой. На берегу этой речки сидел высокий и стройный юноша и ловил сетью рыбу. Он закидывал в речку сеть и тут же вытаскивал ее наполненную рыбой.

Салим-пахлавон окликнул этого удачливого рыбака. Тот обернулся — и Салим прикусил палец от изумления: рыбак был похож на него, как могут быть похожи две жемчужины из одной раковины! И рыбак удивился тому, что этот чужестранец так похож на него. И заметил еще рыбак, что путник и его жена устали и голодны. И сказал он им тогда:

— О путники! Пойдемте в мой дом. Будьте моими гостями.

Пришли они в дом рыбака. Навстречу им вышла красивая женщина. Взглянула она на Салима и тут же упала без чувств. В это время вошел в дом отец рыбака. Взглянул он на гостя и спросил:

— Как зовут тебя, путник, и откуда ты сюда приехал?

— Зовут меня Салим-пахлавон, — отвечал тот. — И приехал я издалека — из государства семи стран. Я ищу своих родителей. Приехала со мною и жена моя — дочь падишаха Мазандарана. И мой отец был

падишахом, а мать — дочерью пастуха.

— О юноша! — воскликнул отец рыбака. — Знай же, что я — твой отец, а эта женщина — твоя мать. А это — брат твой Халим.

И все они бросились в объятия друг другу. И плакали они, и смеялись!

Так достиг желаемого Салим-пахлавон.

Да исполнятся и ваши желания!

БЕЛАЯ ЯРАНГА

Чукотская сказка

Пересказ Н. Гессе и З. Задунайской

идели как-то в своей яранге[22] старик и старуха.

Скучно им было — наружу не выйти, пурга с ног собьет. Да и некуда пойти. Были соседи, с осени откочевали. И дети их с ними уехали, а своих у старика и старухи никогда не бывало.

Развела старуха огонь, чай сварила. Попили они чаю, еще скучнее стало.

— Эй, старуха! — сказал старик. — Помнишь, как я смолоду умел плясать и в бубен громко бить?

— Так спляши сейчас, — говорит старуха, — все веселее будет.

— Плясать — ноги не гнутся, да и руки бубен не удержат.

— Давай я бубен стану держать, а ты бей в него.

Так и сделали. Старуха бубен двумя руками держит, старик бьет по нему колотушкой. Старые его ноги сами приплясывают, притопывают.

Вдруг послышался шум снаружи. И не успели старик со старухой переглянуться, как вошли в ярангу шесть келэ[23] — шесть чертей.

Старуха со страху бубен уронила. А келэ засмеялись, сказали:

— Ты что бубен бросила? Мы из-за него с другого края тундры прискакали. Ехали мы на шести упряжках. Тихо в тундре, скучно — будто совсем разучились люди веселиться. А тут ваш бубен услышали, обрадовались. Повеселите нас еще.

Подал келэ бубен старухе, она его обеими руками схватила, крепко держит. Старик колотушкой по бубну забил.

Разошлись ноги у старого, и келэ притопывать начали. В шесть пар ног пляшут. Наконец утомились келэ. И старик опустил руку с колотушкой — устал.

К чукотской сказке «Белая яранга».

Келэ спрашивают:

— Что вам дать за то, что порадовали нас? Хотите, подарим вам быстрые ноги — будете бегать, как молодые?

— Нет, не хотим, — отвечают старик со старухой.

— Хотите много оленей, новые шкуры на ярангу?

— Нет, не хотим. Есть у нас два оленя, нам и хватит.

— А что же вы хотите?

— Сына хотим!

— Вот хорошо, — закричали келэ. — Мы как раз по тундре детей развозим. У кого их мало, тем раздаем.

— Хотите, — говорит первый келэ, — славного юношу, меткого стрелка из лука? Будет он вам помощником.

— Нет, — говорит старуха, — он меня любить не станет. Хочу маленького.

— Ладно, — говорит второй келэ. — Возьмите у меня, он еще из лука стрелять не умеет, только силки на птиц научился ставить.

— И этого нам не надо, — говорит старик. — Мы хотим маленького.

— Ну, тогда у меня берите, — сказал третий келэ, — он едва говорить начал.

Старик и старуха головой покачали.

— И этот нам не подходит. Нет ли еще поменьше?

— Есть, — отвечает четвертый келэ. — Хороший маленький мальчик, недавно ходить стал.

Старик и старуха не берут.

— А у меня, — говорит пятый келэ, — еще вставать не умеет, еле садится.

Старик раздумывает:

— Взять, что ли?

А старуха рассердилась:

— Замолчи, старый. А вы, непонятливые келэ, слушайте: нужен мне совсем маленький ребенок, чтобы ни садиться, ни ходить, ни говорить не умел. Чтоб был у него беззубый ротик, глаза — как у новорожденного олененка. Сама его выращу, будет он меня любить, матерью называть, старика — отцом.

— Ну, значит, возьмешь у меня, — сказал шестой келэ.

Вышли все из яранги. На пяти нартах[24] дети сидят, как келэ говорили: от стрелка из лука до такого ребенка, который только садиться научился. А на последней нарте никто не сидит. Приторочены к ней меховые мешки, и из них детский плач раздается.

Подбежала к этой нарте старуха, вытащила из мешка ребеночка. Оказался он в точности такой, какого она хотела.

Келэ говорит:

— Сэкэн его зовут.

— Хорошее имя, — ответила старуха, прижала мальчика к груди и унесла в ярангу.

Келэ дальше поехали.

Нянчит старуха маленького Сэкана, баюкает, песни ему поет. Да недолго пришлось ей на руках его носить. Все дети растут ночью, незаметно. Этот же мальчик рос на глазах, ночью подрастал, днем вверх тянулся.

Только ему два года исполнилось, он в яранге перестал ночевать. Уходил спать к оленям. А старухе без сыночка в яранге скучно. Выйдет она к нему, сядет рядом, рассказывает, что было, чего не было.

Олени вздыхают во сне, покачивают рогами. Высоко в небе луна плывет, звезды светят. Сэкен поднимет голову, спросит:

— Мама, что там?

— Там верхняя тундра, сынок, — отвечает старуха. — Там, говорят, живет Танаы́ргин со своей дочкой. Большой богач этот Танаы́ргин, оленей у него много, как звезд на небе, как в море капель, как снежинок в сугробе. Встанет утром, полкита съедает... Яранга у него большая...

— А красивая она? — спрашивает Сэкен.

— Яранга?

— Нет, дочка.

— Дочка у него красавица. Черноволосая, легкая, как молодой олень.

— Знаешь, мама, — сказал Сэкен, — подрасту я еще немного и женюсь на дочке Танаыргина.

Смеется старуха:

— Спи, спи, сынок. Ростом ты с двадцатилетнего, а умом с двухлетнего. Разве доберешься до верхней тундры! Разве отдаст тебе свою дочку Танаыргин!

Но Сэкен такой был — что запало ему в голову, с тем не расставался, того не забывал.

Прошел еще год. Сэкен говорит:

— Мама, шей мне три пары торбазов [\[25\]](#), наполни их мясом, чтобы в пути не умереть с голоду. Я иду в верхнюю тундру.

Старуха заплакала, однако послушалась сына, собрала его в дорогу.

Идет Сэкен в ту сторону, где небо с землей сходится. Долго идет. Износил две пары торбазов, почти все мясо съел, а конца пути не видно.

Как-то остановился Сэкен, посмотрел на подошву последней пары торбазов — вот-вот прохудятся.

— Плохо дело! — говорит себе. — Неужели не дойду, неужели не женюсь на красавице, дочке Танаыргина?!

Вдруг видит — показались вдалеке упряжки.

«Что за люди? — думает Сэкен. — Откуда в этих безлюдных краях взялись?»

Упряжки все ближе. Уже сосчитать можно — шесть нарт по тундре несутся. Подъехали еще ближе. Смотрит Сэкен — не люди это, а келэ — черти.

Проезжает мимо первая нарта, вторая... Келэ на Сэкана не глядят, будто не видят. А последний келэ оленей остановил.

— Эй, Сэкен, внучек! Подрос ты, однако. Куда идешь, далеко ли собрался?

— Иду в верхнюю тундру, — отвечает Сэкен. — Хочу жениться на дочке Танаыргина.

— Ну что ж, неплохо придумал! Женись. Только как дойдешь, торбаза-то у тебя прохудились?

— Да знаю. А что поделаешь?

— Давай помогу тебе. Поменяемся торбазами. Хороша ли мена, сам увидишь.

Обрадовался Сэкен. Свои торбаза отдал, торбаза келэ на ноги надел.

Келэ поехал догонять пять упряжек. Сэкен дальше пошел. Что за диво! Сделал три шага — вот уже и край тундры, небо совсем низко к земле опустилось. Примерился Сэкен — все же не достать. Подпрыгнул он, а торбаза будто его снизу подтолкнули. Сэкен ухватился за край тучи, влез на нее и очутился в верхней тундре.

Торбаза и там его быстро несут. Сэкен еле успевает ноги переставлять. Видит: стоит большая яранга. Из той яранги вышел ему навстречу сам Танаыргин.

— Ты кто? — спрашивает.

— Я Сэкен.

— С нижней тундры?

— С нижней, — отвечает Сэкен.

— Не бывало у нас еще таких гостей! — говорит Танаыргин. — А зачем пришел?

— Хочу на твоей дочке жениться.

Танаыргин ничего не ответил Сэкену, обернулся, крикнул в ярангу:

— Эй, старуха, готовь угощение. Парень с нижней тундры пришел нашу дочку сватать. Угостим его, посмотрим, каков жених.

Сэкен рад, давно досыта не ел. А как увидел, чем старуха накормить его хочет, — испугался. Подала она гостю и хозяину на деревянном блюде целого кита. Горой лежит кит, Сэкен и Танаыргин друг друга из-за него не видят. В десять яранг, что в нижней тундре ставят, не вместился бы тот кит.

Начали есть. Танаыргин отрезает большие куски, и Сэкен отрезает большие куски. Танаыргин в рот кладет, Сэкен — ко рту поднесет, за ворот кухлянки опустит. Куски через подол проскальзывают, проваливаются сквозь тучи в нижнюю тундру и падают как раз перед входом в бедную ярангу отца и матери Сэкена.

Старик удивляется: никогда он не видел, чтобы с неба вкусное китовое мясо валилось. А старуха радуется.

— Это, — говорит, — мой дорогой сынок Танаыргина перехитрил и о нас позаботился.

Что старик со старухой съели, что в яму впрок закопали — никто не считал, никто не мерил.

А в верхней тундре на деревянном блюде одни китовые кости остались.

— Сыт, гость? — спрашивает Танаыргин.

Сэкен отвечает:

— Хозяину виднее, а дома я больше съедал. Теперь поднесла им старуха моржа.

Танаыргин уже медленно жует. Сэкен один за другим куски моржового мяса через ворот кухлянки в нижнюю тундру отправляет.

Съели и моржа.

— Ну, сыт наконец? — опять спрашивает Танаыргин.

Сэкен отвечает:

— Сыт не сыт, а еще чего-нибудь бы съел.

Нахмурилась старуха Танаыргина, однако подала жирного тюленя, потом нерпу.

Танаыргин уже ни куска проглотить не может, а Сэкен и с тюленем, и с нерпой быстро справился. Развела старуха руками — больше нечем угощать.

— Ну, поели, перекусили, — сказал Сэкен, — теперь покажите невесту.

Отвечает Танаыргин:

— Не я к тебе в нижнюю тундру пришел. Сам ко мне явился. Сам и ищи свою невесту, мою дочь.

— Что ж, искать так искать, — сказал себе Сэкен. — Верно, он ее в тундру услал.

Вышел из яранги, топнул ногами, обутыми в торбаза келэ, — стали ноги когтистыми лапами. Взмахнул руками — стали руки широкими крыльями. Не Сэкен это уже, а орел. Поднимается вверх плавными

кругами. Велика верхняя тундра, но орел со своей высоты всю ее из конца в конец видит. Нет нигде дочки Танаыргина.

Смотрит дальше орел — на одном краю тундры пасется большое стадо. Оленей в нем так много, как звезд на небе, как в море капель, как снежинок в сугробе.

«Не там ли прячется моя невеста, дочь Танаыргина?» — подумал Сэкен.

Сложил крылья, пал на землю камнем. Мигом обернулся евражкой[26], между оленьими копытами побежал. И тут нет дочки Танаыргина.

— Негде ей быть, кроме как в яранге! — сказал себе Сэкен и превратился в жука-букашку со светлыми пятнышками.

Расправил крылышки, поднялся в воздух. Орлом был — быстро края тундры достиг, у жука-букашки крылья маленькие — долго ими махать пришлось, пока до яранги добрался. Мимо Танаыргина пролетел, пожужжал у самого волосатого его уха.

Всю ярангу облетел — и поверху, и понизу. Увидел кучу сухих шкур, заполз туда. А там большой сундук стоит. Жуку-букашке не поднять тяжелой крышки. Зато он в щелку протиснуться может. Так Сэкен и сделал.

Сидит в сундуке девушка — дочь Танаыргина. Смеется, радуется, что Сэкен ее нашел. Стал жук-букашка опять человеком. Ногой по тяжелой крышке сундука ударил, вышиб ее. Разбросал шкуры, взял за руку девушку и вывел на середину яранги. Тут и разглядел ее Сэкен, залюбовался. Все правду мать рассказывала — длинноволосая она, легкая, как олень!

— Ну что ж, — говорит Танаыргин, — что найдено, то не спрятано, что обещано, то назад не возьмешь!

А в нижней тундре мать Сэкана уже плакать устала, что сын долго не возвращается. Вышла она однажды утром из яранги, налево-направо, вперед-назад посмотрела — не видно Сэкана, не идет он домой. Глянула вверх — плывет в небе маленькое облачко, все ближе подплывает, все ниже спускается.

— Спеши, спеши, Сэкен, сыночек, — запела старуха, — я тебя чаем напою, жирным мясом накормлю.

— Ты с кем там, жена, говоришь? — спрашивает старик из яранги.

— Да так, сама с собой.

Разожгла она огонь, повесила чайник и опять вышла из яранги.

Облачко к самой земле припало. Спрыгнул с него Сэкен, обнял мать. За первым облачком приплыло второе облачко, за ним — туча. Со второго облачка сошла молодая жена Сэкана, с тучи — большое стадо оленей.

Выглянул старик отец, открыл рот от удивления. А потом еще больше удивляться пришлось: жена Сэкана махнула рукой — и выросла перед ними белая как снег, большая, как сопка, яранга.

Вошли они все в ярангу. Опять махнула рукой длиннокося с верхней тундры — заблестела вокруг медная посуда, сам вспыхнул огонь в очаге, закипела вода в котле, где варился целый олень.

Тут Сэкен сказал старику:

— Иди, отец, в соседнее стойбище, зови гостей на праздник.

Старик головой покачал:

— Не пойдут.

— Почему не пойдут? — спрашивает Сэкен.

— В том стойбище[27] два брата живут, — говорит отец, — да безродный старик у них в работниках.

Они богачи, мы всегда бедняками были. Посмеются они надо мной.

— Ну, как хотят, — ответил Сэкен, — а позвать надо. Все-таки соседи. Пойдут — ладно, не пойдут — тоже ладно.

Пришел старик отец в соседнее стойбище, зовет богачей в гости. Те смеются:

— Чем угощать будешь? Мохом из-под оленьих копыт, что ли?

Однако пошли. Старого чукчу стойбище сторожить оставили.

Шли-шли, устали.

— Где же твоя яранга? — спрашивают.

— А вон стоит!

— Да ты в своем уме? Это же снежная сопка.

Подходят ближе, правда — яранга! Ни у кого во всей тундре такой большой, такой красивой яранги нет.

Начала жена Сэкена гостей жирной олениной угощать, чаем поить. Гости не столько едят, сколько по сторонам смотрят: такой блестящей посуды, таких мягких шкур и у них, богачеев, нет!

Досыта наелись гости, отправились домой. Вечером сошлись в одной яранге, стали между собой говорить:

— Стыдно нам. У нас, у богачей, того нет, что у Сэкена есть. Надо его убить!

— Когда убьем, я себе его блестящую посуду возьму, — сказал один.

— А я ярангу, — сказал второй.

Все богачи между собой наперед поделили.

А Сэкен лежит в теплом пологе в своей яранге, смеется:

— Послушай, жена, как наши гости у себя в стойбище меня убить сговариваются.

Наутро пришли два соседа на охоту Сэкена звать. Сэкен не отказывается, идет с ними. Ушли они все далеко в тундру, сели отдыхать у ручья. Сэкен наклонился, чтобы воды напиться, а соседи ударили его ножами в спину. Повалился Сэкен лицом в ручей. Богачи наперегонки побежали к его яранге, на бегу кричат:

— Кто первый добежит — возьмет оленей!

— Кто второй добежит — возьмет белую ярангу!

Бегут вровень, ни один перегнать не может, ни один догнать не может. До самой яранги добежали, а уж войти в нее сил не хватило. Упали у входа, еле дышат. Потом поползли оба. Так, ползком, и ввалились в ярангу.

Смотрят — сидит Сэкен, и молодая жена сидит, и мать, и отец с ними рядом. Чай пьют. Испугались богачи. Никому в яранге слова не сказали, повернулись, ушли прочь.

Что сделали — сами сделали, что видели — сами видели, а спросить не у кого. Стали спрашивать у старого бедного чукчи:

— Ты долго жил, много видел. Как может ожить убитый ножом в спину?

Подумал старик и сказал:

— Не человека вы убили, а его тень!

Легли спать богачи, не спится им. Каждый думает, как бы все-таки Сэкена убить, его имуществом завладеть. Один вышел из своей яранги, второй вышел. У поломанной нарты сошлись, опять стали сговариваться.

— Нож его не берет, — говорит один.

— Может, земля его возьмет, — говорит другой. — Давай выроем глубокую яму, пригласим его на праздник и сбросим вниз.

Сэкену тоже не спится в своей яранге. Он говорит:

— Слышишь, жена, снова богачи затевают недоброе!

— Давай перекочем в верхнюю тундру, — просит его жена. — Рядом с ярангой отца нашу ярангу поставим.

— Нет, — сказал Сэкен. — Я тут родился, тут и жить буду. Не хочу перекочевывать. Пусть богачи не думают, что я их боюсь!

Утром пришли соседи, говорят Сэкену:

— Ты нас угощал, теперь мы тебя угостить хотим. Приходи к нам на праздник.

Пошел Сэкен, и жена с ним пошла.

Сели все. Мясо едят, чай пьют. Потом один богач подает Сэкену бубен, спрашивает:

— Поплясать не хочешь ли?

— Отчего не поплясать? — отвечает Сэкен.

Взял он бубен, ударил в него раз, ударил другой и пошел носиться в пляске. Ходит кругами, только на шкуру, что расстелена посреди яранги, не наступает.

Богачи в ладони бьют, кричат:

— Хорошо пляшешь, высоко скачешь!

Раззадорился Сэкен, обо всем забыл. Подпрыгнул, взлетел вверх, как птица, и опустился прямо на шкуру посредине яранги. Глубокая яма под шкурой была, провалился Сэкен, даже крикнуть не успел. Молодая жена за ним бросилась.

— Ну вот, — обрадовались богачи, — теперь наконец пропал Сэкен!

— Я возьму его ярангу, — сказал один, — ты оленей.

— У меня оленей много, — отвечает другой, — а такой яранги, такой посуды, таких шкур нигде не сыщешь. Ты бери оленей, я возьму ярангу.

— Моя яранга, твои олени! — не уступает первый.

Твои олени, моя яранга! — кричит второй.

Спорили, спорили и подрались.

На крик, на шум пришел старый работник. Перестали богачи драться, просят старика, чтобы он между ними богатство поделил. Он их спрашивает:

— А где же хозяин того, что вы поделить не умеете?

Засмеялись богачи:

— Пошел своими плясками хвастать в самую нижнюю тундру.

Поглядел кругом старый чукча, увидел яму, все понял. И так сказал богачам:

— Плохое дело вы сделали. Только от плохого вам же плохо и будет. А я на это смотреть не хочу.

И ушел. Совсем ушел из стойбища.

А Сэкен с молодой женой все летели, летели вниз, пока не упали в самую нижнюю тундру. Упали — на ноги встали. Смотрят: стоят там шесть яранг. Из тех яранг выходят им навстречу шесть келэ. Тех самых, что Сэкен когда-то в тундре повстречал.

Шестой келэ говорит:

— Здравствуй, Сэкен, внучек! Как сюда попал?

— Не по своей воле явился, — отвечает Сэкен. — Нас злые люди в яму сбросили.

— Ну, это горе небольшое, — смеется келэ. — Откуда пришли, туда и уйдете.

Дал он им хорошую упряжку, усадил на нарты, а сзади привязал бешеного оленя.

Взвилась оленья упряжка вверх, вынесла Сэкена и его молодую жену в ярангу богачей.

Те все еще спорят, как имущество делить. Только не пришлось им доспорить, смерти Сэкена порадоваться! Разнес ярангу бешеный олень, одного богача копытами зашиб, другого рогами ударил.

Сэкен с женой домой поехали, где их мать и отец поджидали.

Если увидишь в тундре белую ярангу, похожую на снежную сопку, так и знай: это яранга славного Сэкена, который женился на дочери Танаыргина из верхней тундры.

ГУЛЬДЖАХАН

Туркменская сказка

Перевод В. Чулкова и О. Давлетовой

Было это или не было, в далекие времена жил-был падишах по имени Ширванадыл. Днем он выслушивал жалобы подданных, а ночью вместе с несколькими визирями, облачившись в одежду нищего, ходил по дворам и прислушивался, что о нем говорят в народе.

Однажды Ширванадыл и два его визиря зашли во двор к бедняку, жившему на самой окраине столицы, и попросились переночевать. Бедняк впустил их в свою кибитку. Улеглись гости на дырявую кошму и сделали вид, что уснули.

У бедняка было три взрослых дочери. Видя, что гости уже спят, одна из них и говорит:

— Ну что, сестрички, давайте помечтаем.

— Давай, — ответили две других.

— Вот если бы меня отдали замуж за одного полюбившегося мне дайханина^[28], я бы была самой спокойной и доброй женой, — сказала старшая.

— А мне бы хотелось стать женой одного богатого купца, — сказала средняя.

— Ну какая же это мечта? — сказала младшая сестра Гульджахан. — Вот если бы я была женой Ширванадыла, я бы раздала всю царскую казну беднякам, а сам падишах надевал бы мне на ноги мои башмачки, когда я выходила из комнаты, и снимал бы их, когда я возвращалась обратно.

Наутро Ширванадыл попрощался с хозяином и поспешил во дворец. Позвав нукеров^[29], он приказал им доставить дочерей бедняка.

— Ну, красавицы, — обратился к сестрам падишах, когда они появились во дворце, — ответьте мне на вопросы, что я вам сейчас задам. Только говорите правду. Скажите: о чем вы между собой говорили вчера вечером?

— Я говорила, что хотела бы стать женой дайханина, которого я люблю, — сказала старшая сестра.

Падишах узнал имя этого человека, призвал его и пожелал старшей сестре счастливой жизни с ним.

— А что ты говорила? — спросил падишах вторую сестру.

— Я говорила, что хотела бы стать женой одного богатого купца, — сказала средняя сестра.

Падишах узнал имя и этого человека. Призвал его и средней сестре пожелал счастливой жизни с ним.

— Ну, а теперь ты расскажи, о чем говорила, — обратился падишах к Гульджахан.

— Наш падишах, я осмелилась сказать, что если бы я была вашей женой, я бы раздала всю казну беднякам, а сам падишах надевал бы мне на ноги мои башмачки, когда я выходила из своих покоев, и снимал бы их, когда я возвращалась к ним.

— Со всеми твоими желаниями я согласен, — сказал Ширванадыл, — но насчет башмаков... Ты захотела слишком многого...

Он позвал палача и приказал:

— Казните ее!

— О великий падишах, — сказали визири, — она еще молода и глупа, потому даруй ей жизнь — прикажи бросить ее в пустыне. А там уж ее дело: сумеет — будет жить, не сумеет — умрет.

Падишах согласился.

День и ночь проплакала Гульджахан в пустыне. Наутро она вытерла слезы, огляделась и пошла куда глаза глядят. Долго ли, коротко ли шла она — неизвестно. Только от долгой ходьбы у нее распухли ноги, от горячего солнца почернело лицо, от жажды потрескались губы. Когда она уже потеряла всякую надежду на спасение, ей на пути встретилось дерево, в тени которого журчал ручей.

Гульджахан напилась воды, прилегла отдохнуть и не заметила, как уснула.

Ночью ее разбудили какие-то голоса. Она прислушалась. Говорили птицы, сидевшие на дереве.

— Подружки, видите, под деревом спит девушка? — спросила одна из птиц.

— Видим! Видим! — ответили две другие.

— Она, бедняжка, столько перенесла из-за падишаха Ширванадыла, пока пришла в свои владения.

— Как, разве это ее владения?

— Да. Они ей предназначены падишахом, жившим еще в древности. Вон там, в сорока шагах от этого дерева на восток, схоронен большой клад. Все его богатства принадлежат ей. На камне, под которым они лежат, написано: «Гульджахан».

А в горах, у истока ручья, что течет под нашим деревом, находится ее сад, а в нем — дворец. Такой красивый дворец, какого никто никогда не видел.

Высказав все это, птицы вспорхнули и улетели.

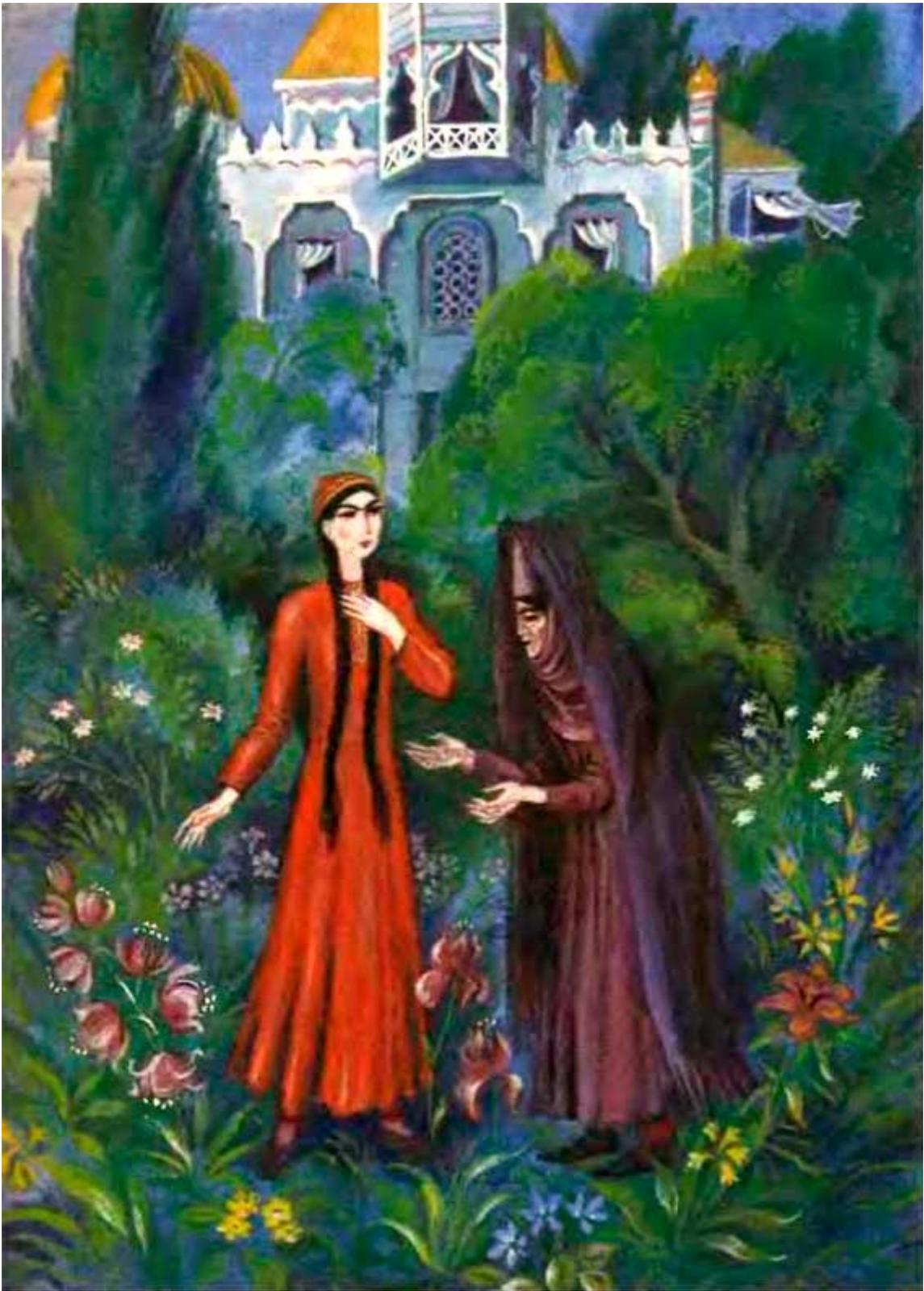
Едва забрезжил рассвет, Гульджахан уже была на ногах. Пройдя сорок шагов, она стала копать землю отломанным от дерева сухим сучком. Вскоре ей попался камень, и на нем она прочла свое имя. Камень легко подался в сторону. Девушка увидела столько сокровищ, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Положив камень, она пошла искать сад и дворец.

Долго ли, коротко ли шла Гульджахан вверх по течению ручья, на берегу которого она спала, наконец достигла ущелья. Миновав пещеру, она очутилась в роскошном саду. От восторга у девушки разбежались глаза: кругом благоухали цветы, пели соловьи и журчали фонтаны. Гульджахан выкупалась, пошла дальше. Из-за кущи деревьев показался неопикуемой красоты дворец. Девушка обошла все покои дворца, блиставшие невиданной роскошью, и вышла снова в сад. В это время к ней подошла старушка.

— Откуда ты, красавица? — спросила она Гульджахан. — Тут еще не ступала нога человека.

— Я — Гульджахан.

— Здравствуй, мое дитя, — обрадовалась старушка. — Сколько лет я ждала тебя. Наконец-то ты явилась, моя ненаглядная. Пойдем, я тебе покажу все твое наследство и вручу тебе ключи от него. Теперь ты хозяйка всему.

К туркменской сказке «Гульджахан».

Старушка завела Гульджахан в одну из комнат, показала, где и какие ее наряды. На другой день девушка оседлала коня и в одежде мужчины поехала к падишаху этих земель.

Когда доложили падишаху, что из далекой страны пожаловал богатый купец, падишах тут же приказал: «Пригласить дорогого гостя!»

Гульджахан вошла, поприветствовала владыку и преподнесла ему подарки.

— Откуда будешь, добрый человек? — спросил падишах. — И по какому делу пожаловал в наши края?

— Я — купец, — сказала Гульджахан. — Отец оставил мне большое наследство, и я хочу заняться земледелием. В вашем царстве есть дикая, безлюдная степь. Продайте мне ее, и я сделаю эту пустую землю обетованной.

— Ну что ж, это дело серьезное, — подумав, сказал падишах. — Вы пока отдыхайте, а мы посоветуемся с визирями и векильями [\[30\]](#) и тогда дадим вам ответ.

На другой день падишах снова пригласил к себе Гульджахан и назвал цену степи — тысячу

тумéнов[31]. Гульджахан отсчитала деньги и отдала падишаху.

— И еще у меня просьба, великий падишах, — сказала она. — В вашей столице много искусных мастеров и хороших работников. Не позволите ли вы мне взять с собой сколько-нибудь из них.

Падишах милостиво разрешил взять и мастеров, и работников.

Выйдя из дворца, Гульджахан пошла на базар. Весть о том, что приезжий купец обещает всем, кто поедет строить новый город в степи, хорошие заработки, передавалась из уст в уста, и к вечеру желающих нашлось столько, сколько было нужно. Купив рабочий скот и все необходимое, Гульджахан простилась с падишахом и отправилась в путь во главе нанятых людей.

Долго ли, коротко ли шли они, наконец дошли до того дерева, где Гульджахан услышала разговор птиц и где находился ее клад.

После отдыха люди принялись за дело. Лучшие мастера начали возводить дворец для Гульджахан, землекопы рыли кярызы[32], чтобы подвести из-под гор воду.

Гульджахан решила построить дворец красивее, чем у самого Ширванадыла. Если у него было семь ворот, у нее — восемь. У Ширванадыла у парадного входа стояло семь колонн, у нее — восемь. У Ширванадыла дворец был построен из кирпича, у Гульджахан — из тесаного камня.

Дворец Гульджахан рос не по дням, а по часам. И красоты он был такой, что и глаз от него нельзя отвести. Вокруг дворца был разбит сад с бассейнами и фонтанами, беседками и цветниками.

После того как город был построен, Гульджахан собрала людей и сказала:

— А теперь, кто из вас желает, может привезти сюда свою семью и поселиться в этом городе. И передайте всем, с кем доведется встретиться: пусть едут к нам.

Весть о добром купце разнеслась далеко вокруг, и в новый город стали стекаться люди из всех мест. Город рос, хорошел. Люди были обеспечены и счастливы. Вскоре они избрали Гульджахан своим падишахом.

А теперь вернемся к Ширванадылу.

У него был обычай: если нищий, осмотрев все семь ворот дворца, приходил к нему, то он дарил ему что-нибудь на память. Об этом обычае знала Гульджахан. Однажды она позвала к себе главного визиря и сказала ему:

— Мой визирь, ты должен поехать к Ширванадылу. Когда достигнешь его города, переоденься в платье нищего и, осмотрев все семь ворот дворца, пойди к падишаху. За это он даст тебе подарок. Ты снова все семь ворот осмотри и опять иди к нему. Он рассердится, а ты ему скажешь: мол, я не ожидал такого гнева от достойного Ширванадыла, мол, он не стоит падишаха, чей дворец очень похож на этот, но имеет восемь ворот и сам падишах щедрее — дает подарок за каждые осмотренные ворота. А как, мол, любезен тот падишах! О справедливости нечего и говорить — равного не сыщешь и в целом свете. Пойду, мол, опять к нему — и уходи.

Визирь, выслушав Гульджахан, тут же собрался и отправился.

Долго ли, коротко ли ехал он, остановился на постоялом дворе, отдохнул, а наутро сделал так, как ему советовала Гульджахан. Переодевшись в платье нищего, он вошел во дворец величественного владыки Ширванадыла и запел:

Диванá заходит в дверь.
Все несчастья уходите...

О Аллах, о Аллах! О святой дивана Бахеветдін! Подайте, и умножит ваше богатство Аллах! — приговаривал он скороговоркой, осматривая ворота.

Когда же он прошел все семь, Ширванадыл дал ему какую-то монетку. Тогда нищий вернулся к первым воротам и начал снова петь и приговаривать.

— Э, да ты, оказывается, бессовестный, дивана! — разгневался Ширванадыл и прогнал его.

— Ну и Ширванадыл! — воскликнул «нищий». — Посмотреть даже не на что. Вот в пустыне, в новом городе, падишах так падишах! Ему, наверное, нет равных в целом свете ни по щедрости, ни по справедливости. Он всех встречает с радостью и вознаграждает за каждые осмотренные ворота, хотя их у него не семь, а восемь. Нет, нет, я и дня тут больше не останусь.

Вернувшись на постоянный двор, визирь Гульд-жахан скинул с себя нищенскую одежду, вскочил на коня и поспешил домой.

Долго ли, коротко ли он ехал, но приехал. Рассказал своему падишаху, как выполнил его задание. Гульджахан вручила ему вполне заслуженную награду и посоветовала:

— Распорядитесь, мой визирь, чтобы город привели в порядок, — надо ждать, что Ширванадыл под каким-либо предлогом не сегодня завтра пожалует к нам.

Теперь поговорим о Ширванадыле.

После того как «нищий» его упрекнул, а другого падишаха вознес, Ширванадыл решил посетить новое царство и лично убедиться в тех чудесах, о которых ему прожужжали уши. Призвав к себе двух своих визирей, он сказал им:

— Собирайтесь в дорогу. Поедем в новый город. О нем так много всякого говорят, что мне самому хочется посмотреть на него. Неплохо будет взглянуть и на «самого справедливого» падишаха на нашей священной земле.

Под видом паломников^[33] Ширванадыл и его двое визирей отправились в путь. Они достигли города, где правила Гульджахан, и въехали в его ворота. Стража тотчас доложила своему падишаху, что появились три новых дивана.

Надев самые дороги одежды, Гульджахан водрузила на голову корону из бриллиантов и села на трон. Рядом с собой она поставила целый хум^[34] золота, которого у нее было видимо-невидимо.

Остановившись на постоялом дворе, Ширванадыл и его визири отдохнули после дороги, поели, попили чаю, а потом отправились во дворец. Миновали гости одни ворота — Гульджахан дала им столько золота, что и не сосчитать. Миновали другие — еще получили. Когда же прошли последние — восьмые ворота, — то их торбы, куда они складывали полученное золото, оказались переполненными. Тогда они стали рассовывать монеты по карманам, за пазуху.

Когда гости собрались уходить, Гульджахан спросила их:

— Дорогие паломники, куда же вы торопитесь? Зайдите в комнату для гостей, там вас накормят, напоят всем, чем пожелаете, а потом идите с богом. У нас такой обычай: кто приходит к нам, будь он падишах или нищий, должен погостить у нас.

И она повела удивленных такой щедростью паломников в покои, где был расстелен сачак^[35] и на нем всякие яства в чашах из чистого золота. Гульджахан предложила каждому из гостей взять, что им понравится, на память. Но дивана наотрез отказались.

— Нет, нет, — сказала Гульджахан, — у нас такой обычай: если мы угощаем гостя, то отдаем ему посуду, из которой он ел-пил.

Действительно, такой обычай у нее был, и она строго соблюдала его. Не уважить обычай — обидеть хозяина. Поэтому Ширванадыл взял посуду, которой пользовался.

— Уважаемые гости, — снова сказала Гульджахан, — вы, наверное, много видели, а ведь говорят: кто много видел — много знает. Расскажите нам что-нибудь, а мы послушаем. Особенно мы любим слушать мудрые пословицы и сказки.

— О уважаемый падишах, сейчас нам нечего сказать, — ответил Ширванадыл, — мы еще не собрались с мыслями. Если позволите, мы придем вечером и расскажем.

— Что ж, это можно, — сказала Гульджахан.

Ширванадыл со своими спутниками пришел вечером.

— Первым будет говорить тот, — сказала Гульджахан, — кто больше знает.

— Если позволит падишах, — сказал Ширванадыл, — первым буду говорить я.

— Хорошо, — согласилась Гульджахан. — Тогда эту ночь мы будем слушать тебя. А твои спутники могут идти и спокойно отдыхать в покоях для гостей.

Пока Ширванадыл рассказывал о том, что видел или слышал, Гульджахан много раз нарочно вставала и выходила во двор. И каждый раз величественный повелитель Ширванадыл поспешно то подавал, то принимал от нее обувь.

— В стародавнее время, — рассказывал Ширванадыл, — жил-был очень умный и справедливый падишах. О его щедрости и благородстве в народе слагали легенды. Часто, оставаясь наедине с самим собой, он думал: «Такого человека, как я, еще не было на земле и, наверное, не будет». Однажды, когда он сидел в тяжком раздумье, к нему пришел какой-то нищий и стал просить милостыню. Падишах дал ему монету. Тот вернулся и попросил вторую. Падишах не мог потерпеть такой наглости и прогнал его. Тогда нищий сказал, что падишах оказался не таким щедрым, как о нем ходит молва, а вот, мол, в такой-то стране падишах так падишах. Ни по щедрости, ни по справедливости нет ему равных в целом свете. Падишах не поверил словам нищего и отправился в страну, чтобы лично убедиться в истинности слов нищего. Оказалось, нищий ничего не преувеличивал. Тогда падишах тоже стал добрым и щедрым. С тех пор на земле стало два падишаха, равных по уму, благородству и щедрости.

— Но гость кое-что упустил, — сказала Гульджахан. — Действительно, падишах стал щедрым, но не от души, а от зависти к славе другого. А ведь ему лучше было бы оставаться самим собой... О, кажется, уже поздно, гость, наверное, устал, ему пора отдохнуть... Спокойной ночи... А завтра приходите опять, я тоже кое-что расскажу.

Назавтра Ширванадыл пришел со своими визирями снова. Гульджахан села на трон, гостей усадила на почетные места рядом с собой и начала рассказывать о том, как один шах подслушал разговор трех сестер, как он осуществил мечту двух старших, а младшую, вместо того чтобы взять себе в жены, бросил на съедение хищным зверям в пустыне. Ширванадыл несколько раз порывался встать, чтобы уйти с глаз долой, но Гульджахан не отпускала его до тех пор, пока не рассказала все, вплоть до того, как этот шах когда-то с гневом отверг дерзновенную мечту девушки о том, чтобы падишах подавал ей обувь, когда она выходила бы из покоев, и принимал эту обувь по ее возвращении к себе, и как она потом все-таки заставила падишаха подавать и убирать обувь и ее желание осуществилось.

От всего услышанного Ширванадыл пришел в такое замешательство, что не знал, куда спрятать глаза. В довершение всего Гульджахан вышла и вернулась в девичьем наряде.

— Вот так, падишах Ширванадыл, — сказала она, улыбаясь. — Все-таки ты мне подавал обувь. Может быть, я ошиблась? — лукаво спросила она.

Гульджахан с большими почестями проводила падишаха Ширванадыла и его визирей. Сама же она много-много лет оставалась мудрым, справедливым и щедрым падишахом, самым мудрым, справедливым и щедрым на земле.

ГАРЬЮЛАЙ-МЭРГЭН И ЕГО ОТВАЖНАЯ СЕСТРА АГУ-НОГОН-АБАХА

Бурятская сказка

Пересказ Т. Очировой

прежнее время жили брат и сестра. Брата звали Гарьюла́й-ме́ргэ́н[36], а сестру — Агу́-ногóн-абаха́. Жили они очень дружно и счастливо. Был у них красивый большой четырехугольный дворец с крышами одна другой выше, вышиной до неба. Их неисчислимые стада паслись на вечно зеленеющих неоглядных пастбищах.

Однажды Гарьюлай-мэргэн говорит своей сестре:

— Надоело мне сидеть дома! Надоело мне есть бычье да овечье мясо, захотелось отведать мяса диких зверей. Поеду я на охоту!

— Поезжай, братец, — отвечает Агу-ногон-абаха. — Доброй тебе охоты да удачи.

Затрубил Гарьюлай-мэргэн в рог, стал призывать своего тоненького рыжего коня. Услыхал тоненький рыжий конь зов хозяина, прибежал, остановился около серебряной коновязи и заржал серебристо-звонким голосом.

Гарьюлай-мэргэн вышел из дворца, обуздал тоненького рыжего коня серебряной уздой и привязал его красным шелковым поводом к серебряной коновязи. Несет он затем шелковый потник и серебряное седло и седлает своего коня. После этого он стал готовиться в путь и снаряжаться: перекинул через плечо колча́н[37] из чистого серебра, взял лук и стрелы и сказал сестре:

— Я готов, сестрица!

Тогда Агу-ногон-абаха поставила перед ним стол, а на столе расставила разные вкусные кушанья и напитки и принялась угощать брата.

Гарьюлай-мэргэн наелся досыта впрок, распростился с сестрой и вышел во двор к своему коню.

Скорым шагом подошел он к серебряной коновязи, отвязал красный шелковый повод, вскочил на своего тоненького рыжего коня и уехал охотиться в горы.

День ездит Гарьюлай-мэргэн по горам, два ездит, но ни одного зверя не встречает, а на третий день встретил он огромное чудовище — семиголового мангатха́я[38].

— Хо-хо-хо! — захохотал этот мангатхай. — Посмотри, кто это сзади тебя? Твоя душа или душа твоего коня?

Гарьюлай-мэргэн не раскусил хитрости мангатхая — оглянулся. А мангатхай подскочил к нему и проглотил его. Одежду мангатхай выплюнул на правую сторону, а колчан со стрелами и лук бросил на левую. Тогда тоненький рыжий конь Гарьюлай-мэргэна схватил поспешно одежду своего хозяина, прихватил колчан и лук и поскакал прочь. Мангатхай погнался было за ним, да не мог догнать.

Прибежал тоненький рыжий конь ко дворцу и заржал серебристо-звонким голосом — стал вызывать Агу-ногон-абаху.

Услыхала девушка конское ржание, узнала серебристо-звонкий голос рыженького коня, выбежала к нему навстречу и стала расспрашивать, что случилось с братом. Тоненький рыжий конь рассказал ей все.

Ушла Агу-ногон-абаха во дворец и долго там плакала. Потом переоделась она в одежду брата, опоясалась его ремнем, прикрепила его колчан со стрелами, взяла лук, села на тоненького рыжего коня и поскакала в горы — отыскивать мангатхая.

А мангатхай все ездил по горам и охотился там на зверей, подстерегал путников.

Повстречала Агу-ногон-абаху мангатхая и крикнула ему:

— Кто это позади тебя, посмотри? Твоя это душа или душа твоего коня?

Мангатхай оглянулся. Тут Агу-ногон-абаха быстро натянула лук и пустила стрелу в мангатхая. Взвыл мангатхай страшным голосом, упал с лошади и дух испустил. Лохматая лошадь его хотела убежать прочь, но Агу-ногон-абаха схватила ее за поводья и удержала.

Тогда тоненький рыжий конь говорит ей:

— Разрежь большой палец правой руки мангатхая— там ты найдешь кости твоего брата!

Агу-ногон-абаха переложила из руки поводья лохматой лошади мангатхая, сунула их своему коню в зубы и велела:

— Крепче держи их зубами!

А сама стала резать большой палец на правой руке мангатхая. В пальце мангатхая нашла Агу-ногон-абаха кости своего брата, завернула их в черный шелковый платок. Потом убила она лохматую лошадь мангатхая и сожгла ее вместе с чудовищем на большом костре, а пепел развеяла на все четыре стороны, чтобы не ожили они и не делали больше зла людям.

После этого Агу-ногон-абаха вернулась домой, там бережно положила кости брата на стол и уехала из дворца.

Из трех ключей сестра набрала в сосуд воды. В десяти тайгах нарвала она вереску, а в шестидесяти тайгах набрала пихтовой коры. Вереск и пихтовую кору девушка положила в воду из трех ключей и этим настоем, приехав домой, обмыла кости брата и обернула их четырехцветным шелком.

После этого Агу-ногон-абаха отправилась туда, где паслись ее многочисленные табуны. Там она поймала кобылицу с золотисто-желтой шерстью, привела ее домой, взяла кости Гарьюлай-мэргэна, обернутые в четырехцветный шелк, и поехала к горе Ангай, ведя за собой на поводу золотисто-желтую кобылицу.

Подъехала Агу-ногон-абаха к горе Ангай, принесла ей в жертву золотисто-желтую кобылицу и стала просить гору:

— Раскройся, гора Ангай, прими кости моего брата Гарьюлай-мэргэна!

Приняла гора Ангай жертву и раскрылась. Агу-ногон-абаха положила в нее кости брата, и гора закрылась снова. После этого Агу-ногон-абаха вернулась домой, отпустила тоненького рыжего коня и стала горько оплакивать брата.

— Осталась я одна! — рыдает и плачет Агу-ногон-абаха. — Нет у меня моего единственного брата, некому теперь защитить меня от врагов! Всякий прохожий может меня обидеть, разорить мой дворец и угнать мои стада!..

Долго плакала сестра. Наконец решила ехать в далекий и опасный путь. Слышала она, что есть у Эсэгэ-малана[39] три дочери, которые могут оживлять мертвых.

И Агу-ногон-абаха придумала такую хитрость: «Не спустятся на землю дочери Эсэгэ-малана, если я буду просить их. Но если приеду я к ним под видом жениха и высватаю их, они поедут со мной и оживят моего брата. А если вдруг за обман мой они разгневаются на меня — будь что будет, пусть делают со мной что хотят, лишь бы ожил мой брат Гарьюлай-мэргэн!..»

Решив так, девушка вышла из дворца и затрубила в рог. На ее зов прибежал тоненький рыжий конь и остановился у серебряной коновязи.

Агу-ногон-абаха взнуздала его серебряной уздой, оседлала его серебряным седлом и привязала к серебряной коновязи красным шелковым поводом, потом вернулась во дворец, надела лучшие одежды брата, а сверху надела на себя черные железные доспехи, которые надевал ее брат во время битв. Опясалась она ремнем с серебряным колчаном, взяла лук, стрелы, серебряную трубку и кисет с табаком — и стала похожа на Гарьюлай-мэргэна как две капли воды. Никто бы и не подумал, что это девушка, а не мужчина.

Вышла Агу-ногон-абаха из дворца, вскочила на тоненького рыжего коня и отправилась в путь. И стало сердце у нее как камень — никакая опасность не пугала ее.

Много ли, мало ли ехала она, вдруг видит: сидит у дороги женщина, варит чай и переливает его из одного котла в другой.

Тоненький рыжий конь говорит девушке:

— Женщина эта будет угощать тебя чаем, но ты не пей — у нее дурное на уме, она отравит тебя!

Подъехали они к женщине, а та стала потчевать Агу-ногон-абаха чаем. Угощает и льстиво так приговаривает:

— Ты едешь, — говорит она, — в далекую, неведомую страну, там ты будешь терпеть голод и жажду. Выпей хоть одну чашку чая на дорогу!

Девушка взяла чашку, но не стала пить чай, а выплеснула его на женщину. Та и умерла тотчас же.

Агу-ногон-абаха поехала дальше и вдруг видит: огромный медведь раскапывает муравейник.

Конь говорит ей:

— Неужели мы будем объезжать этого медведя? Лучше возьми его за уши и отбрось в сторону!

Девушка так и сделала. Схватила она медведя за уши и отбросила его далеко в сторону. Медведь только рявкнул и дух испустил.

Поехали они дальше своей дорогой и вдруг слышат: гонится кто-то за ними. Агу-ногон-абаха обернулась и увидела, что догоняет их муравьиный хан. Она остановила коня и подождала его.

Муравьиный хан догнал их, поблагодарил и говорит:

— Ты победил моего злейшего врага. Он поедал моих подданных и разорял наше селение. Если случится какая-нибудь опасность или будут трудности в пути — позови меня, я тебе помогу.

Сказав так, муравьиный хан вернулся обратно в свои владения, а Агу-ногон-абаха поехала дальше.

Вскоре подъехала она к высокой горе. Вершина этой горы была выше облаков, а у подошвы лежало множество человеческих и конских костей. Девушка спустилась с коня и оглядела кости. Кости эти были куда длиннее и толще, чем кости обычных людей и коней.

Горько заплакала она тогда и говорит:

— Здесь погибли люди, которые были и больше, и сильнее меня. Придется, видно, и мне умереть возле этой горы. Оставляю я здесь свои кости.

Тоненький рыжий конь говорит ей:

— Не горюй! Я попробую допрыгнуть до вершины этой горы. Только сумей удержаться и не упади!

Повернулся тоненький рыжий конь и поскакал назад. Скакал он так три дня и три ночи. Потом остановился, развернулся и помчался изо всей мочи к горе, а достигнув горы, подскочил так высоко, что оказался на самой ее вершине.

Здесь они нашли ключ с живой водой. Агу-ногон-абаха спешила с коня, напилась живой воды и стала в три раза сильнее и красивее прежнего. Напоила она и коня, и он сделался в три раза быстрее и крепче на бегу.

Затем Агу-ногон-абаха зачерпнула живой воды и плеснула ее вниз, к подножью горы, где лежали человеческие и конские кости. Люди и кони в тот же миг ожили. Стали громко благодарить девушку и с большой радостью разъехались в разные стороны по своим домам.

Агу-ногон-абаха набрала с собой живой воды и поехала дальше.

По дороге увидела она трех умиравших от голода и усталости юношей. Брызнула она на них живой водой — и юноши тотчас же ожили, стали сильными и бодрыми. Стали они благодарить ее и сказали:

— Мы — баторы[40]-невидимки. Когда мы захотим, никто не может увидеть нас. Если тебе будет нужна наша помощь, позови нас, трех сильных баторов, и мы во всем поможем тебе!

Агу-ногон-абаха попрощалась с баторами-невидимками и поехала дальше.

Едет она и видит: лежит на дороге умирающая желтая собака.

Спросила девушка собаку:

— Что с тобой приключилось? Отчего ты умираешь?

Собака отвечает ей:

— Сидела у дороги женщина и варила чай, переливала его из одного котла в другой. Подозвала меня эта женщина, дала мне выпить чаю — я и отравилась.

Тогда Агу-ногон-абаха брызнула на нее живой водой, собака мгновенно выздоровела, замахала хвостом и сказала:

— Когда тебе будет нужна моя помощь, крикни: «Гунір-шара-нохóй!» Я сейчас же прибегу и помогу тебе. Я могу быть невидимкой, когда пожелаю, и никто, кроме тебя, не будет знать, что я помогаю тебе!

Поехала Агу-ногон-абаха дальше. Ехала она долго и наконец, после утомительного пути, приехала к высокому дворцу Эсэгэ-малана.

Привязала девушка коня красным шелковым поводом к серебряной коновязи, у которой стояли уже две оседланные лошади, и вошла во дворец.

Поздоровалась Агу-ногон-абаха с Эсэгэ-маланом и говорит ему:

— Я приехал сватать твоих дочерей!

А у Эсэгэ-малана уже сидят двое юношей — они тоже приехали сватать его дочерей.

Эсэгэ-малан спрашивает Агу-ногон-абаха:

— Как тебя зовут, юноша? Из какой ты страны? Та ему отвечает:

— Я приехал с северной стороны, а зовут меня Гарьюлай-мэргэн.

Эсэгэ-малан угощает всех трех женихов и оставляет у себя ночевать, а сам думает, кого выбрать в зятя.

Поутру Эсэгэ-малан сказал женихам:

— Хочу я позабавиться, на борьбу посмотреть и определить, кто из вас всех сильнее. За самого сильного я и выдам своих дочерей.

Испугалась Агу-ногон-абаха: не знала она, как борются баторы, боялась, чтобы во время борьбы не узнали как-нибудь, что она женщина.

А тоненький рыжий конь говорит ей потихоньку:

— Позови на помощь одного из трех баторов-невидимок.

Она так и сделала. Не успела позвать — тотчас явился невидимый молодой батор и помог ей одолеть в борьбе ее противников.

Тогда Эсэгэ-малан решил:

— Вот кому я отдам моих дочерей! Из женихов он самый сильный!

Но раньше захотел он посоветоваться с шаманкой — узнать, хорошему ли жениху отдает он дочерей.

Шаманка погадала и говорит:

— И красив, и силен этот жених, только он не мужчина, а девушка! Вот за кого ты хочешь отдать своих дочерей!

Удивился Эсэгэ-малан и захотел еще раз испытать Агу-ногон-абаха. Приказал он женихам стрелять в цель.

Тогда девушка призвала на помощь второго батора-невидимку, и он помог ей. А двое других женихов промахнулись и не попали в цель.

После этого Эсэгэ-малан решил посмотреть, кто из женихов лучший наездник.

«Если это девушка, а не мужчина, — рассудил он, — ее конь придет последним».

Агу-ногон-абаха пошла к своему тоненькому рыжему коню и спросила:

— Что мне теперь делать?

Конь сказал:

— Позови желтую собаку-невидимку Гунир-шара-нохой. Она мне невидимо поможет — задержит других коней.

Собака Гунир-шара-нохой в тот же миг явилась на зов. Она вертелась в ногах у коней других женихов и помогла этим тоненькому рыжему коню обогнать их.

Эсэгэ-малан обрадовался и говорит:

— Неправду сказала старая шаманка, что он не мужчина! Разве женщина может так скакать на коне?

Но шаманка погадала и опять говорит:

— Не мужчина это, а девушка!

Тогда Эсэгэ-малан придумал еще одно испытание. Он сказал:

— Есть у меня три амбара, в каждом из них сидит по медведю. Запрет всех трех женихов в эти амбары. Если Гарьюлай-мэргэн — девушка, то она не справится с медведем, и медведь одолеет ее, задавит.

Заперли всех трех женихов в амбары с медведями и ждут: что будет?

Тогда девушка призвала на помощь третьего батора-невидимку. Он тотчас явился на зов, поднял угол амбара и сунул под него медведя. Медведь тут же и околел.

Утром Агу-ногон-абаха вышла из амбара целой и невредимой, а двух других женихов вынули мертвыми.

Старшая дочь Эсэгэ-малана плюнула на женихов и перешагнула через них. Средняя дочь Эсэгэ-малана тоже плюнула и перешагнула. Младшая дочь плюнула и перешагнула — и оба жениха ожили.

А шаманка все свое твердит:

— Эсэгэ-малан хочет выдать своих дочерей за девушку! За девушку хочет выдать!

Тогда Эсэгэ-малан придумал еще одно испытание. Дал он женихам по котлу, в которых было смешано красное и белое просо, и сказал:

— Разделите к утру белое и красное просо так, чтобы в одной кучке было только белое, а в другой — только красное.

— Как мне быть? — спрашивает, опечалившись, Агу-ногон-абаха своего коня.

Тоненький рыжий конь и говорит ей:

— Позови на помощь муравьиного хана, и он поможет тебе!

Выслушала Агу-ногон-абаха совет коня, приободрилась, пошла во дворец и села рядом с женихами. Эсэгэ-малан велел принести три котла со смешанным просом и поставил перед женихами.

Агу-ногон-абаха неслышно позвала на помощь муравьиного хана: «Приди, муравьиный хан, и помоги мне!» Он тотчас же явился с множеством муравьев, и они быстро разделили все ее просо на две кучки: в одной — белое, в другой — красное. А двое других женихов так и не смогли разделить просо и уехали домой ни с чем.

— Пойдете ли вы замуж за славного Гарьюлай-мэргэна? — спросил Эсэгэ-малан дочерей.

Дочери согласились.

Сказал им отец:

— Возьмите с собой половину всего моего имущества.

Но дочери ответили:

— Не нужно нам твое имущество, дай нам только один серебряный ковшик, с помощью которого можно получать какие угодно кушанья и напитки!

Сыграли они свадьбу. Долго пировали, много угощенья съели. Только на девятый день разъехались гости. Стала и Агу-ногон-абаха собираться домой.

— Я давно выехал из дому, — говорит она Эсэгэ-малану, — не знаю, что там делается: не угнал ли кто мой скот, не порушил ли дом. У кого есть родина — тот должен торопиться на родину, у кого есть дом — тот должен заботиться о доме!

Эсэгэ-малан согласился и отпустил Агу-ногон-абаха домой и целых три дня ехал с ними, провожая своих дочерей. Потом распростился он со всеми и вернулся обратно домой.

Едет Агу-ногон-абаха в свою сторону с тремя дочерьми Эсэгэ-малана. Днем они едут вперед, а вечером останавливаются на ночлег. Дочери Эсэгэ-малана при помощи серебряного ковша готовят вкусные кушанья. Поедят они, поговорят и спать улягутся.

На одном привале дочери Эсэгэ-малана стали говорить между собой:

— Давайте испытаем еще раз Гарьюлай-мэргэна! Положим ему на грудь огонь, когда он будет спать. Если это девушка — она вскрикнет от боли, если это мужчина — он молча сбросит огонь и снова заснет.

Так они и сделали — положили огонь на грудь Агу-ногон-абаха. Но она молча сбросила огонь и опять заснула.

Тогда дочери Эсэгэ-малана говорят:

— Нет, это мужчина, а не девушка! Но отчего голос его так похож на женский, почему он такой нежный и высокий?

На другую ночь придумали они новое испытание.

Поймали дочери Эсэгэ-малана змею и положили ее на шею Агу-ногон-абаха. Но та спокойно сбросила ее с себя и снова заснула.

— Нет, это мужчина, а не девушка! — решили дочери Эсэгэ-малана.

Долго они ехали, наконец доехали до источника живой воды, сами напились и коней напоили — и стали они красивее прежнего, а кони их стали еще сильнее и быстрее. Благополучно спустились они с высокой, крутой горы и поехали дальше.

Агу-ногон-абаха говорит трем дочерям Эсэгэ-малана:

— Я поеду вперед, чтобы привести в порядок дворец и встретить вас как подобает. А вы поезжайте по моим следам. Где я начерчу круг — там ночуйте, где сделаю черту на дороге — в ту сторону и поезжайте, никуда не сворачивайте!

И Агу-ногон-абаха ускакала вперед.

Приезжает Агу-ногон-абаха домой, а дома все в порядке, дворец благополучно стоит на прежнем месте.

Осмотрелась Агу-ногон-абаха и тотчас же поскакала к своим многочисленным табунам. Поймала она там белоснежную кобылицу, надела на нее поводок и поспешила к горе Ангай.

Здесь она принесла белую кобылицу в жертву горе Ангай и стала просить ее:

— Раскройся, гора Ангай, чтобы я могла взять кости моего брата Гарьюлай-мэргэна!

Гора Ангай раскрылась.

Агу-ногон-абаха взяла кости своего брата, и гора Ангай закрылась снова.

С останками брата Агу-ногон-абаха вернулась домой, привязала тоненького рыжего коня к серебряной коновязи и сняла с него седло и потник. Принесла она их во дворец, расстелила шелковый потник на кровати, серебряное седло поставила в изголовье, на эту постель положила кости Гарьюлай-мэргэна.

Потом написала девушка на бумаге все, что сделала. Бумагу эту привязала она к гриве тоненького рыжего коня, а сама убежала в лес и обратилась там в зайца, чтобы скрыться от гнева дочерей Эсэгэ-малана.

Приехали три дочери Эсэгэ-малана ко дворцу Гарьюлай-мэргэна и ждут, скоро ли выйдет встречать их

муж. Долго ждали они напрасно и наконец решили войти во дворец.

Видят они: лежат на ложе по правую сторону очага человеческие кости, и ни одного живого существа во всем дворце нет.

Догадались обо всем три дочери Эсэгэ-малана и говорят:

— Обманула нас хитрая девушка! Она привезла нас к умершему человеку, кости которого лежат тут, возле очага!

Две старшие дочери сказали:

— Поедемте домой! Что нам тут делать?

А младшая говорит:

— Как мы поедем домой из такой далекой страны? Что скажем нашему отцу? Не лучше ли нам оживить этого человека, раз мы можем оживлять мертвых? Оживим и увидим тогда, что нам делать.

Сестры согласились с ней.

Старшая сестра три раза перешагнула через кости Гарьюлай-мэргэна и три раза махнула на них черным шелковым платком. Кости соединились между собой и покрылись жилами.

Средняя сестра сделала то же самое — Гарьюлай-мэргэн стал похож на спящего человека.

Залюбовались три дочери Эсэгэ-малана на его красоту. Затем младшая сестра три раза перешагнула через него и три раза ударила его черным шелковым платком. Гарьюлай-мэргэн ожил и приподнялся. Расправил он свои кости, размял мышцы и сказал:

— Как долго и крепко я спал!

Встал он, поздоровался с сестрами и приветливо спросил их, откуда они и как их зовут.

Девушки говорят ему:

— Мы три дочери Эсэгэ-малана и недавно приехали сюда. Ты был мертв, и мы тебя оживили.

Но Гарьюлай-мэргэн не поверил им. Вышел он из дворца и видит: у столба стоит его тоненький рыжий конь.

Увидел конь своего хозяина и заржал тонким серебристым голосом. Гарьюлай-мэргэн подошел к нему, стал его трепать по гриве и вдруг нащупал в гриве привязанную к ней бумагу. Прочел он эту бумагу и узнал все, что сделала его сестра Агу-ногон-абаха.

Спрашивает он своего коня:

— Скажи мне, где моя сестра Агу-ногон-абаха?

Тоненький рыжий конь отвечает:

— Твоя сестра обратилась в зайца и убежала в лес, чтобы скрыться от гнева дочерей Эсэгэ-малана.

Гарьюлай-мэргэн говорит:

— Поедем поскорее отыскивать Агу-ногон-абаха!

— Подожди немного, — говорит конь. — Поживи три дня с дочерьми Эсэгэ-малана, иначе они обидятся и вернуться домой. Через три дня поедем отыскивать Агу-ногон-абаха. Теперь я очень устал, а сестра твоя спряталась далеко. Надо мне прийти в силу, чтобы объехать дальнюю тайгу!

Три дня прожил Гарьюлай-мэргэн с дочерьми Эсэгэ-малана, а тоненький рыжий конь отдыхал и пасся на воле.

На четвертый день Гарьюлай-мэргэн отправился на поиски Агу-ногон-абаха.

Целый день он проездил, все места осмотрел, нигде не нашел ее. Грустный вернулся домой Гарьюлай-мэргэн.

Дочери Эсэгэ-малана стали его расспрашивать:

— Где ты был и почему ты такой невеселый?

Гарьюлай-мэргэн отвечал им, что ездил на охоту, да ничего не поймал.

На другой день он снова поехал в лес. Опять ездил он целый день, всюду побывал, все осмотрел и нигде не нашел Агу-ногон-абаха.

Грустный вернулся он домой, а на расспросы дочерей Эсэгэ-малана отвечал, что снова проездил зря весь день и не нашел дичи.

На третий день Гарьюлай-мэргэн рано утром выехал в лес. Под каждый куст смотрит, под каждый корень заглядывает: нет ли где его любимой сестры?

Вдруг видит он: лежит под деревом зайчонок, лежит и дремлет.

Тоненький рыжий конь говорит:

— Смотри: это сестра твоя Агу-ногон-абаха!

Гарьюлай-мэргэн прыгнул с коня, подкрался к зайчонку и схватил его. Зайчонок вырывался у него из рук, но не мог вырваться и превратился в девушку — Агу-ногон-абаха.

К бурятской сказке «Гарьюлай-Мэргэн и его отважная сестра Агу-ногон-абаха».

Обрадовались брат с сестрой. Все рассказала ему Агу-ногон-абаха: как нашла его кости в пальце мангатхая, как привезла дочерей Эсэгэ-малана.

Но возвращаться домой она никак не соглашалась— боялась трех дочерей Эсэгэ-малана.

— Я расскажу им все, и они полюбят тебя! — сказал Гарьюлай-мэргэн.

Вернулись они во дворец, дочери Эсэгэ-малана тотчас узнали Агу-ногон-абаха и сказали:

— Вот кто под видом жениха приезжал к нам! Правду говорила старая шаманка, что отец выдает нас за девушку!

Но когда узнали они, как все было, помирились с отважной Агу-ногон-абаха и полюбили ее. Три дочери Эсэгэ-малана подарили Агу-ногон-абаха чудесный серебряный ковшик, который ставил на стол любое кушанье и какой угодно напиток.

Гарьюлай-мэргэн женился на трех дочерях Эсэгэ-малана, а для Агу-ногон-абаха выстроил красивый новый дворец рядом со своим.

И зажили они все мирно и счастливо.

РУСТАМЗОД И ШЕРЗОД

Узбекская сказка

Перевод М. Шевердина

Жил в давние времена бедняк. Было у него два сына. Одного из них звали Рустамзод, другого Шерзод. Жена бедняка умерла рано, и ему самому приходилось воспитывать сыновей. Трудно было бедняку управляться с хозяйством, и вскоре женился он на одной вдове.

Работал бедняк поденно, зарабатывал мало, и жена вечно ругала его.

Как-то говорит она мужу:

— Если вы будете и дальше работать поденно, всегда мы будем сидеть голодными. Лучше сделайте так: выйдите ночью на улицу и ждите. Когда мимо вас пойдут воры, идите и вы за ними. Они непременно дадут вам чего-нибудь из награбленного. И мы получим сразу столько, сколько и за месяц вы не заработаете.

Не понравились такие слова бедняку. Но жена настояла на своем и выпроводила его ночью из дому. Стоял он на улице печальный и не знал, что делать. Мимо шли воры. Увидели они, что стоит какой-то человек, и обрадовались.

— Вот сразу и удача нам! — начали они сговариваться. — Давайте ограбим его!

Схватили они бедняка, а на нем, кроме старенького, заплатанного халата, ничего и не было. Тогда они спросили его, что он делает на улице ночью.

Старик сказал им:

— Уже несколько лет, как я думаю пристать к вам, и вот только сегодня мне удалось это. Хотите — берите к себе, хотите — отпустите.

Атаман воровской шайки подумал немного и решил:

— Ладно, возьмем его. Будет он нам варить пищу, кипятить чай, сторожить наше жилище.

Повели воры старика за собой. Шли они, шли — и пришли в густой лес. А в лесу были укрыты землянки и конюшня. Старику сказали:

— Папаша, вы останетесь здесь до нашего возвращения. Приготовьте нам плов и чай. Не бойтесь, здесь спокойно. А когда мы вернемся, щедро вас одарим.

Сказав так, воры — а их было сорок человек — вскочили на коней и уехали. Бедняк развел огонь в очаге, сел на коня, что оставался в конюшне, и тайком отправился вслед за ворами.

Ехали воры, ехали — и приехали в большой кишлак. Привязали они коней у въезда в кишлак, а сами пошли пешком.

В том кишлаке жила колдунья, нажившая своим колдовством огромные богатства.

Воры забрались к ней в дом, связали все в узлы, что было ценного, и взвалили себе на плечи.

Пусть они постоят, взвалив на плечи узлы с награбленным добром, а вы послушайте про бедняка.

Бедняк тоже забрался к колдунье в дом. Поглядел туда-сюда и нашел большой бубен. Схватил его и, спрятавшись в угол, давай колотить в него.

А колдунья и ее муж-старик крепко спали. Вдруг сквозь сон старик слышит: где-то громко играют на бубне.

«Наверно, пришли дивы [\[41\]](#) к моей старухе и балуются», — подумал он и давай будить жену:

— Эй, старуха, послушай, твои дивы и ночью не дают мне покоя! Встань, уйми их!

Встала старуха, засветила лампу и видит: дом полон воров. Закричала тут она, подняла шум. Закричал с ней и муж. Сбежался со всего кишлака народ, воры побросали узлы и скрылись.

А бедняк все сидел в своем углу и колотил в бубен.

Отыскали его и спрашивают:

— Что ты за человек? Или ты, быть может, Див?

— Нет, я человек, — ответил бедняк.

— Если ты человек, то как можешь ты бить в бубен, когда все люди тут вопят и плачут? Чему ты радуешься?

— Я бил в бубен, чтобы предупредить всех, что в дом забрались воры. Не ругать меня нужно, а наградить, — ответил старик.

Люди тогда сказали колдунье:

— И правда! Не будь этого человека, вы бы лишились своего богатства.

Колдунья поблагодарила бедняка и вынесла ему кувшин с золотыми и серебряными монетами. Сел бедняк на коня и поскакал. Успел он доехать до леса раньше воров, приготовил плов, вскипятил чай — ждет, будто никуда и не уезжал, а кувшин свой закопал на обочине дороги.

«Когда мне надоест жить с ворами или они обидят меня, возьму кувшин и уйду от них», — подумал он.

А воры, убежав из кишлака, долго бродили по полям, пока наконец не собрались все вместе. Ехали они на рассвете мимо большого сада, огороженного высоким забором. Увидели они над забором огромное дерево, на котором сидело много птиц. Атаман взял лук и стрелу, прицелился и выстрелил. Одна из птиц, раненная, упала. Забрали птицу воры и вернулись в свое логово.

Увидев бедняка, атаман накричал на него:

— Это все из-за тебя! Никогда мы не возвращались пустыми, а сегодня вся наша добыча — одна-единственная птица. Это твой приход принес нам неудачу.

Но бедняк накормил воров пловом, напоил чаем, они насытились и завалились спать.

Проснулись они, видят: старик снова приготовил им плов и чай.

Воры остались очень довольны, поели и, надев на головы чалмы [\[42\]](#), отправились в город в гости.

Надо сказать, что воры днем казались добрыми и честными правоверными, слыли в народе уважаемыми людьми, а ночью воровали и грабили.

Вернулись воры вечером к себе в логово и начали советовать: «В таком-то кишлаке есть мельница,

надо забраться туда».

Уезжая, воры наказали бедняку приготовить плов и чай.

Но как и в прошлый раз, едва воры отъехали немного, как бедняк оседлал своего коня и отправился вслед за ними.

Воры приехали на мельницу, взломали замки, наполнили мешки зерном и мукой и начали грузить на лошадей. Тем временем бедняк тоже забрался на мельницу, нашел старый медный карна́й^[43] и давай трубить в него, спрятавшись в укромное место. От рева карная проснулся весь кишлак. Прибежал народ к мельнице, набросился на воров. Еле они ноги унесли.

А бедняк все трубил и трубил в карнай.

— Как тебе не стыдно! — кричали люди на бедняка. — Мы тут воров ловим, а ты только и знаешь, что трубишь в карнай! Точно на свадебный пир созываешь.

— Если бы я не трубил в карнай, неизвестно, осталось бы что-нибудь на вашей мельнице! — сказал бедняк. — Ведь только благодаря мне вы прогнали воров. Лучше наградили бы меня.

— Верно! — сказали люди мельнику. — Этот старик помог тебе. Дай ему, сколько позволяет твоя мощна!

Мельник поблагодарил бедняка, дал ему несколько жемчужин.

Обрадовался старик, поехал скорее в лес и, убедившись, что воров еще нет, приготовил быстро плов и чай.

А воры всю ночь рыскали по полям и вернулись в свое логово только под утро, злые и голодные.

Поели они плова, напились чаю и стали укладываться спать.

Атаман тут и говорит своим вора́м:

— Не лучше ли убить старика — это он во всем виноват! Не иначе, это он ходит за нами и выдает нас.

А бедняк все слышал. Как только воры заснули, он забрал раненую птицу, которую накануне подстрелил в саду атаман, пошел к дороге, выкопал свой кувшин с золотом и серебром, завернул все это в свой халат и ушел в город к себе домой.

Жена, увидев деньги и жемчуг, безмерно обрадовалась. Никогда в жизни она не видела такого богатства. Семь лет жили они безбедно. Птицу старик вылечил и поместил в клетку. Каждый год птица несла одно яйцо и выбрасывала из клетки. Старуха брала его и клала в свой сундук.

Но вот как-то собрался старик на базар и попросил у старухи денег. Открыла она сундук, а там ничего уже нет, кроме семи яиц, которые снесла птица за эти семь лет. Старик, спрятав одно яйцо за пазуху, отправился на базар. Шел он мимо дворца падишаха, смотрит: около ворот висит золотая клетка, а в ней лежит яйцо, в точности похожее на те, какие снесла птица. Старик подошел к клетке и так стоял, поглядывая то себе за пазуху, то на яйцо, что было в клетке.

Заметил старик-привратник, побежал к падишаху и доложил:

— Государь, там какой-то старик перед воротами стоит и все заглядывает то себе за пазуху, то в клетку.

— Приведи его ко мне! — приказал падишах, а когда привели старика, спросил: — Чего ты, старик, смотришь то за пазуху, то в клетку?

— Несу я, государь, яйцо на базар продавать и вдруг вижу яйцо в золотой клетке, в точности похожее.

Я и удивился.

Визирь тогда сказал падишаху:

— Врет этот старик! Из падишахской казны исчезла жемчужина. Вот уже несколько времени ищем ее и не найдем, а она у этого старика. Откуда она у него, бедняка?

— О визирь, — ответил старик, — у меня дома таких яиц еще шесть штук. Если не верите, дайте мне провожатого, пусть пойдет со мной и убедится.

Падишах велел визирю пойти со стариком, проверить: правильно ли он говорит.

Не доходя еще до дома, старик крикнул жене:

— Вынеси-ка остальные шесть штук яиц!

Посмотрел визирь, видит: правду говорит старик.

Доложил он об этом падишаху.

Падишах подарил старику новый халат и спросил, за сколько он продаст одно яйцо.

— Я не знаю, государь, его цены. Заплатите, сколько сочтете нужным, — ответил старик.

Посоветовался падишах с придворными мудрецами — оказывается, всех доходов государства за один год не хватило бы расплатиться со стариком за то яйцо. Тогда собрали тысячу верблюдов, нагрузили их самоцветами и послали визиря в дом к старику.

— Может быть, — сказал падишах, — визирь уговорит старика продать мне яйца за такую безделицу.

Так и вышло. Разбогатев, начал старик ездить по разным странам торговать. Уезжал он из дому на месяц, на полтора, а его жена завела себе возлюбленного. Сыновья старика Рустамзод и Шерзод узнали о шашнях мачехи и возмутились.

Однажды, когда пасынки были в школе, пришел в дом возлюбленный мачехи и вдруг увидел в клетке птицу. Поблуднул он и, чуть не задохнувшись от волнения, спросил:

— Чья это птица?

— Наша, — ответила ему жена старика.

— Зарежь-ка ее, полакомимся ею, — сказал возлюбленный.

— Не могу, — ответила жена старика. — Муж ценит ее дороже жизни. Требуй от меня чего хочешь, только не этого!

— А еще говоришь, что любишь меня! — обиделся возлюбленный. — Как я могу верить твоим словам, если ты не хочешь зарезать для меня какую-то птицу! Если так, больше не приду к тебе.

— Ну ладно, завтра ты зарежь ее, а я сварю, — ответила жена старика.

А возлюбленный был хитрый и всезнающий человек. Он сразу же понял, что это за птица. Достаточно было съесть ее крылышко, чтобы каждый день находить у себя под мышкой кошелек с золотом. А если съесть шею птицы, кошелек будет не с золотыми, а с серебряными монетами.

На следующий день, когда юноши ушли в школу, к жене старика явился возлюбленный. Он зарезал птицу, и жена старика бросила ее в котел.

Вернулись Рустамзод и Шерзод из школы, а ворота заперты. Подумав, что мачеха ушла куда-то, они перелезли через забор и увидели, что во дворе в котле варится похлебка из птицы. Побоялись они есть лучшие куски и взяли только шею и крылышки. Поев, юноши убежали на улицу к сверстникам.

Мачеха и ее возлюбленный были в доме и даже не слышали, что приходили юноши.

Пусть себе мачеха и ее возлюбленный обедают похлебкой из птицы, а вы послушайте про старика купца.

Спустя некоторое время вернулся он домой и первым делом спросил жену:

— Где птица?

Жена ответила ему:

— Птицу убили ваши сыновья, я только перья собрала.

Вызвал к себе старик Рустамзода и Шерзода и сказал в страшном гневе:

— Если вы убили птицу, я отрекаюсь от вас, а если не убивали, все равно уходите, пусть счастье вам сопутствует.

Так старик прогнал своих сыновей из дома.

Взяли с собой братья луки и стрелы и ушли куда глаза глядят. Шли они, шли и добрались наконец до большого леса. Сделали шалаш из ветвей и стали в нем жить, пропитание добывая охотой.

Однажды Рустамзод ушел пострелять дичь, а Шерзод остался дома. Вскоре прилетели две птицы и сели на дерево, как раз над головой Шерзода.

— Знаешь, подружка, — сказала одна птица, — тот, кто попадет в меня стрелой, сорок дней будет блуждать по знойной пустыне, сорок дней по темному лесу, а в конце концов сделается правителем государства.

— А если меня кто подстрелит, — сказала другая птица, — он проспит сорок дней и сорок ночей, а потом будет скитаться сорок дней и сорок ночей и, испытав много невзгод, достигнет исполнения своих желаний.

Шерзод схватил лук и стрелы и мгновенно подстрелил обеих птиц.

Ощипал он их и давай в ожидании брата варить похлебку. А Рустамзод все не шел. Разварились птицы так, что нельзя было отличить их друг от друга. Ждал Шерзод, ждал брата, проголодался и съел одну птицу. Вдруг на него напал сон, он лег и сразу же уснул.

Возвращается Рустамзод с охоты, видит: брат его спит крепким сном, а в котле — похлебка. Достал он сваренную птицу, съел ее — и вдруг неведомая сила заставила его встать и пойти. Сорок дней и сорок ночей шел он по знойной степи, потом сорок дней и сорок ночей по темному лесу. Наконец пришел он в какой-то незнакомый город.

А в том городе только что умер падишах, и придворные выпустили из дворца птицу счастья.

Птица счастья сразу же села на плечо Рустамзода. Придворным не понравилось, что выбор пал на какого-то пришельца. Спрятали они Рустамзода в далекую комнату дворца и снова выпустили птицу счастья, а та долго кружилась над дворцом, разбила стекло в окне и нашла Рустамзода.

Нечего делать, придворные признали Рустамзода своим падишахом.

Пусть сын бедняка Рустамзод правит государством, а вы послушайте теперь о его брате Шерзоде.

Проснулся Шерзод через сорок дней и сорок ночей и почувствовал, что от слабости едва шевельнуться может. С трудом встал он и пошел искать брата. А надо сказать, что братья отлично разбирались во всяких следах: они всегда узнавали след ноги друг друга, сколько бы времени ни прошло.

Найдя след своего брата, Шерзод пустился по нему в путь. Сорок дней и сорок ночей шел он — много

невзгод испытал, часто нападали на него хищные звери, но он не терялся, убивал их или ослеплял стрелами.

На сорок первый день Шерзод добрался до города, где был избран правителем Рустамзод.

Постучался Шерзод в ворота, и привратник спросил его, кто он такой и что ему надо.

Шерзод ответил:

— Шел я долго, пережил я много невзгод. Страшно устал. Впустите!

Но привратник не впустил Шерзода. Пришлось ему ночевать под открытым небом. А надо сказать, что каждый день в полночь к городу прилетал кровожадный дракон и проглатывал каждого, кто оставался за городской стеной. Днем дракон отсыпался в своей пещере.

Шерзод ничего не знал о драконе.

Наступила полночь, поднялась страшная буря. Проснулся юноша, видит: подбирается к нему, сверкая огненными глазами, дракон. Шерзод не растерялся и выстрелил из лука в один глаз дракона. Дракон взбесился и с яростью кинулся на юношу. Еще одну стрелу пустил Шерзод — и попал в другой глаз дракона. Дракон ослеп. Теперь уже нетрудно было одолеть чудовище. Шерзод кинулся на него с мечом и изрубил на куски.

Сделал он из кожи дракона себе пояс и пошел к воротам. Громко стучался он, потому что его мучили жажда и голод, да и устал он изрядно.

Надоел его стук привратникам, разъярились они, и только Шерзод вошел в город, как они накинулись на него, изранили копьями и, завернув в кошму [\[44\]](#), зарыли в яму, откуда горшечники брали глину. Утром привратники пошли к падишаху и сказали, что дракона убили они. Падишах одарил их богато и дал им высокие чины.

Пусть привратники радуются своим высоким чинам, а вы послушайте про другое.

Жил в том городе горшечник. С тех пор как к стенам города повадился дракон, горшечник боялся ходить в яму за глиной. Услышав о том, что дракон наконец убит, он обрадовался и сказал своему сыну:

— Дракон убит! Пойдем принесем глины из той ямы и примемся за работу!

Только ударил горшечник кетменём, чувствует — на дне ямы лежит что-то большое.

— Эй, сынок, мой кетмень за что-то зацепился. Наверное, здесь зарыт клад. Вот было бы неплохо!

Раскопали горшечник с сыном землю и обнаружили тюк, длинный и тяжелый. Обрадовались они, подняли тюк и принесли домой. Разворачивают, а в кошме лежит прекрасный рослый юноша, но весь израненный, еле дышит.

— Ну вот, — сказал горшечник сыну, — мы думали, что нашли богатство, а на самом деле накликали на свою голову беду. Чем все это кончится?

Хотели они завернуть снова юношу в кошму и отнести обратно, но сжалились над ним и решили оставить его у себя.

Побежал горшечник к табибу [\[45\]](#) и сказал ему:

— У меня жена нечаянно поранила себя. Дай скорее лекарства — залечить раны.

Табиб дал лекарства, и горшечник принялся лечить юношу. Кормил горшечник больного сытно и вкусно — бараньим жиром да сахаром.

Поправился скоро Шерзод. Полюбил он горшечника, как родного отца, а его жену — как мать. Скоро

он начал вместе с их сыновьями работать в горшечной мастерской.

Однажды, проезжая мимо дома горшечника, два бывших привратника, ставшие чиновниками, увидели юношу, и один сказал другому:

— Ой, ой, не тот ли это человек, которого мы с тобой убили и зарыли в яме за городской стеной?

— Смотри, он, оказывается, не умер! — испугался другой. — Будет беда нам с тобой, если не упрячем его!

Приказали они стражникам схватить Шерзода.

— Ага, вот ты где, преступник! — закричали чиновники. — А мы тебя ищем.

Связали они Шерзода по рукам и ногам, взвалили на ишака и увезли в зиндán [\[46\]](#).

Горшечник и его жена горько заплакали, словно увели их родного сына, — так они полюбили Шерзода.

Пусть сидит бедный Шерзод в темном зиндане, а вы послушайте про падишаха соседней страны. Узнав, что страшный дракон убит, он решил приехать и поздравить нового падишаха со счастливым событием. Услышав о знатном госте, Рустамзод выехал навстречу со своими приближенными. Встретились они, обняли друг друга, как равные, а потом Рустамзод пригласил гостя к себе во дворец на пир. Погостил падишах сорок дней и перед отъездом сказал:

— Друг наш славный, Рустамзод! Путь к моему государству пересекает великая река. Каждый раз при переправе через нее приходится приносить в жертву живого человека, бросать его в воду. Если этого не сделать, то поднимаются громадные волны — и все проглатывает ненасытная река. Прошу вас, дайте мне какого-нибудь осужденного на смерть преступника из тех, что сидят в вашем зиндане. Мы принесем его в жертву, ему ведь все равно умирать.

Рустамзод дал согласие. А те два чиновника, что были раньше привратниками, тому и рады — спустились в зиндан и выдали слугам высокого гостя несчастного Шерзода.

Ехал падишах в свою страну и все поглядывал на Шерзода. Понравился он ему и своей статностью, и ростом, и силой. Начал падишах его расспрашивать. А Шерзод молчал, ничего не говорил.

«Наверное, за тяжелое преступление бросили этого юношу в зиндан», — подумал падишах и не стал ему больше задавать вопросов.

Доехали до реки поздней ночью. Падишах со своими людьми лег спать, а Шерзода приковали цепью к дереву, чтобы не сбежал. Ночью Шерзод разорвал цепи, пригнал каюк и переправил спящих на другую сторону реки.

Утром просыпаются падишах и его люди, смотрят: все они оказались на другом берегу, а Шерзод сидит в стороне и цепей на нем никаких нет.

Падишах решил: «Видно, не простой это юноша».

— Друг мой! — сказал он Шерзоду. — Если я в чем ошибся, прости меня.

Увез падишах Шерзода к себе в город, сделал его своим военачальником.

У падишаха была красавица-сестра, звали ее принцесса Нусрát. Была у нее такая нежная кожа, что, когда она пила, видно было воду, лившуюся через ее горло, а если принцесса входила в темную комнату, то мгновенно делалось светло.

Неподалеку от города жил свирепый лев, который нападал на людей и пожирал их. Падишах решил выдать свою сестру Нусрат за того, кто сумеет убить льва.

Услышал об этом и Шерзод.

Пришел он к самому умелому кузнецу и сказал:

— Выкуй мне большую и крепкую палицу.

Пока кузнец ковал палицу, Шерзод рассказал ему о своем намерении сразить льва в единоборстве.

Немало встретил Шерзод по пути к пещере льва хищных зверей: одних он убил, других забрал живыми. Вскоре достиг он логова льва.

Видит: под деревом лежит черное огромное чудовище. Это и был сам свирепый лев. При одном виде его все звери разбежались, все птицы разлетались в испуге.

Шерзод смело подошел ко льву. Почуял лев запах человека, проснулся, встал. Шерзод и лев посмотрели друг другу в глаза. Не выдержал лев взгляда человека, зажмурился и, собрав все свои силы, прыгнул. А Шерзод ударил его палицей по голове и вскочил к нему на спину. Лев подпрыгнул, и Шерзод отлетел на несколько шагов. Лев попытался снова прыгнуть, но у него не было уже сил. Шерзод подбежал к зверю и снова ударил палицей по голове так, что тот испустил дух.

Вырезал из львиной шкуры себе пояс Шерзод и возвратился домой.

Кузнец, увидев Шерзода живым и невредимым, бросился его обнимать, а потом побежал к падишаху сообщить радостную новость. Падишах в сопровождении свиты отправился к логову льва — удостовериться собственными глазами, что кровожадный зверь убит. Обрадовался он безмерно и велел объявить о счастливом событии.

Глашатаи пошли по улицам и площадям и кричали:

— Слушайте! Слушайте! Батыр Шерзод убил свирепого льва. В такой-то день назначаю свадьбу моей сестры принцессы Нусрат и батыра Шерзода. Всем прибыть на эту свадьбу!

Сорок дней и сорок ночей длился пир, после чего Шерзод женился на принцессе Нусрат.

Вскоре после того, сидя на одном собрании придворных, Шерзод тяжело вздохнул.

— Отчего ты вздохнул так тяжело, зять мой Шерзод? — спросил падишах. — Чего тебе не хватает? Или ты недоволен своей женой Нусрат? Или она обидела тебя чем?

Шерзод снова вздохнул и сказал:

— О великий падишах! Вы не думайте, что я действительно из осужденных преступников. Был у меня брат, которого звали Рустамзод. Много времени прошло с тех пор, как я расстался с ним, а он был для меня дороже моей жизни. Ни днем, ни ночью не могу я забыть о нем и хочу обнять его. Прошу вас, позвольте мне посвятить остаток жизни поискам моего брата.

Падишах разрешил Шерзоду собираться в путь. Узнав об этом, принцесса Нусрат заявила:

— Не дело жене оставаться одной, когда уезжает любимый муж. Я буду там, где будет мой муж.

Делать нечего, пришлось падишаху разрешить принцессе Нусрат ехать с Шерзодом. Кроме того, он дал им несколько воинов.

В пути, увидев красоту принцессы Нусрат, эти воины решили убить Шерзода, чтобы завладеть принцессой. Как-то, когда он отлучился на охоту, они постелили на берегу реки ковер и бархатные одеяла. Едва Шерзод вернулся и сел отдохнуть, воины вдруг схватили за углы ковер и одеяла и бросили в реку.

Пусть Шерзод пока останется в реке, а вы послушайте о принцессе Нусрат. Схватили ее злодеи, положили в сундук и перенесли вброд через реку. А в это время по берегу ехал, возвращаясь с охоты,

Рустамзод. Видит он: несколько человек несут по воде большой сундук. Подъехал Рустамзод к ним и спросил:

— Что это вы несете в сундуке?

Один из воинов ответил:

— Вещи разные.

Другой ответил:

— Богатство разное.

Третий ответил:

— Мою жену несем.

Услышав такие разноречивые ответы, Рустамзод почуял неладное и приказал своим воинам:

— Хватайте этих разбойников!

Рустамзод открыл крышку сундука, видит: в нем лежит красавица. Удивился Рустамзод.

— Увы, — сказал он, — видно, злодеи разлучили эту неземную красавицу с любимым. Я тоже разлучен со своим любимым братом, поэтому знаю, как тяжело ей. Найдется ее друг, если жив. Надо ее беречь.

Сказал он это и увез принцессу Нусрат к себе во дворец, а злодеев заточил в зиндан. Пусть они сидят в зиндане, а принцесса живет во дворце Рустамзода. Вы же послушайте несколько слов о Шерзоде. Когда он, завернутый в ковер и одеяла, был брошен в реку, его тут же подхватили волны и понесли вниз по течению. Неподалеку от того места на берегу жил рыбак. Видит рыбак: в волнах плывет, то исчезая под водой, то снова показываясь, что-то темное. Привязал рыбак своего сына к веревке, сын прыгнул в воду, поплыл к темнеющему предмету и вытащил его на берег.

Развернули рыбак с сыном ковер и одеяла, видят: лежит бездыханный батыр. Привели они его в чувство. Шерзод не хотел говорить правду, кто он, и рассказал им такую историю:

— Послушайте меня, друзья! Я был неисправимым преступником, за что и бросили меня в реку. Вы спасли меня от верной смерти. Отведите меня домой, и я буду делать все, что вы мне скажете. Буду вашим верным сыном и братом.

Так Шерзод поселился в хижине рыбака. Он охотился, приносил домой дичь, а рыбак, довольный тем, что у него теперь два сына и можно меньше работать, часто уходил в город — посидеть в чайхане, послушать новости.

Сидит он как-то в чайхане, пьет чай, слышит, что падишахский глашатай кричит:

— Эй, люди, слушайте и запоминайте! Тому, кто сообщит падишаху о судьбе его брата, падишах подарит златотканые одежды, тому, кто видел своими глазами его брата, падишах сделает еще более богатый подарок, а тому, кто приведет его брата во дворец, падишах отдаст одну провинцию своего государства!

Вечером, когда вся семья сидела за дастарханом, старик сказал:

— Вот, сыновья мои, слышал я в городе новость.

— А что за новость, отец? — спросил Шерзод.

— А вот поедим, так и расскажу, — ответил старик.

После ужина рассказал он, что слышал в городе от глашатая, и добавил:

— Эх, знать бы нам, где находится брат падишаха, или увидеть его хоть одним глазком! Вот было бы счастье!

— Отец, грешно гневить Аллаха, — сказал тогда Шерзод. — Ведь мы с братом трудимся не без пользы, ловим рыбу, приносим дичь. Разве мало этого? Как-нибудь сумеем прокормить вас!

— Правду говоришь, сын мой! Это я так просто, к слову сказал. Не обижайся на старика.

После ужина все легли спать, но Шерзод долго не мог заснуть. Наконец тихонько разбудил старика и сказал ему:

— Отец, ваши слова запали мне в душу. Сходите-ка утром во дворец и скажите падишаху: «У меня есть дочь. Руки и ноги у нее отнялись, ходить она не может. К тому же слепа. Только язык ей повинуется. Она говорит, что знает, где находится ваш брат. Разрешите привезти ее во дворец, она сама вам все расскажет».

На рассвете старик постучался в ворота дворца.

— Ну, говори, с чем пришел? — спросили привратники.

— Скажу только самому падишаху, — ответил старик.

Привели его к падишаху. Старик рассказал ему все, чему научил его Шерзод.

Заинтересовался Рустамзод и послал в хижину рыбака своих слуг. Встретил их на пороге Шерзод.

— Как может молоденькая девушка поехать с вами, которых она не знает, — сказал он слугам. — Нет, это не дело. Принесите паланкин^[47] одеялами и покрывалами. Мы завернем девушку в эти покрывала, уложим в паланкин, а тогда и несите.

Слуги ушли и вскоре вернулись из дворца с паланкином, одеялами и покрывалами. Паланкин внесли в хижину. Шерзод сел в него и сказал старику:

— Укройте меня покрывалами, да так, чтобы ничего видно не было.

Когда паланкин поставили перед падишахом, пришли все визири, военачальники, вельможи.

Посмотрел из-под покрывала Шерзод, узнал в падишахе своего брата Рустамзода и сказал тонким голосом:

— Салам алейкум!^[48] Простите меня, падишах и высокопоставленные господа, если что и скажу вам обидное!

— Ладно, ладно, простим, говори! — ответил падишах.

— Жил в одном городе один бедный человек, — начал Шерзод. — Было у того бедняка два сына, одного звали Рустамзод, а другого Шерзод. Их мачеха добила того, что отец проклял и прогнал их от себя...

И Шерзод рассказал все, что случилось потом: как они ушли с братом в лес и остались там жить, добывая себе пропитание охотой; как однажды прилетели две птицы и что они говорили друг другу; как Шерзод, убив тех птиц, сварил их, съел одну и заснул; как, проспав сорок дней и сорок ночей, Шерзод пошел искать своего брата; как Шерзода привратники не пустили в город; как в единоборстве он победил дракона и убил его; как после этого привратники ранили Шерзода, зарыли в яму, а сами получили большие подарки от падишаха и стали высокими чиновниками; как Шерзода откопал горшечник и вылечил его, а потом чиновники, бывшие привратники, увидели его и снова заточили в зиндан.

В эту минуту те чиновники забеспокоились и встали, чтобы потихоньку уйти, но Рустамзод приказал всем остаться и слушать.

— Девушка в паланкине рассказывает всякие небылицы, — сказали чиновники.

Шерзод тогда сказал:

— Если вы мне не верите, то позовите горшечника, который живет там-то, он вам подтвердит все.

Побежали люди падишаха и привели горшечника.

— Отец, что вы увидели после того, как был убит дракон? — спросил его падишах.

— Государь, — ответил горшечник, — в яме мы с сыном нашли юношу, завернутого в кошму. Мы унесли юношу домой и выходили его. Но пришли однажды твои чиновники, объявили юношу преступником и увели. Так мы и не знаем, что стало с ним.

Тогда падишах усадил горшечника на почетное место и сказал, обращаясь в сторону паланкина:

— Дочь моя, продолжай свой рассказ.

— Теперь послушайте, что стало с Шерзодом дальше...

И Шерзод, сидя в паланкине под покрывалом, рассказал о том, как его отправили с приехавшим в гости падишахом, чтобы принести в жертву реке; как он всех переправил через реку, и падишах, удивленный способностями Шерзода, увез его с собой и сделал своим военачальником; как Шерзод убил свирепого льва и женился на сестре того падишаха; как потом Шерзод, истосковавшись по брату, попросил разрешения у падишаха выехать на поиски его; как рыбак с сыном спасли его от гибели.

Падишах спросил рыбака, стоящего тут же:

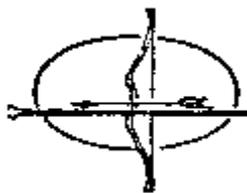
— Правда все это?

— Чистая правда, государь, — ответил рыбак. — И тот, кого мы выловили из воды, лежит вот в этом паланкине и говорит.

Тут Шерзод откинул покрывало и вышел из паланкина. Братья бросились друг к другу. От великой радости они опьянели, словно от вина.

Потом Рустамзод велел казнить злых чиновников — бывших привратников, а рыбака и горшечника одарить. Рустамзод сам проводил их до ворот.

Когда принцессе Нусрат сообщили, что ее любимый муж нашелся, она прибежала и бросилась ему на шею. Сорок дней и сорок ночей праздновали люди это счастливое событие.

КОНЬ С ГЛАЗАМИ КАК ЦВЕТОК ЯДОВИТОЙ ТРАВЫ

Уйгурская сказка

Обработка Э. Тенишева. Пересказ В. Бахревского

одной женщины родился ясный, как солнце, мальчик, а через семь лет — светлая, как луна, девочка. Сына женщина назвала Акколоберген, а дочь Махтуми-джан.

Когда девочка была в пеленках, к матери явилась старуха о семи пядей во лбу и напорочила: «Твой сын будет ханом, но на его пути твоя дочь. Убей ее».

Брат подслушал пророчество. Он взял сестру и убежал с нею в пустыню. Он шел, шел и увидел газель. Сама она укрывалась от солнца в тени одинокого дерева, а ее детеныш лежал на солнце.

Сестренке нужно было молоко, но брат пошел дальше. Долго ли, коротко ли, повстречал он другую газель. Ее детеныш лежал в тени, а сама она стояла на солнце. Акколоберген обрадовался и поклонился газели:

— Будь добра, воспитай, как свое дитя, мою сестру.

Газель тотчас легла и напоила молоком Махтуми-джан.

Вздыхнул Акколоберген и пошел в горы искать воду и пропитание.

Сказка сказывается быстро, а жизнь идет еще быстрее.

Акколоберген вырос, построил дом, разыскал в пустыне сестру и сделал ее хозяйкой дома.

Однажды, отправляясь по своим делам, брат сказал Махтуми-джан:

— Поднявшись на крышу, не смотри в оба глаза! Поднявшись на крышу, не расчесывай волосы!

Положил он в котел мясо, чтоб сестра заботы не знала, и отправился в горы. Подумала-подумала Махтуми-джан над словами брата и ничего не придумала. Пока брата нет, решила голову вымыть. Голову вымыла, а где сушить? На крыше самое удобное место. Поднялась девушка на крышу да и поглядела на все четыре стороны. Видит: дым из-за горы идет. Значит, там жилье человека. Волосы у Махтуми-джан были длинные, как лучи солнца из тучи. Мокрые не расчешешь — спутаются. Да и какая беда может приключиться от расчесанных волос? Взялась девушка за гребень и вычесала столько воды на костер, что погасила огонь.

Испугалась Махтуми-джан: простит ли ей брат послушание? Поскорее побежала она за ту гору, где дым видела. А за той горой жила старуха о семи пядей во лбу.

Увидела старуха девушку и говорит:

— У меня сына нет — сына сделаю, дочери нет — дочь сделаю. Если хочешь огня, дочка, поищи у меня в голове!

Поискала Махтуми-джан у старухи в голове и на правой стороне нашла белую вошь, а на левой стороне — черную вошь.

Старуха сказала ей:

— Белую брось направо от себя, черную — налево от себя.

От белой вши вырос белый репейник, от черной — черный.

Дала старуха огня девушке и отпустила. Прибежала Махтуми-джан домой, запалила костер. Но только мясо сварилось — примчалась старуха-пророчица. Все мясо сожрала, кости обглодала, да еще со щек девушки румянец слизала.

Воротился брат из-за далеких гор, а его сестра едва дышит.

— Что с тобой, Махтуми-джан? Где твой румянец?

— О братец мой! — взмолилась сестра. — Если простишь мой смертный грех, то скажу.

— Ну, скажи, — отвечал брат. — Я простил твой смертный грех.

Рассказала Махтуми-джан о своем непослушании и о старухе. Задумался Акколоберген. Думал-думал и сказал:

— Для кого ты это все сделала, сестра, — для меня или для себя? Видно, спрятать тебя надо от старухи, мне на охоту пора.

Посадил Махтуми-джан в яму, куда золу из очага ссыпают, а конец косы снаружи оставил.

Пока Акколоберген охотился, сморил его сестру сон. И приснилось ей: пришел в горы хан Багессэн, посадил ее на лошадь задом наперед и увез.

Вернулся с охоты Акколоберген, достал из ямы сестру, и она ему рассказала свой сон.

— Хан из твоего сна — знамение, — сказал брат. — Кровь закапает с конца моей плети, не быть мне сыном своего отца, да не попасть мне в стремя ногой — не видать Багессену моей сестры!

Худое к худому, хорошее к хорошему.

Старуха о семи пядей во лбу пришла к грозному хану Багессену и сказала:

— Живет на белом свете девица Махтуми-джан. Ее волосы длиной в сорок гулачэй[49], а если свить из них веревку, то будет и на всю тысячу.

Хан Багессен один не ходит. Пришел хан с тьмою, пришел в горы — нет Махтуми-джан. В доме нет, в горах нет. Кликнул старуху о семи пядей во лбу. Идет старуха, землю нюхает, сама приговаривает:

— Ищу человека! Ищу человека!

И вынюхала яму для золы, а из ямы коса торчит. Схватила старуха за косу, вытащила Махтуми-джан и кинула ее в седло хану.

Вернулся брат из-за гор — нет сестры, зато следов тьма-тьмущая. Бросился Акколоберген в погоню. День ехал, ночь ехал. Утром потрогал следы, а они теплые. Пришпорил Акколоберген коня и догнал войско хана Багессена.

Сорок дней и сорок ночей бился Акколоберген с войском Багессена. Ни кусочка хлеба не съели, ни глотка воды не выпили — только и делали, что тупили острые сабли.

Побил злое войско Акколоберген, побил да изнемог, и тогда послал хан Багессен Махтуми-джан к ее брату, и вышла она из шатра и сказала:

— Милый брат, войско моего похитителя все погибло, да сам он — великий батыр и готов биться сорок дней и сорок ночей. Не устоять тебе, милый брат. Не губи себя ради меня, натяни свои золотые

поводья.

— Я умру за тебя! — закричал громовым голосом Аккологерген. — Да закапает кровь с конца моей плети, да не попасть мне ногою в стремя! Или я не сын своего отца?

Ринулся Аккологерген, но хан отмахнулся от его сабли, как от мухи, и говорит Махтуми-джан:

— Убить, что ли, твоего братца или пусть убирается?

И взмолилась Махтуми-джан:

— О брат мой! Не ты ли уберег меня от наговора, не ты ли дал мне в кормилицы матушку-газель, не ты ли спас меня от злой старухи? Разорвется мое сердце на тысячу кусочков, коли увижу тебя бездыханным. Уходи, брат мой! Скажи только, где у тебя весенняя стоянка, где зимняя?

— Моя летовка — карагач[50], — ответил Аккологерген, — коли пусто у карагача, значит, не ищи меня на этом свете. Моя зимовка — джидá[51], коли пусто у джиды — не ищи меня на этом свете.

Ускакал Аккологерген прочь, а хан Багессен увез Махтуми-джан к себе.

Долго ли, коротко ли, родилась у Махтуми-джан двойня, мальчик и девочка. Старуха о семи пядей во лбу, прикинувшись повитухой, приняла у роженицы детей да и подменила их. Вместо прекрасных, как луна и солнце, младенцев поднесла матери курицу с петухом.

— Научи, что мне делать?! — взмолилась бедная Махтуми-джан. — За таких детей хан Багессен меня в порошок сотрет, по ветру развеет.

— Поклянись принести серебряной воды, тогда научу, — сказала старуха о семи пядей во лбу.

— Но где мне взять серебряной воды?

— К серебряной воде тебя принесет конь с глазами как цветок ядовитой травы.

— А где взять коня?

— В табуне хана Багессена.

— Но захочет ли хан дать мне коня?

— Не захочет, но ты ему скажи: твои дети — луна не луна, солнце не солнце, в петуха да курицу превратила их болезнь гитилджá. И скажи ему: если хочешь познать своих детей в их истинном облике, покажи мне коня с глазами как цветок ядовитой травы, покажи мне посох отца моего.

Сказано — сделано.

Опечалился хан Багессен колдовской болезнью своих детей. Вывел Махтуми-джан в степь, свистнул в три пальца, и увидела она: мчатся кони высотой с горы. Верхушки осокорей покусывают, вершины стогов пощипывают. Среди них конь с глазами как цветок ядовитой травы.

Достал из-под земли хан Багессен посох отца Махтуми-джан. Только взялся за рукоять, как одолел его богатырский сон.

— Спать ему сорок дней и ночей. Садись на коня, скачи! — сказала старуха о семи пядей во лбу.

Полетел конь с глазами как цветок ядовитой травы, словно птица сокол: только его и видели. В единый миг очутилась Махтуми-джан у источника.

Погладила она коня по шелковой гриве, по атласному крупу, поскребла шею ноготками.

— Спасибо тебе, диво-конь.

Набрала воды в кувшин, села на коня и тотчас явилась перед старухой.

— Вот тебе вода, давай моих детей! — сказала Махтуми-джан.

Вывела из шатра старуха о семи пядей во лбу прекрасных, как солнце и луна, мальчика и девочку.

Подала и Махтуми-джан кувшин старухе, да конь с глазами как цветок ядовитой травы вдруг ударил копытом. Невелик был кувшин, а пролилось из него озеро.

— Так вы заодно! — завизжала старуха и столкнула Махтуми-джан в омут.

Хан Багессен видел все это, потому что истекли сорок дней и ночей, потому что единый скак коня с глазами как цветок ядовитой травы равен дню и ночи.

Был грозен хан Багессен. Хлопнул он ведьму, как муху, стер в порошок, по ветру развеял, а жене своей сказал:

— Выходи из воды!

— Если бросишь дочь мою в воду, тогда выйду, — ответила хану Махтуми-джан.

Бросил хан Багессен дочь в воду.

— Выходи! — сказал.

— Если бросишь сына моего в воду, тогда выйду, — ответила хану Махтуми-джан.

Бросил хан Багессен сына в воду.

Подхватила их Махтуми-джан и кинулась бежать по степи. Сел хан на своего коня с глазами как цветок ядовитой травы, а тот скакнул, да на сутки вспять, другой раз скакнул на все трое суток.

Не усидел хан Багессен в седле, свалился наземь. И сказал ему конь человеческим голосом:

— Ты не гладил меня — плетью охаживал, не говорил ты мне добрых слов за службу мою великую — гнал да понукал. Потому возвращаюсь по старым следам, ибо голод меня мучит, жажда меня гнетет. Прощай.

А Махтуми-джан бежит по степи с детишками на руках. Вдруг слышит конский топ. Оглянулась, а это конь с глазами как цветок ядовитой травы, да без всадника.

Обрадовалась Махтуми-джан, а конь подскакал к ней и говорит человеческим голосом:

— Возвращаюсь по старым следам, ибо голод меня мучит, жажда меня гнетет.

— Ты мне службу сослужил, послужу и я тебе, — сказала Махтуми-джан.

Вырвала она глаз, бросила наземь — и ударил из-под земли источник. Взяла нож, отрезала свои волосы длиною в сорок гулачей, упали волосы наземь — обернулись густой травой.

Принялся конь с глазами как цветок ядовитой травы есть и пить, а Махтуми-джан подхватила детей и побрела неведомо куда.

И повстречался ей овечий пастух.

— Здорова ли ты, путница, как живешь? — спросил он женщину.

— Я здорова, пастух, хорошо живу, — ответила несчастная.

Узнал пастух сестру свою милую. Это был он, храбрый Аккологберген.

— Не отведаешь ли хлеба моего, не выпьешь ли воды моей? — спросил он свою сестру.

— Я отведаю твоего хлеба, добрый человек, я выпью воды твоей. Истерзано мое тело дальней дорогой, истомлена душа моя горькой судьбиной.

Взяла котел с водой Махтуми-джан, стала пить, с головой в котел окунулась. И сама себе не поверила: от той воды — оба глаза на месте и волосы отросли на все сорок гулачей.

Съела Махтуми-джан кусочек лепешки — вернулись к ней силы и румянец на белое лицо ее. Узнала она брата милого, возрадовалась радостью доброй и нежной. Тут и конь с глазами как цветок ядовитой травы прискакал к ним из далеких степей и принес им не хурджун[52] с добром-золотом — принес город златоверхий, где жить, царство, где царствовать.

ШЕЛКОВАЯ КИСТОЧКА — ТОРКО-ЧАЧАК

Алтайская сказка

Запись и обработка для детей А. Гарф и П. Кучияка

ила-была девочка, звали ее Торко-чачак— Шелковая кисточка. Глаза у нее точно ягоды черемухи, брови — две радуги. В косы вплетены заморские раковины, на шапке кисточка из шелка, белого, как лунный свет.

Заболел однажды отец Шелковой кисточки, вот мать и говорит ей:

— Сядь, дитя мое, на буланого коня, поскачи на берег бурной реки к берестяному аилу, там живет Телдекпей-кам. Попроси, позови его, пусть придет отца твоего вылечит.

Девочка вскочила на буланого коня с белой звездочкой на лбу, взяла в правую руку ременный повод с серебряными бляшками, в левую — плетъ с узорчатым костяным черенком.

Резво бежал длинногривый конь, уздечка подскакивала, как хвост трясогузки, кольца на сбруе весело звенели.

Телдекпей-кам-старик сидел у порога своего берестяного аила, острым ножом резал из куска березы круглую чашку — чойчайкú. Услыхал резвый топот копыт, веселый перезвон колец на сбруе. Поднял голову и увидал девочку на буланом коне.

Статно сидела она в высоком седле, полыхала на ветру шелковая кисточка, пели заморские раковины в тугих косах.

Нож выпал из руки кама, чойчайка в костер покати́лась.

— Дедушка, — молвила девочка, — мой отец заболел, помогите ему.

— Я вылечу твоего отца, Шелковая кисточка, если ты за меня замуж пойдешь.

Брови у кама — белый мох, борода — колючий кустарник.

Испугалась Шелковая кисточка, дернула повод коня и ускакала.

— Завтра на утренней заре приду! — крикнул ей вдогонку Телдекпей-кам.

Прискакала девочка в аил, домой вошла:

— Завтра на утренней заре Телдекпей-старик будет здесь.

В небе еще звезды не растаяли, в стойбище люди молока еще не заквасили, мясо в котлах еще не сварилось, белую кошму по полу еще не расстелили, как послышался топот копыт. Это ехал верхом на широком, как горный сарлык[53], коне Телдекпей-кам. Самые старые старики вышли навстречу. Коня под уздцы взяли, стремя поддержали.

Молча, ни на кого не глядя, кам спешил, ни с кем не поздоровавшись, вошел в аил. Следом старики внесли двухпудовую колдовскую шубу и положили ее на белую кошму, красную колдовскую шапку туда

же. Бубен повесили на деревянный гвоздь, под бубном зажгли костер из душистых ветвей можжевельника.

Весь день, от утренней зари до вечерней, кам сидел, не поднимая век, не говоря ни слова.

Поздней ночью Телдекпей-кам поднялся, глубоко, до самых бровей, надвинул свою красную шапку с нитями разноцветных бусин. Перья филина торчали на шапке, как два уха, красные лоскуты трепыхались сзади, как два крыла. На лицо упали круглые, как град, стеклянные бусы. Кряхтя, поднял кам с белой кошмы свою двухпудовую шубу. Охая, просунул он руки в жесткие рукава. По бокам шубы висели сплетенные из колдовских трав лягушки и змеи, на спине болтались шкурки дятлов. Снял кам с гвоздя кожаный бубен, ударил в него деревянной колотушкой. Загудело, зашумело в аиле, как на горном перевале зимней порой. Люди похолодели от страха. Кам плясал-камлал [54], бубенцы звенели, бубен гремел. Но вот все разом смолкло. В тишине будто гром загрохотал — это в последний раз ухнул бубен и затих.

Телдекпей-кам опустился на белую кошму, рукавом отер пот со лба, пальцами расправил спутанную бороду, взял с берестяного подноса сердце козла, съел его и сказал:

— Прогоните Шелковую кисточку: злой дух сидит в ней. Пока она по стойбищу ходит, отец ее здоровым не станет. Горе-беда эту долину не оставит. Маленькие дети навеки уснут, отцы их и деды страшной смертью умрут.

Женщины со страху лицом вниз на землю упали, старики с горя ладони к глазам прижали. Юноши на Шелковую кисточку посмотрели — два раза покраснели, два раза побледнели.

— Посадите Шелковую кисточку в деревянную бочку, — гудел кам, — стяните бочку девятью обручами железными, заколотите дно медными гвоздями, бросьте в бурную реку...

Сказал, сел на лохматого коня и поскакал к берегу бурной реки, к своему берестяному аилу.

— Э-эй, — крикнул он своим рабам, — ступайте на реку! Вода принесет мне большую бочку, поймайте ее, сюда притащите, а сами бегите в лес. Плач услышите — не оборачивайтесь. Стон, крик по лесу разольется — не оглядывайтесь. Раньше чем через три дня в мой аил не приходите.

Семь дней, семь ночей люди на стойбище не решались посадить в бочку милую девочку. Семь дней, семь ночей с девочкой прощались. На восьмой посадили Шелковую кисточку в деревянную бочку, стянули бочку девятью железными обручами, забили дно медными гвоздями и бросили в бурную реку.

В тот день у реки сидел на крутом берегу сирота рыбак Балыкчи.

Увидел он бочку, выловил ее, принес в свой шалаш, взял топор, выбил дно, а там — девочка.

Как стоял Балыкчи с топором в руке, так и остался стоять. Словно кузнечик, подпрыгнуло его сердце.

— Девочка, как тебя зовут?

— Шелковая кисточка.

— Кто посадил тебя в бочку?

— Телдекпей-кам повелел.

Вышла девочка из бочки, низко-низко рыбаку поклонилась.

Тут рыбак свистнул собаку, свирепую, как барс. Посадил Балыкчи собаку в бочку, забил дно медными гвоздями и бросил в реку.

Вот увидели эту бочку рабы Телдекпей-кама, вытащили ее, принесли в берестяной аил, поставили перед старым колдуном, а сами убежали в лес.

Все сделали, как приказал кам. Но еще до леса не дошли, как услышали:

— Помогите, — кричал кам, — помогите!

Однако рабы, плач услышав, не обернулись, стон услышав, не оглянулись — так приказал кам.

Только через три дня пришли они из леса домой. Кам лежал на земле чуть жив. Одежда его была в клочья изорвана, борода спутана, брови взлохмачены. Шубы двухпудовой больше ему не надевать, в кожаный бубен не стучать, людей не страшать.

А девочка осталась жить в зеленом шалаше. Балыкчи не ходил теперь рыбу удить. Сколько раз, бывало, возьмет удочку, шагнет к реке, оглянется, увидит девочку на пороге шалаша — и ноги сами несут его обратно: никак не мог он наглядеться на Шелковую кисточку.

И вот взяла девочка кусок бересты, нарисовала соком ягод и цветов на ней свое лицо. Прибила бересту к палке, палку воткнула в землю у самой воды. Теперь рыбаку веселее было сидеть у реки: Торкочачак смотрела на него с бересты как живая.

Однажды загляделся Балыкчи на разрисованную бересту и не заметил, как большая рыба клюнула. Удилище выпало из рук, сбило палку, береста упала в воду и уплыла.

Как узнала про то девочка, громко заплакала, запричитала, ладонями стала тереть брови, пальцами растрепала косы.

— Кто найдет бересту, тот сюда придет! Поспеши, поспеши, Балыкчи, догони, догони бересту! Выверни свою козью шубу мехом наружу, чтобы тебя не узнали, сядь на синего быка и скачи вдоль берега.

Надел Балыкчи козью шубу мехом наружу, сел на синего быка, поскакал вдоль берега реки.

А разрисованная береста плыла все дальше, все быстрее. Догнать ее Балыкчи не успел.

Принесла вода бересту в устье реки, здесь она зацепилась за ветку тальника и повисла над быстрой водой.

В устье этой реки, на бескрайних лугах, раскинулось стойбище Кара-каана. Бесчисленные стада белого и красного скота паслись в густой траве.

Увидали пастухи на красном тальнике белую бересту. Подошли поближе, взглянули и загляделись. Шапки их вода унесла, стада их по лесам разбрелись.

— Какой сегодня праздник? Чью справляете свадьбу? — загремел Кара-каан, подскакав к пастухам. — Эй, вы! Лентяи!

Он девятихвостую плеть высоко поднял, но увидел бересту и плеть уронил.

С бересты глядела девочка. Губы у нее — едва раскрывшийся алый цветок, глаза — ягоды черемухи, брови — две радуги, ресницы, словно стрелы, разят.

Схватил Кара-каан бересту, сунул за пазуху и закричал страшным голосом:

— Эй, вы! Силачи, богатыри, алыпы [\[55\]](#) и герои! Сейчас же на коней садитесь! Если эту девочку мы не найдем, я всех вас пикой заколю, стрелой застрелю, в кипятке сварю.

Тронул повод коня и поскакал к истоку реки. Следом за ним мчались воины, гремя тяжелыми доспехами из красной меди и желтой бронзы.

Позади войска конюшие вели в поводу белого, как серебро, быстрого, как мысль, иноходца.

Увидав это грозное войско, Шелковая кисточка не заплакала, не засмеялась. Молча села на белого, как серебро, иноходца, в расшитое жемчугом седло.

Так, не плача, не смеясь, ни с кем не заговаривая, никому не отвечая, жила девочка в шатре Кара-каана.

Вдруг одним солнечным утром она в ладоши захлопала, засмеялась, запела и выбежала из шатра.

Посмотрел Кара-каан, куда она смотрит, побежал, куда она бежала, — и увидел молодца в козьей шубе мехом наружу, верхом на синем быке.

— Это он тебя рассмешил, Шелковая кисточка? Я тоже могу надеть рваную шубу, сесть на синего быка не побоюсь! Улыбнись ты и мне так же весело, спой так же звонко.

И Кара-каан сорвал с плеч Балыкчи козью шубу, на себя надел, к синему быку подошел, за повод взялся, левую ногу в железное стремя поставил.

— Мо-о, мо-о! — заревел бык и, не дав хану перекинуть через седло правую ногу, потащил его по долинам и холмам.

От стыда лопнула черная печень Кара-каана, от гнева разорвалось его круглое сердце.

А Шелковая кисточка взяла рыбака-сироту Балыкчи за правую руку, и они вернулись вдвоем в свой зеленый шалаш.

Найдите и вы свое счастье, как они свое нашли.

Тут и нашей сказке конец.

ШАКИР И ШАКИРЕТ

Киргизская сказка

Перевод и обработка Д. Брудного

Авным-давно жил-был хан в киргизском городе Ош. Все жители города и окрестных кишлаков [56] были подчинены ему. Жена хана родила троих детей — двух мальчиков и девочку, а сама вскоре умерла.

Старшего сына звали Шакір, а младшего — Шакирét.

Мальчики учились у молдó [57], известного своей мудростью, а дочь свою, которой было всего-навсего три года, хан отдал на воспитание одинокой женщине.

Через год после смерти жены хан устроил пышные поминки и женился на дочери соседнего бая.

Новая жена была совсем молодая, красивая, но хитрая. Прошло немного времени, и она подчинила себе мужа.

Мальчики продолжали учиться. Они научились у молдо даже колдовству. Шакир узнал змеиную речь, а Шакирет мог разговаривать с водой.

Росли они вежливыми, старших уважали, а младшим помогали. И все их любили.

Жене хана особенно нравился Шакир. Было ему уже шестнадцать лет. С ним она была ласкова и, когда никого не было в доме, крепко обнимала и целовала его.

Однажды она повела мальчика в глубь сада и сказала ему:

— Поговорим по душам. Твой отец — старый и глупый человек. Народ его не уважает, вся власть уже перешла в мои руки. Я отправлю его, и ты станешь ханом. Если послушаешься моих советов, будешь властвовать над народом и дела твои пойдут хорошо.

Когда женщина говорила, глаза ее горели, красивое лицо покраснело. Она обняла юношу и хотела поцеловать его. Юноша растерялся, не знал, что делать, и неожиданно для самого себя ударил красавицу по лицу. От удара два передних зуба ее вылетели, из носа потекла кровь. Она побледнела, грозно посмотрела на юношу и злобно прошипела:

— Хорошо же! Пропала теперь твоя голова!

Затем отправилась к мужу и заявила:

— Не сегодня, а сейчас, немедля убей меня или Шакира.

— А что случилось? — спросил муж, ничего не понимая.

— Проклятие твоему сыну! Я всегда чувствовала, что он не любит тебя. Сын твой сказал мне: «Отрави моего глупого отца и выходи за меня замуж». — «Бесстыдный человек, — ответила я, — как ты посмел предложить мне такое?» А он разозлился и ударил меня кулаком по лицу, выбил зубы и окровавил лицо.

Теперь скажи: отравиться ли мне, или ты убьешь своего сына, чтобы нам с тобой в дальнейшем жить спокойно?

Хан пришел в ярость, кликнул джигитов и приказал:

— Моего старшего сына казните сейчас же, а тело бросьте в реку. Пусть никто не узнает, где он похоронен!

Два джигита побежали разыскивать сына, а женщина улыбнулась: ей удалось отомстить!

Джигиты нашли юношу, схватили его за руки, хотели связать, но он сам пошел и сказал:

— Это мачеха погубила меня — обманом вынудила отца убить своего сына. Пусть будет так, но я умру как честный человек. Одна только у меня просьба к вам: дайте встретиться с братом, попрощаться с ним перед смертью.

Шакирет ничего не знал, он весело играл на улице. Заметив, что джигиты ведут его старшего брата, он сразу почувствовал недоброе. Едва он подбежал к ним, старший брат тихо сказал:

— Следуй за нами.

Они отошли уже далеко от города, но джигиты все еще не решались убить ни в чем не повинного юношу. Раньше они замечали, что мачеха обращалась с ним очень ласково, а сегодня почему-то говорила о нем хану зло и враждебно.

— Что же нам делать с тобой? — спросили они.

— Воля ваша. Что хотите, то и делайте. Если вы готовы исполнить ханский приказ — убивайте сразу, не мучая, — ответил Шакир со слезами на глазах.

В это время их догнал Шакирет.

— Что случилось? — спросил он у старшего брата.

Шакир ответил, что он без вины погибает, и заплакал. Младший брат бросился к нему, они обняли друг друга.

Жалко стало джигитам братьев. Они подумали: «Недаром в народе говорят, что сирота, оставшийся без матери, всегда в обиде».

Тут Шакирет сказал джигитам:

— Убейте лучше меня. Я еще не почувствовал, хорошо ли жить на белом свете, мне легче умереть. Но если не станете нас убивать, то мы с братом обещаем уйти далеко-далеко и обратно никогда не возвращаться.

Джигиты согласились. Они подстрелили зайца, сняли с братьев рубашки и запятнали их заячьей кровью.

На прощанье один из них сказал сиротам:

— Когда-то мы провинились перед ханом, и он решил нас казнить. Ваша покойная мать вступилась за нас, спасла от смерти. Теперь мы отплатим ей за доброту — оставим вам жизнь. Мы покажем хану ваши окровавленные рубашки и скажем: «Убили мы твоего старшего сына и тело его бросили в реку. А твой младший сын узнал об этом и с горя убил себя...» Идите по берегу реки вниз через кустарники и никому не показывайтесь. Есть у нас кусок золота с кулак. Вот, возьмите, он может пригодиться вам.

Братья взяли у великодушных джигитов золото и пошли по берегу реки. А джигиты вернулись в город, пришли к хану и показали ему окровавленные рубашки. Хан не поверил, что младший сын убил себя,

приказал искать тело в реке, но его, конечно, не нашли.

А жена хана была рада, что избавилась и от Шакирета, потому что боялась мести за брата.

Долго шли братья, прячась среди кустарников, стараясь ни с кем не встречаться. Они уже далеко ушли от своего города. По дороге собирали ягоды, чувствовали себя вольными людьми и забыли, что недавно чуть не погибли.

На следующий день, когда они оказались в пустынной степи, их стал мучить голод. Они ели корни трав, устали, но продолжали идти все дальше и дальше. Наконец добрались до ручейка с чистой, прозрачной водой. Напились они и решили отдохнуть. Старший брат лег в стороне, а младший у воды.

Неподалеку жила полосатая ядовитая змея. Она каждый день пила воду из ручейка. Приползла змея и на этот раз, увидела спящего мальчика, преградившего ей путь, разозлилась и ужалила его.

Когда проснулся старший брат, солнце приближалось к закату. Он решил поскорее добраться до какого-нибудь аила и начал будить Шакирета. Но сколько ни расталкивал его, мальчик не шевельнулся. Шакир поднял его голову и увидел, что Шакирет мертв. Горько заплакал Шакир, положил брату под голову слиток золота — подарок джигитов и оставил записку: «Это был мой единственный брат. Он умер, а я не могу похоронить его. Я голоден и обессилен. Под головой брата лежит слиток золота. Если кто-нибудь придет сюда, пусть возьмет золото, завернет умершего в белый саван и похоронит».

Пошел Шакир дальше один. На следующий день он добрался до большого города. Там царил тревога.

— Что случилось? — спросил юноша у первого встречного.

Это был седобородый старик. Вместо ответа он поинтересовался:

— Ты кто? Пришелец?

— Да, — ответил юноша, — я пришел издалека.

Тогда старик повел его к себе в дом, поставил перед ним еду, потом вступил с ним в разговор:

— На наш город напал дракон. Он угрожает сегодня, когда солнце зайдет, уничтожить всех нас. Вот почему волнуется народ.

— Отец, отведи меня к вашему хану, — сказал Шакир после того, как утолил голод. — Я попробую вступить в борьбу с драконом.

Старик обрадовался словам юноши и повел его к хану.

Во дворе хана было много народу — всадников и пешех. Все громко кричали, но никто не мог придумать спасения от дракона.

Старик встал перед ханом и заговорил:

— Вот этот юноша пришел издалека. Он готов вступить в борьбу с драконом. Давайте благословим его и пожелаем ему победы.

Народ ожидал ответа хана. Все с уважением смотрели на смелого юношу.

Хан поднял руку — наступила тишина. Тогда он произнес:

— Слушайте все! Вы сами знаете, что я никогда не имел своих детей. Если этот юноша сумеет остановить дракона и избавить народ от гибели, пусть он станет моим сыном.

Народ громко выражал свое одобрение. Шакир вышел вперед и сказал:

— Я тоже искал для себя отца. Теперь я должен или одолеть дракона, или умереть.

После этого Шакир пошел в горы и там увидел дракона, который был величиной с гору. Когда юноша приблизился, дракон поднял голову, раскрыл пасть, похожую на глубокую пещеру, готовясь проглотить его. Но Шакир знал змеиный язык, которому научил его молдо. Он прочел заклинание. Дракон закрыл свою пасть и спросил:

— Чего ты желаешь, юноша, знающий змеиный язык?

— Чтобы ты убрался отсюда прочь!

— Хорошо, — ответил дракон. — Если каждый месяц, когда будет всходить молодая луна, ты будешь приводить мне одного жирного барана и одну красавицу девушку, то через шесть месяцев я покину эту землю.

Юноша вернулся в город и обрадовал народ. Хан признал его сыном и передал ему свою власть...

Тем временем к тому месту, где лежал Шакирет, пришел некий аксакал[58] со своей женой. Были они очень старые, бедные и шли к родственникам в другой аил, чтобы дожить там свои последние годы. Они хотели напиться из ручейка, но увидели умершего мальчика, прочли записку и погоревали, что мальчик остался непохороненным.

Аксакал прикоснулся к телу мальчика и не ощутил холода смерти. Он выкопал яму, опустил в нее мальчика, присыпал его тонким слоем земли и прочитал заклинание.

— Этого мальчика ужалила змея, — сказал он старухе. — Я заметил около ручейка ее след. Теперь змеиный яд благодаря моему заклинанию уйдет в землю, и мальчик оживет.

Вскоре мальчик зашевелился. Аксакал и его жена стряхнули с него землю, подняли из ямы.

Мальчик глубоко вздохнул, посмотрел на стариков и спросил:

— Кто вы такие?

— Зачем тебе знать, кто мы такие, — ответил аксакал. — Мы люди старые, зла тебе не желаем. Лучше расскажи, кто ты такой и каким образом оказался здесь.

Шакирет рассказал, как пришел сюда, как лег отдохнуть у ручья и уснул. А что было дальше, он не помнил.

Шакирет прочел записку Шакира и понял, что брат ушел, считая его мертвым. Он взял слиток золота и протянул аксакалу. Но старик отказался принять подарок.

— Твой старший брат, — сказал он, — оставил это золото тому, кто выкопает для тебя могилу, обернет в саван и похоронит. Я савана не сделал, не похоронил, поэтому и платы не возьму.

Шакирет все же уговорил стариков взять золото, поблагодарил их за спасение и отправился на поиски старшего брата.

Дошел он до берега большой реки, где росли густые кустарники. Сквозь них виднелся огонек. Шакирет направился туда и увидел одинокий шалаш. В нем горел очаг.

В шалаше находились старик и старуха. Между ними сидела красивая девушка. Со слезами на глазах они обнимали и целовали ее.

— Почему вы плачете? — спросил Шакирет.

Старик повернулся к нему, вытер слезы.

— Эх, сынок мой, — ответил он, — как не плакать, когда наша единственная дочь завтра утром будет жертвой дракона. Таков приказ хана. Если мы потеряем ее, то незачем нам жить на белом свете. Вот какая

несправедливость: у нашего бая три дочери — все взрослые и красивые. Ханские джигиты ни одну из них не заметили, а мою единственную дочь приказали завтра к восходу солнца отдать на съедение дракону.

— Не плачьте, — ответил Шакирет, — дайте мне хорошенько отдохнуть, а сами сделайте две острые сабли из хвоста черного жеребенка. Завтра утром я превращусь в красивую девушку и пойду к дракону вместо вашей дочери. Если я погибну — помяните меня добрым словом, а если останусь жив — вернусь победителем.

Старик и старуха обрадовались, уложили юношу спать, а ночью приготовили все, что он просил.

Когда взошло солнце, подъехали ханские джигиты и потребовали от старика, чтобы он повел свою дочь к дракону. Тут Шакирет переоделся в девичье платье, надел парик с косами, подрумянил лицо и стал похож на красивую девушку. Он пошел вперед, а старик положил сабли в мешок и последовал за ним.

У подножия гор, где находился дракон, Шакирет взял у старика сабли в обе руки и смело пошел на дракона.

Дракон был голоден. Он уже открыл пасть, но тут Шакирет рассек его саблями пополам, а сам от волнения потерял сознание.

К киргизской сказке «Шакир и Шакирет».

Ханские джигиты приготовились смотреть, как дракон проглотит красавицу. И вдруг увидели, что дракон развалился на две части.

Они подъехали поближе и убедились, что дракон мертв, а рядом лежит красавица с острыми саблями в руках.

Джигиты закопали мнимую девушку в песок, отрубили дракону голову, захватили ее с собой и поспешили объявить хану, что это они убили страшного дракона.

— За такую храбрость просите все, что вам угодно, — сказал хан.

— Назначь нас своими судьями. Мы будем справедливы. И пусть народ назовет нас Правосудами.

Пришло время, и старик, старуха и дочка отправились к тому месту, где погиб храбрый мальчик, чтобы устроить поминки.

Старики разожгли костер и занялись приготовлением мяса, а девушка взяла мешок и пошла за кизяком. Она поднялась вверх по оврагу к горам и заметила в песке человеческие волосы. Девушка испугалась и начала звать отца и мать. Старик и старуха прибежали, отгребли песок и узнали того самого мальчика, который пошел против дракона вместо их дочери.

Радость их была велика. Шакирет еще дышал. Они понесли его к ручью, обмыли и напоили.

Наконец он глубоко вздохнул, пришел в себя, а когда немного отдохнул, старик помог ему добраться до шалаша.

Теперь они стали жить вместе.

Старик собирал хлопок, старуха пряла, девушка ткала из пряжи материю, а Шакирет продавал ее на базаре и в свободное время помогал девушке. Когда она уставала от работы, он сам садился за станок. Так они каждый день успевали выткать четыре куска материи.

В один из дней Правосуды встретили Шакирета на базаре и узнали в нем «красавицу», которая убила дракона.

Они перепугались и подумали:

«Если этот мальчик, переодевшийся в девичий наряд и убивший дракона, останется жив, он обязательно выдаст нас. Надо найти способ незаметно его погубить».

Когда Шакирет возвращался с базара, Правосуды последовали за ним и увидели, как он вошел в шалаш старика.

«Эх-хе, — подумали Правосуды, — теперь все ясно. Он, оказывается, пошел к дракону вместо дочери старика».

И они договорились, что придут к старику, прикажут приготовить до утра восемь кусков материи. Старик и старуха возражать не станут, а мальчик может сказать что-нибудь грубое. Тогда они обвинят его в неуважении к ханским Правосудам и получат от хана разрешение казнить грубияна.

Подъехав к шалашу, они вызвали старика и приказали:

— К утру ты должен изготовить восемь кусков материи, иначе тебя ждет наказание, старый дурак!

Шакирет в это время сидел в шалаше. Он был спокоен, но когда услышал, что старика обижают, вышел и сказал:

— Какие вы глупцы! Разве за одну ночь можно изготовить восемь кусков материи? Мы же не волшебники. Мы и так днем и ночью не имеем отдыха. Тките сами, если вам нужно!

— Ты нас назвал глупцами! — возмутились Правосуды — И за это дорого заплатишь!

Прискакали они к хану и пожаловались, что приемный сын старика нагрубил им. Молодой хан Шакир принял к сердцу обиду своих джигитов и разрешил им наказать юношу.

Вернулись Правосуды к шалашу старика, схватили Шакирета, связали ему руки, на шею накиннули аркан [\[59\]](#) и повели его, погоняя плетками.

Привели они юношу на берег большой реки, чтобы там с ним покончить.

В это время на берегу толпилось множество караванщиков, которые не осмеливались переправиться через полноводную реку, а брода нигде не находили.

Чтобы река оказала милость и обмелела, надо было бросить ей в жертву человека. Когда джигиты привели Шакирета, караванщики спросили:

— Что вы собираетесь делать с этим юношей?

— По приказу хана мы должны казнить его: это опасный преступник.

— Продайте его нам. Мы сами уйдем: крепко свяжем руки и ноги, на шею привяжем большой камень и бросим в реку. Тогда река смилостивится, и мы найдем брод.

Джигиты соблазнились предложением, получили сто золотых монет, отдали Шакирета и отправились назад.

Шакирет вспомнил, что он может разговаривать с водой, и обратился к караванщикам:

— Если я благополучно переправлю вас через реку, вы оставите меня в живых?

— Если ты сумеешь это сделать, то зачем тебя губить? — ответили караванщики.

Шакирет произнес несколько непонятных другим слов, опустил мизинец правой руки в воду, три раза подул на него. Река сразу обмелела, открылся брод, и караванщики перебрались на другой берег.

— Когда мы будем возвращаться, помоги нам снова перебраться через реку, — попросили они.

И чтобы дело было вернее, караванщики взяли Шакирета с собою. Шакирет верно служил им. Караванщики полюбили послушного юношу, подарили ему верблюда и один вьюк с товаром.

Однажды, когда Шакирет стоял на базарной площади, туда приехал старик с маленькой тележкой, на которой лежал большой сундук.

— Кто купит этот сундук, — кричал он, — тот будет счастлив!

Шакирет отдал ему своего верблюда и взял у старика сундук. Понес его к себе, а когда открыл, из сундука вышла такая красивая девушка, что ее можно было сравнить только с луной или с солнцем.

— Как ты не задохнулась в этом сундуке и кто ты такая? — спросил Шакирет.

— Отец мой — жадный человек. Он получил за меня большой калым [60] и хотел выдать замуж за старика, у которого уже есть три жены. Темной ночью я убежала. Наконец дошла до этого города, вошла в один дом. Хозяин начал меня расспрашивать. Я рассказала ему о себе. Он положил меня в сундук, сделал в крышке маленькое отверстие и сказал: «Вывезу тебя, доченька, на базар в закрытом сундуке. Может быть, его купит хороший человек, который тебя осчастливит». Вот ты и купил меня.

Шакирет опечалился.

— Что мне теперь делать? — сказал он. — Я сам себе не хозяин. Если правду сказать, то я настоящий раб караванщиков, которые спасли меня от смерти. Я не могу быть твоим мужем, даже не сумею тебя спрятать. А завтра утром караванщики отправляются домой, и мне надо ехать с ними.

— Они, — ответила девушка, — непременно отнимут меня. Чтобы этого не случилось, я буду лежать в сундуке. Сейчас ты меня хорошенько накорми, потом положи в сундук еду, чтобы хватило на время пути. Когда по дороге будете ночевать, ты потихоньку выводи меня из сундука, чтобы я могла прогуляться. Расскажи мне о себе — кто ты и откуда, чтобы я могла тебя разыскать, если случится беда. Когда приедем в город, подумаем, как быть дальше.

Шакирет все сделал так, как сказала девушка.

На следующий день с рассветом караванщики отправились в обратный путь.

О девушке в сундуке никто не знал. Когда караванщики ночевали, она потихоньку выходила из сундука и прогуливалась.

На третий день вечером подъехали к полноводной большой реке. Шакирет произнес несколько

непонятных слов, опустил мизинец правой руки в воду, три раза подул на него. Река сразу обмелела, открылся брод, и караванчики благополучно переправились.

Когда они оказались на другом берегу, то пошептались между собой, окружили юношу и потребовали:

— Покажи нам, что ты везешь в своем сундуке.

Шакирет долго не соглашался, но караванчики настояли на своем и заставили открыть сундук. Они увидели красивую девушку, вытащили ее из сундука, кинули туда юношу, закрыли, крепко обвязали арканом и бросили в воду.

— Этот юноша — большой колдун, — сказал старший караванщик, — и может нам навредить. Он подчинил себе даже бурную реку, а с нами расправиться ему ничего не стоит... Если кто-нибудь из нас захочет жениться на этой девушке, остальные останутся в обиде. Отдадим лучше ее в подарок хану, а деньги, которые получим, разделим между собой поровну.

Приехали они к хану Шакиру. Не пожалел хан денег ради красавицы. Остались караванчики очень довольны. Хан начал расспрашивать девушку, как она попала к торговцам.

Рассказала девушка о себе, о юноше, который вез ее в сундуке, и о том, как с ним расправились караванчики.

— Кто же тот юноша, которого бросили в реку? — спросил хан.

Тогда девушка передала ему все, что Шакирет рассказал ей о себе.

Выслушал ее молодой хан, вскочил с места, позвал своих джигитов и приказал им:

— Сейчас же скачите к реке, ищите там плывущий сундук. Пока не найдете, не возвращайтесь. В том сундуке находится мой единственный брат. Я думал, что он давно умер. Это его караванчики положили в сундук и бросили в реку. Я только что об этом узнал. Кто найдет его и приведет живым, тот получит щедрую награду.

Джигиты помчались исполнять приказ хана. Свадьбу Шакир решил отложить до возвращения джигитов.

Он вызвал к себе старика и старуху, которые спасли Шакирета, а также Правосудов.

Правосуды признали свою вину, и хан казнил их. А караванщиков вернул, заставил возратить полученные деньги и бросил в подземелье.

В то же самое время в соседнем ханстве по реке плыл в лодке старый рыбак. Весь день он ничего не мог поймать и был очень печален. Неожиданно он заметил, что плывет сундук. Поймал старик его, привязал к своей лодке и потащил к берегу.

Сундук оказался очень тяжелым. Старик позвал сына.

— В сундуке, наверное, лежит что-то дорогое, — сказал он. — Отнесем его к нашему хану. Пусть он сам откроет и первым увидит, что находится в сундуке.

И понесли сундук к хану.

— Повелитель мой, я со своим сыном принес этот сундук тебе в подарок. Мы нашли его в реке, но не открывали и не знаем, что в нем лежит. Посмотри сам.

Хан открыл сундук и увидел красивого юношу, который лежал без сознания. Тотчас явились ханские лекари и привели юношу в чувство.

Хан начал расспрашивать, кто он и откуда.

Юноша рассказал о себе всю правду. Пришлось ему говорить долго. Чем дольше он говорил, тем веселее становилось лицо хана. Он щедро наградил старого рыбака, созвал своих приближенных и сказал:

— Вы все знаете, что я никогда не имел детей и потому всегда жил в печали. Теперь я уже стар, и этот юноша будет моим сыном. Завтра, в базарный день, объявите всему народу, что у меня есть сын, он стал моим наследником, и я передаю ему свою ханскую власть.

На следующий день на базарной площади собрался народ. Глашатаи объявили всем, что хан имеет наследника и передает ему свое ханство. Здесь же находились джигиты хана Шакира, посланные на поиски Шакирета. Они тоже слышали эту весть. Начали расспрашивать, кто этот юноша, которого усыновил хан, и узнали, что его нашел в сундуке старый рыбак.

Отправились они к юноше, который уже стал ханом. Вошли к нему и рассказали, что его разыскивает старший брат — хан Шакир.

Молодой хан Шакирет долго не верил рассказам джигитов и пошел к своему приемному отцу, чтобы с ним посоветоваться.

Отец вызвал к себе джигитов и сказал им:

— Мой сын Шакирет только сегодня стал ханом. Я еще не успел устроить в его честь праздник. Надо подождать три месяца, потом Шакирет поедет к трем холмам на границе между нашими ханствами. С ним будут тридцать джигитов. Пусть его брат тоже приедет туда с тридцатью джигитами. Если они узнают друг друга, то им надо будет отправиться в свой родной город и найти старого отца и маленькую сестру. Злая женщина, которая является причиной всех бед, могла известить старого мужа и сиротку.

Джигиты выслушали хана и пообещали рассказать обо всем своему хану Шакиру.

Через три месяца Шакирет в сопровождении тридцати джигитов отправился к трем холмам. Шакир прибыл на условное место раньше и с нетерпением ждал своего младшего брата. Они сразу узнали друг друга, крепко обнялись, от радости заплакали.

На следующий день они отправились в далекий путь.

Далеко за городом Ош встретили они свою сестру.

Она собирала в мешок кизяки и горько оплакивала своих пропавших братьев. Худая и грязная, одетая в лохмотья, она не узнала своих братьев, даже не посмотрела на них. А братья узнали ее по горестным песням. Голос у девушки был мягкий и печальный. Долго слушали ее братья и плакали, наконец не выдержали, соскочили с коней, чтобы обнять ее. Потом братья спросили, где их отец. Сестра рассказала, что злая мачеха выгнала ее с отцом и теперь у них нет своего дома.

Все трое сели на коней и поехали в город. За ними следовали шестьдесят джигитов. Они встретили нищего старика, который ходил по улице с палкой в руках, опустив голову.

Обрадовались сыновья, найдя своего старого отца. Потом отправились к злой мачехе. Приговор ей вынес старший брат, который был первой ее жертвой. Они привязали ее к хвосту необъезженного коня и пустили его в поле.

Отец снова стал ханом на своей земле.

Его дети Шакир и Шакирет жили в своих ханствах, женились и часто ездили друг к другу в гости.

ХРАБРЫЙ МЭРГЭН

Нанайская сказка

Пересказ М. Булатова

ыло на берегу реки большое стойбище. Люди в этом стойбище хорошо жили.

Однажды ночью напал на стойбище злой Хозяин тайги. Все юрты сжег, все разрушил. Старшего в стойбище вместе с женой в цепи заковал, в клетку посадил. Жителей в плен угнал. Опустело стойбище.

Из всех юрт только одну не сжег — юрту старшего.

А в юрте этой люлька спрятана была. В люльке сын старшего спал, совсем маленький. Мэргэн его звали. Один он остался в стойбище. Так и жил год за годом.

А на месте разоренного стойбища скоро высокие деревья выросли, густые кусты тальника появились. Юрта Мэргэна совсем в зелени исчезла.

Вырос Мэргэн, возмужал, сильным богатырем, метким стрелком стал. Приносил с охоты всяких зверей: и соболя, и куницу, и козулю, и кабана, и лося, и изюбря.

Как-то раз Мэргэн не пошел на охоту, в своей юрте остался. Спать лег. Долго спал. А когда проснулся, увидел: незнакомый охотник к юрте подходит. Поздоровался охотник, спросил:

— Как живешь?

Мэргэн говорит:

— Один живу. Так всегда один и живу. Никого до тебя не видел. Наверно, здесь люди и не жили!

Охотник говорит:

— Как не жили? Жили. Здесь большое стойбище было. Только разорил его Хозяин тайги. Всех людей в плен угнал. Твоего отца с матерью в цепи заковал. Не знаю, как ты уцелел!

Мэргэн говорит:

— О, вот что! Нельзя мне так сидеть. Пойду выручать наших людей. Сюда всех приведу!

Охотник дальше пошел. Мэргэн тут же отправился разыскивать злого Хозяина тайги.

До вечера шел он по тайге. По пути ему разные звери попадались — и выдра, и белка, и енот, и лютяга, и медведь. Никого Мэргэн не трогал. Наконец на гладкое место вышел. Видит: недалеко холм, на холме — юрта. Обрадовался Мэргэн: «Заночевать можно!» Не успел на холм подняться, навстречу ему пять волков выбежали. Кинулись, разорвать хотели. Не растерялся Мэргэн — ногой расшвырял волков в стороны. Завыли они, разбежались и не вернулись.

Подожел Мэргэн к юрте. Вокруг разбросано много костей человеческих! Плохое место.

«Не уйду отсюда! Ничего не испугаюсь!» — думает Мэргэн.

Вложил в лук стрелу, натянул тетиву. Так и в юрту вошел.

В юрте у огня старуха сидит — морщинистая, дряхлая, сама кость грызет. Увидела Мэргэна — обрадовалась, захихикала, как лиса. Отбросила кость в сторону. Подумала: «Вот удача! Свежее мясо само идет!» Потом сказала:

— Сынок, ты, наверно, устал! Ложись, отдохни. Я тебе поесть приготовлю.

Мэргэн сказал:

— Есть не хочу, а спать буду. Устал с дороги. Сам про себя подумал:

«В эту ночь спать не придется. Наготове надо быть: старуха злое дело задумала!»

Улегся Мэргэн на одной стороне юрты, старуха — на другой. Мэргэн положил возле себя лук и стрелу. Глаза закрыл, будто спит, а сам прислушивается, следит за старухой. Лежат, молчат.

Подождала старуха, поднялась, стала к Мэргэну красться. Подкралась, хотела лук утащить. Мэргэн сказал:

— Зачем лук хватаешь?

— Не хватаю, — говорит старуха, — так, руку протянула. Спи!

Сама на свое место улеглась. Тихо стало.

Много времени прошло. Старуха опять крадется.

Мэргэн ее за руку схватил — в руке у старухи большой нож.

— Зачем с ножом ко мне подбиралась? Убью!

— Не убивай! Так, по ошибке в темноте нож взяла. Не нужен он мне. Спи!

Опять улеглась. Сама раздумывает: «Как погубить Мэргэна?»

Хитрость придумала. Утром говорит:

— Ты пожалел меня, не убил. За это помогу тебе. Я знаю — ты к Хозяину тайги идешь, биться с ним будешь. Сильный он, одолеть тебя может. Чтобы не одолел, тело твое крепким, как железо, сделаю!

Не очень поверил Мэргэн, однако согласился:

— Сделай!

Тогда старуха под большим котлом огонь развела. Потом вынула из сундука горшок с синей настойкой. В котел вылила, а крышку от котла рядом положила.

Когда настойка в котле закипела, старуха сказала:

— Ну, теперь прыгни в котел! Посидишь там немного — крепким, как железо, будешь!

Мэргэн понял, что затевает старуха. Сказал:

— Хорошо, прыгну. Только я привяжу к поясу веревку, а ты держи конец, чтобы я не утонул в котле. А еще лучше, если я привяжу второй конец к твоему поясу, а то вдруг ты руками не удержишь веревку, выпустишь!

Старуха согласилась. Сама хитро, нехорошо посмеивается — плохое на уме держит.

Мэргэн привязал к ее поясу конец веревки крепко, а себя слабо привязал. Стали оба возле котла.

Тут Мэргэн подпрыгнул что было сил и перескочил через котел, а старуху за собой потянул. Упала старуха в котел. Мэргэн быстро крышкой ее прикрыл. Из котла пламя вырвалось.

«И со мной то же было бы!» — подумал Мэргэн.

Взял он головню, вышел из юрты, воткнул головню в камышовую крышу — загорелась юрта.

А Мэргэн спустился к реке, нашел старухину легкую лодку — оморочку, сел, вниз по течению на север поплыл.

За поворотом реки оглянулся. Видит: над холмом поднимается черный столб дыма — горит жилье старухи-людоедки.

— Теперь не будет людей есть! — сказал Мэргэн.

Дальше поплыл. Долго он плыл по реке. Вдруг услышал крик и плач. Смотрит Мэргэн: страшный лохматый великан тащит молодую девушку. Девушка вырывается, кричит.

Причалил Мэргэн к берегу, натянул свой крепкий лук, пустил стрелу в великана. Зашатался великан, упал.

Стала девушка благодарить Мэргэна:

— Ты от чудовища меня избавил! Жизнь мою спас! Теперь я готова рабой твоей стать, служанкой твоей быть!

— Не служанкой — женой мне будешь! — ответил Мэргэн. — А сейчас отправлю тебя домой, к матери. Она, наверно, день и ночь о тебе горюет. Садись на мою стрелу. Принесет она тебя к твоей юрте. Там ты и жди меня и стрелу береги до моего возвращения!

Сказал и вложил в лук стрелу. Села девушка на стрелу, а Мэргэн натянул тетиву и пустил стрелу. В этот же миг скрылась стрела из глаз.

А Мэргэн пустился дальше в путь. К полудню он пришел к маленькому домику из камыша. Домик почти совсем развалился. Вокруг домика развешаны рыбачьи сети.

Вошел Мэргэн в домик. Видит: на полу старик и мальчишка сидят, чинят сети. На старике куртка из рыбьей кожи. Оба трубки курят. В домике бедно, ничего нет. Пригласил старик Мэргэна сесть, спрашивает:

— Откуда ты и куда ты идешь?

Мэргэн говорит:

— С верховьев большой реки я. Мэргэн меня зовут. Иду к Хозяину тайги. Биться с ним буду. Хочу освободить из неволи мать, отца и всех наших людей. Научи, как его найти.

— О, ты близко теперь! Да сможешь ли одолеть Хозяина тайги? Для того чтобы убить его, надо сначала найти его смерть. А смерть его находится где-то за океаном. Сначала найди ее!

— Ничего, — говорит Мэргэн, — так буду биться с ним. Разыскивать его смерть не пойду. И так одолею! Расскажи мне, как ты попал сюда, почему так бедно живешь?

Старик сказал:

— Раньше я не здесь жил. В верховьях большой реки я жил, откуда и ты родом. А сюда нас пригнал Хозяин тайги, заставил меня рыбачить. Каждое утро я должен привозить ему рыбу. Если ты и вправду сын старшего, если ты пришел спасти нас, то знай: Хозяин тайги приковал твоего отца цепями к большому камню и спустил на дно океана. Если отъедешь подальше от берега, услышишь звон его цепей. Днем и ночью охраняет его стража на двенадцати лодках.

— А жива ли моя мать?

— Хозяин тайги посадил ее в глубокое подземелье. Жива она или нет, я не знаю.

Выслушал это Мэргэн и лег спать. Не успел заснуть, как в открытую дверь две утки влетели. На пол

сели, покачали головами, превратились в двух женщин. Это были девушка, которую спас Мэргэн, и ее мать.

Мать сказала:

— Ты спас мою дочь. Мы знаем, что ты идешь биться с Хозяином тайги. Помочь тебе хотим.

Засмеялся громко Мэргэн и сказал:

— Как же вы сумеете мне помочь? Ведь вы женщины и сражаться не можете!

Мать сказала:

— Мы и не будем сражаться. Но мы можем полететь и найти эргені — смерть Хозяина тайги! Когда будешь биться с ним, поглядывай на небо. Увидишь: летят две утки — знай: это мы летим. Мы сбросим тебе его смерть!

Тут мать и дочь взмахнули руками, превратились в уток и улетели.

Утром Мэргэн без страха направился к стойбищу Хозяина тайги.

Девять дней шел, наконец до мыса дошел. Обогнул он мыс и увидел большое стойбище. Здесь и жил Хозяин тайги.

Разгневался Мэргэн, к стойбищу быстро зашагал. Собрал все лодки Хозяина тайги, которые стояли на берегу, и потащил к его жилью. Перед жильем сложил лодки в кучу и зажег. Пламя и дым поднялись к небу. Так Мэргэн вызывал Хозяина тайги на бой.

В это время Хозяин тайги сидел и трубку курил. Увидел он пламя. Понял, что на бой его вызывают. Но сам не вышел — выслал на поединок с Мэргэном своего раба. Мэргэн недолго бился с ним — сразу убил его.

Сильно разгневался Хозяин тайги. Скинул свой богатый халат, надел боевую одежду и вышел. Сам на ходу засучивает рукава.

Увидел он Мэргэна, побежал ему навстречу, громко кричать стал:

— Зачем ты пришел ко мне? Разве ты не знаешь, что сильнее меня нет никого среди людей? Я убью тебя и твоё мясо брошу на съедение собакам!

Не испугался Мэргэн этих угроз. Пошел навстречу Хозяину тайги. Тоже рукава засучил. Вступили они в бой. Долго сражались — не могли осилить один другого.

Мэргэн и ловкий, и сильный: наносит своему врагу рану за раной. Глубоки раны Хозяина тайги, кровью он истекает, высох весь, а все на ногах стоит — бьется с Мэргэном. Кто знает, сколько биться будет...

А в это время над океаном две утки летели. Одна из них берестяную коробочку несла. Когда одна уставала, коробочку брала другая утка. В коробочке этой была смерть Хозяина тайги.

Уже на середине океана услышали утки шум.

Еще быстрее замахали они крыльями, об усталости своей забыли. Одно помнят: надо помочь Мэргэну освободить людей от злого Хозяина тайги.

А Мэргэн и Хозяин тайги все еще бились на берегу океана. Как только сломается дубина или сабля у Хозяина тайги, сейчас же рабы его подбегут и подадут ему новую. А Мэргэну никто не помогает. У него уже давно поломались и дубина, и сабля. «Неужели у меня нет никого, кто бы мне помог? Один я, что ли?» — думает Мэргэн.

Вдруг он услышал крик уток. И тут же над его головой появились две утки и закричали ему сверху:

— Лови! Не дай упасть на землю!

Мэргэн на лету подхватил берестяную коробку. В ней лежал маленький уродец, похожий на человечка. Это и была эргени Хозяина тайги.

Мэргэн взял уродца и сказал:

— Вот посмотри, что я нашел на траве! Ты старше меня и больше знаешь. Скажи: эта находка к добру или к несчастью?

Хозяин тайги увидел эргени, испугался и сказал:

— Эта находка к несчастью! Оставишь ее у себя — заболеешь, в муках умрешь! Если тебе дорога твоя жизнь, отдай находку мне. Тогда с тобой ничего не случится!

Мэргэн сначала сделал вид, что поверил. Затем усмехнулся и сказал:

— Зачем мне жалеть свою жизнь? Если я не умру от мучительной болезни, ты все равно сейчас убьешь меня — и так смерть, и так смерть! Лучше уж я сначала убью этого уродца!

Тут Хозяин тайги задрожал и говорит:

— Отдай его мне! За него все отдам — возьми всех моих жен, дочерей и слуг! Все богатства возьми!

— Нет, не отдам! Ты заковал моего отца в цепи, замучил мою мать. Всех наших людей в плен угнал. Стойбище наше разорил. Сам знаешь, как надо тебя наказать за это! — ответил Мэргэн.

С этими словами он оторвал у маленького уродца ноги — и сейчас же у Хозяина тайги отвалились ноги, оторвал руки — отлетели руки и у Хозяина тайги, оторвал голову — и у Хозяина тайги отскочила голова. Упал он мертвым. Рабы его испугались, бросили оружие и убежали.

Мэргэн вбежал в его жилище: хотел разыскать своих родителей. Тут навстречу ему вышла толстая старуха. Это была жена Хозяина тайги. Она задумала убить Мэргэна и держала за спиной тяжелую железную кожемялку. Старуха притворилась ласковой и сказала:

— Подойди, сынок, ко мне! Я не сержусь на тебя. Хозяин тайги сам во всем виноват. Так и надо ему!

Мэргэн поверил, подошел. Тут старуха выхватила из-за спины кожемялку, замахнулась и хотела ударить его по голове. Но Мэргэн успел схватить ее за руку. Отбросил он в одну сторону кожемялку, в другую — старуху. Огляделся, видит: висит на стене топорик величиной с беличий зуб. Взял Мэргэн этот чудесный топорик и перерубил им огромный замок на двери подземелья.

Открыл он подземелье, зажег факел, стал отыскивать свою мать. С трудом нашел.

От слабости, от голода мать его еле двигалась. Мэргэн взял ее на руки, вынес из подземелья, велел накормить, одеть и беречь ее.

Сам взял с собой пленников Хозяина тайги и отправился на берег океана.

В полдень Мэргэн подъехал к тому месту, где стояли двенадцать лодок со стражей. На всех стражниках — кольчуги, у всех в руках луки и стрелы.

— Эй, — крикнул Мэргэн, — ваш хозяин убит! По-хорошему говорю вам: уезжайте в свое стойбище, а я освобожу моего отца.

Из лодок слышался громкий смех.

— Хвастун, лгун! — сказал начальник стражи. — Невозможно убить нашего хозяина! А к своему отцу ты пройдешь, если сможешь одолеть нас. Попробуй-ка!

— Хорошо! — сказал Мэргэн и прыгнул в воду.

Плыл он быстрее морской рыбы. Волны горами отходили от него. Подплыл Мэргэн к лодке начальника стражи, схватил ее и приподнял над водой. Стражники испугались, побросали свои копья и луки, закричали. На нос лодки бросились, в воду упали. Плыть не могли: тяжелые кольчуги потянули их на дно.

После этого Мэргэн подплыл к другим лодкам. Стражники видели, как утонула лодка их начальника, и не стали биться: побросали луки и стрелы, сами в страхе к берегу стали грести.

Мэргэн доплыл до последней лодки и влез в нее. Стражники на колени упали, стали пощады просить. Тогда Мэргэн велел везти себя к тому месту, где был закован его отец. Привезли его.

Тут Мэргэн вытащил из-за пазухи чудесный топорик Хозяина тайги и нырнул в воду. Вокруг разные рыбы плавали, звон цепей раздавался.

Подплыл Мэргэн и увидел жилье, в котором сидел старик, прикованный к большому камню. Это его отец был. Перерубил Мэргэн топориком цепь, взял на руки отца и вынырнул к лодке. Посадил его в лодку, к берегу поплыл.

На берегу уже собрались пленники Хозяина тайги. Среди них была и мать Мэргэна, и девушка — невеста Мэргэна, и ее мать. Все храброго Мэргэна встречали. Родовались, смеялись. На радостях большой пир устроили.

Три дня пировали. На четвертый день собрались все, отправились в родное стойбище. Благополучно пришли.

Близко ли было, далеко ли было — сказке конец.

МУДРЫЙ АЯЗ

Казахская сказка

Перевод В. Важдаета

авным-давно это было. Жил на земле хан. Звали его Мадэн. Имел он сорок визирей. Однажды он призвал их к себе и сказал:

— Вы отмечены печатью мудрости и осчастливлены высоким положением при моем дворе. Мне угодно дать вам испытание. Найдите самого ничтожного человека из всех живущих на свете, самую никудышную птицу на земле и самую никчемную траву в степи. Даю вам одиннадцать месяцев срока. Если в течение этого времени не исполните моих приказаний — жестокое наказание постигнет вас. Так говорю я, хан Маден!

Коли хан приказал — ничего не поделаешь. И визири, посоветовавшись между собой, отправились искать самого ничтожного человека, самую никудышную птицу, самую никчемную траву.

Долго искали визири. Много испытали они бед и лишений, пока нашли то, за чем послал их хан.

Нашли они самую худшую из трав — шенгэль: скот отказывается есть ее колючки; когда идешь мимо, она цепляется за одежду и рвет ее. «Наверное, это и есть самая никчемная трава в степи», — решили визири и, набрав ее целый вьюк, отправились дальше.

Ехали они, ехали, вдруг смотрят: сидит в кустарнике фазан, небольшая невзрачная птица.

«Это и есть, наверное, самая никудышная птица», — подумали визири.

Они изловили фазана и поехали дальше.

На склоне горы встретили они человека, одетого в лохмотья. Он пас не более десятка овец. Визири стали внимательно разглядывать его: не этот ли самый ничтожный человек из всех людей, живущих на земле? Пока визири рассматривали его, человек сам обратился к ним:

— О высокочтимые, что вас так удивляет во мне?

Визири рассказали ему о поручении хана.

— Нам осталось найти самого ничтожного человека, и мы смогли бы тогда смело вернуться домой, — сказали они. — Но мы потеряли надежду найти ничтожного человека, и поэтому душа каждого из нас полна страха. Твой жалкий вид поразил нас, и вот мы стоим и глядим на тебя: не ты ли и есть самый ничтожный человек?

Оборванец ответил:

— Ну что же? Меня зовут Жаман[61]. Должно быть, это я и есть. Ведите меня к хану, и ваше дело будет сделано.

Визири согласились с Жаманом и повезли его во дворец. По дороге Жаман посоветовал визирям

выбросить фазана и шенгель-траву, а вместо них взять кара-кога и сороку. Визири потребовали объяснения, но Жаман заявил, что ответит лишь самому хану, и визири сделали, как он советовал.

Когда визири предстали перед ханом, он, посмотрев на Жамана, сказал:

— Человек, которого вы привели, действительно похож на ничтожного. Ничтожнее его уже, наверное, нет никого на свете! Отведите его пока на кухню, пусть повар накормит его похлебкой и хлебом. Завтра я буду с ним говорить.

Увели Жамана на кухню.

— А что касается никчемной травы и никудышной птицы, — продолжал гневно хан, — то вижу я, что вы их отыскать не смогли. Ведь издавна считается никудышной птицей фазан, никчемной травой — шенгель. Незачем было ездить так далеко: кара-кога заполняет все берега моих озер, а сороки живут в любом из моих лесов. И хотя вы это отлично знали, вы все же притащили их сюда!

Визири ответили:

— Хан, ты прав! Мы действительно взяли сначала шенгель и фазана, но по дороге Жаман сказал нам, что самая никудышная птица — сорока и самая никчемная трава — кара-кога, и посоветовал нам взять именно их.

Задумался хан:

— Э-э! Что-то есть на уме у Жамана. Приведите-ка его сюда.

Жамана привели к хану. Хан посмотрел на Жамана и спросил:

— Откуда тебе известно, что кара-кога — самая никчемная трава, а сорока — никудышная птица?

Жаман ответил:

— Великий хан! Я стал ничтожным не в старости, а еще смолоду: всю жизнь я работал у чужих людей. Когда я приносил в зимовье шенгель и топил ею очаг, то жар держался в печи до утра, как будто я топил саксаулом [62]. Тогда я понял, что, хотя шенгель рвет одежду и скот не ест ее, она все же полезна человеку. А кара-кога? Когда я бросал ее в огонь, она не горела; когда я пытался раздуть пламя, оно потухало. Тогда я подумал: «Может быть, скот будет есть ее?» Но скот не ел этой травы, отходя от нее прочь. Вот почему я решил, что кара-кога и есть самая никчемная трава.

— А сорока? Откуда ты взял, что она никудышной фазана? — спросил хан.

— Каждый знает, что фазан приятен на вкус, — сказал Жаман. — Нельзя винить его за то, что у него невзрачный вид, — таким уж сотворила его природа. А вот сорока хотя и красива перьями, но никудышна нутром. Подобно тому как пестры ее перья, нет меж сороками согласия: две сороки вместе не летают, две сороки вместе не сидят. Человеку от нее никакой пользы нет, в пищу она не годится. Поэтому сорока — самая никудышная птица.

— Хорошо, — сказал хан, — ты все правильно говоришь. Но откуда ты знаешь, что ты и есть самый ничтожный человек?

— О хан! — ответил Жаман. — Мне пятьдесят лет. Ровесники мои давно поженились. Их окружают дети, жены им прислуживают, посторонние оказывают уважение. А я скитаюсь по миру, тружусь на чужих людей. Кто же тогда ничтожный человек, кто же тогда Жаман, как не я?

Хан покачал головой.

— Ой, рад бы я был, если бы ты действительно оказался жаманом! Ну, ладно. Ты сказал все правильно. Теперь вот послушай. Есть у меня чудесный конь. Взгляни на него и скажи, каков он.

— Хорошо! — согласился Жаман.

Когда привели коня, Жаман внимательно его осмотрел и сказал:

— По виду у коня недостатков нет. Позволь, хан, проехать на нем.

Хан согласился. Жаман переехал на коне через реку и, вернувшись, сказал:

— Мой хан! У этого коня нет недостатков, если не считать, что у него в повадке есть что-то коровье.

Хан удивился.

— Ох, злодей! Ты угадал! Мать этого жеребенка пришлось прирезать, и, пока он не вырос и не смог сам пастись, его кормили коровьим молоком. Как ты догадался?

— Я заметил, что, переходя реку, конь этот задние ноги отряхивал, а голову все время пригибал к воде. Корову хоть сорок раз напои — она не пройдет через реку, чтобы не напиться в сорок первый.

Окружавшие хана визири с удивлением посмотрели друг на друга. Хан некоторое время сидел задумавшись. Потом он сказал:

— У меня есть драгоценный камень. Этот камень обладает чудесным свойством, подобно перстню Соломона, посоху Моисея, сумке Давида. Отгадай, каким свойством обладает мой камень?

И хан велел принести из своей сокровищницы драгоценный камень. Жаман взвесил камень в руке и сказал:

— Твой камень, хан, действительно чудесен! Но кто-то позавидовал тебе и сглазил его: в нем завелись два черноголовых червя. Они уже источили сердцевину камня. Пройдет два года — камень расколется и потеряет свое чудесное свойство.

Приближенные хана не знали, верить Жаману или нет. Тогда хан решил проверить сам и приказал расколоть камень. В нем нашли двух черноголовых червей.

— Откуда ты узнал, что в камне живут черви? — спросил хан.

— По своему чудесному свойству камень должен был бы обладать необыкновенной тяжестью, — ответил Жаман. — Но он оказался легче, чем я того ожидал. Отсюда я заключил, что в нем должна быть пустота.

Тогда хан задал еще вопрос:

— Ты, оказывается, не Жаман, а мудрец! Так вот, скажи, пожалуйста, как древен мой ханский род?

Жаман обошел вокруг ханского трона и, глядя хану прямо в глаза, ответил:

— Мой хан! В мудрости ты не уступаешь никому, но в твоём роду был единственный хан — ты сам. Родители твои были простыми людьми, а не потомками древнего ханского рода.

— Что ты болтаешь?! — гневно воскликнул хан. — Я происхожу из рода, семь колен которого были ханами!

Но Жаман продолжал стоять на своем.

— Нет, повелитель, — сказал он, — только ты один хан. Твои родители были простыми людьми.

Хан приказал позвать свою мать.

— Пусть не окажется она повинной в крови человека и скажет правду: я не могу простить Жаману подобной дерзости и прикажу отрубить ему голову!

Когда пришла мать хана и ей рассказали все, что говорил Жаман, она, глубоко вздохнув, обратилась к

хану:

— О мой сын! Я стара. На склоне жизни я не хочу быть причиной смерти невинного. Я одна хранила тайну. Но зачем мне ее беречь, если тайну эту знает еще Жаман? Отец твой имел до меня девятнадцать жен и одну за другой убил их за то, что они рожали ему дочерей. Двадцатой женой его стала я. Когда я забеременела, то, испугавшись за свою жизнь, обратилась к знахарям. Они мне предсказали, что я рожу дочь. Я долго горевала в ожидании дочери и своей смерти. В эти дни у одного простого человека, жившего недалеко от нашего дворца, жена была тоже беременна. Я снова призвала знахарей, и они открыли мне, что во чреве простой женщины растет сын. Тогда я вызвала простую женщину к себе и поведала ей свое горе. Я подарила ей много золота и просила ее, если у нее родится сын, отдать его мне взамен моей дочери, сохранив тайну до могилы. Женщина согласилась. Когда пришел час мне рожать, хан был на охоте. Мы разрешились с простой женщиной одновременно. Чтобы сохранить тайну, мы не допустили к себе никого постороннего. Лево́й рукой я отдала свою дочь, а право́й рукой приняла к себе тебя, сын мой.

И она горько заплакала.

— Если это так, — сказал хан, обращаясь к Жаману, — то я менее достоин трона, чем ты, мудрый!

И он сошел с трона, уступив Жаману ханское место.

— Нет, хан! — сказал Жаман. — Я простой человек, и у меня нет желания занимать ханский трон. Я удовольствуюсь тем, что буду находиться в твоей тени. Садись же на свой трон, хан Маден!

Хан вернулся на трон и сказал:

— Как же ты узнал, что я сын простого человека?

Тогда Жаман ответил:

— Умен я или глуп, прав ли, виноват, но когда я пришел к тебе, я был твоим гостем. Ты послал меня на кухню и велел накормить похлебкой с хлебом. Ты не назвал ту пищу, которую едят ханы, а назвал ту, которая считается лучшей у народа. В этом проявилась твоя простота, и я догадался, что ты хан не по рождению.

Вся свита хана и визири не переставали удивляться проницательности Жамана.

А хан по-прежнему управлял своими подданными. За ум и находчивость хан любил Жамана, назначив его своим визирем. А остальные сорок ханских визирей впали в немилость.

Однажды, выйдя из дворца, Жаман увидел неподалеку большую белую юрту. Возле юрты толпился народ, ожидая очереди, чтобы войти внутрь. Жаман вернулся во дворец и спросил хана, что это за сборище.

Хан сказал:

— Тут живет один человек: по положению простолюдин, по богатству хан, по имени Вали. У него есть дочь, зовут ее Менды. С пятнадцати лет выбирает она себе жениха и не может выбрать, потому что хочет, чтобы жених превосходил ее умом. Сейчас ей уже тридцать пять, и до сих пор жених не нашелся. Люди, которых ты видел возле юрты, — баи и мурзы^[63], которые хотят завоевать ее сердце.

Выслушал все это Жаман и подумал: «А ну, пойду-ка я попытаю счастья!»

И вечером, когда народ разошелся по домам, Жаман подошел к белой юрте. К нему вышла стройная молодая девушка. Увидав невзрачного Жамана, она грубо спросила:

— Тебе чего нужно?

— Мое дело не к тебе, — спокойно сказал Жаман. — Мое дело к твоей госпоже. Иди, скажи ей!

Служанка засмеялась и, вернувшись к своей госпоже, сказала:

— Ты хотела, госпожа моя, выбрать себе хорошего мужа, а люди из-за того осмелели без меры: приходит всяк кому не лень. Вот сейчас пришел такой человек, что на него и смотреть противно, а спрашивает тебя!

Менды улыбнулась:

— Хотя он невзрачен, откуда ты знаешь, кто это? Вот возьми эти вещи и отнеси ему.

Служанка завернула в шелковую скатерть драгоценный камень, оселок и нож и отнесла Жаману. Жаман осмотрел вещи и сказал:

— Пойди к своей госпоже, возьми у нее те предметы, которых тут не хватает, чтобы сделать все так, как она хочет.

— Жаман просит то, чего недостает, — сказала служанка, воротясь к своей госпоже.

— Хорошо! — сказала Менды. — Отнеси ему вот это! — И она указала служанке на молоток и наковальню.

Жаман положил на наковальню оселок и ударом молотка расколол его пополам. Потом он отбил нож от рукоятки и, наконец, превратил драгоценный камень в два осколка. Сделав все это, он собрал осколки, отдал служанке, приказав отнести их девушке.

Увидев разбитые вещи, Менды вскочила.

— Если это не черт, то это и есть тот, кого я так долго ищу! — воскликнула она. — Зови его сюда!

Обомлевшая служанка не знала, что и думать. Она позвала Жамана. Он вошел в юрту, спокойный и медлительный. Говорят, Менды встретила его с почетом.

Раньше к ней приходили сыновья баев, ханов. Всем им посылала Менды те же вещи, что и Жаману. Но они, ничего не поняв, лишь возмущались, говоря: «Разве в моем доме нет ножей? Или в казне нет драгоценных камней? Или, наконец, я не видел простого оселка?» — и уходили недовольные.

В тот же вечер, когда Жаман был у Менды, ее братья держали между собой совет.

— Как же так? — говорили они. — Ей уже тридцать пять лет, а она все выбирает себе жениха! Тут что-то неладно! У нее, наверное, есть тайный дружок. Надо его изловить!

И вот поставили они возле юрты Менды караульных.

Чуть свет Жаман, покинув теплые объятия девушки, счастливый, зашагал домой. Едва он сделал несколько шагов, как на него накнулись караульщики, схватили и приволокли к братьям девушки, а те в свою очередь привели его к хану.

— Вот, — сказали они, — поймали, хан, твоего визиря! Ночью, тайно, он ходил соблазнять девушку. Не успел Жаман поселиться в твоём дворце, как начал обижать народ.

Хан махнул рукой, и братья ушли.

— Ну, — спросил хан строго, когда они остались с Жаманом наедине, — был ты у девушки?

— Нет.

— Но ведь братья ее говорят, что тебя изловили у нее.

— Они клеветают на меня, хан, — ответил Жаман. — Меня поймали, когда я шел через поле.

— Из уважения к твоей мудрости, — сказал хан, — я даже хотел уступить тебе свой трон. Но ты не

принял трона. Тогда я сделал тебя главным визирем. А Вали-бай, отец этой девушки, мне не менее дорог. Скажи правду, и я обещаю тебе сосватать девушку.

Но Жаман продолжал отпираться. Тогда хан рассердился и приказал палачам повесить Жамана. Палачи повели Жамана к виселице, накинута на его шею петлю и подняли его высоко под перекладину.

Жаман читал молитвы. Потом он стал хрипеть. Уже дыхание его остановилось, как вдруг, рассекая толпу, прискакал всадник на белом коне, в белой одежде, с лицом, закрытым покрывалом, и ловким ударом сабли перерубил веревку. Когда Жаман упал на землю, всадник сошел с коня, положил на грудь лежавшего саблю и так же быстро, как появился, умчался неизвестно куда.

Прошло немного времени, и Жаман пришел в себя. Палачи хотели было вешать его снова, но он сказал:

— Теперь ведите меня к хану!

И палачи повели его к хану.

Увидав Жамана, хан вскочил со своего трона и с гневом закричал:

— Почему до сих пор не казнили его?

Палачи, упав на землю, рассказали хану обо всем случившемся. Хан обернулся к Жаману:

— Что же, ты решился наконец сказать мне правду?

— О повелитель! — сказал Жаман. — Я пришел сказать всю правду.

— В таком случае скажи: правда ли, что ты был у Менды, дочери Вали-бая, в ту ночь?

— Правда.

— Дал ли ты слово, что женишься на ней?

— Да, дал слово.

— Почему же в тот раз ты не сказал мне об этом?

— Мой хан! — молвил Жаман. — В тот раз я не сказал правды по следующей причине. Когда я пришел к дочери Вали-бая и дал ей знать об этом, то она послала мне оселок, нож и драгоценный камень. Это означало: «До тех пор, пока оселок не сточится, до тех пор, пока нож не отделится от рукоятки, храни тайну. Человек, не раскрывший тайны за этот срок, своей верностью завоюет мое сердце, подобно тому как силой рассекают драгоценный камень...» Так говорила она этими предметами.

Я ответил: «Тайну буду хранить до тех пор, пока голова моя не оторвется от плеч, подобно ножу, клинок которого я отделил от рукоятки. Тайну буду хранить, пока оселок не сточится, — и я его разбил вдребезги. Буду хранить тайну и завоюю твое сердце, подобно тому как рассекаю драгоценный камень». И я сделал это. Как видишь, я дал слово. И потому в тот раз я не говорил правды. Но когда меня привели к виселице и стали вешать, девушка, пожалев меня, прискакала на белом коне и, перерубив веревку, положила поперек меня свою саблю. Это означало: «Без вины за меня не погибай. Я убедилась в твоём мужестве и твоей верности, поэтому я возвращаю тебе клятву!» Она сама освободила меня от связывающего мои уста слова, и я теперь говорю правду, истинную правду.

Убедившись в правдивости Жамана, хан созвал народ и устроил большой пир, длившийся тридцать дней и сорок ночей. Потом он сосватал Жаману красавицу Менды.

Однажды сорок визирей, возненавидевших Жамана с тех пор, как хан приблизил его к себе, держали совет.

— Так это продолжаться не может! — решили визири. — Надо посеять вражду между ханом и Жаманом. Надо привести хана к Жаману в гости, показать ему красавицу Менды. Хан не устоит перед ее красотой, и мы зажжем между ними огонь вражды.

Уговорившись, они стали наперебой хвалить хану красавицу Менды.

Хан поддался уговорам и, побывав в доме Жамана, собственными глазами убедился в необычайной красоте Менды.

«В самом деле, — подумал хан, — она достойна меня!» Вернувшись во дворец, он призвал к себе сорок визирей.

— У меня не было никаких мыслей против Жамана, — сказал он, обратясь к визирям. — Вы заронили их во мне. Я увидел красоту Менды и теперь спрашиваю вас: к какой хитрости вы прибегнете, чтобы мне овладеть ею?

Визири ответили:

— Мы уже придумали, господин наш! Позови Жамана. Пошли его в страну, откуда никто не возвращается. Там он и умрет. После его смерти кто же возьмет его жену, как не ты, хан?

Хан послал за Жаманом джигита. Подошел джигит к юрте Жамана и стал смотреть через щель. Видит: лежит Жаман на кошке, отдыхает, а жена его сидит возле него, смотрится в зеркало, любит себя и говорит Жаману:

— Я удивляюсь делам Аллаха. Он объединяет таких людей, разница между которыми — как между небом и землей. Смотрю я на себя и вижу, что подобна четырнадцатидневной луне, достигшей полнолуния. Смотрю на тебя — ты подобен озеру, вода которого высохла.

Жаман поднял голову.

— Не так ты говоришь, Менды! Ты соблазнилась не моим темным цветом кожи или моей старостью, а вышла замуж за мой ум, — сказал он, рассмеявшись.

Менды, улыбнувшись словам мужа, обернулась. Джигит, входивший в это время в юрту, пораженный ее красотой, потерял сознание и упал.

Жаман и его жена sprыснули джигита водой и, когда он пришел в себя, стали расспрашивать. Джигит сказал, что хан послал его за Жаманом, и ушел.

Когда джигит вернулся во дворец, хан недовольно сказал:

— Ты ушел давно, а мы тут сидим и ждем тебя!

Джигит рассказал хану, как все было, и хан от его речей еще больше загорелся желанием.

Когда джигит ушел, Жаман спросил жену:

— Пойти к хану или нет?

— Иди, — сказала Менды. — Я давно думаю, что он хочет послать тебя в страну, откуда никто не возвращается. Коли пошлет — согласишься, но не бери в дорогу быстроного скакуна, не бери и плавного иноходца, а возьми самую сытую, отъевшуюся лошадь из табуна. Сорок визирей будут тебя провожать на трехдневное расстояние. Но лишь только они скроются из виду, ты вернись обратно, зайди в лес, зарежь своего откормленного коня и принеси его мясо домой. Вот мы и будем питаться им.

Когда Жаман пришел к хану, хан сказал:

— Я хочу тебя послать в дальний трудный путь. Моя надежда не на твое мужество, а на твой ум.

Поедешь?

— Поеду, — сказал Жаман. — Посылай куда хочешь!

— Есть такая страна, — сказал хан, называется она Барса-Келмэс. Там пасется овца, один волос которой золотой, а другой — серебряный. Если ее зарезать, то из шкуры выйдет шуба. Хочу я носить такую шубу. Над той страной летает утка, крылья которой из серебра, а перья из золота. Из них я хочу сделать себе венец. Там живет великан — у него есть черный аргамák [64]. За один шаг он сто верст перешагивает. Я хочу сесть на этого коня. Вот иди — достань мне шкуру овцы, перья утки и аргамака!

Жаман, выбрав из табуна самого откормленного коня, пустился в путь. Сорок визирей провожали его на трехдневное расстояние, а проводив, вернулись назад. Едва скрылись визири, Жаман повернул своего коня, заехал в густой черный лес — каратогáй. Там он зарезал своего коня, сходил домой за выучной лошадью, привез в свою юрту мясо и посолил его. Под кроватью вырыл Жаман глубокую яму. Днем сидел в ней, а ночью вылезал наверх и, питаясь мясом коня, жил со своей женой беззаботно.

Прошел год. Однажды, будто бы для того, чтобы высказать соболезнование, хан приехал к красавице Менды. После угощения хан начал:

— Когда я посылал своих визирей за самой никчемной травой, за самой никудышной птицей, за самым ничтожным человеком, то твой муж оказался этим Жаманом. Но хотя он был Жаманом, я, покоренный его умом, даже уступил было ему ханский трон. Благодаря своему уму он женился на тебе. Но теперь, видно, зря я понадеялся на него, послав его по одному важному государственному делу, — срок возвращения его прошел. Быть может, такова воля Аллаха... Но я не хочу оставить тебя одинокой. Недаром говорят: «Когда умрет старший брат, жена его остается в наследство младшему». Жаман мне был как брат — вот и решил я взять тебя к себе, заботиться о тебе.

— Э-э! — сказала Менды. — Если такова воля Аллаха, то ничего не поделаешь! Когда он впервые приехал к вам, мой хан, у вас в руках был драгоценный камень. Этот камень вы, по совету Жамана, разбили. После этого камень стал никчемным. У каждой вещи, хан, есть свое время, в которое она дороже, чем в любой другой час. Тогда я была девушкой, а теперь я подобна рассеченному камню: все равно, служа тебе, я не ужогу! Поэтому лучше не трать, хан, времени попусту!

Говорят, что хан, смущенный ответом красавицы Менды, вернулся домой ни с чем.

Хан ушел, Менды кликнула Жамана из ямы.

— Теперь иди к хану и сам отвечай! — сказала она.

Едва хан вернулся во дворец и уселся на троне, как раскрылись двери и, склонясь в приветствии перед своим господином, вошел Жаман.

Хан совсем растерялся и спросил:

— Когда ты вернулся? Ну, рассказывай!

Жаман ответил:

— Рассказ мой короток. После того как визири проводили меня, один голодный лев стал преследовать меня. Тогда я решил: «Чем идти в Барса-Келмес, лучше расправиться с этим врагом!» И, вынув из ножен саблю, я сам пошел на льва. Он сначала забрел в мой аул, забрался в мою юрту, а потом выскочил оттуда и, если глаза мои не ошибаются, забежал в твой дворец, хан!

Хан не нашелся что сказать — то краснел, то бледнел. Наконец он собрался с духом:

— Я виноват перед тобой, Жаман! Я ошибся. Я поддался соблазну шайтана, причиной чего были мои визири. Теперь они сделают зло либо тебе, либо мне. Лучше всего ты уезжай куда-нибудь!

Жаман согласился, и хан, навьючив сорок верблюдов драгоценностями, отправил его в страну соседнего хана Акшахана.

Жаман стал жить в стране Акшахана и прослыл там одним из самых уважаемых людей.

Тщетно пытался хан забыть Жамана. Дни шли за днями, но мысль об утерянном друге не давала ему покоя.

Однажды, когда хан отдыхал на кошме, к нему вошли сорок визирей.

Хан поднял голову и сказал:

— Враг нагрязнул, страна в волнении, гибель близка! Что это значит? Отгадайте. Иначе я вас казню!

Визирь посоветовались между собой и поехали к Жаману, чтобы тот разгадал слова хана. Жаман, приветливо встретив сорок визирей, выслушал их и сказал:

— Тут ничего мудреного нет. Сейчас я вам все объясню. Вот лежал он у себя в юрте и вспоминал прошедшее. Пока хан лежал, одна из перекладин в потолке юрты выпала. Хан решил вас испытать и сказал эти слова, потому что когда враг разрушает юрту, то начинает с этой перекладки. Вернитесь назад, вставьте выпавшую перекладину на место — и хан будет доволен.

Визирь вернулись к хану и говорят:

— Повелитель! Перекладина выпала. Разреши ее вставить.

Хан рассмеялся.

— Кто это вас научил?

Визирь сказали правду.

Тогда хан стал наставлять визирей:

— Хоть он и был Жаманом, зато в трудные минуты благодаря своей мудрости помогал нам выйти из беды. Он всегда шел навстречу каждому, готовый помочь советом и делом. Вы же из зависти сделали так, что я расстался с ним. Если бы он теперь не выручил вас советом, все бы вы были казнены. Недаром говорят: «Не рой яму другому — сам в нее попадешь».

Сорок визирей хотели угодить хану, всячески пытались развлечь его. Они каждый день устраивали игры и пиры, но ничего не могло развеселить хана. В своей тоске по Жаману он был безутешен.

Однажды в сопровождении сорока визирей хан поехал на охоту. В погоне за зверем на склонах гор они встретили старика, пасшего овец.

Сказав обычное приветствие, хан спросил старика:

— Отец! Сколько лет прошло с тех пор, как вершина этой горы покрылась инеем?

— Наверное, лет двадцать, — ответил старик.

— А сколько времени прошло с тех пор, как подножие этой горы покрыл иней? — спросил хан.

— Лет пятнадцать, — ответил старик.

— А сколько лет прошло с тех пор, как с вершины этой горы течет ручей? — снова спросил хан.

— А этому уже, наверное, лет десять, — ответил старик.

Хан задумался на мгновение, а потом спросил еще:

— Отец! Ты из скольких состоишь?

— Ой, светик мой! — ответил старик. — Когда ложусь, нас двое, когда встаю — четверо.

— Дед, — сказал хан, — у меня есть сорок пестрых гусей. Мне нужно, чтобы их перья были выдернуты незаметно, чтобы мясо их было сварено без огня, чтобы их зарезать без крови. Найдется ли такой человек, который смог бы сделать это?

— Найдется! — сказал старик. — Если найдешь такого человека, так он больше сделает.

Хан удовлетворился словами старика, повернул коня и поехал домой. По дороге он сказал визириям:

— Вы слышали, что говорил я и что отвечал мне старик? Так вот, отгадайте, что это все значит! Даю вам одиннадцать месяцев срока. Если не отгадаете, то ни одного не оставлю в живых!

Визири растерялись и, убедившись в том, что им самим ничего не придумать, опять поехали к Жаману за советом.

— Это дело будет нелегким. Все вы, сорок визирей, осуждены на смерть. Ничего не поделаешь, надо отгадывать! Но я вам помогу. Кажется, я нашел выход. Вы должны оставить одного коня живым, а остальных зарезать. Свою одежду вы должны сжечь и на костре, который из нее получится, сварить мясо одного коня. После этого я сяду на оставшегося живым единственным коня и погоню вас нагими к хану. Если вы не сочтете недостойным это для себя и потом не будете мне мстить, то я заступлюсь за вас перед ханом.

Визири в один голос ответили:

— Ой-ой, господин Жаман! Не будем сердиться, лишь бы остаться нам живыми. Хан очень сердит на нас!

Дошла до хана весть о том, что едет к нему Жаман. С сорока джигитами выехал хан навстречу Жаману. На полдневное расстояние приказал хан расстелить по степи шелковые ковры, чтобы ноги дорогого Жамана не касались земли. У самой своей юрты приказал хан поставить Жаману белый шатер.

По приезде друга хан забыл про визирей и устроил пир, длившийся тридцать дней и сорок ночей.

Визири начали роптать:

— Наш хан думает только о себе. Он занят только своими забавами и пустяками-загадками!

Услыхав это, Жаман вызвал их во дворец и перед ханом, перед народом сказал им:

— Тот старик, которого встретил на охоте хан, был мудрецом. Хан угадал в нем ум и поэтому обратился к нему в надежде, что он мудрым советом поможет исправить его визирей. Когда хан спросил: «Сколько лет прошло с тех пор, как вершина этой горы покрылась инеем?» — это означало: «Сколько лет прошло с тех пор, как седина появилась в твоих волосах?» Когда хан спросил: «А сколько времени прошло с тех пор, как подножие этой горы покрыл иней?» — это означало: «Сколько лет прошло с тех пор, как борода твоя стала седой?» Когда же хан спросил: «А сколько лет прошло с тех пор, как с вершины этой горы течет ручей?» — это означало: «Сколько лет прошло с тех пор, как текут из твоих глаз старческие слезы?» А то, что хан спросил: «Ты из скольких состоишь?» — означало: «Сколько в твоей семье душ?» А старик ответил: «Когда ложусь — нас двое, когда встаю — четверо». Это означало: «У меня умерла жена, и я женился на женщине, у которой умер муж. Когда мы ложимся спать — нас двое, а днем, когда я нахожусь на пастбище, я думаю о своей покойной жене, а моя жена вспоминает дома о своем покойном муже». Сорок пестрых гусей, которых нужно ощипать незаметно, зарезать без крови и сварить без огня, — это вы, сорок безмозглых визирей, которых нужно, не убивая, исправить. А старик сказал: «Если найдешь достойного человека, так он больше сделает!» Этим самым он направил хана ко мне. Когда вы в поисках ответа на ханскую загадку явились ко мне, я снял с вас одежды и велел сжечь их — это означало, что я

выщипал у гусей незаметно их перья. Я велел вам зарезать ваших лошадей — значит, я сварил вашу силу без огня. А то, что я вас босыми и нагими, словно стадо баранов, пешком пригнал ко дворцу хана, равносильно тому, что я вас зарезал без крови. Думаю, что на этом заботы хана о вас кончатся, — закончил Жаман.

Тогда хан обратился к Жаману:

— Раз ты благополучно вернулся ко мне, я прощаю визирей. Не однажды разжигали они между нами огонь раздора. Они были причиной твоего изгнания. Я хотел, чтобы они были побеждены и признали свою вину. Мое желание исполнилось. Мой народ! — сказал хан, обернувшись к стоявшей перед дворцом толпе. — Вот уже сколько времени, как я ханствую над тобой. Теперь я передаю ханство моему другу Жаману! О Жаман, не отказывайся теперь от трона!

Хан Маден взял под руку Жамана и посадил его на трон. Устроили большой пир, продолжавшийся тридцать дней и сорок ночей. Народ посадил Жамана на белую кошму и, подняв, как велит древний обычай, высоко, провозгласил его ханом. Так Жаман, самый ничтожный человек из всех живущих на свете, стал ханом.

Жаман послал джигитов за женой, красавицей Менды, находившейся в стране Акшахана.

Вскоре хан Жаман без войны, благодаря своему уму, завладел пятью ханствами. Люди из других ханств, покидая свою страну в поисках справедливости, приходили сюда и лишь здесь, у хана Жамана, находили ее.

Говорят, что с тех пор за справедливость и мудрость народы пяти ханств называли Жамана Аяз-бием [\[65\]](#) и это прозвище сохранилось за ним до самой смерти.

Аяз-бий был справедлив. Он всегда бескорыстно решал дела, помогал бедным.

Свои старые пожитки — рваный малахай [\[66\]](#) и худую шубу — повесил он над дверьми своего дома.

И когда, возгордившись своим ханским положением, отклонялся от истины хан Аяз, Жаман, взглянув на висящие одежды самого ничтожного человека из всех живущих на свете, говорил себе:

— Эй, Аяз! Не гордись тем, что ты богат, не гордись тем, что ты хан! Аяз, узнай силу свою! Муравей, узнай свою дорогу!

ХОЗЯИН ВЕТРОВ

Ненецкая сказка

Пересказ М. Булатова

одном стойбище старик жил. Вместе с ним три дочери жили. Младшая самая хорошая, самая умная была.

Бедно старик жил. Чум у него был дырявый, плохой. Одежды теплой мало было. В большие морозы сидел он с дочерьми у огня — грелся. Ночью огонь гасили, спать ложились — до утра мерзли.

Однажды в середине зимы поднялась над тундрой страшная пурга. День дует, другой дует, третий день дует — вот-вот чумы снесет. Люди из чумов выйти не могут, сидят голодные.

Сидит старик со своими тремя дочерьми в чуме, слушает, как пурга воеет, и говорит:

— Не переждать нам пургу! Послал ее хозяин ветров Котура. Видно, сердится он, видно, хочет, чтобы мы ему хорошую жену прислали. Иди ты, старшая дочь, к Котуре, не то погибнет весь наш народ. Иди, упроси его, чтобы остановил он пургу!

— Как пойду? — говорит девушка. — Пути не знаю!

— Я тебе маленькие саночки дам. Толкни их против ветра и иди за ними. Ветер будет развязывать на твоей одежде вязки — ты не останавливайся, не завязывай их. Будет тебе в обувь снег набиваться — ты его не вытрясай, не задерживайся. На пути тебе встретится высокая гора — ты поднимись на нее. Там остановись, вытряси из обуви снег и завяжи вязки. Когда будешь на горе, прилетит к тебе маленькая птичка. Сядет она к тебе на плечо, ты не гони ее — погладь, приласкай. Потом сядь на саночки и скатись под гору. Саночки привезут тебя прямо к входу в чум Котуры. Войди в чум, ничего не трогай — сиди и жди. Когда придет Котура, делай все так, как он велит.

Старшая дочь оделась, встала позади саночек и покатила их против ветра.

Немного прошла — развязались у нее вязки, холодно стало. Не послушалась она отца — стала вязки завязывать. Набилась снег в обувь. Остановилась она и принялась выбивать снег. После того дальше пошла, навстречу пурге. Долго шла. Увидела гору, поднялась на нее. Подлетела тут маленькая птичка, хотела сесть к ней на плечо. Девушка замахала руками — прогнала птичку. Птичка покружила, покружила и улетела. Старикова старшая дочь на саночки села, скатилась под гору. Остановились саночки у большого чума.

Вошла девушка в чум. Смотрит: лежит в чуме жареное оленьё мясо. Развела она огонь, обогрелась и стала с мяса жир отрывать — отрывает да ест, отрывает да ест. Много съела. Вдруг слышит: кто-то подошел к чуму. Приподнялась шкура у входа, вошел в чум молодой великан. Это и был Котура. Посмотрел он на девушку, спрашивает:

— Ты откуда пришла? Что тебе здесь надо?

— Меня отец прислал к тебе.

— Зачем прислал?

— Чтобы ты взял меня в жены.

— Встань и свари мясо, которое я принес с охоты.

Девушка сварила мясо.

Котура велел ей достать из котла мясо и разделить пополам.

— Одну половину мяса будем есть мы, — сказал он, — другую положи в корытце и отнеси в соседний чум. Сама в этот чум не заходи, у входа постой. Выйдет к тебе старуха. Поддай ей мясо и жди, когда вынесут тебе корытце.

Девушка взяла мясо и вышла из чума. А пурга воет, снег идет — ничего не видно. Что найдешь в такую метель! Девушка отошла немного в сторону. Остановилась, подумала и выкинула мясо в снег. Сама вернулась к Котуре с пустым корытцем.

Взглянул на нее Котура и спросил:

— Отнесла мясо?

— Отнесла.

— Покажи-ка мне корытце — посмотрю, что тебе дали за мясо.

Девушка показала пустое корытце. Котура ничего не сказал. Поел и лег спать.

Утром он встал, принес в чум сырые оленьи шкуры и сказал:

— Пока я хожу на охоту, выделай эти шкуры и шей мне из них новую одежду, унты [\[67\]](#) и рукавицы. Вернусь — посмотрю, какая ты мастерица.

Ушел Котура в тундру, а старикова дочь принялась за работу. Вдруг приподнялась шкура у входа, и в чум вошла седая старуха.

— Девушка, — сказала она, — мне в глаз попала соринка. Вытащи ее!

— Не мешай мне работать! — говорит девушка. — Некогда мне.

Старуха ничего не сказала, повернулась и ушла. Старикова дочь одна осталась в чуме. Мнет она шкуры, кроит их ножом, торопится сшить Котуре одежду. Шьет кое-как — спешит. Где же все хорошо сшить за один день! Да и шить-то нечем...

Вечером Котура вернулся с охоты. Спрашивает:

— Готова ли одежда?

— Готова.

Пощупал Котура одежду — шкуры жесткие, выделаны плохо. Посмотрел: все сшито криво, косо, не по росту. Рассердился Котура и выбросил старикову дочь из чума, далеко-далеко в сугроб забросил. Там она и замерзла.

А пурга еще сильнее завывала...

Старик сидит в своем чуме, слушает, как пурга воет, шумит и днем и ночью, и говорит:

— Не послушала старшая дочь моих слов! Не делала так, как я велел! Оттого и не перестает вить пурга: сердится Котура. Собирайся к нему, средняя дочь!

Сделал старик маленькие саночки, рассказал средней дочери все, как и старшей, и отправил ее к Котуре. Сам сидит с младшей дочерью — ждет, когда пурга стихнет.

Покатила средняя дочь саночки навстречу ветру. Дорогой у нее вязки развязались, в обувь снег

набился. Холодно стало. Забыла она отцовский наказ — раньше времени вытрясла из обуви снег, раньше времени завязала вязки.

Поднялась на гору, увидела птичку. Замахала руками — прогнала ее. Села на саночки и скатилась под гору, прямо к чуму Котуры.

Вошла в чум, развела огонь, наелась оленьего мяса, стала ждать Котуру.

Вернулся Котура с охоты, увидел девушку, спрашивает:

— Ты зачем ко мне пришла?

— Меня послал к тебе отец.

— Зачем?

— Чтобы ты взял меня в жены!

— Что же ты сидишь? Я голодный, вари скорее мясо!

Когда мясо сварилось, Котура велел девушке вынуть мясо из котла и разделить пополам.

— Одну половину мяса будем есть мы, — сказал Котура, — другую положи в корытце и отнеси в соседний чум. Сама в чум не входи, постой рядом и подожди, когда тебе корытце вынесут.

Девушка взяла мясо и вышла из чума. А пурга воеет, снег кружит — ничего не видно. Не захотела она идти дальше. Бросила мясо в снег, постояла-постояла и вернулась к Котуре.

— Отнесла ли ты мясо? — спросил Котура.

— Отнесла.

— Что-то ты очень скоро сходила! Покажи-ка мне корытце — посмотрю, что тебе дали за мясо.

Взглянул Котура на пустое корытце, ничего не сказал. Лег спать. Утром он принес в чум сырые оленьи шкуры и велел девушке, как и ее сестре, к ночи сшить ему новую одежду:

— Шей! Вечером я посмотрю, какова твоя работа.

Ушел Котура на охоту, а девушка за работу принялась. Торопится, чтобы хоть как-нибудь успеть сшить все до ночи. Вдруг вошла в чум седая старуха.

— Девушка, — сказала она, — попала мне в глаз соринка. Вытащи ее! Сама я не могу.

— Некогда мне вытаскивать твою соринку! У меня и без того дел много. Уходи, не мешай мне работать!

Старуха ничего не сказала, ушла. К ночи Котура вернулся с охоты, спрашивает:

— Готова ли моя новая одежда?

— Готова.

— Дай примерю.

Стал примерять. Все сшито криво, плохо, не по росту. Рассердился Котура и забросил старикову дочь туда же, куда и старшую ее сестру бросил. И она замерзла.

А старик сидит в своем чуме с младшей дочерью, не может дожидаться тихой погоды. Пурга воеет сильнее, чем прежде, вот-вот свалит чумы...

— Не послушались дочери моих слов! — сказал старик. — Еще хуже сделали: только разгневали Котуру. Ты у меня последняя дочь, а придется и тебя послать Котуре в жены. Не послать — народ весь

погибнет от голода. Собирайся, иди!

Научил старик последнюю дочь, как ей идти и что делать.

Вышла девушка из чума, стала позади санок и покатила их навстречу пурге. А пурга воет, ревет, с ног валит, глаза слепит — ничего не видно!

Девушка сквозь пургу идет — ни одного отцовского слова не забывает. Все делает так, как он наказывал. Развязываются на одежде вязки — не завязывает их. Набивается в обувь снег — не вытряхивает его. Холодно, тяжело идти против ветра, а она не останавливается, все идет и идет. Встретилась ей на пути гора. Поднялась девушка на гору. Остановилась, вытрясла из обуви снег, завязала вязки. Тут подлетела к ней птичка, опустилась на плечо. Девушка не прогнала птичку — погладила ее перышки, приласкала ее. Птичка улетела. Девушка села на саночки и скатилась с горы прямо к чуму Котуры.

Вошла в чум, стала ждать. Вдруг откинулась у входа шкура, и в чум вошел молодой великан — Котура. Увидел он девушку, засмеялся и спросил:

— Ты зачем пришла ко мне?

— Отец послал.

— Для чего?

— Просить тебя, чтобы ты остановил пургу. Не то погибнут все люди в нашем стойбище!

— Что же ты сидишь, не разводишь огня и не варишь мясо? Я голодный, да и ты, видно, как пришла, ничего не ела.

Девушка быстро сварила мясо, вынула из котла и подала Котуре. Поел он и велел ей взять половину мяса и отнести в соседний чум.

Девушка взяла корытце с мясом и вышла из чума. А кругом пурга ревет, снег метет, крутит еще сильнее. Куда идти? Где искать чум? Постояла девушка, подумала и пошла.

Куда идет — сама того не знает... Вдруг появилась та самая птичка, которая к ней на горе подлетала. Возле самого лица порхать стала. Девушка за птичкой и пошла. Куда птичка летит, туда и она идет. Шла-шла и вдруг увидела: мелькнула в стороне искра. Обрадовалась девушка, пошла в ту сторону — думала, чум нашла. Подошла ближе — нет никакого чума, только большая кочка видна. Из кочки дымок идет. Девушка обошла вокруг кочки, ткнула в нее ногой — вход появился. Выглянула седая старуха и спросила:

— Ты кто? Зачем пришла?

— Бабушка, я принесла мясо. Котура велел отдать его тебе.

— Котура велел? Ну давай. А сама снаружи постой.

Стоит девушка у кочки, ждет. Долго ждала. Наконец снова открылся вход. Выглянула старуха и подала ей корытце. Наполнено чем-то корытце. Девушка вернулась к Котуре.

— Что ты так долго ходила? — спросил Котура. — Нашла ли чум?

— Нашла.

— Отдала мясо?

— Отдала.

— Дай-ка мне корытце — я посмотрю, что в нем.

Посмотрел Котура — в корытце ножи, скребки и мялки, чтобы шкуры выделывать, иголки стальные. Засмеялся Котура:

— Много полезной утвари тебе дали! Все тебе пригодится!

Утром Котура встал, принес в чум сырые оленьи шкуры и велел девушке сшить ему к вечеру всю новую одежду, и унты, и рукавицы.

— Сошьешь хорошо — возьму тебя в жены!

Ушел Котура. А девушка принялась за работу. Тут-то ей и пригодился старухин подарок: для шитья у нее все было. Но много ли сделаешь за один день? Да она не очень раздумывала, а больше делала: мнет шкуры, скоблит, кроит, шьет. Вдруг поднялась у входа шкура, и в чум вошла седая старуха. Девушка узнала ее: это была та самая старуха, которой она отнесла мясо.

— Помоги мне, девушка, — сказала старуха, — вытащи соринку из глаза. Сама-то я не смогу ее вытащить!

Не отказала девушка. Отложила в сторону работу, стала вытаскивать соринку.

— Хорошо, — говорит старуха, — не болит глаз. Теперь загляни-ка мне в правое ухо!

Девушка заглянула ей в ухо — испугалась.

— Что ты там увидела? — спрашивает старуха.

— В твоём ухе девушка сидит.

— Что же ты не позовешь ее к себе? Зови! Она поможет тебе шить для Котуры одежду.

Обрадовалась старикова дочка, кликнула ту девушку. На ее зов из старухино ухе выскочила не одна, а четыре молодые девушки, и все четыре принялись за работу: мнут шкуры, скоблят, кроят, шьют. Всю одежду быстро сшили. После этого старуха спрятала их в свое ухо и ушла.

Вечером Котура вернулся с охоты и спрашивает:

— Все ли ты сделала, что я велел сделать?

— Все.

— Давай-ка посмотрю, примерю!

Взял Котура шитье в руки, пощупал — шкуры мягкие. Надел на себя одежду — ни узка, ни широка, скроена впору, сшита крепко, хорошо. Улыбнулся Котура и говорит:

— Понравилась ты мне! И матери моей, и четверем сестрам моим тоже понравилась. Работаешь хорошо и смелая ты: чтобы не погиб твой народ, навстречу страшной пурге шла. Будь моей женой! Оставайся жить в моем чуме.

И только сказал — стихла в тундре пурга. Перестали люди прятаться, перестали мерзнуть, вышли все из своих чумов!

ЛЯГУШОНОК

Дунганская сказка

Пересказ М. Хасанова

или в давние времена старик со старухой. Детей у них не было. Спозаранку до самого вечера старик собирал коровий навоз и продавал его людям, у которых было свое хозяйство. А у соседей старика был сын, он во всем помогал отцу с матерью: то купит, другое купит, нет воды в доме — принесет, нет дров — наломает хворосту. Видя, как счастливо живут соседи, старик со старухой сокрушались и говорили друг другу: «Был бы у нас такой сын, не знали бы мы ни нужды, ни горя».

Как-то раз старик увидел кучу навоза и уже хотел поддеть ее лопатой, как вдруг на кучу взобрался лягушонок. Старик отогнал его, но лягушонок снова на кучу влез. Так повторилось несколько раз. Наконец старик рассердился, бросил лопату и ушел. Спустя немного вернулся и снова увидел лягушонка, что сидел на куче навоза.

Старик удивился и подумал:

«Что за напасть! Может, это чжинчи — злой дух? Посмотрим, что он дальше будет делать!»

Старик до краев наполнил корзины навозом, повесил их на коромысло и собрался уходить. Вдруг лягушонок прыгнул в одну из корзин и уселся там. Старик ничего не сказал, поднял коромысло и пошел домой. Во дворе, не успев еще старик поставить корзины, лягушонок спрыгнул на землю. Старик стал за ним наблюдать. Лягушонок глянул на старика, а потом вприпрыжку направился в дом. Следом за ним пошел старик и говорит старухе:

— Не знаю, что и делать. Увязался за мной этот лягушонок. Как ни бью его — не отстает, как ни гоню — не отстает.

Старуха сразу смекнула, что лягушонок этот не простой, и начала успокаивать старика:

— Ну и ладно. Лягушонок, он тоже живая тварь. Раз пришел, пусть остается: больно уж пусто у нас в доме, а с ним все веселее будет.

Они оставили лягушонка у себя и стали ходить за ним, будто за родным сыном.

Прошел год, лягушонок вырос, стал совсем большим. Глаза у него горели, словно два красных огонька. Говорит как-то старуха старику:

— Мяса больше нет. Будешь домой возвращаться, купи немного.

Не успел старик и слова вымолвить в ответ, как лягушонок вдруг заговорил человеческим голосом:

— Мать, не проси отца, я сам принесу мяса.

Старик со старухой и изумились, и напугались, и обрадовались. Изумились, что лягушонок заговорил человеческим голосом, испугались — уж не оборотень ли к ним явился, обрадовались — ведь лягушонок назвал их отцом с матерью. И, набравшись храбрости, ласково-ласково обратилась старуха к лягушонку:

— Как же ты, мой мальчик, принесешь нам мясо?

— Хэ, очень просто, — ответил лягушонок. — Заверни деньги в платок, а платок повяжи мне на шею.

Старуха так и сделала: завернула деньги в платок, а платок завязала на шее лягушонка. Лягушонок выскочил из комнаты и очутился во дворе. В следующий миг услышали старик со старухой: на улице словно гром загрохотал. Старики выбежали во двор, глянули: день ясный, на небе ни облачка. Лягушонка они нигде не нашли и вернулись в дом.

Лягушонок же в эту пору сидел на лавке у мясника, и между ними шел такой разговор:

— Развяжите платок, — сказал лягушонок, — возьмите там деньги и взвесьте немного мяса.

Мясник вначале испугался, но потом подумал: «Видимо, это не простой лягушонок, а какой-нибудь дух-оборотень». Поглазев на лягушонка, мясник сказал:

— Ладно, дам я тебе мяса. Но как ты отнесешь его домой?

— Заверните мясо в платок, а платок привяжите мне на спину, — ответил лягушонок.

Мясник не мешкая отрезал кусок мяса, завернул в платок, а платок привязал лягушонку к спине. Лягушонок вышел из лавки и отправился домой.

Увидев, что лягушонок вернулся да еще принес мясо, старики не могли нарадоваться — наконец-то и к ним пришло счастье. Втроем они зажили в мире и согласии.

Но вот однажды лягушонок заявил, что хочет жениться на дочери императора. Услыхав об этом, старики всполошились, от страха у них чуть язык не отнялся. Сказала старуха лягушонку:

— Кто пойдет за тебя? А ты еще вздумал взять в жены дочь императора! Если хочешь, чтобы мы живы остались, не заговаривай больше об этом. Император прикажет всем нам головы отрубить, если только мы посмеем сватать принцессу. К тому же откуда нам, беднякам, взять денег на подарки и свадьбу?

Но лягушонок стоял на своем:

— О деньгах не беспокойтесь. Сколько понадобится — я достану. Так что идите спокойно сватать принцессу. Пусть только император откажет — тут я ему покажу, заставлю, как говорится, надеть башмаки наизнанку. Я воды пригоню, обрушу стены его дворца.

Пришлось старику и старухе выполнить волю сына. Они позвали свата и рассказали ему, что хотят посватать государеву дочь. Увидел сват, что сын у стариков не человек, а лягушонок, и тоже испугался. Но раз такое дело, отправился он в золотые терема — драгоценные хоромы государя, да так и не решился рта раскрыть, обратно пошел. Не решился он о своем деле сказать и во второй раз, и в третий. Наконец император сам спросил свата, зачем он пожаловал.

Тогда сват набрался духу и заговорил:

— Ваше величество, я боюсь, разгневаю вас и велите вы мне голову снять. Потому и молчу.

— Говори, что за дело у тебя ко мне. Я не трону тебя!

— Ваше величество, в столице вашего царства живут старик со старухой и сыном, только сын у них не человек, а лягушонок. Старики боялись, как бы им не отрубили головы, и послали меня к вам. Против воли родителей лягушонок решил жениться на принцессе, вашей дочери, да еще пригрозил воды пригнать, стены дворцовы обрушить, если вы откажетесь выдать за него дочь.

Услыхав речи свата, император призадумался: «Не иначе как этот лягушонок какой-то дух-оборотень. А может, это дракон, обернувшийся лягушкой, явился в дом к старикам?» Подумал так император и обратился к свату:

— Послушай, сват, как говорится, в семье всего одна дочь, а сватают ее сто женихов. Дело это несложное, я согласен отдать дочь замуж за лягушонка, но при одном условии: пусть он за ночь построит золотой мост от моего дворца до своего дома, а по обеим сторонам моста ивы посадит, а на ивах чтобы были плоды, и не простые, а жемчуга да агаты. Выполнит лягушонок это условие — отдам за него дочь.

Сват вышел из дворца, отправился к старикам и рассказал им про императорское условие. Лягушонок услышал, рассердился и говорит:

— Император поставил такое условие, чтобы поиздеваться надо мной. Посмотрим, кто кого посрамит! Не мост золотой увидит он утром, а развалины своих золотых теремов да драгоценных хором.

В полночь император проснулся от сильного грохота. Глянул: весь дворец в воде. На глазах у него стены стали одна за другой рушиться, а к рассвету от дворца остались одни развалины. Перепуганный насмерть император едва спасся со своей семьей.

Призвал император свата и сказал:

— Я на все согласен, пусть только лягушонок построит мне дворец заново.

Сват пошел к старикам и передал им слова императора. Лягушонок услышал, вышел на улицу, сначала повернулся на запад, потом — на восток, квакнул раз, другой, третий — вода и исчезла. Утром император открыл глаза и на месте дворца увидел новый, в несколько этажей. От ворот до самого дома стариков шел золотой мост, по обеим его сторонам росли ивы, а на ивах висели жемчуга да агаты. При виде такого чуда император ничего больше не мог сказать и отдал дочь замуж за лягушонка.

Увидев, что ее жених лягушонок, а не человек, принцесса опечалилась. Однако ночью вместо лягушонка она увидела рядом с собой красивого стройного юношу и успокоилась. Старики тоже обрадовались, узнав, что сын их не лягушонок, а человек.

Однажды стариков пригласили в один дом на свадьбу, и они отправились туда вместе с невесткой. Пришли — глядь, а их сын тоже там. Гости наглядеться не могли на пригожего юношу и спрашивали друг у друга: «Чей это сын? До чего же хорош!»

Один сказал:

— По дороге сюда я видел его, он вышел из дома старика, который собирает навоз. Наверно, это его сын.

Другой сказал:

— Хэ! Не слыхал, чтоб у старика был сын. Есть у него лягушонок. Не ему ли старик взял в жены дочь императора?

Так гости вели между собой разговор, и каждому хотелось расспросить юношу.

Принцесса слушала-слушала и вдруг подумала: «Днем он ходит в лягушачьей шкуре, а ночью ее снимает. Пока он здесь, пойду-ка я домой и спрячу его лягушачью шкуру, чтоб не носил он ее больше».

Решив так, принцесса обратилась к свекрови:

— Мне что-то нездоровится, может, домой пойдем?

— Как же уйти, если невесту еще не привезли? Нас засмеют!

Однако принцесса стояла на своем, больной притворялась. Тогда старуха извинилась перед другими женщинами, сказала, что невестке нездоровится, и ушла вместе с ней. Дома принцесса тотчас же пошла к себе в комнату, нашла лягушачью шкуру и бросила ее в старый колодец. Вернувшись после полудня домой, муж хотел надеть лягушачью шкуру, но ее не оказалось на месте. Он долго искал, потом жену спросил, не

видела ли она его лягушачью шкуру, а жена в ответ: нет, мол, не видела. Муж сильно опечалился. С той поры он день ото дня худел, а лицо его становилось все желтее. И вот однажды он не смог подняться с постели. Старики забеспокоились и стали умолять принцессу отдать лягушачью шкуру, если она ее спрятала. Но принцесса сказала, что ничего не знает. А мужу становилось все хуже и хуже. Старики позвали лекаря, тот пощупал у больного пульс и сказал с тревогой:

— Отдайте ему лягушачью шкуру, иначе он умрет.

Услыхав это, принцесса загоревала и во всем призналась. Она сказала, что бросила лягушачью шкуру в колодец. Старики побежали к старому колодцу, вытащили лягушачью шкуру, но она уже начала гнить.

Муж принцессы, увидев это, загрустил и обратился к отцу с матерью и жене:

— Вам надо не мешкая покинуть этот дом. Город находится в котловине, а через три дня хлынет ливень и затопит его. Я — сын повелителя драконов Восточного моря. Десять с лишним лет назад я надел лягушачью шкуру — хотел превратиться в человека. Через три дня я навсегда стал бы человеком, но теперь уже ничего не поправишь. Так что предупредите императора, чтобы поторопился уйти из города со своими подданными.

Старики и принцесса не хотели уходить и горько плакали. Тогда сын повелителя драконов сказал им:

— Если вы и в самом деле меня любите, тотчас же идите на высокий холм в западной части города — там вы будете в безопасности. А обо мне не беспокойтесь: как только хлынет ливень, я отправлюсь в Восточное море.

Услыхав эти слова, принцесса зарыдала и говорит:

— Я никуда не уйду. Лучше умру у тебя на руках.

Но сын царя драконов не согласился, а уговорил ее и стариков оставить его и уйти. Плача, старики и принцесса покинули родной дом и, добравшись до западной части города, взобрались на высокий холм.

Лекарь все слышал и побежал к императору, чтобы предупредить его о грядущей беде.

— Ваше величество, — обратился он к императору, — на нас надвигается беда. Твой зять-лягушонок не простая тварь, а сын старого повелителя драконов. Твоя дочь взяла его лягушачью шкуру и бросила в старый колодец. Теперь шкура начала гнить. Если бы этого не случилось, он через три дня навсегда превратился бы в человека. Но сейчас уже поздно об этом говорить. Через три дня хлынет ливень. Зять просил передать тебе, чтобы ты вместе со своими подданными покинул столицу: все затопит водой.

Император испугался и не мешкая отдал приказ своим подданным быстро покинуть город. За три дня он вместе с подданными вышел из города и укрылся в безопасном месте. На третий день с востока налетел желтый вихрь. Тотчас же начался ливень, который сплошным потоком хлынул на город и вмиг затопил его. Принцесса и старики стояли на холме и все это видели. А над тем местом, где стоял их дом, прогрехотал гром, и было видно, как взмыл в небо дракон. Он сделал несколько кругов над головой принцессы и стариков и улетел на восток. Принцесса поняла, что этот дракон — ее муж. Она плакала, звала его, но он скрылся в тучах и исчез из виду.

ТАХИР И ЗУХРА

Узбекская сказка

Перевод Н. Ярилиной. Пересказ и обработка З. Сарымсакова

В давние времена правил в одном государстве шах. Не было у него детей. Однажды, когда он сидел и горевал, подошел к нему старший визирь и спрашивает:

— О всесильный шах, о чем вы печалитесь? Богатства у вас много, города и кишлаки ваши процветают, все вам подвластно. О чем же вам горевать?

Шах и говорит:

— Хотя я и шах, хоть много у меня богатства, а умру я бездетным.

Тяжело вздохнул визирь и поведал шаху, что у него тоже нет детей. И вот оба они, горюя и плача, решили отправиться странствовать.

Шли они долго, прошли пути малые и большие. И в один из дней подошли к ограде прекрасного сада. Идут вдоль стены, а входа все нет.

А в саду розы цветут, соловьи поют, душистые травы и цветы благоухают. Расстелены в тени под деревьями ковры, разбросаны подушки.

Наконец увидели странники вход, вошли в сад и сели на ковер. Вдруг показался седобородый старик в белом суконном халате. Подошел ближе и спрашивает:

— Эй, сынки, что вы здесь делаете?

Встали визирь и шах, поклонились старику.

Потом переглянулись между собой, собрались с мыслями и начали рассказывать, что вот нет у них детей, что отказались они от всех мирских благ и пошли странствовать.

Выслушал их старик, а потом вынул из-за пазухи два красных яблока. Протянул одно шаху, другое визирю и сказал:

— Возьмите, дети мои! Пусть каждый из вас съест свое яблоко с любимой женой. Идите, не оставляйте своего дела, живите честно, правьте мудро: заботьтесь о своей стране, не обижайте народ. И еще одно будет вам условие: у кого из вас родится сын, назовите его Тахиром, а у кого дочь — назовите Зухрой. Не разлучайте их в детстве, а когда вырастут, пожените. Помните об этом.

Ушел старик, а шах и визирь посмотрели друг на друга с удивлением, подумали и решили:

«Пусть будет так, как он сказал!»

Вернулись они домой и сделали все, как советовал им старик. Дни проходили за днями, месяцы за месяцами. Шах и визирь не помнили себя от радости, не спали ночей, все ждали первенцев, не могли дожждаться. Однажды собрались они и поехали на охоту.

Через три дня родила жена визиря сына, а жена шаха — дочь. Послали гонца к шаху с радостной вестью.

— О повелитель мира, давайте подарок. Ваша жена родила дочь! — сказал гонец, а потом обратился к визирю: — И вы давайте подарок. Ваша жена родила сына!

Разгневался шах. Все время мечтал он о сыне. Не помня себя от досады, кинул он гонцу белый платок и закричал:

— Убей девчонку, смочи мой платок ее кровью и принеси обратно!

А визирь, не чуя от радости земли под ногами, вскочил на лошадь и помчался домой.

Возле самого дома споткнулась лошадь, вылетел визирь из седла, ударился о камни и тут же умер.

Горькие дни настали для бедной жены визиря. Плача и тоскуя, начала воспитывать она сына, который так и не увидел своего отца.

Дни шли за днями, месяцы за месяцами, годы за годами. Мальчик подрос, стал выбегать на улицу. И в один из дней заметил его шах.

— Чей это мальчик? — спросил он у своего визиря.

Визирь поднялся и с поклоном ответил:

— О повелитель, мальчик — сын вашего умершего визиря — Тахир. Если бы ваша дочь была жива, она была бы теперь таких же лет.

Услыхал эти слова шах и в досаде и раскаянии ударил себя кулаком по лбу.

— Горе мне, несчастному! Зачем я приказал ее убить?! — воскликнул он и заплакал.

Ничего не сказал визирь шаху, но в тот же день пошел он на женскую половину, вызвал одну из рабынь и спросил:

— Что с дочерью шаха?

— Не говорите только шаху, — ответила рабыня, — девочка жива. Она теперь подросла, стала красавицей.

Побежал визирь к шаху.

— О повелитель, пощадите мою ничтожную жизнь, я сообщу вам радостную весть!

— Говори! — ответил шах.

— Не печальтесь, мой повелитель, ваша дочь жива.

Обрадовался шах, приказал:

— Приведите ее ко мне!

Девочку привели, показали шаху. Приласкал шах свою дочь, а потом приказал устроить пир на сорок дней и сорок ночей.

Тем временем Тахир рос себе да рос и ни о чем не думал. Однажды играл он во дворе. Бросил он палочку и попал в прялку, за которой сидела старуха. Она рассердилась:

— Ах, чтоб тебе, Тахир-сирота! Чем играть со мной, лучше бы забавлялся ты со своей нареченной Зухрой.

Подбежал Тахир к старухе, схватил ее за руку.

- Бабушка, вы про Зухру сказали. Почему вы так сказали?
- Пусти руку, сирота! Пусти, говорю!
- Скажите, бабушка, милая, ну скажите! — упрашивал Тахир.
- Спроси у своей матери.

Тахир так и сделал.

- Кто моя нареченная? Скажите правду!
- Хотя и не надо бы тебе знать, да так и быть — скажу.

И мать рассказала все Тахиру.

- Теперь тебе не отдадут Зухру, — сказала мать. — Она дочь шаха, а ты сирота, бедняк.
- Ладно, матушка, я только это и хотел узнать.

И с того дня стал Тахир играть с Зухрой.

Дни шли за днями, оба они подросли, начали ходить к учителю. Но Тахир, вместо того чтобы учиться, все время разговаривал с Зухрой.

Тахир и Зухра дня не могли прожить друг без друга. А когда они выросли, пламя любви вспыхнуло в их сердцах.

Узнал шах об этом и приказал мастерам:

- Сделайте сундук! Тахира мы бросим в сундук, и пусть несет его река куда хочет!

Услышала о приказе шаха Зухра, взяла золота полный поднос, принесла мастерам и начала их упрашивать со слезами:

— Возьмите золото! Мало будет — принесу еще. Только сделайте сундук покрепче, чтобы вода в него не попадала, и попросторней, чтобы можно было в нем дышать!

Пожалели мастера Зухру, начали ее успокаивать:

- Если не будет сундук еще лучше, чем вы сказали, все золото отдадим вам обратно!

И принялись они за работу. Скоро шаху доложили, что сундук готов. Накинула Зухра на лицо покрывала, пошла на него взглянуть. И впрямь сундук оказался даже лучше, чем она сказала.

На другой день послал шах глашатаев созвать народ. Собрался народ на площади. Вышел из дворца шах и объявил:

— Мы приговорили Тахира к смерти! Сегодня положат его в сундук и спустят на воду. Пусть несет его река куда хочет!

Жалко было людям Тахира, но никто не обмолвился ни словом: все боялись шаха.

Мужчины и женщины, старики и дети — все сбежались на берег реки. Пришла мать Тахира, убитая горем. Упала она на прибрежный песок, и жгучие слезы потекли из ее глаз.

Заволновался народ, закричали люди в толпе:

- Пусть падут слезы матери на голову шаха!
- Никто еще не казнил человека за то, что он полюбил девушку!
- Не простится шаху такая жестокость!

Но тут закричал глашатай, что ведут палачи Тахира.

Стихли крики, расступился народ перед юношей. Только бедная мать подняла голову и воскликнула:

— Дайте мне хоть в последний раз на него посмотреть!

Подвели к матери связанного Тахира. Со слезами обняла она сына, головой прижалась к его коленям, вскрикнула и умерла.

Плач и крики раздались в толпе. Поскорей схватили палачи Тахира, бросили его в сундук. Только и смог крикнуть своей любимой Зухре:

— Если останусь жив, буду тебя любить! Если умру, буду тебя любить!

Только и успела крикнуть Зухра в ответ:

— И я тебя никогда не забуду!

Тут замкнули палачи сундук и пустили его по реке.

Долго плыл Тахир. День сменяла ночь, ночь сменял день. И наконец приплыл сундук к городу Руму.

А у румского шаха было две дочери. В тот день пошли они со служанками на реку. Видят: плывет по реке сундук.

Подплыл сундук ближе. Старшая дочь шаха вошла в воду, закинула свои косы, но сундук зацепить не сумела. За ней вошла в воду младшая дочь шаха, закинула свои длинные косы, зацепила сундук и притянула его к берегу.

Тут начали сестры спорить, кому из них достанется находка.

Поспорили они, поспорили и решили: старшая сестра возьмет себе сундук, а младшая — то, что в сундуке.

Открыли они сундук и увидели такого прекрасного юношу, что перед блеском его красоты даже солнце потускнело. Черные кудри его вились по плечам, брови сходились над переносицей, словно тонкие стрелы, а глаза горели жарким огнем. Такой красавец дочери любого шаха под стать.

Глядя на него, сестры снова заспорили:

— Я возьму его!

— Нет, я!

А младшая сестра говорит:

— Нет уж, раз он был в сундуке, значит, он мой! Никому его не отдам!

Тем временем прибежали слуги к шаху, стали ему рассказывать:

— О государь, ваши дочери поймали на реке сундук. А в сундуке нашли юношу, равного которому по красоте нет на свете! Ваша младшая дочь хочет его в мужья. Лучшего зятя и не придумаешь!

Одарил шах верных слуг за добрую весть и вместе со своими визирями побежал на берег реки. Посмотрел: юноша еще лучше, чем ему рассказывали. Принял шах Тахира точно родного сына и вскоре женил его на младшей дочери. Сорок дней и сорок ночей длился свадебный пир.

Прекрасна была дочь шаха, еще прекрасней Зухры. Но Тахир помнил клятву, которую дал своей далекой подруге. Он и смотреть не хотел на красоту шахской дочери. Ни одного слова ей не сказал.

Бедная девушка плакала по ночам и думала горькую думу:

«Почему он меня не любит? Почему даже слова не хочет мне сказать?»

Попробовала она расспросить Тахира, но он ничего ей не ответил.

Так прошло сорок дней. На сорок первый день Тахир сказал дочери шаха:

— Скажите вашему отцу, что я хочу пойти на берег реки.

Не помня себя от радости, побежала принцесса к шаху.

— О государь, мой отец! — сказала она. — Тахир заговорил. Он хочет пойти посидеть на берегу реки!

Услышал шах добрую весть, обрадовался. И решил устроить на берегу реки празднество. Многие пришли к реке повеселиться. На высоком берегу для Тахира постелили мягкие ковры, принесли редчайшие яства.

Скоро пришел Тахир. Лицо его было грустным, губы не улыбались.

— Кто первым увидит, что мой зять смеется, того с головы до ног осыплю золотом! — объявил шах и вернулся со своими визирями во дворец.

Но Тахир все сидел и молчал, печально глядя на реку.

Пусть он здесь сидит, а вы послушайте теперь про Зухру.

В разлуке с Тахиром день и ночь она тосковала. А потом жестокий отец отдал ее в жены Карабатыру, сыну одного шаха, и жизнь ее стала полна черного горя и безысходной печали.

Дни шли за днями. И вот однажды приснился Зухре сон.

Увидела Зухра, будто гуляет она с Тахиром по прекрасному саду. Горько зарыдала Зухра и проснулась.

«Может быть, жив мой любимый? — подумала она с болью в сердце. — Хоть бы весточку кто-нибудь принес от него!»

На другой день собралась Зухра, взяла целый поднос золота и пошла в караван-сарай^[68]. Отдала все золото караван-баши^[69], начала его упрашивать:

— Вы по всему свету ездите, разных людей встречаете. Найдите Тахира, привезите от него весточку или хоть узнайте, жив он или нет!

— Хорошо! — согласился караван-баши. Сел на своего верблюда и отправился в путь.

Долго он ехал, много проехал, по всем городам и селам разыскивал Тахира, но так и не нашел.

В один из дней подъехал караван-баши к реке. Видит: сидит на высоком берегу прекрасный юноша, а кругом веселится народ.

«Дай-ка я спою! Может быть, Тахир здесь», — подумал караван-баши и запел:

Я — вожатый каравана,
Езжу я по дальним странам,
Чтоб найти Тахир-джана,
Где ты, Тахир-джан?

Услыхал Тахир свое имя, улыбнулся слегка и проговорил в ответ:

О караван-баши, постой!
Свои стихи еще раз спой.
Взгляни сюда, перед тобой
Сидит сам Тахир-джан!

Тогда, чтобы узнать, тот ли это Тахир, которого он ищет, караван-баши снова запел:

Имен на свете много есть,

Но, от Зухры услышав весть,
За дастархан не сможет сесть
Спокойно Тахир-джан!

Едва пропел караван-баши имя Зухры, как Тахир вскочил с места, бросился к нему и начал упрашивать со слезами на глазах:

— Отвези меня к Зухре, дай хоть разок на нее взглянуть!

— Зухру выдали замуж за Карабатыра, — сказал в ответ караван-баши. — Какой вам толк теперь на нее смотреть? Да и вы сколько времени здесь прожили, должно быть, тоже женились. Зачем вам ехать? Оставайтесь лучше здесь! Я хотел только узнать, живы вы или нет.

— Меня здесь женили на дочери шаха! — ответил Тахир. — Сорок дней прошло после свадьбы, но я не сказал жене ни слова и ни разу не посмотрел на нее. Отвези меня к Зухре.

И караван-баши уступил:

— Хорошо, я согласен. Только сначала пойдите попрощайтесь со своей женой. Она ведь по любви выходила за вас замуж, не надо ее обижать.

Пошел Тахир во дворец, шагнул одной ногой в комнату, другую оставил за порогом и сказал:

— О дочь шаха! Я за все вам благодарен, но сегодня мне принесли весть от Зухры, и теперь я уезжаю.

В ответ спросила его принцесса:

— Разве не ко мне принесла вас река? Неужели далекая Зухра прекраснее меня?

— Да, к вам принесла меня река. Вы прекрасны, но для сердца моего дороже далекая Зухра! — ответил Тахир, поклонился и вышел.

В тот же час сели они с караван-баши на верблюда и отправились в путь.

Ехали они долго, проехали немало. Добрались до перекрестка трех дорог и остановились. Преградил им путь большой камень с надписью: «Дорога направо — без возврата, дорога налево — без конца, дорога прямо — опасна». Задумался караван-баши: какую дорогу выбрать?

— Поедем прямо, — сказал Тахир. — Хоть опасно, зато напрямик, быстрее приедем к Зухре.

И поехали они прямо. Вскоре попался им на пути город. Жители того города разыскивали двух разбойников, недавно сбежавших из-под стражи.

Увидели они Тахира и караван-баши, приняли их за разбойников, связали и бросили в темницу.

День и ночь тосковал в темнице Тахир. Уже совсем недалеко была его любимая Зухра. Но как пробиться к ней сквозь крепкие стены и железные двери? Думал-думал Тахир и придумал: «Буду петь так, чтобы люди меня услышали. Может быть, кто-нибудь меня узнает и освободит!»

И он запел:

Ехал я к милой, дорога длинна!
Светило мне солнце, а ночью луна.
За что же меня посадили в темницу?
Зухра без Тахира тоскует одна!

И так он пел каждый день, пока его песню не услышал купец, который еще мальчиком ходил с Тахиром к одному учителю и сидел с ним за одной книгой.

— Э, да ведь это же Тахир! — воскликнул купец. — Кто же еще может столько лет помнить и любить

Зухру?!

Пошел купец к тюремщикам, дал им по горсти золота и сказал:

— Отпустите Тахира! Он ни в чем не виновен. Он живет только своей любовью.

Вывели стражники Тахира и караван-баши из темницы, вернули им верблюда. Поблагодарил Тахир купца, попрощался с ним, и они поехали дальше.

Ехали они долго, проехали немало, и в один из дней, под утро, добрались наконец до родного города. Возле караван-сарая Тахир простился со своим спутником, поблагодарил его и пошел ко дворцу.

Пробрался Тахир в дворцовый сад, отыскал Зухру. Она крепко спала на драгоценном ковре. Чтобы разбудить ее, Тахир негромко запел:

Я зову. Проснись! Пора!
Я пришел к тебе с утра,
Ты все спишь... Проснись скорее,
Обними меня, Зухра!

К узбекской сказке «Тахир и Зухра».

Услышала Зухра любимый голос, сердце ее забилось от радости, и она проснулась. Поднялась с ковра, бросилась Тахиру на шею, плача и смеясь сквозь слезы. И так, обнявшись, они ушли в глубину сада.

Они говорили — наговориться не могли, смотрели — насмотреться друг на друга не могли. И не видели, бедные, что сестра Карабатыра их уже заметила. Побежала она к брату и сказала:

— Приехал Тахир.

В ярости побежал Карабатыр к шаху и все ему рассказал.

Шах послал в сад стражников. Они схватили Тахира и бросили его в глубокую яму, где грязь была по колено, а сверху капала вода.

На другой день созвал шах своих визирей и советников. Стали они думать, что сделать с Тахиром. И решили они разрубить его надвое и повесить на воротах города.

Отправились глашатаи созывать народ на казнь. Сбежались люди на городскую площадь. Пришла Зухра. Все жалели юношу, роптали на жестокость шаха.

— Зачем только возвратился Тахир? — говорили они.

— Тахира привела назад любовь, — отвечали другие. — Но разве за это можно казнить бедного юношу? Будь проклят кровавый шах!

Стражники вывели на площадь Тахира. Палач наточил свою острую саблю. Народ проклинал шаха, но сделать ничего не мог. И Зухра, как ни умоляла безжалостного отца, ничем не могла смягчить каменное сердце. А когда она увидела Тахира в руках палача, потемнело у нее в глазах и упала она без сознания на землю.

Палач взмахнул саблей и рассек Тахира надвое. Закричали люди, слышались рыдания, стоны. Вышла вперед одна старушка и гневно сказала шаху:

Твой трон, о злой шах, в крови,
Как сабля палача в крови!
Пускай Тахира вы казнили,
Вам не убить его любви!
Нет больше солнца в небесах!
Нет больше снега на горах!
Нет справедливости на свете,
Пока у нас жестокий шах!

А палачи тем временем повесили разрубленное тело Тахира на городских воротах.

Тогда подняла голову Зухра и, удерживая стон, проговорила:

Идут верблюды чередой,
Кричат за городской стеной.
Тахира мясо на продажу
Отец-мясник развесил мой.

И шах ничего не посмел ей ответить.

После смерти Тахира надела Зухра черные одежды, закрыла лицо черным покрывалом и оплакивала любимого сорок дней и сорок ночей.

На сорок первый день попросила Зухра шаха отпустить ее на могилу Тахира. Шах позволил, но приставил к ней служанок-рабынь. Тогда Зухра завязала в платок горсть жемчужин, взяла с собой острый кинжал и пошла.

Едва вышла из дворца, Зухра начала бросать жемчужины на дорогу. Служанки заметили их, остановились, начали подбирать.

Зухра уходила от них все дальше. Вот они уже скрылись из виду, а могила Тахира совсем близко. Бросила Зухра последние жемчужины, подбежала к могиле и ударила себя ножом в сердце.

Собрали служанки весь жемчуг, прибежали на кладбище. Смотрят: Зухра лежит мертвая. Заплакали они горько и похоронили Зухру рядом с могилой Тахира.

Узнал об этом Карабатыр и закричал:

— Нет, видно, даже в смерти Зухра будет любить Тахира! Не оставлю я их! — и в ярости тут же убил себя.

— Мой брат не хотел их оставить одних, — сказала сестра Карабатыра. — Похороните его между

Тахиром и Зухрой!

— Неужели мало они страдали при жизни? Неужели даже после смерти не дадите вы им покоя? Оставьте их, пожалейте! — упрашивали люди из народа. Но их не стали слушать.

Жестокие притеснители похоронили Карабатыра между Тахиром и Зухрой.

Выросла над могилой Тахира красная роза, над могилой Зухры белая, а между ними — черная колючка. Но розы вытянулись над ней, и ветки их переплелись между собой. И с тех пор цветут они вечно, как была вечной любовь Тахира и Зухры.

ВЕЛИКИЙ СТРЕЛОК

Хакасская сказка

подножия высокой горы ютились жилища небольшого аала. На самом краю аала еле виднелась ветхая юрта. В ней жила бедная старушка со своим внуком-сиротой. У них не было ни скота, ни даже собаки. Мальчик ставил петли на птиц, ловил рыбу, и этим они кормились.

Больше всего мечтал мальчик о быстроногом коне: на нем бы он смог настичь любого зверя.

И вот случай помог исполниться его заветной мечте.

Однажды он шел из лесу и увидел, как пастухи вели худого буланого жеребенка. Сильно приглянулся ему жеребенок — такой маленький и спокойный. Велико было любопытство мальчика, и он спросил у пастухов:

— Куда вы, дяди, ведете жеребенка?

— Куда бы нам вести, малый, — нехотя отвечали они. — Наш пиг[70] сказал, что путного коня из него не выйдет, и поэтому велел заколоть его в жертву Хозяину горы.

— Экей-а, дяди, зачем резать такого маленького жеребенка? Отдайте его мне, и я выращу из него хорошего коня.

— Отдать-то можно, почему бы не отдать, но ведь из него все равно толку не будет.

Мальчик так жалобно упрашивал пастухов, что они уступили ему жеребенка.

Радости мальчика не было предела. Он тут же помчался домой и уже издали громко закричал своей бабушке:

— У меня будет конь, бабушка! Пастухи вели Хозяину горы худого жеребенка на закланье, а я выпросил его. Выращу из него на диво людям быстроногую скакуна!

Старушка недовольно посмотрела на своего мальчика и проворчала:

— Зачем ты, сынок, взял этого жеребенка? Ханы покоя тебе не дадут из-за него, милый. Когда вырастет, то на битву, то на облаву будут тебя посылать. Отца твоего хан отправил на войну, и там он голову сложил. И тебя с конем он отправит куда-нибудь. Берегись, мой мальчик.

— Ничего, бабушка, я выращу его и буду ездить на охоту.

С тех пор мальчик днем и ночью кормил жеребенка, лелеял и холил его, как друга. Когда жеребенок стал подрастать, маленький хозяин садился на него и по нескольку раз объезжал вокруг своей юрты. А еще через год мальчик как ветер проносился на быстроногом скакуне мимо юрт аала, вызывая удивление и восхищение людей.

Старушка смотрела на все это с тайной тревогой. Но делать было нечего. Мальчик и сам стал подрастать, а жеребенок тем временем превратился в статного бегунца.

И вот однажды вытащила бабушка дедовский лук и стрелы и вручила их своему внуку.

— На, возьми, мой сын. Этим луком дед прославился как стрелок, потом твой отец, теперь передаю его тебе. Береги его, он не подведет тебя в стрельбе, будешь ли ты на охоте или придется тебе защищаться от злого человека.

— А как мое имя, бабушка?

— Назову я тебя Сиротой из Сирот, потому что нет у тебя никого на белом свете, кто бы заботился и помогал тебе.

Мальчик с тех пор начал ездить на охоту на своем бегунце с дедовым луком и привозил много добычи. Звериным мясом кормил всех близких соседей, никого не обделял и никого не обижал. И себе оставалось с избытком. Не было зверя, чтоб его конь не догнал, ни одна птица не могла улететь от его меткой стрелы. Так пошла слава о нем как о большом стрелке.

Слух о нем дошел до местного пига, и тот сам приехал посмотреть на подростка и его быстрого бегунца. Когда ему рассказали о том, что подросток — это внук того знаменитого деда-охотника, который не вернулся с облавы на священного зверя-пожирателя, и сын славного стрелка-воина, погибшего на войне, престарелый пиг даже удивился и с горечью подумал, почему до сих пор он не присмотрел за мальчиком. Еще больше удивился он, когда поведали ему, что буланый скакун — это тот самый жеребенок, которого он отправил на заклание.

И вот однажды старый пиг вызывает подростка к себе и говорит:

— Я и не знал тебя, мой милый мальчик. Дед и отец твои были храбрые люди. Ноет мое сердце, болит моя печень, что тебя, Сироту, я вовремя не присмотрел и не пригрел. Давайте переезжайте с бабушкой ко мне поближе. Здесь есть новая юрта, и вы поселитесь в ней.

Сирота из Сирот вернулся к себе домой и обо всем поведал своей бабушке.

Старая женщина горько зарыдала и в слезах проговорила:

— Родимый мой, Сирота из Сирот, сколько горя перенесла я — нет сил идти больше к пигу. Похорони меня здесь, мой мальчик, а сам живи как знаешь.

Через три дня бабушка умерла, и он схоронил ее. Еще через три дня старый пиг снова вызывает Сироту из Сирот к себе и говорит:

— Славный подросток, стар я стал, у меня нет детей. Ты будешь моим приемным сыном. Бабушка твоя умерла, живи теперь у меня.

Подумал-подумал мальчик и переехал к старому пигу. И стал жить привольно и в достатке, ездил на охоту, убивал по-прежнему много дичи и кормил своего престарелого отчима.

Но вот прошло немного времени, и однажды приехал из дальних земель верховой и возгласил:

— Далеко отсюда живет самый Большой хан. Он устраивает состязание. Кто убьет огненнорыжую и огненно-черную лисицу, тому он отдаст свою дочь, свою власть и ханство свое!

Когда уехал вестник, отчим-старик говорит своему сыну:

— Если хочешь, поезжай, я удерживать не буду.

Сирота из Сирот пришел к себе в юрту, поразмыслил и решил: «Что будет, то будет, надо ехать. А то еще хан с войною нагрянет».

Наутро пришел подросток к своему отчиму-старика и сказал, что решил ехать.

Старый пиг предостерегающе напомнил ему:

— Ты стал мне сыном, мой мальчик, боюсь я за тебя. Еще наши предки говорили, что если кто убьет этого зверя, того ждет тяжкая кара. Да и злых людей много на свете. Берегись, мой сын.

Сирота из Сирот вечером засобирался в дальнюю дорогу, а рано утром сел на своего коня и поскакал. Высокие горы переваливает, низкие доли пересекает он, где ночь застанет — заночует, а где усталость возьмет — отдыхает...

Долго ли, коротко ли ехал он, наконец достиг земли Большого хана. Выехал на высокую гору и оттуда увидел всю его землю. «Под этими курганами лежат кости моих предков, — подумал Сирота из Сирот, — может, и мне придется навсегда остаться в этой земле».

Спустился он к аалу и подъехал к юрте Большого хана. Сироту из Сирот тут же провели за стол и начали угощать, а хан стал его расспрашивать:

— Из какой земли ты будешь, на какой реке ты живешь, каков твой род и как звать тебя?

Ответил Сирота из Сирот — ответил как надо, а хан продолжал:

— Вот собрались с разных земель стрелки — сыновья ханов и пигов. Я устраиваю большой мерий^[71]. Кто убьет огненно-рыжую и огненно-черную лисиц, тому отдам свою единственную дочь, власть и ханство. Звери эти находятся в красной и черной скале.

Наутро все лучшие стрелки отправились на поиски зверей. Сирота из Сирот выехал позже всех. Ехал-ехал он и увидел черную скалу, а с другой стороны — красную. Между ними протекала небольшая черная речка. Отъехал подросток в сторону и заметил следы зверей. «Ну, теперь они должны побежать», — подумал он. Сам сел в укрытие и стал поджидать. Вот появилась огненнорыжая лиса и побежала прямо на него, ничего не подозревая и не ведая. Выскочил Сирота из своего укрытия на буланом коне и погнался за лисой. Не успела она сделать несколько прыжков, как он нагнал ее и выстрелил. Вспрыгнул зверь и повалился. Взял убитую лису подросток, осторожно снял с нее шкуру. На одной передней лапе он оставил кусочек недоободранной шкурки. Отрезал его вместе с когтями и положил за пазуху.

А около скалы суетились стрелки — они даже не увидели зверя.

Меж тем Сирота из Сирот притаился и ждет другую, лису. Вот из-за скалы показалась огненночерная лиса. Сирота из Сирот убил и ее. Также быстро ободрал ее шкурку, конец хвостика положил к себе за пазуху. Тушки обеих зверей он зарыл в землю, завалил камнями и незаметно скрылся. «Что же делать дальше? — думал он. — Ведь старик отчим с большой тревогой предостерегал его и говорил, что кто убьет зверя, того ждет тяжкая кара». Подумал он так и не решился ехать к Большому хану.

Отъехал он подальше, высушил шкурки зверей и, положив их себе в кожаный мешок, отправился дальше. Ехал-ехал он, несколько гор перевалил и вдруг у подножия одной черной скалы увидел юрту. Ему захотелось есть и пить. Как раз в это время отворилась дверь юрты, оттуда выглянула молодая девушка и тут же скрылась. Сирота из Сирот, не долго думая, соскочил с коня и вошел в юрту. Девушка приготовила ему поесть и стала расспрашивать его. Подросток все и рассказал ей.

— Да вот ездил на мерий к Большому хану. Обещал он: кто убьет огненно-рыжую и огненночерную лисиц, тот женится на ханской дочери. А зовут меня Сирота из Сирот, приемный сын я местного пига.

Девушка начала его угощать аракой и расспрашивать о состязании.

— Кто же оказался самым метким стрелком и женится на ханской дочери? — интересовалась она. — Может быть, ты, добрый молодец, убил зверей и теперь идешь домой?

И тут Сирота из Сирот не удержался и рассказал:

— Да, милая девушка, я убил зверей и вот еду домой.

В это время вернулись с мерия ее два брата, злые и угрюмые. Встретив их еще на улице, девушка шепотом передала своим братьям обо всем, что рассказал ей молодой гость. А те сразу догадались, в чем дело. Тут же вбежали в юрту и стали щедро угощать Сироту из Сирот аракой, похваливая его за меткость. Пил и ел Сирота из Сирот сколько хотел, а когда наелся, спокойно уснул.

Очнулся он и никак не может понять, почему в глазах темно, а рук и ног как будто и вовсе нет. Заревел-заплакал Сирота от боли и досады. Но вот немного погодя услышал недалеко от себя шум ручья. Решил перекатиться туда, где журчал ручей. Катился-катился и вдруг оказался в воде. Окунулся в ней — и у него появились руки и ноги, в глазах стало светло. Вышел Сирота из воды, обсох. Оглянулся вокруг — никого живого. «Что со мной случилось? — думает он. — Или все происходит на том свете? Может быть, я — это вовсе не я, а мой дух?»

И тут вспомнил слова старика: «Кто убьет этого зверя, того ждет тяжкая кара». Не зря, видно, говорил старый отчим. Подумал об этом Сирота и подался домой. Долго брел он до своего аала и тотчас явился прямо к отчиму-старика.

Сироту из Сирот накормили и уложили спать. Спал он долго, а когда проснулся, все увидел как наяву. Вспомнил, как убил он лисиц, как ободрал их, как заехал по дороге в юрту, как его жестоко изувечили злые братья и бросили на берегу ручья.

Яростью наполнилось сердце старика. Велел он приготовить двух коней, взял у Сироты из Сирот кончик хвоста и когти зверей, и поехали они к Большому хану.

Приехали туда, там народу видимо-невидимо. Устраивали той[72]. Большой хан выдавал свою дочь за одного из тех братьев, что изувечили Сироту.

Перед началом празднества хан объявил:

— Мерий выиграла два сына Лесного пига: огненно-рыжую и огненно-черную лисиц убили они.

За большим столом чинно и важно восседали два брата. Слуги всем разносили араку и угощали мясом. Кто богаче — тому побольше, кто беднее — тем поменьше, а некоторые просто стояли в стороне.

Видя коварный обман братьев-самозванцев, не стерпел старик отчим. Попросил чатхán[73]. Ему подали чатхан. Он тронул струны и запел. В песне он спрашивал, куда подевались острый глаз и прозорливый ум Большого хана, что обманывают его, как младенца. Где его ханская мудрость и где правда и справедливость?

Песня старика удивила и взволновала всех. А братья потребовали тут же связать этого глупого лгуна и повесить на первом же суку.

— Он клеветник и оскорбляет хана, обманывает людей! — во все горло кричали они.

— Нет, не я клеветник, почтенный хан, а вот они, которых ты чествуешь и угощаешь. Ведь зверей убили не эти хвастуны, сидящие за столом, — возмущенно ответил старик, а затем попросил: — А покажи-ка, мой хан, где тот подросток, что Сиротой из Сирот назывался?

Слова старика еще больше удивили людей, сидевших в юрте. Хан растерялся и не знал, как ему поступить со стариком. «А вдруг все то, о чем он поет, окажется правдой?»

Хан подумал и сказал:

— Да, помню я, старик, один из приезжих стрелков называл себя Сиротой из Сирот. Он вместе с другими поехал на зверей. — И, обращаясь к стрелкам и слугам, он спросил: — На самом деле, где же этот милый подросток?

Но никто не знал и никто не видел, куда девался этот стрелок.

— Да кто же тогда победитель состязания, по-твоему, раз ты так осмелился говорить? Если все это окажется неправдой, головы тебе не сносить, старик!

Люди оторопело перешептывались меж собой — кто с опаской, кто со смехом.

Разгневанный хан поднялся и сурово спросил у братьев:

— Так повторите, вы убили зверей?

— О чем разговор, шкурки же мы тебе показали, наш хан дорогой!

Тогда старик отчим просит хана показать ему шкурки. Недоумевая, велит хан принести их.

Смело окликнул старик своего сына. И когда подросток, все еще опасаясь коварства двух братьев, робко вышел на середину юрты, старик отчим продолжал:

— Смотрите теперь, люди добрые: все ли лапки и кончик хвоста на шкурках зверей?

Посмотрели собравшиеся на шкурки, пощупали их со всех сторон, повертели туда-сюда в руках — шкурки как шкурки. Но на одной из них не было кончика хвоста, на другой — одной лапки.

— Куда же вы девали кончик хвоста и одну лапку? — спросил отчим-старик братьев.

— Мы оставили их на том месте, где убили зверей, — пробурчали они.

— Ну а теперь сказывай ты, Сирота из Сирот, — просит своего сына старик.

А тот вынимает из мешочка лапку и кончик хвоста зверей. Они точь-в-точь подошли. Удивились люди еще больше:

— Как же так? Убили зверей братья, а кончик хвоста и одна лапка лисы оказались у этого подростка. Тут что-то не то.

Тогда попросил хан Сироту из Сирот рассказать, откуда у него хвостик и лапка зверей.

— То, что говорят братья, — это все ложь, — отвечал он с достоинством. И рассказал, как убил зверей и почему их шкурки оказались у тех братьев.

Послушал хан рассказ подростка и повелел до конца проверить услышанное. А у тех двух братьев строго спросил, найдут ли они тушки зверей. Тихо и невнятно пробормотали они, что бросили тушки лисиц в лесу и, наверное, их растащили птицы и звери.

Подросток меж тем совсем осмелел и говорит:

— Я знаю, где тушки зверей. Я их зарыл в землю. Если не верите, пойдёмте проверим.

Большой хан тут же повелел собраться всем лучшим стрелкам и мудрым старцам и ехать на то место, где запряганы тушки зверей. Люди быстро собрались и заторопились в лес, кто на коне, а кто пешком.

Когда добрались до места, подросток быстро раскопал землю и вытащил тушки лисиц. Еще больше удивились люди и направились к тем братьям. Приехали и в углу юрты нашли седло и лук подростка. На дворе стоял его буланый конь. Так всем стало ясно, как попали шкурки зверей к тем братьям.

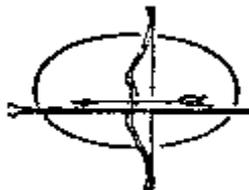
Убедился и сам хан во всем и в гневе тотчас повелел:

— Связать братьев и отрубить им головы!

Повеление его тут же было исполнено.

Сирота из Сирот сел на своего буланого и поехал вместе со всеми в стойбище хана. И Большой хан объявил, что раз меряй выиграл Сирота из Сирот, отдает он дочь свою и свое ханство ему. Закололи десять жирных быков и устроили великий той.

А когда кончился свадебный пир, Сирота из Сирот отказался взять ханство и поехал к себе домой вместе со своей женой — ханской дочерью. Стал он главой своего аала, охотился и разводил скот. Народ дал ему новое имя — Великий Стрелок.

БАРСА-КЕЛМЕС, ИЛИ ПОЙДЕШЬ-НЕ-ВЕРНЕШЬСЯ

Каракалпакская сказка

старое время в Кунграде учились вместе в школе сын богатого бая и сын его батрака. На одной кошке сидели, в одну книгу смотрели. Только батрацкий сын старался, внимательно слушал, что говорил учитель.

Заслужил похвалу батрацкий сын, а байский сын обиделся и от зависти даже заболел. Пришел из школы домой, лег на одеяло и стонет.

Мать его забеспокоилась и спрашивает:

— У тебя что болит?

— Ничего у меня не болит, — отвечает сын. — Не видишь, что ли: у меня сапожки плохие. У всех сапоги как сапоги, а я, байский сын, стыжусь такую дрянь на ногах носить.

— Что же ты скуписься? Нашему сыну даже порядочных сапожек не можешь купить, — сказала жена баю.

— А где их взять? — говорит бай.

Байский сын заохал:

— Слышал я, есть такое урочище — Барса-Келмес, или Пойдешь-Не-Вернешься. Там живет искуснейший сапожник в мире. Он тачает такие сапожки, в каких только ханские сыновья ходят, похваляются.

— Да кто же туда, в урочище Пойдешь-Не-Вернешься, посмеет пойти! Урочище так и называется потому, что кто туда уходил, обратно не возвращался.

— Какое мне дело! — кричит байский сын. — Пошли сына нашего батрака. Он дойдет — больно умный.

Бай сию же минуту позвал своего батрака и приказал:

— В урочище Пойдешь-Не-Вернешься, говорят, тачают красивые сапожки. Сейчас же пошли туда своего сына. Даю ему неделю срока. Пусть найдет самого умелого сапожника, пусть дождетя, когда сапожник их стачает, и пусть в целости и сохранности принесет мне, а не принесет — и тебя, и твоих детей без хлеба оставлю, голодом заморю.

Погоревал батрак — знал он, что из урочища Барса-Келмес никто и никогда живой не возвращался, но байского приказа послушаться не посмел. Позвал сына и приказал ему идти за красивыми сапожками для байского сына.

Попрощался батрацкий сын с отцом, поклонился матери и пошел через пески, солончаки в урочище Пойдешь-Не-Вернешься.

Шел он по степи, шел он через овраги, шел он через холмы и дошел до преогромного соленого озера.

Посреди озера стояла черная юрта.

«Наверно, это и есть Пойдешь-Не-Вернешься, — подумал батрацкий сын. — Не иначе, в юрте живет сапожник, который тачает красивые сапоги!»

Перебрался батрацкий сын вброд через соленое озеро и вошел в черную юрту. Видит: сидит старая-престарая старуха. Поздоровался вежливо:

— Здоровы будьте, бабушка!

А старуха зубы оскалила, когти растопырила и кинулась на батрацкого сына.

Он и не шевельнулся, а еще раз поклонился и сказал:

— Почтенная бабушка, я хочу быть вашим сыном.

Старуха перестала сразу щерить зубы и сказала:

— Не скажи, мальчишка, ты таких слов, съела бы я тебя. Ну, садись на кошму. Говори, откуда и куда идешь.

— Иду я из Кунграда, а ищу урочище Пойдешь-Не-Вернешься, где сапожники тачают такие сапожки, что под стать сапожкам ханских сыновей.

Подумала старуха и сказала:

— Место, где я живу, и есть урочище Пойдешь-Не-Вернешься, но только нет здесь у нас никаких сапожников.

Запечалился батрацкий сын:

— Что же, бабушка, мне делать? Приду домой без сапожков — бай и меня, и моего отца, и мою матушку со свету сживет, голодом заморит.

Отвечает ему старуха:

— Пришелся, мальчишка, ты мне по душе. Вот придет с охоты на джейранов мой сыночек — великан Желтый див, он тебе и поможет.

На закате явился Желтый великан. Смотрит батрацкий сын: и взаправду настоящий великан, а лицо у него сердитое, желтое.

А старуха как напустился на него:

— Ты что по степи, беспутный, целый день шляешься! Видишь, тебя здесь мальчишка дожидается. Чтоб я считать до двенадцати не кончила, а самые красивые сапожки достань!

Желтый див дунул разок и исчез.

Не успела старуха и до двенадцати сосчитать, а Желтый див тут как тут и в руках держит красивые сапожки, такие красивые, что только ханским сыновьям в них ходить.

Пошел батрацкий сын с сапожками через степи, пустыни домой. Пришел, принес баю сапожки и отправился прямо в школу. Пока он ходил десять дней в урочище Пойдешь-Не-Вернешься, все школьники уроки каждый день учили. И байский сын тоже учил, кое-чему выучился. Увидел он батрацкого сына и давай хвастать:

— Пока ты по степи гулял, шлялся, я тебя в науках обогнал.

А учитель не разобрался, что к чему, батрацкого сына палкой побил: «Не ленись, уроков не пропускай!»

Байский сын злорадствовал и новыми сапожками похвалялся.

Но батрацкий сын сел за книги, и, трех дней не прошло, все, что пропустил, выучил, да еще байского сына во всех науках обогнал и опять похвалу заслужил.

До того расстроился байский сын, что опять заболел и слег. Забеспокоилась, заволновалась его мать:

— Что у тебя болит?

— Ничего у меня не болит, — отвечает байский сын. — Не видишь, что ли: у меня не конь, а кляча. Все байские сыновья разъезжают на горячих конях, а я, точно нищий, тряусь в седле на спине дохлой собаки!

Пошла байская жена и отчитала бая:

— Что ты скупилась? Не можешь нашему сыночку хорошего коня купить!

Удивился бай — у его сына был отличный конь, — но спросил:

— Чего ты хочешь?

— В урочище Пойдешь-Не-Вернешься к Соленому озеру каждый вечер прибегает на водопой сам быстроногий тулпар Крылатый. Вот его мне подари, — сказал байский сын.

— Как же я тебе Крылатого тулпара подарить могу? Его же поймать сначала надо.

— А ты батрацкого сына пошли. Пусть тулпара изловит и сюда приведет.

Тотчас же бай позвал своего батрака и приказал ему:

— Посылай сына изловить тулпара Крылатого, а не изловит — голодом заморю.

Поохал батрак, погоревал, но сына из школы вызвал и опять послал в урочище Пойдешь-Не-Вернешься.

Шел батрацкий сын через степи, пустыни и дошел вновь до черной юрты. Увидела его старуха и спрашивает:

— Храбрый ты, джигит, что снова пришел. Ну, говори, что тебе понадобилось?

— Да вот байскому сыну все мало. Принес я ему сапожки, а теперь ему тулпара Крылатого подавай. Где-то он у вас здесь, в Пойдешь-Не-Вернешься, на водопой каждый вечер ходит.

Старуха отвечает:

— Послала бы я тебя самого тулпара Крылатого ловить, да разве он тебе дастся! Он тебя сразу же затопчет!

— Что же мне делать? Без тулпара Крылатого мне возвращаться никак невозможно. Бай всю нашу семью погубит — голодом заморит.

— Уж больно, мальчик, ты мне по сердцу пришелся, — говорит старуха. — Один ты никак тулпара Крылатого не поймаешь. Вот придет с охоты мой сыночек — великан Черный див. Он мастер коней ловить. С ним и пойдешь.

На закате солнца пришел Черный див. А ростом он был с тополь.

Накинулась на него старуха:

— Ты что, беспутный, целый день по степи шляешься! Тут тебя мальчик дожидается. Поди с ним на берег озера, вырой яму, и спрячьтесь. Иначе тулпар Крылатый человеческий дух учует — убежит. А когда вы его в яме подстережете, он ничего и не заметит — подойдет к воде, начнет пить. Тут вы его и заарканите.

Пошел батрацкий сын вместе с Черным дивом на берег озера. Вырыли они яму и притаились.

Слышат: в степи топот. Подскакал тулпар Крылатый к озеру, но учуял запах человека и обратно умчался в степь. Загрустил батрацкий сын. Но Черный див сказал:

— Не грусти! Тулпар Крылатый без воды жить не может — придет.

Слышат: опять тулпар Крылатый подскакал. Но снова встревожился конь и в степь убежал.

И так тулпар еще пять раз к озеру подбегал и снова в степь уходил. Ну а на шестой раз все-таки к берегу подошел и воду пить начал. Тут Черный див не прозевал, забросил аркан и тулпара Крылатого сразу заарканил. А батрацкий сын из ямы выскочил и на спину тулпара Крылатого вскочил. Запрыгал тулпар Крылатый, завертелся, ногами забил, на дыбы начал подниматься, в разные стороны кидаться, но батрацкий сын держался за гриву крепко и усидел. Кинулся тулпар Крылатый в озеро, нырнул в глубокое место, но батрацкий сын и здесь усидел. Вынырнул тулпар Крылатый и взвился в небо, но и тогда батрацкий сын не испугался — летит под небесами, звездами и луной любит.

Спустился возле черной юрты тулпар Крылатый и сказал человеческим голосом:

— Славный ты, мальчик, наездник. Такому не стыдно и послужить. Теперь я тебе подчиняюсь.

Тогда из юрты вышла старуха с уздечкой и седлом и сказала батрацкому сыну:

— Настоящий ты джигит, сынок. Заседлай тулпара Крылатого и поезжай восвояси. А сыночку своему, Черному диву, за то, что он тулпара Крылатого на аркане не удержал, уши надеру.

Сел батрацкий сын на тулпара Крылатого, тот взвился к небу и в одно мгновение перенес его в родной аул. Привязал батрацкий сын волшебного коня возле юрты бая, а сам поспешил в школу.

Пока он за тулпаром Крылатым в урочище Пойдешь-Не-Вернешься ходил, школьники каждый день учили уроки. И байский сын тоже кое-чему учился. Увидел он батрацкого сына и давай издеваться:

— Пока ты по степи гулял, я тебя в науках обогнал.

Похвастался он, да еще учителю наябедничал, что батрацкий сын снова лодырничает. А учитель не стал разбираться, что к чему, схватил свою палку и отлупил батрацкого сына.

А тот плакать не стал, сел за книжки и скоро снова заслужил похвалу. Сделался он лучшим учеником в школе.

Зависть глодала байского сына. Заболел он от злости, лег в постель и не поднимал головы. Прибежали его мать и отец и давай спрашивать:

— Что у тебя болит? Где у тебя болит?

— Ничего у меня не болит, — захныкал байский сын. — Только плохие вы родители, не видите дальше своего носа.

— Что же тебе надо? Чего тебе не хватает?

— Все сыновья баев уже невест имеют. Родители денег, баранов, верблюдов, ковров не пожалели — вон какой калым за девушек отдали. А вы, бессердечные, и не подумали, чтобы любимому сыночку жену найти.

Поохал бай, поохала его жена:

— Да ты не огорчайся, сынок. Как хочешь, так и будет. А есть у тебя на примете девушка? Кого ты хочешь в жены взять? Ты только скажи нам.

— Есть такая девушка, красавица.

— А где она живет?

— А живет та девушка в урочище Пойдешь-Не-Вернешья. Там на берегу озера растет дерево Дедушка Тополь. Под тем тополем стоит белая юрта, а в белой юрте живет солнцеликая красавица.

Бай только заохал:

— Кто же поедет свататься? Местность Пойдешь-Не-Вернешья больно плохая, страшная, ноги оттуда не унесешь.

Байский сын только и ждал такого вопроса и ответил:

— Ты, отец, совсем память потерял. Забыл, что ли, про этого лодыря — батрацкого сынка? Бездельник дорогу в Пойдешь-Не-Вернешья знает. Известно ему, где это урочище. Пускай и отправляется за девушкой.

Позвал бай своего батрака и приказал:

— Чтобы через неделю твой сын привез сюда красавицу, а не привезет — голодом и тебя, и твою семью заморю.

Сказал батрак сыну. Погоревали они, но делать Нечего. Разве против бая пойдешь?

Пришел к баю батрацкий сын и говорит:

— Хорошо, господин, девушку я найду. Но разве красавица захочет пешком по степям, пустыням, солончакам ноги бить, калечить? Давай мне тулпара Крылатого.

Не успел бай рот открыть, чтобы батрацкого сына отругать, как тот вскочил на спину волшебного коня, свистнул, гикнул и был таков.

В мгновение ока прилетели они в Пойдешь-Не-Вернешья. Вышла старуха из своей юрты и спросила:

— По какому делу пожаловал, сын мой? Батрацкий сын поклонился и сказал:

— Требуется наш бай, чтобы привез я его сыну девушку, которая живет под Дедушкой Тополем в белой юрте.

Начала тут охать старуха:

— Немыслимое это дело. Много храбрых джигитов пыталось свататься к красавице, да лишь зря головы потеряли.

— А почему? — спрашивает батрацкий сын.

— Больно у красавицы отец строгий: такие условия женихам ставит, что никому не под силу их выполнить. А кто их не выполняет, тому отец красавицы голову кривой саблей сразу же рубит.

— Нет у меня другого выхода, — сказал батрацкий сын, — придется идти сватать красавицу для байского сына, не то вся моя семья пропадет.

Пожалела старуха батрацкого сына и говорит:

— Жаль мне тебя, сын мой, но попытай счастья. А в подмогу я тебе дам своего младшего сыночка — Синим дивом он называется.

Поехал батрацкий сын на тулпаре Крылатом к озеру, а Синий див рядом шагает. На берегу сидел великан и пил соленую воду прямо из озера. Пил, пил, да так быстро, что вскоре в озере и капли воды не осталось.

— Эй, великан, с чего ты соленую воду пьешь? — спросил батрацкий сын.

— Да вот беда, — отвечает великан, — всегда на берег этого озера прибегал тулпар Крылатый на водопой, а теперь куда-то пропал. Я и решил поискать на дне — не утонул ли?

— Нечего искать, — сказал батрацкий сын. — Смотри, тулпар Крылатый подо мной. Я его поймал и теперь езжу на нем.

Очень удивился великан и говорит:

— Ну, если ты такой смелый джигит, что самого тулпара Крылатого сумел оседлать, бери меня к себе на службу.

Пустились они все вместе в дальнейший путь. Смотрят: какой-то великан с места на место горы переставляет. Спрашивает его батрацкий сын:

— Что это ты тут делаешь?

— Здесь, в горных долинах, — отвечает великан, — всегда пасся на травке тулпар Крылатый, а теперь куда-то запропастился. Я и переставляю горы с места на место — ищу волшебного коня.

— Нечего искать: тулпар Крылатый подо мной. Я поймал его и теперь скачу на нем.

Великан удивился:

— Вон какой ты смелый джигит! Хочу послужить я тебе!

Отправились они все вместе дальше. Видят: какой-то великан лег и, приложив ухо к земле, слушает.

Спрашивает его батрацкий сын:

— Что тебе под землей понадобилось?

Отвечает великан:

— Знал я прекрасного коня тулпара Крылатого. Когда он скакал по степи, далеко топот его золотых копыт кругом разносился. А вот уже несколько дней не вижу я волшебного коня. Землю слушаю — не донесется ли оттуда топот.

Батрацкий сын сказал тогда:

— Зря время не трать: тулпар Крылатый подо мной. Я его изловил и теперь езжу на нем.

Великан поразился:

— Ого, если ты такой смельчак, бери меня к себе на службу.

Отправились они дальше.

Смотрят: стоит высокий тополь, а под ним — белая юрта.

Тогда великан, который слушал землю, сказал батрацкому сыну:

— Останусь я здесь, в степи. Буду землю слушать — узнавать, куда пойдет та красавица.

Великан, который озеро выпил, сказал:

— Я тоже здесь посижу. В случае чего позови меня: если понадобится, я воды в рот столько наберу, что любой огонь потушу.

Великан, который горы переставлял, сказал:

— А ты меня с собой возьми: если кто на тебя нападет, я всех вмиг пораскидаю.

Подъехал батрацкий сын вместе с Синим дивом и великаном к белой юрте. Из нее вышел длиннородый старик с кривой саблей в руке. Поклонился ему батрацкий сын и объяснил, зачем приехал.

Старик ответил:

— Против замужества дочери я не возражаю. Выполнишь мои условия — забирай дочь, не выполнишь — своими руками вот этой кривой саблей тебе голову отрублю.

— А какие твои условия? — спросил батрацкий сын.

Старик ответил:

— Первое мое условие — залезть с полным ведром на самую верхушку Дедушки Тополя, слезть и не пролить ни капли. Второе условие — на скачках обогнать двенадцать самых лучших моих скакунов. Третье — побороть самого сильного из моих сыновей. Четвертое — отыскать дочь в том месте, куда я ее спрячу. Последнее, пятое, условие — пройти через огонь костра невредимым.

Батрацкий сын принял все условия.

Налил он полное ведро воды, встал на ладонь Синего дива, и тот легко поднял его до вершины Дедушки Тополя и спустил на землю так, что и капля не пролилась.

Удивился старик, но приказал начинать скачки. Но тут и говорить нечего — на тулпаре Крылатом батрацкий сын в два счета обогнал двенадцать скакунов старика.

Великан, который горы переставлял, сразу же положил на обе лопатки самого сильного сына старика.

Начал тогда батрацкий сын красавицу искать. Искал, искал — нет ее нигде. А старик на ковре сидит, кумыс [74] пьет, чилим [75] курит, свою кривую саблю точит, посмеивается:

— Ищи, ищи — степь широкая, камыши густые, воды в реках много.

Совсем отчаялся батрацкий сын, но тут великан, который землю слушал, к земле ухо приложил и сказал:

— Под ковром, на котором сидит старик, саблю точит, — яма, а в той яме красавица сидит, узорчатую кошму красную валяет.

Подошел батрацкий сын к старику, поклонился и говорит:

— А красная кошма как раз к свадьбе пригодится.

Развел только руками старик и выпустил дочь из ямы. Глянул ей в глаза батрацкий сын, махнул рукой и сказал:

— Ради такой красавицы и в огне сгореть можно.

И пошел прямо в костер.

Сгорел бы в огне батрацкий сын — до того у него от красоты девушки голова закружилась, да тут первый великан набрал воды полный рот и костер залил.

Тогда старик свою кривую саблю в ножны спрятал и сказал:

— Доченька, все условия выполнены. Прощай. Отвезет тебя этот смелый джигит к твоему жениху — байскому сыну.

Девушка тогда сказала:

— За байского сына не пойду. Не байский сын условия выполнял, а этот смелый джигит.

Но старик строго прикрикнул на дочь, быстро снарядил свадебный караван, и повезли красавицу в далекий аул, к байскому сыну.

Долго ли они ехали, мало ли ехали, но доехали в срок и в полном благополучии. Да иначе и быть не

могло: свадебный караван охраняли верные слуги батрацкого сына — три великана да Синий див.

Вышел байский сын невесту встречать, подошел в своих новых сапожках к коню, чтобы ее на руки взять, а она как закричит:

— Да за такого суслика мне замуж идти?! Пусть сначала все условия мои выполнит!

Взялся байский сын условия красавицы выполнять.

Полез на дерево с ведром, всю воду расплескал и на землю свалился, едва шею не сломал. И все потому, что Синий див помочь ему не захотел.

Поскакал на своем коне байский сын и сразу от тулпара Крылатого, на котором невеста поехала, отстал.

А бороться по воле красавицы байскому сыну пришлось с батрацким сыном. Долго они и не боролись. Батрацкий сын быстро байского сына на обе лопатки положил.

Затем байский сын принялся искать красавицу, а она попросила великана, который горы переставлял, под соседней горой ее спрятать в пещере.

И так хорошо она спряталась, что всем аулом ее искали для байского сына, да не нашли. А великан, который умел землю слушать, конечно, помогать не захотел.

А в огне большого костра байский сын чуть совсем не сгорел и сапожки его обгорели, потому что великан, который умел озера выпивать, не захотел костер тушить.

— И это называется жених! Убирайся! — сказала красавица байскому сыну и повернулась к батрацкому сыну, улыбнулась ему.

Взялись они за руки и ушли в урочище Пойдешь-Не-Вернешься.

А за ними ушли отец, мать и вся семья батрацкого сына.

Плакал и кричал байский сын, чтобы послали в погоню и вернули красавицу. Но баи не посмели: побоялись они великанов, которые верой и правдой служили батрацкому сыну.

ПЕСЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Долганская сказка

Пересказ для детей Н. Гессе и З. Задунайской

У края леса, у края тундры стояла, говорят, рубленая избушка. В ней женщина с тремя сыновьями жила. Два старшие сильные были, а младший — Куначжй его звали — все на печи лежал. Не ходил совсем, не держали его ноги. Отчего так, сам не знал и мать не знала. А если и знала, ничего не говорила.

Мать всегда с Куначжи дома сидела, разве только за хворостом в лес ходит. А братья все по лесу бродили, у речки дневали. Дичи добудут, рыбы наловят, сами наедятся, а объедки домой несут. С утра уйдут, вечером вернуться.

Так и в тот день, с которого наша сказка начинается. Первый раз Куначжи проснулся, когда братья на тихой зорьке промышлять собирались. Дождался он, пока хлопнула за ними дверь, и опять уснул. Второй раз проснулся — снаружи буря бушует. Дверь избушки настежь распахнута, все тепло выдуло, и печь уже остыла. Куначжи позвал мать — она не откликается. Хотел он сам слезть с печки, чтобы дверь закрыть, да не сумел — упал на пол. Бок ушиб, руку ушиб, однако пополз к порогу.

Дополз, оперся о порог руками. Глянул направо — увидел подобные ворчливому тощему медведю буреломы, увидел подобные голодному изогнувшемуся волку кривые пни.

Посмотрел налево — свою мать увидел. Стоит она, за угол избушки держится, вверх глядит. Вдруг блеснула молния, грянул гром. Зажмурился Куначжи, а когда открыл глаза, матери уже не было на том месте, где стояла.

— Мама! Мама! — позвал Куначжи.

То ли послышалось ему, то ли ветер прошумел, то ли и правда мать ответила:

— Приходи ко мне, сынок!

— Куда приходить, мама? — закричал Куначжи.

Только ничего больше не услышал. Заплакал тут Куначжи. Кое-как дверь прикрыл, забился в угол, братьев ждет.

К вечеру вернулись братья: в избе не топлено, в углу убогим щенком Куначжи свернулся.

— Куначжи, почему лежишь на полу? — спрашивают братья.

— Упал с печки.

— Почему в избе холодно?

— Ветер раскрыл дверь, тепло выдул.

— Где же мать?

— Не знаю.

И рассказал, что видел.

Выбежали братья из избушки, кругом обежали — не нашли ни следа, ни знака, ни с чем вернулись. Затопили печь, Куначжи накормили, поели сами и легли спать. Братья спят, Куначжи всю ночь проплакал.

Утром Куначжи говорит:

— Надо к матери идти.

— А куда идти? — спрашивают братья.

— Не сказала она, — отвечает Куначжи.

— Как найдешь, если следа нет? Где искать?

— Может, я след увижу, — говорит Куначжи. — Посадите меня в сельницу и везите.

Старшие братья так и сделали. Посадили Куначжи в сельницу — корыто, над которым мать муку просеивала, — привязали к ней крепкий ремень и потащили младшего брата по лесу, по тундре.

Братья идут — под ноги себе глядят. Куначжи в сельнице сидит — по сторонам смотрит. В первый раз вольный свет видит! На западе видит землю с яркими цветами, с подобной кривому ножу осокой. На востоке видит землю с пестреющими лесами. На юге краснеют горы. На север глянет — там снега белеют.

Сколько дней так шли, сколько ночей ночевали, а на трижды третий день подошли к старому, заглохшему озеру, что густо поросло высокой травой.

Куначжи говорит:

— Тут остановимся. Надо траву рвать.

— Зачем? — спрашивают братья.

— Потом увидите. Ну, начинайте, я пока поплюю.

Спит Куначжи. Братья не столько работают, сколько не работают. Куначжи проснулся — стоит высокая трава, как стояла, лишь кое-где проплешины виднеются.

Младший брат говорит:

— Мало вы поработали. Верно, я только чуточку вздремнул.

— Какое там! Ты долго спал, — старшие отвечают, — а мы работали, не разгибались. Трава очень жесткая, устали.

— Устали — поспите.

Братья повалились, захрапели. А когда глаза раскрыли — на сухом озере ни одной стоячей травинки не осталось. Вся сорвана, вся собрана, зеленой горой возвышается.

— Ну, отдохнули? — говорит Куначжи. — Теперь новая работа есть. Траву я всю повыдергал, не такая уж она жесткая. Однако руки у меня заболели, спина заныла. Я спать лягу, а вы из травы веревку вейте.

Второй раз Куначжи просыпается — рядом братья лежат, валяется возле них на земле маленькая, тоненькая веревочка. А куча травы будто не тронута. Вдохнул Куначжи, сам взялся за дело.

Много ли, мало ли спали братья, много ли, мало ли работал Куначжи — разбудил их, когда в куче ни одной травинки не осталось. Толстая травяная веревка три раза вокруг озера змеей обвилась.

Удивились братья. Стало им стыдно. Спрашивают:

— Говори, что дальше делать?

— Вон видите дерево? Выкопайте его с корнями и принесите сюда.

Пошли братья. Скоро вернулись.

— Очень толстый ствол у дерева, — говорят, — глубокие корни, длинные ветки. Не можем его выкопать.

— Ну, подтащите мою сельницу к тому дереву. Подвезли его братья. Куначжи толкнул дерево, оно до земли наклонилось. Ухватил за нижние сучья, с корнями выворотил. Потом взял конец веревки, привязал к вершине лежащего дерева, а дерево в небо швырнул. Летит оно все выше и выше, корнями вверх, вершиной вниз, травяную веревку за собой тащит. Долетело дерево до неба, вросло в него корнями. С вершины его веревка свисает до самой земли.

Удивляются братья: откуда у худонного Куначжи, который век на печи пролежал, столько силы? А Куначжи говорит:

— На земле следа нашей матери нет, значит, на небе она. По этой веревке поднимемся.

Опять удивляются братья: откуда у худонного Куначжи, что белого света не видел, столько ума?

Ползли все трое. Лезут. Братья себе ногами помогают, Куначжи только руками перебирает.

Поднялись на небо. Куначжи смотрит: бегут во все стороны серебряные дороги, блестят, переливаются под солнцем. А братья кругом себя глянуть боятся, все вниз, на землю, смотрят. Куначжи говорит:

— Надо идти мать искать!

— Никуда мы не пойдем, шагу не ступим. Тут хоть веревка к земле тянется, не так страшно.

— Что ж, — сказал Куначжи, — придется мне самому идти. По этим красивым дорогам, может, пойдут мои ноги.

Подполз к серебряной дороге, встал на нее. Встал, стоит — держат его ноги. Потом шаг ступил, другой и пошел, как будто весь свой век ходил. Только раз обернулся, братьям крикнул:

— Ждите меня здесь три года. Если жив буду, вернусь. Если хоть на один день опоздаю, значит, в живых меня нет. Тогда спускайтесь по веревке на землю. Вспоминайте меня добром.

— Хорошо, будем ждать три года, — ответили братья. А друг другу сказали: — Видно, не простой человек наш Куначжи, а мы и ведать не ведали!

Развели они костер, сели у огня — приготовились ждать три года.

Идет Куначжи по серебряной дороге. Сколько дней, сколько ночей идет, только он один знает. Наконец до перекрестка дорог дошел. Смотрит: стоит маленькая избушка. Стены у нее серебряные, крыша серебряная. Вертится-крутится избушка, то одна сторона ее на солнце блеснет, то другая. А около избушки сидит красавица. Лицо у нее белое, как летнее облачко, щеки нежные, как тучка на восходе.

— Куда идешь? — спрашивает красавица у Куначжи.

— Ищу свою мать, — отвечает он.

— Напрасно ты ее здесь ищешь, — говорит девушка. — Что тут делать женщине с земли? Оставайся в моей избушке или назад иди.

— У тебя не останусь и назад не пойду, — говорит Куначжи. — Мать меня звала. На земле я следов ее не нашел, значит, здесь должна она быть.

— Может, так, может, не так, — сказала девушка. — Позади тебя дорога длинная, впереди еще длинней. Зайди в избушку, отдохни, поешь.

Послушался ее Куначжи, вошел в избушку. Поел, чем девушка его угостила, отдохнул немного и опять в путь собрался.

Девушка ему на прощанье сказала:

— Нету здесь твоей матери. Если мне не веришь, спроси у моей старшей сестры. А идти к ней надо по дороге, что направо ведет.

Пошел Куначжи направо. Шел, шел и пришел к избушке. Если бы Куначжи сам дорогу ногами не мерил, подумал бы, что на месте стоит — до того избушки похожи. И девушка подле нее такая же красивая. Только щеки у этой девушки не нежные, как облачко на утренней заре, а яркие, как туча на закате. Глаза у нее мерцают, словно первая звезда в темнеющем небе.

Рассказал ей Куначжи, куда идет, кого ищет.

Девушка привела его в избушку, накормила, напоила, потом сказала:

— Не напрасно ты мать ищешь. Здесь она, ее злой Гром с земли унес, взаперти держит. Хочешь освободить — убей Грома.

Тут она сняла со стены острый меч, Куначжи подала.

— Иди все прямо, никуда не сворачивай. Увидишь сполохи — тоже не сворачивай. Увидишь всадника на белом быстроногом коне — тут остановись. Это и есть Гром, твой обидчик. Он с коня соскочит, пойдет к тебе, а ты удари его мечом.

— Не побоюсь! — сказал Куначжи и пошел по дороге.

Шел, шел, смотрит: играют впереди сполохи — меняют цвет с красного на зеленый, с синего на желтый. Если вглядеться, чего только в них не увидишь: и леса, и горы, и луга с цветами, и озерные края. Смотрит Куначжи, однако не останавливается, дальше идет.

Вдруг показался всадник на белом коне. Из рта коня огонь пышет, из ноздрей искры летят. Тут Куначжи остановился. И всадник коня остановил, соскочил с седла, подошел. Выхватил меч Куначжи, как девушка ему говорила, и ударил всадника.

Блеснуло что-то, загремело раскатами. Куначжи меч из рук выпустил, упал лицом вниз, ничего больше не помнит. Долго ли лежал, мало ли лежал, тоже не знает. Наконец открыл глаза: кругом ничего нет, расстилается белый снег, сколько глаз хватает.

— Тут мне, видно, и погибнуть! — сказал Куначжи.

— Так тебе и надо! — раздался голос над белой равниной. — Не спросил, не сказал сам, чего хочешь, а меч поднял! Дочерей облаков послушался, а они тебя обманули.

Замолк голос — такая тишина настала, что слышно, как снежинки пересыпаются. Встал Куначжи, побрел по глубокому снегу. Ноги в сугробе вязнут, хоть ползи, как двадцать лет ползал. Упадет — тонкий наст руки до крови режет. Совсем выбился из сил Куначжи.

— А ведь и вправду погибну здесь! — говорит себе.

— Погибнешь! — сказал тот же голос.

Куначжи выпрямился, кулаком невидимому погрозил.

— Не погибну! Мать я должен найти. Она меня звала — может, плохо ей.

— Не надо было дочерей облаков слушаться! — опять сказал голос. — Ты виноват.

— Так ведь мать не виновата! — закричал Куначжи.

— Это ты правду сказал, — ответил голос. — Тогда иди. Увидим, твердо ли ты решился.

Куначжи идет. Снега меньше стало, кое-где земля виднеется. Ногам легко ступать. Обрадовался Куначжи — теперь дойдет он!

И вдруг заблестело, заплескалось перед ним озеро. Большое озеро, ни вправо, ни влево берега не видно, а впереди чуть чернеет берег. Не замерзло озеро, вал по нему ходит, ветер с гребней пену срывает.

Остановился Куначжи, что делать, не знает. Потом сказал:

— Путь к матери не назад, а вперед лежит.

Только как по воде пойду — утону ведь?

И прислушивается: не даст ли какого совета голос. Нет, молчит голос. Видно, надо самому решаться.

— Будь что будет, пойду!

Тут голос сказал:

— Иди, не утонешь.

Ступил Куначжи ногой на воду — ногу не замочил. Ступил другой — твердо. Под его ногами вода льдом становится, на шаг впереди замерзает, на шаг позади опять плещется. Так Куначжи все озеро пересек. Вышел на берег — перед ним дорога лежит, гладкая, серебряная.

Быстро зашагал Куначжи — по гладкой дороге будто сами ноги его несут. Вон и сполохи вдали. Отливают красным, синим, зеленым, каждый миг меняются: то словно леса встают, то горы вздымаются, то открываются широкие реки...

Дошел до самых сполохов Куначжи, до того места, где встретил всадника на белом коне. Остановился, не знает, то ли тут ждать, то ли дальше идти. Постоял — нет никого, дальше пошел.

Сколько прошел, Куначжи не считал и мы не мерили. Наконец увидел просторный дом с восьмьюдесятью окнами. Подошел он к нему, с десятью золотыми балками высокий порог переступил. Очутился на золотом полу, по которому с приглядкой ходят, на цыпочках переступают. Красивый дом, с нарядной карнизной печью, с певучей скамьей, с говорящей сказки лежанкой.

Тут выбежала к нему женщина, закричала:

— Куначжи пришел! Сыночек мой пришел на своих ногах!

Куначжи смотрит, глазам своим не верит: и мать его это, и нет — красавицей она стала, какой, видно, смолоду была. Куначжи ее такой не помнил, а голос ласковый сразу узнал.

Мать сына на певучую скамью усадила, сама рядом села. О том говорить стали, что Куначжи знал, мать не знала. Рассказал Куначжи, что с ним было, что видел, что слышал, что делал. Все выслушала мать, потом головой покачала:

— Ох, сыночек, нехорошо ты сделал! Ты отца своего убить хотел!

— Как отца? — закричал Куначжи.

Мать сказала:

— Все тебе расскажу, ты послушай.

И стала она говорить, о чем сама знала, о чем Куначжи не знал.

Много лет назад это было. Мать кочевала с мужем своим и двумя маленькими сыновьями. По лесу на оленях они ехали. Вдруг напал на них медведь. Мужа насмерть придавил, на мать бросился. Тут бы ей конец пришел, да загремел среди ясного неба гром, слетела молния, убила медведя. А перед молодой женщиной появился всадник на белом коне. Начал он заботиться о ней и ее детях — не дал им от голода, от холода пропасть. Прожили так год, и родился у них мальчик Куначжи. Стал Гром в дорогу собираться, сказал, что не может больше оставаться на земле, к себе на небо должен вернуться. Целый год грозы нигде не было, плохо это для всего растущего, для всего живущего. Пообещал прийти, когда сможет. И приходил. Три раза за эти годы приходил, все с собой звал. А куда пойдешь, когда сын худонгим родился, как его бросишь! В последний раз Гром ей так сказал, так уговаривал: «Сын наш вырос. Если любит тебя, станет искать. Доберется до неба, тут я ему помогу — будут его ноги ходить, не зная усталости». Женщина послушалась мужа, унес он ее.

Только и успела она крикнуть: «Приходи ко мне, сынок!»

— Это я слышал, мама, — сказал Куначжи. — Вот я и пришел к тебе.

— Хороший ты сын у матери, — сказала женщина. — А как отец считает, надо его спросить.

— Где же он, мама?

— Не знаю, где сейчас. У него дел-забот много.

Стал Куначжи жить с матерью в просторном доме с восьмьюдесятью окнами. Дрова ей рубил, воду носил, во всем помогал.

Однажды на рассвете услышал Куначжи тяжелые раскаты. Затряслись стены, золотые балки золотым звоном зазвенели. Потом разом все стихло. Куначжи подумал:

«Верно, это мне во сне почудилось!»

И опять заснул. А уже когда солнце поднялось, пришла мать, сказала:

— Вставай, сынок, твой отец на белом коне домой вернулся, тебя зовет.

Пошел Куначжи к своему отцу Грому. Гром ему говорит:

— Оказался ты добрым сыном. Теперь сам выбирай: хочешь — с нами живи, хочешь — на землю возвращайся.

Куначжи отвечает:

— Вижу, матери хорошо живется. Защитник ей не нужен. А земному человеку на земле лучше. И братья меня у края неба ждут: я им пообещал через три года вернуться.

— Верные ты слова сказал, — говорит Гром. — Иди к братьям. Только сначала выбери из того, чем я владею, себе долю.

Три амбара стояло на широком дворе у Грома. Гром подвел Куначжи к первому амбару, двери перед ним открыл.

Глянул влево Куначжи — замерцал у него в глазах лунный блеск. Глянул вправо — ослепил его солнечный блеск. Это груды серебра, груды золота у Грома в амбаре лежат.

— Бери сколько унесешь, — сказал Гром.

Куначжи головой покачал.

— Не надо мне золота, не надо серебра.

— Значит, не хочешь богатства? — говорит Гром и ведет его к другому амбару.

В том амбаре семицветные радуги в углу свалены, молнии белым и малиновым огнем светят, ветры из кожаных мешков рвутся.

Куначжи и тут головой покачал:

— Нет, отец, и отсюда ничего не возьму. Да тебе и самому это нужно.

— И могущества, значит, не хочешь, — сказал отец. — Ну что ж, сам я тебя подарком наделю. Тот подарок в третьем амбаре.

Удивился Куначжи: совсем пуст третий амбар, только посредине лежит палочка небольшая с тремя сучками. Поднял палочку Гром, отдал Куначжи, сказал:

— Когда скучно тебе станет, когда тоска на душу ляжет, вынь любой сучок, посмотри в дырочку. И в беде тебе эта палочка поможет.

Попрощался Куначжи с отцом, с матерью попрощался и отправился в обратный путь.

Быстро шел, к братьям спешил. Ноги его устали не знали. Вот уже сполохи перед глазами из цвета в цвет переливаются. Куначжи только самую малость на них полюбовался — дальше спешит. Серебряная дорога перед ним расстилается, будто сама из-под ног назад убегает.

Дошел до избушки. Вертится-крутится она, то одна сторона, то другая блеснет. Сидит перед избушкой старшая сестра, дочь облаков. Куначжи ей говорит:

— Хочу у тебя спросить, знала ли ты, что Гром мой отец, что мать жена ему?

— Знала, — отвечает девушка.

— Зачем же ты мне меч дала, правды не сказала? Ведь я мог отца убить, мать вдовой сделать!

— Теперь скажу тебе правду. Не должен был Гром земную женщину себе в жены брать, не место ей на небе. Вот почему я тебе в руки меч дала, почему тебя научила его на Грома поднять.

— Моя мать никому зла не желает и тебе не желала.

— Может, и так, — сказала дочь облаков. — А только что сделано, то сделано. Гром мне теперь не простит. Возьми меня с собой на землю.

— Что ж, — ответил Куначжи, — если хочешь, пойдём.

Пошли вдвоем. Долго ли, коротко ли идут, дошли до той серебряной вертящейся избушки, где младшая дочь облаков живет.

— Куда идешь? — спрашивает младшая сестра у старшей.

— На землю иду, хочу там пожить.

— Возьми и меня с собой.

Теперь втроем идут. Куначжи быстро шагает, девушки по серебряной дороге скользят, будто летят над ней.

Наконец до братьев дошли.

Братья уже в путь собираются, костер потушили.

— Разве три года миновало? — Куначжи у них спрашивает.

— Всего три дня осталось. Мы уже думали, ты погиб. Чего зря время терять! — отвечают братья.

А сами с красавиц глаз не сводят.

Стали по веревке вниз спускаться. Первыми красавицы, потом старшие братья. Куначжи ждет, пока все ногами земли не коснутся.

Спустились красавицы, спустились братья, а Куначжи наверху только за веревку схватился. Братья на красавиц посмотрели, друг на друга глянули. Старший среднему шепнул:

— Пускай Куначжи на небе останется. Разве плохо ему там? А мы на красавицах женимся.

Пока средний брат успел головой кивнуть, старший уже веревку поджег. Высохла травяная веревка за три года, побежал по ней огонек — будто желтая птичка крылья расправила, вверх полетела.

Куначжи по веревке вниз спускается, огонек по веревке вверх бежит. Как раз на середине встретились. Тут потух огонек. Остался Куначжи между небом и землей.

Посмотрел вниз: далеко земля, а все-таки видно, как братья с красавицами прочь убегают. Висит Куначжи, что делать, не знает. Ветер его раскачивает, дождь сечет. Вдруг вспомнил Куначжи про подарок отца своего, Грома. Взял палочку, приставил к веревке — расти стала палочка, до самой земли дотянулась. По ней и спустился Куначжи.

А палочка какой была, такой опять сделалась. Сел Куначжи на траву, палочку на колени положил. Стал вспоминать, что давно было, что недавно случилось. До двадцати лет кормили его братья и о матери заботились. А сейчас обманули, зло против него замыслили. Обо всем забыли, увидев красавиц. Даже про мать не спросили: нашел ли ее Куначжи, плохо ли, хорошо ли ей? Дочери облаков — они сами, что облака, переменчивы. На них Куначжи не в обиде, они уже его обманывали. А братья?.. На братьев Куначжи, как на себя, надеялся.

Скучно ему стало, тоска на душу легла. Вдруг палочка будто сама на его коленях перекатилась. Вспомнил Куначжи, что отец говорил. Взял палочку в руки, вынул верхний сучок, посмотрел в дырочку — разом обо всех своих думах забыл. Смотрит, оторваться не может: увидел Куначжи широкую тундру, ненецкие чумы, нарты, оленей. Чумов много, оленей не сосчитать. В расшитых одеждах люди мясо едят, в бубны бьют, веселятся... И у Куначжи на душе стало весело, легко стало.

Вложил он верхний сучок на место, средний сучок вынул — увидел горные места, увидел лесные места. Узнал, как живет народ хантэ, как народ эвэнков живет-охотится. Как пушнину они добывают, как перегоняют оленьи стада с пастбища на пастбище. Трудятся не жалея сил, зато и повеселиться умеют. Возле чумов игры играют, борются, смеются... Смотрит Куначжи, и так ему самому весело, будто он с ними вместе наперегонки бегаёт, оленей арканом ловит, из луков в цель стреляет.

Потом вынул третий сучок — увидел вековую тайгу. По тайге река Енисей течет, широкая река, глубокая. Лодки плывут, пароходы. На пароходах русские люди. Выгружают они товары на таежные берега: красивые материи, муку, вино. А люди, что живут в лесах, несут им пушнину, грузят на пароходы мамонтовые бивни, оленьи шкуры, песцов, горностаев, выдр, белку... Русские люди вино пьют, вином угощают, песни поют... А пароходы бегут вверх по течению, вниз по течению. Дым из их труб валит, над тайгой стелется.

Нагляделся Куначжи, налюбовался. Задумался. Потом песню запел. Все, на что насмотрелся, в песне рассказывает.

— Однако, — сказал себе, — я песенным человеком стал! Если сам побываю в тех местах, что видел, еще лучше петь буду.

Встал Куначжи, палочку под мышку сунул и пошел. Где только не побывал, где только свои песни не пел, каких краев своими ногами не измерил, с какими людьми словом не перемолвился!

А однажды на долгом песенном пути повстречались ему братья. Бегут братья, что под ногами — не

видят, все вверх смотрят. Споткнутся, упадут — глаз от неба не отрывают. А по небу два легких облачка плывут. Это за ними братья гонятся.

— Что, — спрашивает Куначжи, — и вас дочери облаков обманули?

— Обманули! — отвечают братья. — Бросили нас, а не отпускают, за собой манят.

И опять бежать пустились.

Пожалел их Куначжи, да что сделаешь! Дальше пошел.

Сто лет живет, весь век песни поет, людей радует.

ОТВАЖНАЯ ДЕВУШКА

Таджикская сказка

давние времена в одном городе жил старый человек. У него было три дочери, а ему всегда хотелось иметь сына. Вот заболели у этого старика глаза, и он ослеп. Табибы лечили его, но не могли вылечить.

Не видел старик ни светлого дня, ни детей своих, ни друзей, ни товарищей и очень, очень был опечален этим. От горя и несчастья стал он худым и немощным.

Приехал однажды в село один путешественник и сообщил старику, что в далеком краю живет знахарь, в саду у него растет особенное растение, из плодов которого знахарь делает лекарство, вылечивающее любую болезнь глаз.

Услышав это, старик тяжело вздохнул и сказал:

— Если бы у меня был сын, конечно, он поехал бы в тот край и привез мне лекарство для глаз, тогда я бы избавился от слепоты.

Старшая дочь поднялась со своего места и стала просить отца:

— Дорогой батюшка, разреши мне поехать за тем лекарством!

— Ох, дочка, не для тебя это дело, понапрасну будешь мучиться.

Но девушка не отступила и стала просить и умолять отца отпустить ее. И наконец отец согласился.

Девушка оседлала лошадь, оделась в мужскую одежду, наполнила хурджин едой и отправилась в путь.

Ехала она, ехала несколько дней и ночей и на перекрестке дорог увидела маленький деревянный домик.

Девушка подумала: «Наверное, там кто-нибудь есть, спрошу я дорогу». И она постучала в дверь.

Из дома послышался голос:

— Кто там? Я лежу больная и не могу подняться, сам заходи!

Девушка открыла дверь, вошла и поздоровалась. И на самом деле, в доме лежала больная старуха.

— Мамаша, что с вами? — спросила девушка.

— Ох, сынок, — говорит старуха, — и не спрашивай. Давно уж я лежу больная на этой постели, и нет у меня никого, чтоб за мной присмотреть.

Порывшись в хурджине, девушка достала еду из дорожных запасов и накормила старуху. Придя немного в себя, старуха спросила:

— Сынок, откуда ты приехал и куда едешь?

— Я приехал из далекого города, — ответила девушка, — отец мой заболел глазной болезнью и

ослеп, я еду разыскивать лекарство от его болезни.

— Ох, сынок, — сказала старуха, — откажись от этого намерения! Много храбрецов ездило разыскивать это лекарство, но не нашли его и погибли. Никак нельзя добыть то лекарство. Вернись домой!

После этого разговора девушка потеряла надежду найти лекарство и вернулась домой. Отец обрадовался ее возвращению и говорит:

— Я, дочка, очень рад, что ты вернулась жива и невредима!

Она рассказала отцу и сестрам о своем путешествии, о старухе, с которой повстречалась, и добавила:

— Она говорила мне, что добыть то лекарство никак нельзя. Много храбрецов ездило разыскивать его, но они ничего не нашли и погибли.

Средняя сестра не придавала значения словам старшей сестры, встала со своего места и сказала:

— Дорогой батюшка, разреши мне поехать за лекарством, я обязательно его найду и привезу!

— Как твоя старшая сестра ничего не привезла, так не привезешь и ты. Оставайся лучше дома, а то погибнешь понапрасну!

Но и эта дочь настаивала на своем и продолжала просить разрешения. Наконец она склонила отца отпустить ее поехать за лекарством. Оседлав коня, одевшись в мужскую одежду, она спрятала свои косы под шапкой и поехала.

Ехала, ехала она и через несколько дней тоже доехала до деревянного домика. Привязала она коня за ветку дерева и постучалась. Из домика послышался голос:

— Кто там? Я лежу больная и не могу подняться, сам заходи!

Девушка открыла дверь, вошла и, поздоровавшись со старухой, спросила о ее здоровье.

— Ох, сынок, и не спрашивай. Давно уж я лежу больная на этой постели, и нет у меня никого, чтоб за мной присмотреть.

Порывшись в хурджине, девушка достала еду из дорожных запасов и накормила старуху. Придя немного в себя, старуха стала расспрашивать девушку, откуда она и куда едет.

— Ой, сынок, откажись от задуманного, очень трудно достичь этой цели, пропадешь понапрасну.

Старуха стала рассказывать такие страшные вещи о предстоящем пути, что и эта сестра испугалась и вернулась домой. Она также обо всем рассказала отцу и сестрам.

Старик тяжело вздохнул и сказал:

— Жалок человек, у которого нет сына!

Эти отцовские слова сильно заделали младшую дочь. Она подошла к отцу и сказала:

— Дорогой батюшка, разреши мне поехать за тем лекарством. Может быть, я его найду!

— Дорогая дочка, как твои старшие сестры ничего не привезли, так и ты вернешься ни с чем. Оставайся-ка дома, не трудись понапрасну!

Младшая дочь стала умолять и упрашивать отца отпустить ее, и наконец он согласился.

Девушка быстро переделалась в мужскую одежду, наполнила едой большой хурджин, проворно села на коня и отправилась в путь.

Ехала, ехала она, через несколько дней и ночей доехала до деревянного домика больной старухи. Привязав коня за ветку дерева, она постучалась, и на ее стук из домика послышался голос:

— Кто там? Кто бы ты ни был, сам открывай дверь и заходи! Я лежу больная и не могу подняться!

Открыв дверь, девушка вошла к старухе, сердечно и приветливо с ней поздоровалась. Тут же она побежала за водой, дала старухе умыться и радушно стала угощать ее привезенными кушаньями.

— А ты, сынок, откуда едешь и куда направляешься? — довольная поведением девушки, ласково спросила старуха.

— Я приехал издалека, еду разыскивать глазное лекарство!

Старуха вздохнула и с негодованием сказала:

— Ох, глупый юноша! Разве ты не знаешь, что сильные и здоровые люди ездили по этой дороге, но они не вернулись живыми! Ты, хрупкий молодой человек, не можешь туда поехать. Или оставайся у меня, или возвращайся домой!

Но девушка, нисколько не испугавшись слов старухи, смело сказала:

— О матушка! Мужчина не должен ничего бояться! Я не вернусь домой, что бы со мной ни случилось!

Девушка встала, собираясь уходить.

— Сынок мой! — сказала старуха, удерживая ее. — Вижу я, что ты непоколебим в своем намерении. Я тебя предупреждаю, что поездка твоя будет очень трудной и опасной. Но я тебе скажу, как избежать этих трудностей. Если ты выполнишь все, что я скажу, ты достигнешь своей цели. Знахарь не даст лекарство без вознаграждения, взамен он попросит семя дерева, которое находится у трехголового дива. Плоды того дерева целебны и вылечивают разные болезни. Когда ты придешь в жилище дива, сделай что-нибудь хорошее всем его животным и слугам. Потом постарайся взять у дива плод того дерева и убежать с ним. Вот тебе зеркало, гребень и брусок. Если див погонится за тобой, брось какой-нибудь из этих предметов через плечо — это преградит дорогу диву. Ну вот, теперь иди, счастливого тебе пути!

Девушка взяла зеркало, гребень и брусок, горячо поблагодарила старуху и поехала дальше.

Ехала она несколько дней и ночей, наконец приехала в жилище трехголового дива. Ей бросилось в глаза, что ворота крепости полуразрушены и запачканы. Она быстро поправила их и вычистила. Вошла она в ворота и увидела с одной стороны много огромных собак на привязи, а с другой — лошадей. Лошадям брошены кости, а собакам — сено. Она взяла кости и бросила их собакам, а сено — лошадям. Пошла она дальше и увидела, что несколько служанок стоят около раскаленного танура^[76] и пекут диву лепешки, которые прилепляют к горячим стенкам танура голыми руками и потому руки у них всегда болят. Девушка приветливо с ними поздоровалась, тут же села и сшила им рукавицы для выпечки хлеба. Служанки обрадовались и спросили:

— Эй, красивый юноша, зачем ты сюда пришел?

Девушка рассказала им о своей цели.

— О, это очень трудное дело, — сказали служанки, — див прячет семена этого дерева в мешочке под своей подушкой, нелегко их взять у него. Если даже возьмешь, то не сможешь вырваться из его лап.

— Если я сумею взять семена, то уж придумаю, что делать потом! — сказала девушка.

— Ну, коли так, иди! — посоветовали ей служанки. — Мы знаем, что див спит, растянувшись на спине. Когда ты подойдешь к его логову, посмотри, оба ли глаза у него открыты. Если оба, то, значит, он спит, можешь взять у него из-под головы мешочек. Но если у него открыт один глаз, значит, он не спит — скорее беги обратно.

По рассказам слуг девушка нашла логово дива, а когда вошла к нему, увидела, что оба глаза открыты.

Крадучись она подошла к нему, вытащила из-под его подушки мешочек и быстро убежала.

Но див тут же вскочил и закричал:

— Эй, слуги, скорее хватайте вора!

— Нет, мы не будем его ловить, — сказали служанки, — он нам сшил рукавицы, и теперь мы не сжигаем руки!

— Эй, кони, ловите его!

— Нет, мы не будем его ловить! — сказали кони. — Ты вместо сена клал нам кости, а он положил нам сено!

— Эй, собаки, вы ловите его!

— Нет, — ответили собаки, — мы не будем его ловить: ты вместо еды клал нам сено, а он положил кости.

— Эй, ворота, вы схватите его!

— Нет, — сказали ворота, — ты нас испачкал и сломал, а он вычистил нас и исправил!

Видит див, что никто не хочет ловить смельчака. Тогда он сам погнался за девушкой. Он помчался что было силы и почти догнал девушку, уже протянул лапу, чтобы схватить коня за хвост. Но девушка в тот же миг бросила через плечо зеркало, которое дала ей старуха. Зеркало сразу всплеснуло волной и превратилось в быструю и широкую реку.

Огромный див бросился в реку и с большими мучениями добрался до другого берега. Вот он опять погнался за девушкой и почти настиг ее. Но только он протянул лапу, чтобы схватить за хвост коня, как девушка через плечо бросила брусочек, и он с грохотом превратился в высокую и большую гору. Див остался за горой, а девушка во весь дух погнала коня.

Хотя и много прошло времени, но див перевалил через гору и опять погнался за девушкой. Вот уже он почти догнал ее и протянул лапу, чтобы схватить коня за хвост, но девушка в этот момент бросила за спину гребень. Тут же появился густой лес, не имеющий конца и начала. Див кинулся в одну сторону, кинулся в другую — не смог пройти через густой лес и вернулся обратно.

Так девушка ускакала от дива и жива и невредима приехала в город знахаря. Пспрашивала она у людей, нашла его двор и постучалась. Из-за ворот послышался чей-то голос: «Сейчас!» И ворота торопливо распахнул юноша — сын знахаря. Он встретил гостя и повел его к отцу.

— Это лекарство, — начал знахарь, — я дам тому, кто взамен привезет мне семя одного дерева.

— Я уже привез! — воскликнула переодетая девушка и протянула знахарю это семя.

— Очень хорошо, очень хорошо! — сказал знахарь. — Вы сделали благородное дело. Плодами этого дерева я вылечу от смертельных болезней много людей нашей страны.

И знахарь стал расспрашивать:

— Ведь эти семена были у трехголового дива. Как вы их у него взяли? Самые сильные богатыри пытались пройти к нему, но не смогли!

Девушка рассказала знахарю о своем путешествии к диву.

— Молодец, юноша! — сказал на это знахарь. — Вы очень смелый человек! Вот, возьмите половину этих зерен, отвезите в свою страну, посадите там и вырастите — плоды их будут излечивать людей от разных болезней. Вот вам и лекарство для глаз — закапайте его в глаза отцу, и он прозреет!

— Спасибо вам, я выполню все, что вы мне сказали! — воскликнула девушка.

Знахарь объяснил девушке, как выращивать семена и как делать лекарство, а потом предложил ей погостить у него два-три дня.

Девушка согласилась.

Хозяин собрал своих близких и друзей и на три дня устроил пиршество. Один из друзей знахаря и говорит ему:

— А ведь ваш гость — переодетая девушка.

— Нет, — отрицает знахарь, — это беспримерный богатырь-молодец, он проявил неслыханную смелость и достал самую ценную вещь в мире!

— Вы ошибаетесь, это девушка! — повторил его друг. — Давайте испытаем! Когда все разойдутся по домам, вы постелите вашему гостю в комнате сына. У изголовья каждого из них положите по букету белых хризантем. Если это девушка — цветы завянут, если это юноша — цветы останутся такими, как были.

Знахарь согласился испытать гостя. Но смышленная девушка по пристальным взглядам знахаря и его друга обо всем догадалась и до полуночи беседовала с сыном знахаря, рассказывая ему разные происшествия и сказки. Как только он заснул, девушка поднялась, осмотрела свою постель и увидела увядшие хризантемы. Она пошарила рукой у изголовья сына знахаря и нашла там свежие, как будто только что сорванные, цветы. Выбросила она увядшие цветы, вышла в сад и нарвала свежих белых хризантем. На рассвете она положила их у изголовья и заснула.

Но сын знахаря не спал. Приоткрыв глаза, он наблюдал за девушкой и увидел все, что она сделала.

Утром знахарь, горя любопытством, пришел будить сына и гостя. Когда молодые люди вышли из комнаты, он достал из-под их подушек цветы и поразился: какими свежими они были положены, такими и остались.

Через три дня девушка собралась уезжать. Знахарь провожал ее с большим почетом и уважением.

Распрощавшись со всеми, девушка отправилась в путь. Сын знахаря, заинтересованный ею, отпросившись у отца, поехал проводить гостя. Они ехали несколько дней и ночей. Сын знахаря никак не хотел возвращаться обратно. Так они и приехали в город, в котором жила девушка.

После ее отъезда за лекарством прошло много времени. Отец с матерью и сестры очень беспокоились о младшей сестре и думали, что она попала в беду. К одной болезни отца добавились другие, и он раскаивался в том, что позволил дочери ехать за лекарством.

Но когда младшая дочь возвратилась домой живой и невредимой, печаль родственников сменилась радостью.

Девушка в присутствии сына знахаря рассказала о всех своих приключениях. Не теряя времени она закапала в глаза отцу привезенное лекарство. Не прошло и одного часа, как отец почувствовал себя здоровым, а глаза его наконец снова увидели белый свет. Обрадованный, он сказал дочери:

— Дорогая моя дочь, теперь никогда не буду жалеть о том, что у меня нет сына. Ты выполнила обязанности десяти сыновей, сделала меня счастливым, и я желаю тебе долгой жизни, пусть всегда тебе сопутствует счастье!

Сын знахаря уже при входе в этот дом понял, что сопровождал он не приятеля, а девушку. В конце разговора он обратился к ее отцу и матери и сказал:

— С первого дня знакомства я питаю глубокую любовь к вашей дочери и теперь, когда я убедился, что

она на самом деле девушка, а не юноша, прошу вашего согласия отдать мне ее в жены.

Родителям девушки тоже понравился приехавший юноша, но они не знали, кто он. Когда же дочь рассказала им обо всем и они узнали о дружбе ее с сыном знахаря, тогда с радостью согласились выдать свою дочь за этого юношу.

Отважная и умная девушка вышла замуж за сына знахаря. Они прожили вместе долго и счастливо.

МАЛЬЧИК В ДЕВИЧЬЕЙ ОДЕЖДЕ

Алеутская сказка

Пересказ для детей Н. Гессе и З. Задунайской

Канаагутух, когда молод был, много воевал. Среди сородичей первым воином слыл. Только песен про него никто не пел, сказаний не складывал. Иные с врагом в честном бою лицом к лицу сходятся, а Канаагутух тайком в чужое селение прокрадывался, сонных мужчин убивал, женщин, детей в плен уводил. Жадность его гнала: хотел побольше рабынь набрать, чтобы женщины на него трудились.

Потом и от сородичей ушел. Поселился далеко от всех, на пустынном морском мысу. Пленниц-рабынь для себя юрту большую заставил построить. Над всем селением возвышалась его юрта. А женщины жили в узких, как нора, землянках.

Всех мальчиков Канаагутух убил: боялся, что, когда вырастут мальчики, когда мужчинами станут, отомстят за своих матерей, за своих сестер.

А одна женщина, когда Канаагутух, мужа убив, ее в плен угонял, сына своего, грудного младенца, под кухлянкой [\[77\]](#) спрятала. Положила в землянке в темном углу, шкурами прикрыла.

Да долго ли ребенка в тесном жилье удержишь? Только стал мальчик на ноги, побегать ему захотелось. Тогда сшила ему мать кухлянку с женским узором. Позволила мальчику подле землянки играть.

Светлое детское личико нежным было, никто не догадывался, что женщина приказ Канаагутуха нарушила. Мальчик рос, подрастал.

Однажды решил Канаагутух пройтись по своему селению — посмотреть, хорошо ли работают его рабыни, нет ли среди них ленивых. Вдруг видит: играет девочка, детские дротики в цель мечет. Удивился Канаагутух — девочки в такие игры не играют, для мальчиков эта игра. Однако не остановился, дальше пошел. Скоро забыл про это.

А мальчик все растет, выше становится, плечи его вширь раздаются. Мать ему женские подвески к ушам подвесила, косы заплела по-девичьи.

Сколько времени прошло, не знаем. Только опять ребенок Канаагутуху на глаза попался. Девочка птицу камнем на лету сшибла. Ловко! Даже взрослой женщине так широко руку от плеча не размахнуть. Птица сразу на землю упала, девочка ее подхватила, унесла в землянку. Задумался Канаагутух: не нравится ему эта девочка!

На следующий же день Канаагутух прямо к той землянке направился. Смотрит: девочка силки ставит, и ладно так — опытный охотник позавидовал бы!

Канаагутух в землянку зашел, сказал матери:

— Я по дрова собрался. Твою дочь себе в помощницы возьму.

Испугалась женщина, да плакать не смеет. Слезы проглотила, ответила:

— Как скажешь, так будет!

А сыну своему, девочкой одетому, потихоньку костяной клин за пазуху сунула.

Вышли на морской берег Канаагутух и девочка. Недолго искал Канаагутух то, что ему было нужно. Большое бревно, неизвестно откуда волнами принесенное, бурей к берегу прибитое, увидел. Канаагутух это бревно с комля начал колоть. Когда расщепил, сказал:

— Эй, девочка, зайди-ка с этого конца, придержи руками щель, пока я с того конца колоть буду.

Девочка сделала, как он велел. Канаагутух в тот же миг сильным ударом топор вышиб — девочку в бревне зажало. Засмеялся Канаагутух, сказал:

— Когда кончишь рубить дрова, домой возвращайся!

Повернулся и пошел в селение. Идет, усмехается:

«Мальчик ли, девочка ли, пускай попробует из этого толстого бревна выбраться».

А мальчик всадил костяной клин в раскол бревна, что его крепко сдавило, изогнулся, схватил камень, начал клин забивать.

Шире и шире щель становится, уже дышать легче, уже чуть-чуть повернуться можно. До тех пор камнем по клину бил, пока бревно надвое не расколосось.

Взвалил мальчик обе половинки бревна на плечи, поволок в селение. Там у большой хозяйской юрты на землю бросил, крикнул:

— Эй, Канаагутух! Вот дрова, что ты на морском берегу оставил.

Канаагутух заскрежетал от злости зубами. А мальчик-девочка к матери отправился.

Трех дней не прошло, опять явился Канаагутух к женщине.

— Иду на скалы — яйца кайры собирать. Дочку твою, пожалуй, возьму, пусть приучается к делу.

Мать из землянки ему крикнула:

— Хорошо, хорошо, сейчас девочку одену!

Сама торопится, сыну под кухлянку нежный гагачий пух подсовывает. Потом вывела его.

— Очень толстая у тебя девочка, — говорит Канаагутух. — Видно, слишком много еды вам даю!

Пришли на морской берег, на высокие прибрежные скалы взбираются. Доверху долезли, Канаагутух сказал:

— Вон сколько зеленых, в черных пятнах яиц кайры на уступе нанесли! Не ленись нагибаться — голова не отвалится, спина не переломится!

Мальчик низко нагнулся, зазвенели девичьи подвески. А Канаагутух сзади подкрался, столкнул его вниз.

Сорвался мальчик с высокой скалы и вскрикнуть не успел. Падает, ударяясь об острые камни. Да мягок пух птицы гаги — кухлянку порвал, а сам даже не ушибся.

Канаагутух ему вслед не посмотрел, спустился по другой стороне скалы. Идет в селение довольный.

«Теперь-то, — думает, — я с ним справился!»

Вечером сидел на камне подле юрты, отдыхал. На душе у него легко — некого бояться. Зато его

самого все боятся! Вдруг смотрит: идет к нему мальчик в девичьей одежде, в подоле кухлянки кайриные яйца несет.

— Эй, Канаагутух, — говорит, — может, тебе покажется, что мало яиц, да больше в подоле не умещается. Если хочешь, завтра сам иди собирай!

Сдвинулись у Канаагутуха брови, лицо потемнело. На глазах растет враг! И никак от него не избавиться!

Назавтра позвал мальчика с собой на тюлений промысел. Мать сына недолго собирала, даже порванную кухлянку зашить не успела. Только сунула ему в рукав остро отбитый каменный нож да иголку из рыбьей кости с жильной ниткой.

Лежбище тюленей на пустынном острове было. Канаагутух с мальчиком на большой байдаре[78] туда поплыл. Много тюленей набили. Потом Канаагутух велел мальчику таскать тюленей в байдару. Мальчик всех тюленей перетаскал, одного в куче морской капусты, морем на берег выкинутой, спрятал.

— Ну, все, что ли? — Канаагутух кричит.

— Все! — отвечает мальчик.

Тут Канаагутух вскочил в байдару, оттолкнулся, веслами замахал.

«Наконец-то, — думает, — я его перехитрил!

Пусть попробует с пустынного острова до меня добраться!»

Стоит мальчик на каменистом берегу, Канаагутуху вслед смотрит. Гнев заставляет его сердце о ребра колотиться, а страху в нем ни капельки нет.

Скрылась вдали байдара. Мальчик принялся за дело. Спрятанному тюленю ножом, что мать дала, брюхо разрезал, снял с него шкуру. Отрезал кусок сала, с этим салом в шкуру тюленя забрался, зашил ее изнутри, поближе к берегу перекатился.

Начался прилив, подхватили шкуру с мальчиком волны, унесли в открытое море. Сколько мальчика так носило, ему не сосчитать — темно ведь в тюленьей шкуре, не понять, когда день ночью сменяется, ночь днем становится.

Наконец прибило его к берегу. Лежит тюлень на песке, не разберешь — живой ли,дохлый ли. Как раз в это время девушка из тех мест плавник для очага собирала. Увидела тюленя, обрадовалась.

«Жиру натоплю, — думает. — Будет зимой и тепло, и светло!»

Каменным ножом разрезала тюленю шкуру на брюхе. Тут и выскочил из нее мальчик. Да не мальчик уже — юноша! Сильный, красивый. Вырос он, пока по волнам его носило.

Юноша девушке понравился, и она ему приглянулась. Повела девушка его в свою юрту. Сшила ему хорошую мужскую одежду. Скоро замуж за него вышла.

Спокойно бы юноше жить с молодой женой, а он не спокоен. Мать ему жалко. «Как она там без меня живет?» — думает. И злой обидчик, Канаагутух, из памяти не идет. Кто ему за все отомстит?

Юноша в первый же день, только в юрту жены вошел, заметил орлиную шкуру. Висела она над головами посреди юрты, расправив широкие крылья.

Спросил у жены. Она ответила:

— Орел — покровитель нашего рода. Дед мне говорил: когда он был маленьким, и тогда эта шкура здесь висела. И еще он говорил: если придет беда, враг нападет, надень орлиную шкуру — она поможет.

Хорошо, место у нас глухое, мирное, на нашу сторону чужие редко забредают.

Снял юноша шкуру, на себя надел. Орлиную силу почувствовал, сразу захотелось ему ввысь взлететь. Расправил руки-крылья, сильными лапами от земли оттолкнулся, над юртой три круга сделал. Опустился, жене сказал:

— Однако, хорошо получается. Надо опять попробовать!

В этот раз схватил когтями камень весом с малого ребенка, стал с ним в небе кружиться. Опять опустился — камень побольше, весом с подростка, поднял. С ним полетал. Три дня набирал силу, к высоте приучался. Потом сказал жене:

— Теперь к матери отравлюсь. С Канаагутухом рассчитаюсь. А ты меня жди, думаю, вернусь скоро.

Прилетел к далекому мысу, где селение Канаагутуха стояло. Опустился на сторожевую скалу, с которой и сушу, и море далеко видно. С этой скалы когда-то дозорные вдаль смотрели: не плывут ли вражьи байдары, не показался ли в море косяк рыбы, не подбираются ли с суши чужие воины. И орел своими зоркими глазами при свете заходящего солнца все оглядел.

Вон большая юрта Канаагутуха, из ее дымового отверстия сизые клубы валят — это женщины-рабыни своему хозяину ужин варят. Над землянками тонкие дымки вьются. Только над одной землянкой, над его родной землянкой, воздух прозрачен — не горит там огонь.

«Жива ли мать?» — думает.

Снял орлиную шкуру, под большим камнем спрятал. Темноты дождался, пошел к своему жилищу.

Жива его мать, оказывается. Только постарела от горя, от голода иссохла. Не кормил ее совсем Канаагутух. Тем и жила, что на берегу морем выброшенную рыбу подбирала.

Не сразу узнала мать сына. Он к ней со словами приветов подходит — она в страхе к стене прижимается. Когда наконец поверила, что сын живой вернулся, заплакала. Слезами радости заплакала.

Захотелось ей получше сына разглядеть. Взяла она зажигательную дощечку, зажигательную палочку, в углубление дощечки сухой трухи насыпала. Начала ладонями палочку быстро вращать. До тех пор крутила, пока из-под палочки огонек не родился. Этим огоньком фитиль в жирнике [\[79\]](#) зажгла.

Сидят мать с сыном рядом, друг на друга смотрят. Сын рассказывает — мать слушает. Мать рассказывает — сын слушает.

Увидел Канаагутух, что в ненавистной ему землянке свет появился, прислал женщину узнать, зачем жирник зажгла. Мать женщине ответила:

— Изголодалась я совсем. Один из ремешков, на которых дверь держится, срезала, жарю его на жирнике.

Успокоился Канаагутух, спать лег. А мать с сыном всю ночь проговорили. Под утро сын сказал:

— Когда солнце взойдет, беги к Канаагутуху — скажи, что море двух китов выбросило.

С такими словами из землянки вышел, к сторожевой скале отправился. Орлиную шкуру надел, орлом закружил над морем. Высмотрел двух китов, убил одного, убил другого. Притащил в бухту на мелководье, положил хвостами вместе, головами врозь. А сам на сторожевую скалу сел, ждет.

Только солнце взошло, мать орла побежала к Канаагутуху.

— Вставай, Канаагутух! В нашу бухту двух китов принесло. Лежат на мелководье хвостами вместе, головами врозь.

Выскочил Канаагутух из юрты, увидел китов, обрадовался: большое богатство — два кита! А женщине сказал:

— Убирайся вон! Я этих китов раньше тебя приметил.

Надел Канаагутух шапку из моржовых кишок, созвал всех женщин селения, велел им в байдары садиться — китов разделывать. Сам на берегу стоит, приказы отдает, на женщин покрикивает. Вышла на берег и мать юноши-орла. Канаагутух ее к китам не подпустил: побоялся, что она кусочек китового мяса под кухлянку спрячет.

Вдруг со сторожевой скалы слетел орел, вырвал из китового бока большой кусок мяса, бросил к ногам матери. Канаагутух это увидел, подбежал к женщине, ударил ее по руке, оттолкнул. В тот же миг на него орел камнем сверху пал, схватил сильными когтями, понес над морем.

— Ауага! — закричал Канаагутух. Так всегда люди кричат в сильном испуге.

Орел его над волнами несет. Канаагутух орла молит:

— Спусти меня на берег! Я тебе половину моих женщин-рабынь отдам! Я тебе новую, крепкую байдару подарю. Одного кита себе возьмешь. Пожалей меня!

Орел отвечает:

— А в тебе самом жалости сколько? Жалел ли ты мальчика, когда в бревне его зажал? Жалел ли, когда со скалы столкнул или когда на пустынном острове одного бросил? Зачем же мне тебя жалеть?

Поднялся высоко и разжал когти. Три раза Канаагутух в воздухе перевернулся. Зеленые волны с головой его накрыли, в темную воду навсегда он ушел.

А орел снизился, над головами женщин круг сделал, крикнул им:

— Китового мяса надолго вам хватит! Еще что понадобится, в юрте Канаагутуха возьмете! Мужей себе найдите, живите хорошо!

Перед матерью орел опустился, подставил ей спину. Села мать между могучими крыльями, и полетели они.

Низко-высоко летели, близко-далеко летели, добрались до того берега, где молодая жена своего мужа ждала.

Хорошо все зажили.

Орлиную шкуру опять посреди юрты повесили. Кому она еще понадобится, кто знает?

ВОЛШЕБНЫЙ КАМЕНЬ АХАНРАБО

Узбекская сказка

Перевод Н. Ивашева

давние времена жили в одном кишлаке мать с сыном.

— Сынок, — сказала однажды мать, — вот тебе деньги, сходи на базар, купи хлеба.

Взял мальчик деньги и вышел на улицу.

На перекрестке ребяташки мучали маленького тощего котенка.

Мальчику стало жаль котенка. Он сказал:

— Эй, ребята, продайте мне котенка!

— Бери, — ответили ребята.

— А сколько вам заплатить за него?

— Дай сколько хочешь.

— Вот, получайте!

Отдал мальчик ребяташкам деньги, прижал котенка к груди и вернулся домой.

— Принес? — спрашивает, у него мать.

— Принес, только не хлеб, а котенка, — отвечает мальчик.

— Как же так, сынок?

Мальчик и рассказал матери, как было дело.

— Ничего, матушка, — прибавил он, — обойдемся один день без хлеба.

На второй день мать дала сыну денег и послала его к мяснику за мясом.

Идет мальчик по улице и видит: толпа ребяташек окружила жалкого, дрожащего щенка и швыряет в него камнями.

Стало мальчику жалко щенка.

— Эй, ребята, — сказал он, — продайте мне этого щенка!

— Бери.

— Сколько вам заплатить за него?

— Дай сколько хочешь.

— Вот, получайте!

Ребята отдали мальчику щенка, и он вернулся с ним домой.

— Ну, принес мяса, сынок? — спрашивает мать.

Мальчик сказал:

— Не сердитесь, матушка: на те деньги, что вы мне дали, я купил щенка.

Огорчилась мать:

— Ах, сынок, кое-как мы собрали денег на кусок мяса, а ты вместо мяса купил щенка! Зачем он нам, бедным людям? Ведь его и кормить-то нечем!

— Ничего, матушка, обойдемся без мяса. А щенка как-нибудь прокормим.

На третий день мать дала сыну еще немного денег и велела купить сала.

Пошел мальчик на базар. Смотрит: на улице ребята мучают мышонка, попавшего в мышеловку.

— Эй, ребята, не продадите ли мышонка? — спросил мальчик.

— Продадим.

Отдал им мальчик деньги, взял мышонка и вернулся домой.

— Ну, сынок, принес сала? — спрашивает мать.

— Простите, матушка, — ответил мальчик и рассказал, как он купил мышонка.

Мать очень любила сына, а потому и на этот раз не стала его упрекать.

Прошло немало дней. Мальчик стал юношей, щенок стал собакой, котенок — котом, а мышонок — мышью.

Однажды поймал юноша в реке рыбу. Он очистил рыбу и внутренности бросил собаке. Собака стала есть и нашла в рыбьих внутренностях сверкающий, как солнце, камешек. Увидел юноша камешек и замер от радости: ведь это был волшебный камень аханрабо!

Положил юноша камешек на ладонь и сказал:

— Аханрабо, накорми меня обедом!

Сказал он так, оглянулся — и рот раскрыл от удивления: перед ним на дорогой скатерти появились такие вкусные и такие редкостные кушанья, каких он и во сне никогда не видел.

Побежал юноша к матери, показал ей свою чудесную находку. Обрадовалась мать, и стали они с того времени жить, не зная нужды.

Как-то раз довелось юноше увидеть в городе необыкновенную красавицу.

«Я обязательно должен жениться на ней!» — решил юноша и рассказал о своем решении матери.

— Ах, сынок мой! — сказала ему мать. — Ведь она дочь хана, а мы бедные люди! Зачем нам такое родство? Я и сватать ее не пойду!

— Нет, вы должны пойти! — упрашивал юноша. Мать долго отказывалась, но потом согласилась.

— Так и быть, — сказала она, — пойду. Только все равно никому еще в ханском дворце не было счастья...

На следующий день рано утром хан вышел из своего дворца, смотрит: перед входом уже чисто подметено и все кругом старательно прибрано.

На второй день смотрит хан: опять перед входом во дворец кто-то подмел и прибрал.

Удивился хан и решил поставить на ночь перед дворцом стражу.

На рассвете стражники поймали и привели к хану мать юноши, которая каждую ночь ходила подметать у входа в ханский дворец.

— Скажи мне, зачем ты так делаешь? — спросил хан.

— Я хочу присватать вашу дочь за своего сына — бедного юношу, но не смела прийти прямо к вам, — сказала женщина, — да меня бы и стража не пропустила!

В гневе хан приказал тут же казнить дерзкую. Но визирь, что сидел по правую руку хана, дал ему совет:

— Зачем казнить бедную женщину? Потребуйте от нее чего-нибудь невыполнимого, она и сама перестанет ходить во дворец.

Хан согласился с визирем и сказал:

— Иди, передай своему сыну: пусть пришлет мне выкуп за дочь — сорок верблюдов, груженных золотом!

«Откуда нам взять столько золота?..» — подумала бедная женщина. Огорченная, вернулась она домой и рассказала сыну, что потребовал от нее хан.

— Не огорчайтесь! — успокоил мать юноша.

Сказал он только одно слово волшебному камню аханрабо — и наутро к бедной хижине старухи, вытянувшись в ряд, подошли сорок верблюдов, груженных золотом.

— Матушка, отведите верблюдов хану, — сказал сын.

Подивилась мать и повела верблюдов с золотом к ханскому дворцу.

Изумился хан, но тотчас же приказал:

— Иди, скажи сыну: пусть построит для невесты дворец из чистого золота. Тогда и о свадьбе можно поговорить.

Мать огорчилась еще больше, вернулась к сыну и рассказала ему о новой прихоти хана.

Сын говорит:

— Не огорчайтесь, будет и дворец из чистого золота!

Шепнул юноша два слова волшебному камню аханрабо — и за ночь на берегу реки появился прекрасный дворец из чистого золота. Такого дворца еще никто не видал на свете.

Мать пришла к хану и говорит:

— Великий хан, дворец готов! Пойдите посмотрите!

Вышел хан вместе с визирями, увидел золотой дворец и даже рот разинул от удивления.

Теперь уже хан не мог отказаться от своих слов. Он устроил пышную свадьбу и выдал дочь за юношу.

А в ханском дворце жила старуха — злая колдунья.

Решила она выведать, как это юноша сумел за одну ночь выстроить такой прекрасный дворец из чистого золота.

Колдунья пришла проведать дочь хана и уговорила ее выспросить все у самого юноши.

Стала ханская дочь расспрашивать мужа. Юноша ей и рассказал:

— У меня есть волшебный камень аханрабо. С его помощью я могу получить все, чего только ни

пожелаю.

— Где же ты хранишь камень аханрабо? — спросила жена.

— Я храню его во рту, под языком, — ответил юноша.

К узбекской сказке «Тахир и Зухра».

На другой день ханская дочь все передала колдунье.

Колдунья дождалась ночи. Когда юноша крепко уснул, она вынула у него изо рта волшебный камень.

— Эй, аханрабо, — приказала она, — перенеси золотой дворец вместе с ханской дочкой прямо ко дворцу хана! А бедняка оставь одного там, где он раньше жил.

В тот же миг золотой дворец и ханская дочь очутились возле дворца хана.

Утром проснулся юноша, открыл глаза и увидел, что он по-прежнему один в своей бедной хижине. Возле него сидит и плачет его мать, а из угла поглядывают на него кошка, собака и мышь.

— Горе мне! — воскликнул юноша. — Пропал мой волшебный камень! Что же мне теперь делать?..

Кинулся он грудью на глиняный пол и горько-горько заплакал.

Собака, кошка и мышь пожалели своего хозяина. Стали они думать: «Что бы нам такое сделать? Как бы горю помочь?»

Вдруг собака залаяла, кошка замыкала, мышь запищала. Все вместе они выскочили из хижины и исчезли.

Целый день бежали собака, кошка и мышь, не отдыхая, и под вечер добрались до ханского сада. Смотрят: за стенами сияет золотой дворец их хозяина.

— Надо нам пробраться в золотой дворец! — решили собака, кошка и мышь.

Но все ворота были крепко заперты, а стены вокруг дворца высокие — ни перелезть, ни обойти.

Стали собака, кошка и мышь держать совет, как быть.

Мышь проворно заработала лапками, потом взялась за дело кошка, а за нею — собака. Дружными усилиями они скоро прокопали проход под стеной.

Первой пролезла в него мышь, за ней — кошка, а собака осталась сторожить подкоп под стеной.

Мышка с кошкой стали обходить все покои дворца и наконец зашли в одну комнату. Здесь спала сама ханская дочка. Рядом с ней дремала колдунья. Губы ее были крепко-накрепко сжаты.

Умная мышка тотчас догадалась, что волшебный камень аханрабо лежит у колдуньи под языком. Осторожно подкралась мышка, распрямила хвост и принялась щекотать им в носу у колдуньи, как соломинкой.

«Апчхи!» — чихнула колдунья и широко открыла рот. Камень аханрабо выскочил у нее изо рта, и кошка в тот же миг подхватила его.

Пока колдунья приходила в себя, мышка и кошка со всех ног пустились к тому месту, где их ждала собака. Схватила собака камешек в рот, и они побежали обратно, домой.

А в ханском дворце поднялся шум:

— Лови! Держи!

Но никто даже и не подумал, что волшебный камень аханрабо лежит под языком у какой-то бродячей собаки.

Скоро собака, кошка и мышка добежали до берега реки.

— Через реку камешек понесу я, — сказала кошка.

— Нет, — ответила ей собака, — ты плохо плаваешь, еще утонешь вместе с ним.

Мышь тоже хотела нести камень аханрабо.

Долго они спорили, но собака переспорила всех, и камень аханрабо остался у нее.

Пошли они через реку вброд. Вдруг собака увидела в воде свое отражение, приняла его за другую собаку да как гавкнет:

— Ррр-гав!

Волшебный камень аханрабо выскользнул у нее из-под языка и упал в реку. В тот же миг большущая рыба проглотила его и уплыла.

— Говорила я, что не тебе надо было нести камень! — сказала кошка.

Но что теперь ни говори, словами делу не поможешь.

Неподалеку было рыбацье селение. Собака, кошка и мышка поселились здесь, бродили каждый день около рыбаков и все чего-то ждали.

Как-то раз поймал один рыбак большую рыбу. Разрезал ее и выбросил внутренности. Собака и кошка стали их есть. И вдруг кошка громко мяукнула от радости: в рыбьих внутренностях она нашла какой-то камешек. Это был волшебный камень аханрабо!

Не раздумывая долго, собака, кошка и мышка что было сил побежали к своему хозяину. Мать юноши увидела их и вскрикнула:

— Смотри, сынок! Прибежали твои собака, кошка и мышь!

Юноша поднял голову.

Кошка, мурлыча, вскочила к юноше на колени и выпустила изо рта камень аханрабо.

Увидел юноша волшебный камень, взял его и сказал:

— В жизни я не забуду такого доброго дела!

— А мы всю жизнь готовы служить тебе, ведь ты спас когда-то нас от смерти! — ответили ему собака, кошка и мышка.

Тогда юноша положил камешек на ладонь и приказал:

— Эй, аханрабо, я хочу, чтобы золотой дворец снова оказался здесь!

Не успел он произнести эти слова, как перед ним появился золотой дворец, а в нем — хан, ханская дочь, злая колдунья, стража и палачи.

Тогда сказала юноше мать:

— Не надо нам, сынок, ни золотого дворца, ни хана с его палачами, ни ханской дочки с ее колдуньей.

— Правильно! — согласился юноша.

Тут же отдал он приказ камню аханрабо — и все сразу исчезло: и дворец, и хан, и ханская дочь.

Говорят, женился юноша на дочери садовника и до конца своих дней жил счастливо. А вместе с ними жили собака, кошка и мышь.

ДЕРЕВЯННЫЕ НЕВЕСТЫ

Ительменская сказка

Пересказ для детей Н. Гессе и З. Задунайской

ил когда-то охотник Кутха из рода вóрона. Была у него жена Мита, два сына и дочь. Ходил Кутха зверя промышлять, рыбу ловил — хорошо жили.

Однажды отправился Кутха на морской берег сивучей бить. Их лежбище далеко было, за ручьем, что в море впадал. Под вечер только к тому месту добрался и заночевал там.

К утру поднялся сильный ветер. Морской вал запер воду в ручье, забурлила вода, разлилась широко. Был ручей — стала река, не перейти ее. На лодке бы переехать, да лодки у Кутхи нету. Худо! Придется ждать-пережидать, пока ручей в берега войдет.

И сивучей нет. Видно, в море ушли. Сидит Кутха, скучает, делать ему нечего. Тут как раз волны выбросили на берег большую деревину, прямо к ногам Кутхи ее подкатило. Вынул Кутха нож, стал ножом баловаться.

Ковырнул раз, ковырнул два — глаза получились. Обтесал сучок — нос торчит, прорубил щель — вот тебе и рот, с губами, с зубами.

— Однако, хорошая игрушка выходит! — сказал себе Кутха. — Надо ее как следует сделать.

Принялся острым лезвием осторожно водить. Тонкую стружку снимает раньше, чем нож в дерево воткнуть примерится. Целый день провозился. К вечеру смастерил. Ай да Кутха, молодец! Какую красивую девушку из деревины вырезал!

Ночь проспал. Наутро смотрит — ручей еще больше вздулся, еще шире разлился. Хорошо, жена Мита Кутхе в мешок еды с запасом положила.

Поел Кутха. По берегу походил — нет сивучей, как не бывало. Зато еще одно бревно волной на берег выкинуло.

— Эх, сделаю вторую девушку, чтоб первая не скучала!

И опять за нож взялся. Целый день трудился, будто жизнь свою спасал. Кто ему велел, кто заставлял? Сам себе велел, своя охота заставляла!

К вечеру вырезал девушку, может, лучше первой, может, не лучше. Обе красивые! Словно родные сестры, друг на друга похожи. Кутха им даже имена дал. Ту, которую вчера вырезал, Синанэвт назвал, которую сегодня — Амзaráкчан.

И на следующий день не пришлось Кутхе домой вернуться — все ручей не пускал. Скучно ему. Посмотрел он на свои игрушки, вздохнул, сказал:

— Вот две девушки передо мной, а поговорить не с кем!

— С нами поговори! — девушки сказали.

Удивился Кутха, обрадовался. Значит, хорошо он их вырезал, если ожили! Поговорил он с девушками, еду последнюю из мешка вынул, на три части разделил: одну себе взял, две перед ними положил.

— Ешьте! — говорит.

— А как есть? Мы не умеем, — отвечают девушки.

Кутха их есть научил, ходить научил, плясать научил. День до вечера совсем незаметно прошел. Стемнело. Кутха девушкам говорит:

— Спите!

И сам заснул.

Утром проснулся, видит: ветер улегся, море успокоилось, ручей в берега вернулся. Домой идти можно. Кутха собрался, пошел. На прощанье девушкам сказал:

— Вы тут живите. Я к вам скоро приду.

— Скорей приходи! — девушки ответили.

И правда, не долго ждали. Прибежал Кутха, принес им всякой еды. Накормил, поиграл с ними.

Так вот и повелось у Кутхи: день-два поохотится, на третий — к своим игрушкам, деревянным девушкам, идет. Жена его Мита сердиться стала:

— Куда надолго уходишь? Где пропадаешь? Еды с собой много берешь, добычи мало приносишь!

Кутха ничего не ответил, опять уходит. А Мита еще больше злится, еще громче его ругает. Кутхе это не нравится, он тоже сердится. На жену рассердился и на девушек рассердился:

— Я вот вас кормлю, а жена меня ругает! И зачем я вас сделал?!

Обиделись деревянные девушки. Та сестра, что на один день старше, сказала младшей сестре:

— Не ешь его еду.

— Не стану есть, — говорит младшая.

Кутха испугался:

— Ешьте, ешьте!

— Не будем, — отвечают. — Есть твое не будем и играть с тобой не будем!

К ним шел Кутха хмурый, как туча с дождем, назад возвращался мрачный, как туча с громом.

А девушки, едва Кутха ушел, принялись ягоду голубику собирать. Собирают ягоды, одну к другой кладут. Столько набрали, что сложили большого кэлеюнгэ-кита.

Лежит голубичный кит — как настоящий, только плавниками не шевелит, хвостом не бьет. Сказали ему сестры:

— Мы сами деревянными были — живыми стали. Оживи и ты, голубичный кит!

Тут кит плавниками забил, хвостом шевельнул. Сели на него сестры и уплыли в море.

Плывет кит по морю вдоль берега, мыс огибают, где Кутха живет. Мита увидела, Кутхе закричала:

— Смотри, муженек! В море кэлеюнгэ-кит плывет! Кто-то на спине у него сидит.

Кутха выскочил, посмотрел — и правда, кто-то у кита на спине сидит.

«Не деревянные ли это мои девушки-игрушки?» — подумал и к ручью побежал.

Нет там девушек. Значит, они это были. Досадно стало Кутхе. Его игрушки, сам их сделал, а они ушли, не сказали, не спросились! Как же найти их теперь?

А кэлеюнгэ-кит все плывет. В открытое море ушел.

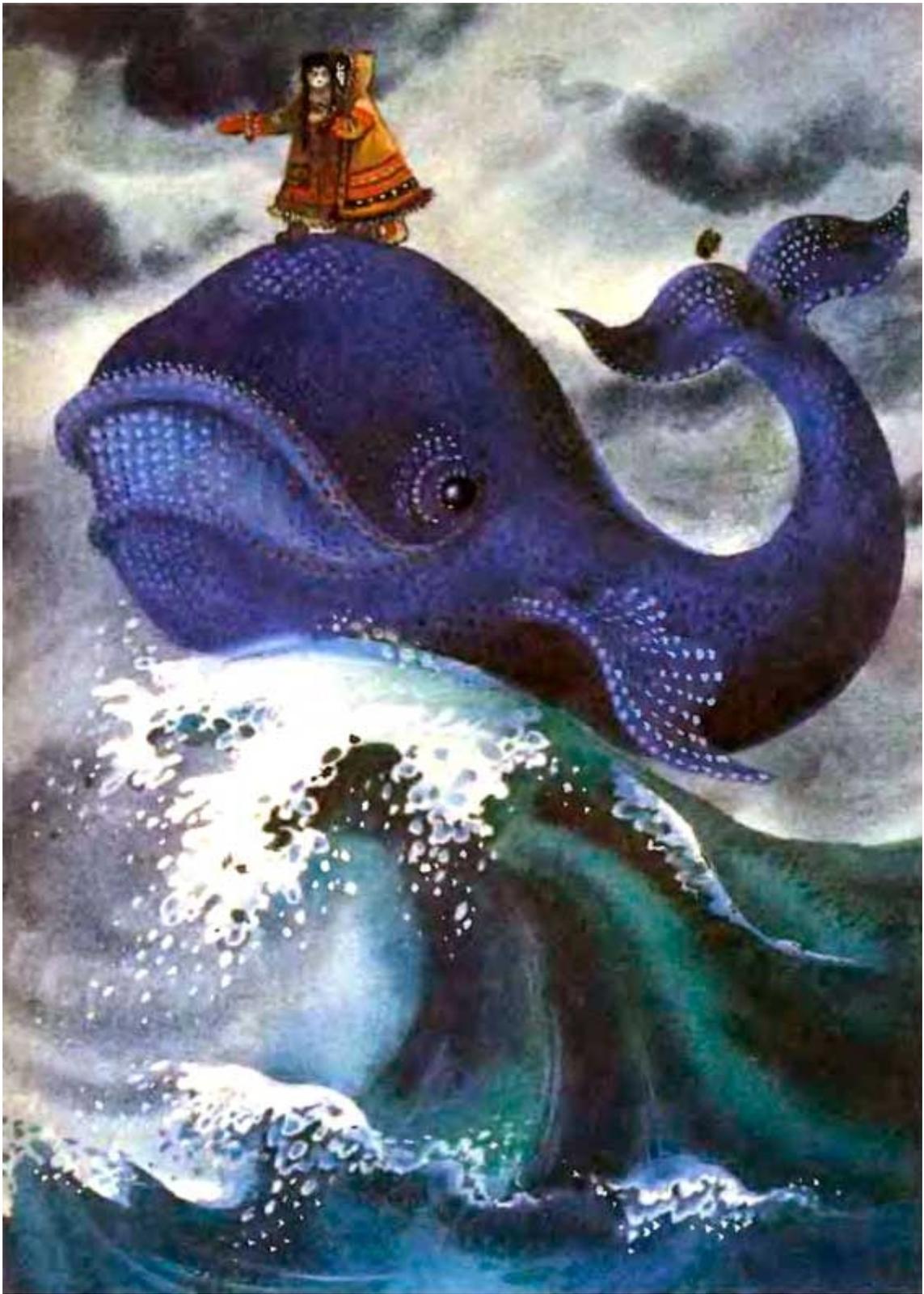
— Земли отсюда не видать, — сказала старшая сестра младшей. — Пойди к голове кита. Она высоко над водой вздымается — может, оттуда прибрежные скалы увидишь.

Пошла Амзarakчан на голову кита, как на гору, взобралась. Осмотрела все кругом — нет суши ни вблизи, ни вдали.

Сколько-то еще плыли. Пошла старшая сестра Синаневт к хвосту кита. И оттуда земли не увидала.

— Неужели мы водяными девушками, морскими женщинами стали? — говорят друг другу сестры.

Но тут буря поднялась, ветер с открытого моря к берегу задул. Понесло кэлеюнгэ-кита к земле. Быстро понесло. Не успели девушки бури испугаться, как большая волна кита на сушу выбросила. Рассыпался кит — раскатилась ягода голубика по каменистому берегу. Ту ягоду сестры потом долго меж камней собирали и ели.

К ительменской сказке «Деревянные невесты».

Они на этом месте жить остались. Пустынное здесь место было. Никого кругом — ни зверя, ни человека. Скучно девушкам, о чем говорить, не знают — много ли они в своей короткой жизни видели. Молчать еще скучнее.

— Помнишь, Кутха рассказывал, что людям сны снятся? — говорит старшая сестра.

— Помню, помню! — говорит младшая. — Если сладкую траву кипрей под голову положить, плохие сны снятся, а траву шикшу положить — хорошие.

— Давай и мы так сделаем, — сказала старшая, — увидим сны, друг другу рассказывать будем.

Синаневт себе кипрей под голову положила, Амзаракчан — шикшу. Утром проснулись, одна кричит:

— Я расскажу!

Другая кричит:

— Я расскажу! Мне хороший сон снился.

И принялась рассказывать. Приснилось ей, будто они с сестрой тучками стали. По небу плывут, на

землю смотрят. Видят, как охотники за зверем гонятся, как люди в лодках рыбу ловят, как женщины хворост собирают, как играют дети.

— И правда, хороший сон тебе, Амзarakчан, приснился, веселый! — сказала Синаневт и начала свой рассказывать.

Приснилось ей, будто она снова деревом стала, в лесу растет. Все понимает, а с места не сдвинуться. Ноги-корни глубоко в землю ушли. Руки-ветки под ветром колышутся, а сами ни до чего дотянуться, ничего взять не могут.

— Видишь, какой плохой сон мне приснился! — говорит. — Теперь я шикшу под голову положу, а ты — кипрей.

Ночь проспали, утром опять одна другой сны рассказывают.

Амзarakчан вот что увидела. Сидят два вороненка в гнезде. Уже подросли, крылья у них окрепли. Хотят из гнезда вылететь, а старый ворон их не пускает. Крыльями бьет, когтями царапает. И еще смеется над воронятами: «Кар-р, кар-р» — клюв разевает до самой глотки.

— Не нравится мне твой сон, — сказала Синаневт. — Жалко воронят. Зато я хороший сон видела. Вот послушай. Будто кругом меня люди. Я огонь развожу, огня не боюсь. Пищу готовлю в котле. Вода кипит, булькает. Пар под котлом вкусным пахнет, вкуснее той еды, что Кутха нам приносил.

— Правда, хороший сон! — сказала Амзarakчан. — Знаешь, Синаневт, давай обе будем одни хорошие сны видеть. И ты, и я станем шикшу подкладывать под голову.

— Ладно, — согласилась сестра.

Только не пришлось им больше друг другу сны рассказывать. В этот же день много такого случилось, что и во сне не приснится.

С одного края леса выбежал на полянку олень, с другого края выскочил медведь. Стали они биться. Олень старается крепким копытом медведя ударить, рогом его пропороть. Медведь на задние лапы вздыбился, ревет, норовит оленю хребет сломать.

Синаневт и Амзarakчан за кусты спрятались, к дереву прижались. Смотреть страшно и глаз оторвать нельзя.

Рассказывать долго, а недолгой битва была. Упали на землю медведь и олень. Мертвыми упали. Олень медведя острым рогом пронзил, медведь оленя тяжелыми когтистыми лапами задрал.

Девушки к мертвым зверям подошли. Амзarakчан говорит:

— Жалко мне оленя!

— И медведя жалко, — говорит Синаневт. — Только знаешь, сестра, может, это к лучшему. Зима уже настала, мы с тобой замерзнем. Давай шкуры с них снимем, выскоблим, себе жилище сделаем.

Амзarakчан сняла шкуру с оленя, скоблит, трудится. Синаневт медвежью шкуру сучком вспорола, тоже скоблить принялась. Вдруг разом обе подняли головы, прислушались: кто-то идет, снег скрипит у кого-то под ногами.

— Кутха это! — закричала Синаневт. — Давай спрячемся под шкурами, чтобы он нас не узнал.

Натянули они на себя шкуры. Синаневт — медвежью, Амзarakчан — оленью. Кутха на поляну вышел, увидел медведя, испугался и убежал.

Сестры одни на поляне остались. Посмотрела Синаневт на Амзarakчан: не младшая сестра перед ней, а легконогий олень с ветвистыми рогами. Посмотрела Амзarakчан на Синаневт, видит: не сестра это, а

большая злая медведица. Страшно ей стало.

Медведица кричит:

— Убегай поскорей! А то брошусь на тебя, загрызу. Я и вправду медведицей сделалась!

Олень-Амзarakчан закинула рога на спину, помчалась прочь. Копыта ее искры из камней высекают. Широкий круг обежала и назад вернулась — жалко с сестрой расставаться.

Глядит: медведица-сестра веревку из морской травы себе на шею накинута, другим концом к дереву привязалась. На веревке вокруг дерева ходит, на младшую сестру — оленя зубы злобно оскалила.

— Зачем вернулась?! — рычит. — Я тебе сказала: прочь уходи!

Опять убежал олень. Совсем убежал в тундру. Мимо мыса, где жил Кутха, быстрее птицы пронесся. Никто его не заметил, только младший сын Кутхи, Сосыльхан, увидел. И людям рассказал.

Люди живо на охоту собрались. Запрягают в легкие нарты ездовых оленей. И Сосыльхан у своего отца Кутхи оленей просит. А Кутха из рода ворона оленей не дает да еще над сыном смеется:

— Куда тебе с людьми! Неловкий ты! Охотиться еще не научился!

Нет оленей — Сосыльхан двух мышат поймал и запряг их в корытце. Сам в корытце сел, лук со стрелами на колени положил, мышат вперед погнал. Увидели это люди, хохочут-надрываются:

— Далеко ли на мышатах уедешь?

Сосыльхан молчит, мышата во всю мочь несутся. Меж скал на морском берегу оленям не пройти, объезжать надо. Сосыльхановы мышата всюду пролезают, корытце через любую расселину протаскивают. Сосыльхан первым в тундру выехал, первым оленя увидел. Натянул лук, пустил стрелу с кремневым наконечником — убил оленя.

Тут только люди подъехали на своих нартах, видят: Сосыльхан хочет оленя пластать. Не дали ему, сами вынули ножи. Начали пластать — не могут: ножи ломаются. Тогда Сосыльхан со своим ножом к оленю подступил. Едва разрезал шкуру на брюхе, оттуда, как из воды, красавица девушка вышла.

Люди девушке говорят:

— На какие хочешь нарты садись!

Она мимо всех нарт прошла, у Сосыльханова корытца остановилась, сказала:

— Он меня добыл, с ним и поеду!

Только села в корытце — корытце нарядными нартами сделалось, мышата пестрыми оленями обернулись. Сорвались с места, понеслись. Люди со стыдом сзади тащатся.

Сырú, сестра Сосыльхана, смотрит в окно: снег метет. Выскочила, воду носит, сухую траву запасает. Ой, пурга идет, сколько дней выйти нельзя будет!

А это и не пурга вовсе. Это Сосыльхан со своей невестой домой едет. Снег из-под копыт его оленей в стороны летит, за нартами метелицей завивается.

Кутха гостей на свадьбу сына созвал. Много людей пришло. Звери из тундры, из леса прибежали, птицы прилетели, рыбы к мысу подплыли. Сыру, сестра Сосыльхана, сказала:

— Брат мой лучше всех мужчин на свете, и жена его, Амзarakчан, как месяц блестит, как солнце сияет!

А Кутха на жену сына смотрит, молчит — то ли узнал свою игрушку, то ли не узнал деревянную девушку, сам знает, ничего не говорит.

По-хорошему зажили Сосыльхан и его жена. Однако замечает Кчиллю, старший брат Сосыльхана, что грустна молодая женщина, плачет втихомолку, вздыхает.

— Что с тобой? — спрашивает. — Какое горе тянет?

— По сестре горюю, скучно мне без нее.

— А где же твоя сестра?

— Медведицей она стала. Чтобы никому зла не причинить, привязала себя к дереву, сидит на морском берегу одна.

Кчиллю к отцу своему, Кутхе, пошел — оленей просит. Кутха не дает:

— Нечего без дела оленей гонять! Дома сиди.

Тогда Кчиллю по следу младшего брата отправился. Поймал двух мышат, в корытце запряг, к морскому пустынному берегу упряжку направил.

Люди из селения Кутхи увидели это, говорят:

— Недаром Кчиллю на мышатах куда-то собрался. Видно, за дорогой добычей. Поедем и мы за ним.

Запрягли в нарты оленей, поскакали. Обогнали мышиную упряжку, раньше Кчиллю на морской пустынный берег успели. Увидели большую медведицу на веревке у дерева. Стали в нее стрелы пускать. Отскакивают от нее стрелы, разбиваются каменные наконечники. Кончились у охотников стрелы, а подойти к медведице, схватиться с ней боятся.

Тут как раз Кчиллю приехал. Одну только стрелу пустил — упала медведица мертвой. Бросились охотники к убитому зверю. Вынули ножи — шкуру с него снимать. Все ножи переломали, ничего сделать не могут. Кчиллю подошел, ножом прикоснулся, шкура под лезвием сама надвое распадается. Едва брюхо надрезал — оттуда, как из воды, красавица девушка вышла.

Люди закричали:

— К нам садись! На наши красивые нарты! Девушка мимо всех нарт прошла, у мышинной упряжки остановилась, сказала:

— Кто меня добыл, с тем и сяду!

Села в корытце. Уже не корытце это, а нарядные нарты. И не мышата в них запряжены, а быстрые ездовые олени. Разом олени с места сорвались, далеко позади себя все упряжки оставили.

Вдоль селения олени Кчиллю несутся, из-под копыт снег летит, за нартами метелицей завивается. Жена Кутхи, Мита, своей дочке говорит:

— Эй, Сыру, пурга идет! Наноси воды, сухой травы натаскай! Сколько дней из дому выглянуть нельзя будет!

Вышла Сыру, но воды носить не стала, не стала таскать сухую траву. Недолго ждала — показались над поземкой ветвистые рога ездовых оленей. Остановилась упряжка у самого дома. Это старший ее брат Кчиллю молодую жену привез!

Посмотрела Сыру, сказала:

— У младшего брата, Сосыльхана, жена красивая, а у старшего, Кчиллю, вдвое красивее. Мне бы такой быть!

Тут выбежала из дому Амзarakчан, бросилась к Синаневт. Обнялись сестры, от радости засмеялись, потом заплакали, потом опять засмеялись. Так, смеясь и плача, в дом вошли.

Опять Кутха гостей созвал. Люди пришли, звери прибежали, птицы прилетели, рыбы приплыли. Ели, пили, веселились, жену Кчиллю хвалили.

А когда разошлись все, Кутха спросил у жен сыновей тихонько, чтобы никто больше не слышал:

— Вы зачем от меня убежали?

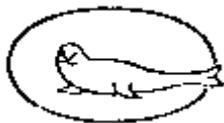
Ответили сестры:

— Ты нас из дерева вырезал, мы живыми стали. А ты с нами как с игрушками играл, от людей прятал, едой попрекнул.

Стыдно сделалось Кутхе, он голову опустил. Потом сказал:

— Однако, хорошо вышло. У сыновей моих теперь красивые жены есть.

Все вместе зажили. Счастливо жили.

ГОВОРЯЩИЙ ВЕРБЛЮД

Туркменская сказка

Пересказ А. Александровой и М. Туберовского

«**Т**де вода, там и жизнь» — так говорит народ. Но если вода бьет тебя по плечам, стекает за ворот халата и, сбивая с ног, несется навстречу бурным потоком, не рад будешь и воде.

Ярты́ был еще далеко в поле, когда небо закрыла большая черная туча. Мальчик заторопился к дому. Он изо всех сил погонял своего старого верблюда, но старый верблюд не умел скакать, и ливень застал малыша на дороге. Ударил гром, а степь превратилась в бурное море. Такого дождя Ярты никогда еще не видел. Он сразу промок до нитки и, вцепившись в спину верблюда, со страхом думал:

«Если дождь сбросит меня на землю, я утону в бурных потоках и никогда больше не увижу ни матери, ни отца».

Надо было спастись. Ярты собрал все свои силы и пополз по длинной шее верблюда. Он знал, что делал: добравшись до головы животного, он спрятался на своем любимом месте — под мягким верблюжьим ухом. Тут ему было тепло, как в отцовской кибитке. Так доехал Ярты до аула. Дождь прошел, но малышу не хотелось вылезать из своего укрытия: отсюда, как с башни высокого минарета^[80], он видел все на много километров вокруг.

Навстречу бежал мальчишка. Это был незнакомый мальчишка из другого аула, и поэтому Ярты его не окликнул. Мальчик увидел, что верблюд идет один, без хозяина, и подумал:

«Этот верблюд заблудился. Если я его поймаю и приведу к себе во двор, я приведу домой целое богатство».

Он подбежал к животному и ухватился за повод, но тотчас же из головы верблюда раздался таинственный голос:

— Эй, ты, не тронь чужую скотину!

Мальчик так испугался говорящего верблюда, что поскользнулся и упал в жидкую грязь. Потом он вскочил и бросился бежать без оглядки.

Он бежал и кричал:

— Помогите! В верблюда вселились джинны!

Эти крики услышал старый звездочет. Он слышал и голос Ярты-гулока и тоже подумал, что старый верблюд наделен волшебной силой. Он очень обрадовался, потому что давно уже искал какое-нибудь чудо, чтобы удивить им своего владыку — грозного хана. Звездочет схватил верблюда за повод и потащил прочь из аула.

Ярты испугался и закричал:

— Эй, дядя, оставь скотину! Не тронь того, что тебе не принадлежит!

Но мальчик кричал напрасно: звездочет не слушал его, он даже радовался, что чудесный верблюд умеет не только разговаривать, но и сердиться.

Последние годы звездочет не был в почете у хана. Был он лекарем и толкователем снов во дворце владыки, но от его лекарств хану становилось только хуже, а все его предсказания никогда не сбывались. В конце концов хан рассердился на звездочета и прогнал его из своего дворца:

— Глупый колдун, уходи и не смей возвращаться, пока не покажешь мне настоящее чудо!

С тех пор прошло много лет, но сколько старик ни искал чуда, нигде не находил. Он исхудал, халат его износился, а чалма стала похожа на старое решето. Вот почему так обрадовался ханский колдун, встретив говорящего верблюда. Он так обрадовался, что даже не шел, а бежал, шлепая по грязи босыми ногами, чтобы скорее порадовать своего владыку и снова войти к нему в милость.

— О великий хан! — кричал звездочет на всю пустыню. — Ты будешь доволен своим слугой! — И он скакал, как резвый козел, по скользкой, грязной дороге. — О грозный хан! С утра и до ночи ты будешь беседовать с говорящим верблюдом, а я, твой старый звездочет, буду опять лежать на мягких подушках и кушать жирный плов обеими руками!

Так рассуждал колдун сам с собою, и Ярты слышал каждое его слово. Мальчик не на шутку перепугался: ему вовсе не хотелось попасть во дворец грозного хана, но не мог же он убежать и оставить своего верблюда в руках чужого человека!

«Будь что будет! — подумал малыш. — Чтобы сохранить верблюда, придется мне познакомиться с самим ханом. Настоящий богатырь не то что от хана — из-под земли выйдет на свободу!»

Так они подошли к высокой глинобитной стене, окружавшей ханский дворец. Стены были украшены башнями, а на башнях стояли ханские воины и во все глаза смотрели на дорогу. Но звездочет даже не взглянул на них. Он гордо поднял голову, и медные ворота дворца раскрылись перед ним.

Звездочет вошел в первый двор. Здесь у коновязи стояли ханские красавцы кони, а вокруг коней суетились разодетые слуги. Но и на них не посмотрел гордый звездочет. Он еще выше поднял голову, и вторые — серебряные — ворота распахнулись перед ним.

Он вошел во второй двор. Посреди двора бил высокий фонтан. В самые знойные дни здесь царил прохлада. В этом дворе сидели советники хана и играли в кости, ожидая приказаний владыки. Они с удивлением посмотрели сперва на звездочета, потом на его верблюда, но старик не удостоил их даже взглядом. Тогда два черных раба подбежали к старику и закричали:

— Почтенный хаджи и великий мудрец! Одежда твоя покрыта грязью, а твой верблюд — не убежал ли он с живодерни? Как предстанешь ты в таком виде пред светлые очи хана?

Но звездочет оттолкнул рабов. Он подошел к третьим — золотым — воротам, ударил в них своей палкой, и третьи — золотые — ворота широко распахнулись.

Он вступил в ханский сад. Сад был украшен цветами, беседками и фонтанами. Посреди сада, на лужайке, окруженной тремя арыками^[81], под тенью виноградных листьев на высоких, шитых золотом подушках, сидел грозный хан — владыка и повелитель, милующий и карающий. Хан беседовал со своими приближенными, и знатные визири слушали его, разинув рты и боясь пропустить хотя бы одно ханское слово — так они трепетали перед ним.

Старый колдун не осмелился нарушить эту беседу. Он стал в стороне со своим чудесным верблюдом, ожидая, пока многомудрый владыка кинет на него свой благосклонный взгляд. Конечно, тут же был и Ярты-гулок, он выглядывал из верблюжьего уха и с любопытством рассматривал хана. А так как ему было нечего делать, он стал слушать, о чем они говорят.

Самый старший визирь поклонился хану и сказал:

— Светоч милости, бездна добродетели и мудрейший из людей, умудренный самой мудростью! Приклони свое ухо к словам преданного слуги. Весной тает снег на горных вершинах, он наполняет водой все реки, а последний дождь сделал нашу реку еще полноводней. А вода, ты знаешь, вода — это золото! Она даже дороже золота! Зачем же она течет на поле дайхан? Вели преградить реку высокой плотиной, отведи воду — и золото потечет в твои сундуки!

Ярты-гулок испугался, услышав о злом замысле старшего визиря. Он понимал, что без воды не вырастут у отца на поле ни пшеница, ни хлопок, и что за горсть воды дайхане станут рабами жестокого хана.

Хан же был очень доволен и воскликнул:

— Эй, мой визирь! Сегодня ты сказал мудрое слово. Я соберу в свою сокровищницу все богатства моей страны и богатства соседних стран. Пусть будет по-твоему: созови всех рабов и пленников и прикажи им день и ночь строить плотину на нашей реке. — И хан от радости так ударил в ладоши, что все сорок колец на его руках зазвенели, как колокольчики.

Визирь поклонился хану в землю и бегом бросился исполнять его приказание.

И вдруг верблюд закричал:

— Остановись, визирь-ага[82]! Остановись сейчас же, или произойдет большое несчастье!

И визирь в изумлении остановился, а хан чуть не упал с парчовых подушек. Его приближенные схватились за бороды и застонали, качая головами:

— Вах, вах, уж не джинн ли забрался во дворец великого хана?

Но старый звездочет вышел вперед, поцеловал землю у ног владыки и торжественно произнес:

— О величайший из великих и мудрейший из мудрых! Я исполнил твое желание и привел к тебе на поводу настоящее чудо. Вот мой говорящий верблюд, равного которому нет под солнцем!

Но хан не сразу поверил звездочету. Тогда старый колдун прибавил:

— Поговори сам с этим мудрым животным, и ты убедишься, что в моих словах нет ни тени лжи!

И хан благосклонно кивнул головой. Но он не знал, с чего начать беседу: каждый день говорил он с советниками и мудрецами, но разговаривать с верблюдом ему еще ни разу не приходилось. Наконец он робко сказал:

— О умнейший из верблюдов, подойди поближе и дай нам насладиться твоей мудрой беседой!

Но верблюд не подошел. Он издали поклонился хану и учтиво промолвил:

— Эй, мой хан, ты одет в шелк, а твои советники — в бархат. Недостоин я подойти к тебе без попоны.

Тогда хан еще больше удивился и велел покрыть верблюда своим самым лучшим парчовым халатом.

Учтивый верблюд ответил:

— Благодарю тебя, щедрый хан! Теперь, когда мое исхудалое тело покрыто попоной, я могу приблизиться к тебе и сказать, что я не тот, за кого меня принимают, а ты говоришь не с тем, кого видишь, смотришь не на того, кто с тобой говорит!

Хан ничего не понял из того, что ответил ему верблюд, но, пораженный мудростью животного, воскликнул:

— Кто же ты?

Ярты не растерялся и ответил за верблюда:

— Я — знаменитый ученый, математик, строитель дворцов и целитель болезней! Знания мои я получил от отца моего отца, а отец моего отца получил их от отца своего отца, а отец отца его отца...

Верблюд говорил очень долго, так долго, что хан даже задремал, но он не посмел перебить хотя бы словом поток красноречия ученого верблюда. Когда же верблюд закончил свою речь, хан воскликнул:

— О премудрый! Я не знаю, кто был твой отец, и отец твоего отца, и отец отца твоего отца, но я вижу, что все они были великими мудрецами. Почему же ты стал верблюдом?

И верблюд ответил:

— Повесть моей жизни длинна и печальна, как дорога пустыни. Тысячу лет назад я строил хрустальный мост от земли до неба. Я строил его для злой и коварной волшебницы — пери. Но однажды я поссорился с ней, и она превратила меня в верблюда. Однако я сумел сохранить все свои знания и свою мудрость и сейчас, грозный хан, хочу предостеречь тебя от больших несчастий!

Так сказал верблюд, и хан затрясся от страха. Он вскочил с парчовых подушек и закричал:

— Говори, мудрейший, всю правду и ничего не бойся!

Верблюд ответил:

— Не строй плотины, как советует тебе коварный визирь! Помни: прежде чем войти в твое ханство, твоя река протекает через много земель и царств и повсюду теряет воду. Не в твоих землях надо строить плотину. Ее надо строить там, где снега питают реку, — на вершинах высоких гор. Вот тогда ты завладеешь всей водой под солнцем и, не вынимая меча из ножен, победишь всех владык вселенной!

Верблюд закончил говорить и поклонился хану, а хан обнял его колючую шею и поцеловал верблюда прямо в губы. Однако премудрому верблуду такой поцелуй пришелся не по вкусу. Он закричал, замотал головой и хотел уже брыкнуться, но Ярты вовремя крикнул ему: «Хык-чек!» — и премудрый верблюд опустился на колени перед растроганным ханом.

— Да будет так! — сказал хан.

Но тут поднялся старший визирь. Он испугался, что у хана появился новый любимец, и зашипел, как ядовитая змея:

— Позволь же спросить тебя, о чужеземный мудрец, кто, кроме орлов, может подняться к снежным вершинам — туда, где наша река берет свое начало?

— Я, — спокойно ответил верблюд. — Я, который построил хрустальный мост для пери, дворец из птичьих косточек — для добрых джиннов, беседку из огненных языков — для царя шайтанов! Я построю плотину в высоких горах и всю воду отведу во владения великого хана.

Визирь замолчал, а хан за такую услугу стал предлагать премудрому верблуду несметные сокровища. Но верблюд гордо ответил:

— Мудрецы не нуждаются в подарках. Оставь свои сокровища при себе, я и без них построю плотину. Дай мне на дорогу только мешок рису и бурдюк [\[83\]](#) масла и жди моего возвращения тридцать три года и тридцать три дня. Я вернусь в пятницу после большого дождя.

— Да будет так! — сказал благодарный хан, и тотчас же слуги нагрузили верблюда рисом и маслом и даже повесили ему на шею золотой колокольчик, хотя ученый верблюд упорно отказывался от такого подарка.

Потом хан и все его визири и приближенные проводили говорящего верблюда за ворота и,

вернувшись во дворец, стали ждать обещанной пятницы после большого дождя. Но дожди над песками выпадают редко, даже очень редко, и поэтому долго и очень долго пришлось ждать хану возвращения говорящего верблюда.

А вода по-прежнему текла к бедным аулам. Она журчала в быстрых прозрачных арыках, и каждую весну зеленели на полях пшеница и хлопок. Зеленели, потому что «где вода, там и жизнь», как говорит старинная мудрость.

Так я сказал, а что не сказал — другие придут и скажут.

ГОРНАЯ КРАСАВИЦА

Нивхская сказка

Пересказ для детей Н. Гессе и З. Задунайской

Бедный старик и бедная старуха одни жили. У старика уже сил нет на охоту ходить, вот в юрте и еда у них не каждый день. Одежда вся истрепалась, даже шапка у старика и та рваная.

Однажды пошел старик к реке рыбу ловить. На крючок он ее ловил. Два раза наживку менял, крючок пустой вытаскивал. Хотел уже домой возвращаться, да подумал:

«Дома старуха сидит голодная. Попробую еще разок!»

Попробовал. Будто что-то поймалось, руку дергает. Вытащил он большого сазана. Хотел его колотушкой оглушить, да вдруг увидел: не простая эта рыба — чешуя у нее лежит не от головы к хвосту, а от хвоста к голове.

— Эге! — сказал старик. — Не буду ее убивать. Рыбу с обратной чешуей сам никогда не видал, а люди, говорят, видели, только поймать не могли. Говорят, волшебная эта рыба. Отнесу ее старухе, что она скажет, то и сделаю.

Принес сазана старухе. Старуха сначала испугалась.

— Не водяного ли черта принес? — спросила.

— Пожалуй, не черта, — старик отвечает. — Еще от деда я слышал: хорошо такого сазана поймать, что хочешь попросить у него можно.

— Тогда попросим сына! — сказала старуха.

Старик для рыбы сруб сделал. Большой кедр свалил, из его толстых веток сложил этот сруб. С почетом посадил туда рыбу с обратной чешуей, сказал на прощанье:

— Сына мы у тебя просим!

Сам со старухой в юрту пошел, спать легли. Старик заснул, старухе не спится. Чуть рассвело, она к срубам побежала. Рыбы сазана там нет — спит в срубе мальчик в красивой одежде и лицом красивый. Обрадовалась старуха, побежала будить старика.

— Вставай скорее! — кричит. — Сын у нас появился.

Тут и сам мальчик в юрту вошел.

— Отец, мать! — так заговорил. — Будем теперь вместе жить. Свою мать-рыбу я в реку выпустил, как она велела.

Стали вместе жить. Хорошо им живется. Рыбы много, мяса много — все сын добывает.

Так время идет. Подрос мальчик, парнем сделался.

Однажды говорит он старику:

— Пора мне жениться, отец. В соседнее большое селение иди, дочь богача за меня посватай.

— Хорошо, пойду, — старик отвечает.

Два дня до соседнего селения шел. Пришел в богатую юрту, сказал богачу:

— Дочь свою за моего сына не отдашь ли?

— У нее спросим, — богач отвечает.

Посадил старика на ковры позади себя, в ладоши хлопнул, крикнул:

— Эй, рабы, дочь мою позовите!

Пришла дочь. Не красивая, не плохая — гордая очень.

Отец ей говорит:

— Посмотри на того, кто позади меня сидит. Пойдешь ли за его сына замуж?

Глянула дочка, усмехнулась. Резной березовой ложкой по колену себя ударила, вскричала:

— Не ровня мне! — и из юрты вышла.

Богач тоже усмехнулся, старику так сказал:

— Слышал, что дочка говорит? — Опять в ладоши хлопнул, рабы прибежали. — Этого старика из юрты выкиньте, пинками прочь гоните. В другой раз будет знать, в какой юрте искать своему отродью невесту!

Заплакал от обиды старик, плача домой пришел, сыну все рассказал. А сын смеется:

— Поешь, отдохни! Завтра опять пойдешь.

Старик говорит:

— Зачем пойду? Снова обиду терпеть?

Сын отвечает:

— Не бойся! Теперь все по-другому будет.

Наутро взял старую палку, легонько о шест юрты ударил — сделалась палка серебряной палицей. Потом старую шкуру встряхнул — в соболью шубу она превратилась. Сын ее на отца набросил, серебряную палицу в руку дал. Опять старик в соседнее селение отправился.

В юрту богача вошел. Богач узнал ли гостя, не узнал ли, вскочил, кланяться начал — такой богатой шубы он никогда не носил, такой серебряной палицы сам никогда в руках не держал. Дорогого гостя справа от себя перед очагом посадил, дочку позвал.

Вошла дочка, богач ей говорит:

— Посмотри на того, кто справа от меня сидит. Посмотрела дочка, улыбнулась. Богач опять ей говорит:

— Пойдешь ли за его сына замуж?

— Выполню твою волю, отец! С радостью пойду.

Старик поднялся.

— Что ж, — говорит, — вернусь домой, скажу своему сыну, что согласны вы. Нас ждите, скоро вместе придем.

Спешил старик радостную весть сыну принести, от быстрой ходьбы даже задохнулся. Выслушал все сын, опять засмеялся:

— Пусть ждут теперь, сколько терпения хватит. Я себе такую невесту найду, чтобы не за соболю шубу замуж шла, а за меня самого.

На другой день стал собираться. Новую рубаху надел, красный халат надел, поверх черный, нерпичью юбку надел, много узорные наколенники, мягкие сапоги с пестрыми голенищами... Вышел из юрты, копьё на весу держит, лук на перевязи несёт. Слетела с дерева кукушка, на плечо его села. Так, с кукушкой на плече, в путь отправился парень. Куда, зачем идет, сам не знает: то ли на охоту, то ли невесту искать.

Рано вышел, солнце еще только восходит, на своей золотой цепи в небо только начинает подниматься. Наш парень на цепь восходящего солнца забрался, по цепи идет. Потом гора впереди показалась. Дошел до нее, кукушке сказал:

— На лысую ее вершину подниматься не буду, тут останусь.

Спрыгнул с цепи солнца, на половине горы оказался. Огляделся: кругом деревья, чуть повыше ключ из-под камней бьет, от него ручей вниз бежит. Место пустынное — видно, люди здесь не живут, а зверей должно быть много.

— Что ж, поохочусь! — наш парень сказал.

Первым делом поставил себе берестяную юрту, чтобы было откуда уходить, куда приходить. Из камней очажок сложил.

Потом пошел на птиц и на зверя силки-ловушки настораживать. Много насторожил. Под вечер к своему месту вернулся, начал для очага дрова рубить. Тут его кукушка — она неподалеку на дереве сидела — три раза прокуковала.

«К чему это она кукует?» — наш парень думает.

Кукушка умолкла — женский голос послышался.

— Вот к чему куковала! — сказал себе парень.

Поющий голос сверху доносится, все ближе и ближе с горы спускается. Смотрит наш парень: с резным коромыслом на плече женщина к ручью идет, поет. Вот уже шум ее одежд, звон побрякушек слышен. Ой-ой, украшений на ней как много, ой-ой, как наряды ее богаты! Ой-ой, сама какая красавица! Черные брови как два соболя, ресницы что кисточки на ушах зимней белки, две косы — два хвоста черно-бурой лисицы. Стоит парень, дрова бросив, на топор опершись, смотрит, как она с горы спускается, как она к ручью подходит, как воду берет.

Вот взяла воду, ведра к коромыслу прицепила... Сейчас уйдет!..

Наш друг топор отбросил, к ней подбежал. За руку красавицу схватил — сам своей смелости испугался, глаза зажмурил. Держит ее за руку, уйти не пускает. Долго так стоял. Когда открыл глаза, увидел, что ухватился за сломанный сук ели, а та женщина с коромыслом, та красавица со множеством звенящих украшений уже высоко в гору поднялась, только голос ее поющий издали доносится.

Вернулся парень к своему месту, дров колоть не стал, огня не разводит, пищу не варит. Лег в берестяной юрте, не спит — утра ждет.

Утром ловушки осматривать не пошел, от ручья боится отойти: может, женщина опять за водой придет. Весь день прождал, все у кукушки спрашивал, увидит ли сегодня красавицу. Ничего ему кукушка не отвечала. А когда солнце за гору зашло, без его вопроса-вопроса, сама опять три раза прокуковала.

Замолчала кукушка. Тут снова красавицы поющий голос послышался. Как вчера, она спустилась к ручью, воды набрала, полные ведра на берег поставила. Не уходит. Трубку длинную вынула, увешанный цепочками кисет достала, набрала табак, огонь кремнем высекала, закурила.

Смотрит на нее наш друг, думает:

«Сердце у меня надвое разорвется, если не обниму ее, если слова любви ей не скажу!»

Начал к ней подкрадываться, как песец к куропатке. Она в его сторону головы не поворачивает, курит свою трубку, задумалась. Вот совсем близко подобрался, обнял ее. Рванулась женщина из его рук, так рванулась, что оба они в ручей упали. Однако наш друг красавицу не выпустил, еще крепче ее к груди прижал. Хотел ей в глаза заглянуть — тут и увидел, что не женщину он обнимает, а белый камень на дне ручья.

Кое-как выбрался на берег. Слышит: женщина уже на горе ведрами позвякивает, опять свою песню поет. Не побежал за ней парень. Рассердился, обиделся. В берестяной шалаш забрался, мокрую одежду у огня сушиться развесил.

— Уйду на рассвете! Для охоты себе другое место поищу. Мне ли, сыну матери-рыбы, ждать-томиться, от женщины насмешку терпеть!

Подсохла одежда, он в лес за ловушками пошел. Ничего в них не поймалось. Парень еще больше рассердился. Поснимал все ловушки, в берестяную юрту унес. Уходить решил, а беспокойно его сердце, все по красавице томится. Всю ночь не спит.

Только рассветать стало, трижды кукушка прокуковала. Парень ей крикнул:

— Что меня тревожишь? Кукуй не кукуй — не выйду! А выйду, так совсем уйду!

Отвернулся к берестяной стенке, глаза закрыл — перед собой притворяется, что заснуть хочет.

Вдруг за юртой дужки ведер звякнули, украшения зазвенели. Тихо женщина вошла, у изголовья парня села.

Парень не поворачивается, ей говорит:

— Ты зачем пришла?

Она не отвечает. Сама спрашивает:

— Я сейчас воду из ручья брала, кукушка тебе весть подавала. Ты почему не пришел?

Вскочил наш друг:

— А ты зачем меня мучала? Глаза мне обманом застилала, насмехалась надо мной!

— Ты сам себя мучал, сам над собой насмехался! Я — вольная Горная женщина: когда полюблю, сама приду. Вот и пришла.

— Не нужна ты мне! — парень закричал. — Видеть тебя не хочу! Знать тебя не хочу! Ловушки мои из-за тебя пусты, дичь навстречу моим стрелам не бежит.

Тихо женщина из шалаша вышла. Тут парень заплакал:

— Что наделал?! Зачем прогнал? Свое счастье своими же руками оттолкнул!

Но не ушла красавица, за тонкой берестяной стенкой вздыхает. Потом такие слова выговаривать начала:

— Если бросишь, если уйдешь, о тебе лишь думать буду. Где твои ноги ступали, там и мои много раз пройдут. В ручей твоя тень падала, и сейчас она на воде лежит. У того темного места буду я пить. Из многих деревьев в лесу самое высокое далеко видно. Так и ты из всех людей самый лучший, самый красивый. Возьми меня с собой! Твоей сумкой с кремнем, что всегда у пояса висит, стать хочу. Веслом твоей лодки сделаться бы мне, стрелой в твоём колчане, узором на твоей одежде...

Тут не выдержал наш друг, забыл обиду, из шалаша выбежал, к ней подошел.

— Песня такая кем-то сложена? — спросил. — Или мне ты эти слова сказала?

Посмотрела на него красавица лукаво, ответила:

— Как твое сердце говорит, так и есть.

— Долго ли тебе собираться в путь-дорогу? — спрашивает парень.

— Так, как стою перед тобой, возьмешь?

— Возьму!

Пошли вдвоем. К старику и старухе пришли. Там жить стали. Женился наш друг на Горной женщине, и не было охотника удачливее его. Всякую дичь убивал, помногу добычи домой приносил.

ВСЕМОГУЩАЯ КАТГЫРГЫН

Чукотская сказка

Запись и обработка А. Лозневого

авно когда-то на Чукотке жила всемогущая Катгыргын.

Сказывали, будто Катгыргын на тысячи верст вокруг властвовала. Будто у нее такая тайная сила была — захочет, например, человека в зверя превратить — дунет, плюнет, и вместо человека какой-нибудь песец появится.

Где яранга ее стояла, никто не знал, но появлялась она всюду и много людям всякого зла делала. Придет, бывало, человек с охоты, свалит моржа с нарт и начинает его разделывать. Вдруг смотрит: под ножом у него не морж, а камень. А то еще, бывало, прибежит заяц к стойбищу и танцует, будто говорит: «Стреляйте в меня!» Схватят охотники ружья, нацелятся, глядь — а у них вместо ружей собачьи хвосты в руках.

А еще слух шел, будто служили у нее на посылках рыбка сайка, серый заяц, олень рогатый, волк зубатый, медуза скользкая, белая лисица, кайра — черная птица, северная березка да мох подснежный, что ягелем прозывается. И все эти слуги тоже тайную силу имели. Правда, они не во все могли превращать врагов своих, а только в самое безобидное для себя существо, и то раз в жизни — когда им самим смерть угрожала.

Так уж пожелала всемогущая Катгыргын.

Много слышал об этом охотник Тынэн, но не во все верил.

Однажды пришел он с охоты и говорит жене:

— Что ж ты, женушка, лежишь? Взяла бы хоть кухлянку починила. Видишь, вся в дырах.

— Возьми и почини, коли тебе охота!

— Устал я. Да и не мужское это дело...

— Ну, как знаешь, а мне спать хочется!

— Что же это такое? — удивился Тынэн. — Я продрог, хочу есть, а ты даже доброго слова сказать не желаешь.

Крепко поссорился охотник с женой и решил от нее уйти: не первый раз она так с ним обращается. «Все равно, — думает, — жизни не будет». Сунул кусок вяленого мяса за пазуху, вскинул ружье на плечо и пошел куда глаза глядят.

Долго ли, коротко шел, видит: перед ним ущелье. Слева и справа черные скалы стоят, острыми пиками небо подпирают. Черные тучи плывут над пиками. И тут как раз вечер спускается. Подумал Тынэн: «Куда в темноте идти — надо на ночлег устраиваться». Смотрит: пещера впереди. «Что ж, — думает, — зайду». Не успел, однако, и шага сделать, как из пещеры вышла старуха — худая, горбатая, нос крючком,

голова торчком, зубы, как клыки у моржа, длинные-предлинные.

— А-а, Тынэн!.. Давно тебя жду.

Удивился охотник: откуда она его имя знает? А старуха:

— Я все знаю!

И Тынэн понял, что попал он в лапы самой Катгыргын. Что ж ему теперь делать?

А она продолжает:

— Много у меня всяких слуг — и птицы, и звери, и растения разные, а человека нет... Слушай, охотник Тынэн, отныне ты будешь моим слугой. Будешь делать все, что я тебе прикажу!

— А если я не желаю? — сказал охотник и вскинул ружье.

— Ух ты, какой прыткий! — рассмеялась старуха. — Убить меня, что ли, хочешь?.. Да ты глянь, из чего стрелять-то будешь!

Глянул охотник: в руках у него вместо ружья палка, кривая, суковатая.

Замахнулся он палкой, да сразу и руки опустил. Ни с того ни с сего началась пурга, стало темно как ночью.

Зарылся охотник в снег, ждет, пока пурга стихнет, а она и не думает стихать, все сильнее разыгрывается. Ждал-ждал, видит — не переждать, поднялся и пошел домой. Долго ходил по глубокому снегу, но дороги в стойбище так и не нашел. Устал Тынэн, совсем из сил выбился, повалился в снег и заснул. А когда проснулся, видит: перед ним та же пещера, та же страшная старуха сидит, оленьими рогами волосы расчесывает.

— Ну как, охотничек, теперь согласен? — спрашивает.

Подумал охотник — выхода нет.

— Ладно, — говорит, — согласен. Только дай мне сначала поесть.

Тряхнула старуха волосами — и тут сразу оленья упряжка появилась. А в нартах всевозможные кушанья: и печенка тюленья, и оленина, и мясо вяленое, что копальхой [\[84\]](#) называется. Все перепробовал Тынэн, наелся досыта, запил чаем.

— Ну вот и хорошо, — говорит старуха. — Теперь я спать лягу, а ты никого ко мне не пускай. Пустишь — в ледяную сосульку превращу!

Стоит охотник, грустную думу думает: «Как мне отсюда вырваться?» Стоит думает, а в это время белый медведь к пещере подходит.

— Тебе что здесь надо? — спрашивает охотник.

— Хочу всемогущую Катгыргын видеть.

— Не пущу.

— Как это — не пустишь? Да ты знаешь, кто я такой? Я ее первый слуга!

— Кто б ты ни был, а иди туда, откуда пришел. Разозлился медведь, зубы оскалил, вот-вот на охотника набросится. Вскинул охотник ружье. Курки взвел...

— погоди, — говорит медведь, — не стреляй. — Да как рявкнет: — Будь ты зайцем!

И стал Тынэн зайцем.

Попрыгал у пещеры, попробовал ружье взять — ничего не выходит. И понял заяц, что у него теперь

одно спасение — ноги. Повернулся, сделал петлю и поскакал к стойбищу. Долго ли, коротко скакал, и сам того не заметил, как очутился возле своей яранги.

— Открой, жена, это я, твой муж, Тынэн!..

Выглянула жена из яранги да как захохочет:

— Видано ли, чтоб мой муж да был зайцем!.. Уходи, пока собак не спустила!

Испугался заяц, побежал в тундру. Там спокойнее. Долго бежал, проголодался, а вокруг ни травинки, ни листика, все белым снегом замело. Сел заяц и заплакал горькими слезами. Вдруг видит: там, где слезинки упали, снег растаял и мох ягель показался. Потянулся заяц к ягелю. Испугался ягель, что заяц его съест, да как крикнет:

— Будь ты тюленем!

И стал заяц тюленем. Лежит на снегу, о воде мечтает. А до воды не близко. Весь день полз. Дополз-таки!.. Плывет тюлень по морю, а впереди рыбка сайка играет. «Ага, — думает тюлень, — вот я и поем». Только за ней погнался, а она:

— Будь ты волком!

И стал тюлень волком. Бьет лапами по воде, того и гляди утонет. Но все-таки выбрался на берег. Стоит у камня весь в ледяных сосульках, дрожит, зуб на зуб не попадает. А в это время белая лисица бежит. Волк — за ней. Вот-вот нагонит, уже зубами хвоста касается. Но тут лисица свернула в сторону да как крикнет:

— Будь ты кайрой!

И сделался волк кайрой. Летит кайра над морем, еле на крыльях держится — так есть хочет. Заметила медузу — и к ней. А медуза:

— Будь ты оленем!

И стала кайра оленем. Плывет олень по морю, одни рога из воды торчат. Вот-вот утонет. Но, к счастью, море стало замерзать, и он по льду вышел на берег. Трясется от холода, страшно есть хочет, а вокруг пусто — только снег да скалы. И побежал олень в тундру. Бежит, а на пути северная березка стоит. «Дай-ка хоть коры поглодаю», — думает олень. И только прикоснулся к березке, а она как встрепенется:

— Будь ты человеком!

И стал Тынэн снова человеком.

Пришел домой, сел на медвежьих шкуры и про все, что с ним случилось, жене рассказывает.

— Много на свете, — говорит, — видел, а такого не приходилось.

— Ты еще не то увидишь!

— Как так? — удивился муж.

— А так! Я и есть всемогущая Катгыргын!

У мужа по спине мурашки поползли, но он виду не подает, головой мотает.

— Ни за что, — говорит, — не поверю, чтоб моя жена да была колдуньей! Катгыргын мухой может сделаться, а ты разве можешь?

— Не то что мухой — комаром сделаюсь!

И только эти слова произнесла, как на глазах исчезла. А в яранге вместо нее маленький комарик появился. Летает, зудит. Тынэн ему руку подставил: «Садись, попей крови».

Уселся комарик на руку охотника и стал свой тоненький носик в кожу втыкать, а охотник хлоп его — и раздавил.

С тех пор, говорят, и не стало всемогущей колдуньи на Чукотке.

ЗАВЕТ СУЛАЙМАНБАЯ

Киргизская сказка

Перевод М. Богдановой. Пересказ Н. Алембековой

давние-предавние времена жил на свете человек по имени Сулайманбай. У него был один-единственный сын. Отец желал ему счастья, учил уму-разуму, но тот не слушал советы отца.

Когда сын подрос, Сулайманбай сказал ему:

— Сын мой, я уже стар, и жить мне осталось недолго. Пока я жив, ты женись, но смотри не гонись за красотой, а выбирай себе девушку умную, с хорошим, добрым сердцем.

Сын не послушался отца. Однажды он заехал в соседний аил и, забыв наставления отца, женился на молодой вдове.

Вскоре Сулайманбай заболел. Почувствовав, что приближается час его смерти, он позвал к себе сноху и сказал:

— Ты стала женой моего сына, а жена должна быть верным другом. Обещай мне, что ты действительно останешься верной подругой ему, что бы с ним ни случилось.

Сноха пообещала. Тогда Сулайманбай снова обратился к ней:

— Теперь я доверю тебе свою тайну: во дворе нашего дома зарыт богатый клад. Сын мой молод, его окружают разные люди — и добрые, и злые. Может случиться, что у него не останется ничего, чтобы прокормить тебя и себя. Вот тогда-то клад выручит вас из беды. А пока об этом никому ничего не говори.

Вскоре Сулайманбай умер.

Коварная сноха затаила мысль при первом же удобном случае забрать драгоценный клад и уйти от своего мужа. После смерти Сулайманбая некому было удерживать его сына от дурных поступков. Он стал пить еще больше, да и неверная жена поощряла его в этом. Скоро ничего не осталось от того богатства, какое оставил ему отец.

Тогда жена стала искать повода для ссоры.

— Ты промотал все деньги, — говорила она мужу, — теперь нам остается только умереть с голоду. Продавай дом отца, иначе я от тебя уйду!

Муж подумал немного и согласился. А она опять к нему:

— Дом надо продать богачу Байболу, он даст больше других. Поди позови его к нам, а я приготовлю угощение.

Муж привел Байбола, и жена стала угощать. Но тут сын Сулайманбая заметил, что жена подмигнула гостю. Почувствовав недоброе, он решил притвориться пьяным.

Как только жена увидела, что муж опьянел, она тихо обратилась к Байболу:

— Я уговорила мужа продать наш дом. Ты непременно купи его. Денег не жалеяй, потому что во дворе этого дома зарыт богатый клад. Муж мой об этом не знает.

Байбол попросил ее показать клад. Она повела его к тому месту двора, где хранился клад, выкопала его — и перед глазами гостя засверкали золото и драгоценности.

Муж незаметно следовал за ними и, когда увидел утаенные от него богатства, тогда только вспомнил наставления своего отца, которыми пренебрег. «Разве добрая и верная жена оставила бы меня в бедности?» — подумал он с горечью, тихонько вернулся на свое место и притворился спящим. Скоро вернулась и его жена с Байболом.

— Ты заставь мужа завтра же продать дом, — говорил богач, — я его куплю, потом женюсь на тебе.

На следующий день мужчины стали сговариваться о цене. Сын Сулайманбая запросил за дом десять тысяч рублей и месяц сроку, пока подыщет себе новое жилье. Байбол, ни слова не говоря, отсчитал ему деньги и согласился ждать месяц, так как был спокоен за сохранность клада.

После этого сын Сулайманбая отправился к другу своего отца и попросил его одолжить несколько верблюдов. Той же ночью он выкопал клад, навьючил на верблюдов золото и драгоценности, а пустое место заложил гнилой соломой и навозом. Вскоре он поселился в доме друга своего отца, а жена его осталась на старом месте и вышла замуж за Байбола.

Тем временем Байбол, рассчитывая на клад, стал безудержно тратить свои деньги. Он проигрывал их, пока у него не скопилось долгов больше, чем волос на голове.

Тогда Байбол решил выкопать клад, но на месте клада нашел лишь гнилую солому и навоз.

В ярости он избил жену и пошел жаловаться судье на сына Сулайманбая. Судья позвал всех троих, выслушал их и говорит:

— Когда один из вас продавал, а другой покупал, то ведь речь шла о доме, а не о том, что зарыто во дворе этого дома. По условию ты купил дом, — обратился судья к Байболу, — и ни на что другое не имеешь права.

Обозленный вернулся Байбол домой, схватил жену за косы, привязал к кобылице и погнал лошадь по камням и колючкам.

А друг Сулайманбая оставил при себе его сына. Он женил его на своей дочери — доброй и умной девушке. И стали они жить счастливо и богато.

Прошел год, и сын Сулайманбая стал просить тестя отпустить его в город поторговать. Тесть снарядил его в дорогу и отправил с попутным караваном[85].

Идет караван дни и ночи, идет через степи и безводные пустыни. И вот однажды караван-баши говорит:

— На расстоянии полдня пути отсюда находится юрта. Когда мы подъедем к ней, из нее выйдет старуха и предложит нам переночевать. Никто не соглашайтесь. Эта старуха — колдунья.

Так и случилось, как говорил караван-баши. Только доехали до юрты, как вышла древняя старуха, пригласила их остановиться и переночевать. Никто из спутников не согласился, только сын Сулайманбая остался у старухи. Она сделала вид, что обрадовалась гостю: забегала, засуетилась, вскипятила чай и поставила угощение.

Когда стемнело, старуха внесла в юрту зажженную свечу. В другой руке у нее была кошка.

— Моя кошка до самого рассвета будет держать в лапах эту свечу и светить тебе, — сказала она.

Сын Сулайманбая рассмеялся и не поверил ей. Тогда старуха говорит:

— Давай поспорим с тобой: если кошка продержит до рассвета свечу в лапах — ты отдашь мне свои деньги, если же нет — я заплачу тебе ровно столько, сколько у тебя есть.

И он согласился.

Старуха сунула свечу в лапы кошке, и та продержала ее до рассвета.

Пришлось сыну Сулайманбая отдать старухе свои деньги.

Решил он не возвращаться домой. Стыдно ему было перед своей доброй женой и другом своего отца. Чтобы не умереть с голоду, сын Сулайманбая нанялся работником в чайхану.

Вернулись купцы домой и обо всем рассказали другу Сулайманбая. Как о родном сыне горевал он о своем зяте:

— Не денег жалко, а его самого. Где-то он сейчас? Сыт ли? Здоров ли?

Проходили дни, месяцы. Вот уже и несколько лет прошло, а сын Сулайманбая все не возвращался домой. Затосковала жена его и стала уговаривать отца отпустить ее на поиски мужа.

После долгих уговоров согласился отец отпустить дочь в далекий город. Он дал ей денег на сто верблюдов и отправил с попутным караваном.

Молодая женщина оделась в мужскую одежду и, захватив с собой выкормленную ею мышку, отправилась в путь.

Шел караван дни и ночи через степи и безводные пустыни, и вот показалась юрта старухи. Торговцы, не задерживаясь, прошли мимо, а молодая женщина отстала от каравана и зашла в юрту.

Обрадовалась старуха, забегала, засуетилась, вскипятила чай и поставила угощение. Вечером принесла зажженную свечу и говорит гостю:

— Вот эту свечу моя кошка продержит до рассвета в своих лапах.

Молодая женщина сделала вид, что не верит ей. Тогда старуха предложила поспорить: кто проиграет, тот уплатит за сто верблюдов. Притащила она кошку, сунула ей в лапы зажженную свечу, а сама села в сторонке.

В полночь молодая женщина незаметно выпустила мышку. Как только кошка увидела мышь, глаза ее разгорелись, она бросила свечу и кинулась за добычей.

Мышь выбежала из юрты, а кошка села у входа стеречь ее.

Наутро приходит старуха в юрту, видит: кошка сидит у входа, а свеча на земле валяется. Посмотрела на молодую женщину и говорит:

— Ну, джигит, перехитрил ты меня. Ничего не поделаешь, придется отдавать тебе деньги.

Молодая женщина, получив от старухи деньги, приехала в город. Здесь она обошла все улицы, заглянула во все постоянные дворы, на базар, но не могла найти мужа. Опечаленная, она собралась уже было возвратиться домой, как вдруг в чайхане увидела своего мужа. Был он в рваной одежде, грязный, исхудалый и, конечно, не узнал в молодом джигите свою жену. А она позвала его к себе, дала золотой и попросила принести ей вечером на постоянный двор манты — паровые пельмени.

Вечером сын Сулайманбая понес заказанную еду. Стыдясь своей одежды, он хотел передать тарелку через дверь, но молодая женщина приказала ему войти, посадила рядом с собой и стала расспрашивать. Он рассказал ей все, что с ним случилось.

Тогда она решила испытать его и спросила:

— А жена у тебя есть?

— Да, была добрая, хорошая жена, — отвечал он ей печально.

— И ты любил ее? — спросила она его снова.

— Да, очень любил. За нее я готов отдать свою жизнь.

При этих словах молодая женщина тихо засмеялась. Взглянул на нее сын Сулайманбая и узнал свою верную жену.

На следующий день жена купила для мужа одежду, прекрасного верблюда и вместе с ним вернулась домой.

И стали они жить мирно, дружно долгие годы. А когда вырос у них сын, то отец не раз повторял ему завет старого Сулайманбая:

— Не гонись за красотой, выбирай себе девушку умную, с хорошим, добрым сердцем.

ДОБРАЯ ЛЕСНАЯ АДИГА

Удэгейская сказка

Запись и обработка Б. Можяева

или две сестры, Хабалá и Исамá. Охотник Егдигá женился на младшей сестре Исаме. Обидно стало старшей сестре, Хабале, и затаила она злобу против Исамы. Пошла она на озеро, уселась на берегу и смотрится в воду, как в зеркало.

— Почему на мне не женился Егдига? — спрашивает Хабала. — Разве я хуже Исамы?

— Хуже, — ответил ей с дерева филин. — Исама добрая и работающая, а ты любишь только спать да в воду смотреться, на себя любоваться.

Бросила Хабала в филина палкой.

Родился у Исамы и Егдиги мальчик Батá. Много радости было у них. Исама в юрте выделывала пеленки из шкур, а Егдига пошел в тайгу вырезать из дерева игрушечную оморочку для мальчика.

Пришла Хабала и говорит сестре:

— Егдига посылает нас с тобой за хворостом.

— Хорошо. Пойдем наломаем хвороста, — говорит Исама.

Но Хабала пошла к Егдиге и обманула его:

— Твоя жена — лакомка, хочет идти черемуху собирать.

— Зачем? Пусть дома сидит, — сказал Егдига. Возвратилась Хабала в юрту и говорит Исаме: — Поедем скорее, а то Егдига рассердится, если мы не принесем хвороста.

Поехали они на оморочке за хворостом и Бату с собой вместе взяли. Переехали озеро, пристали к берегу.

— Ты иди хворост ломай, — говорит Хабала Исаме, — а я с Батой посижу.

Пошла Исама за хворостом в тайгу, а Хабала привязала Бату к берестяной люльке покрепче, положила в люльку камень и бросила мальчика в озеро. Не успел Бата и крикнуть, как утонул. Но Исама услышала, как падал Бата в озеро. Прибежала она на берег — нет Баты... Стала Исама на себе волосы рвать и плакать, а Хабала только рассмеялась, оттолкнула оморочку от берега и уплыла одна.

Возвратилась Хабала в юрту, а Егдига спрашивает ее:

— Где моя жена и мальчик?

— Твоя жена убежала от тебя к другому охотнику, — отвечала Хабала.

— Она обманула меня! — в гневе крикнул Егдига.

— Да, она обманула тебя. Но успокойся, я скажу тебе, где Исама, только не убивай ее: она ведь моя сестра.

— Хорошо, — сказал Егдига. — Ты добрая, Хабала. Пусть по-твоему будет.

А Хабала все нашептывает ему:

— Исама убежала к другому охотнику. Только он взял у нее Бату, а Исаму бросил на том берегу.

Очень рассердился Егдига. Вырезал он семь длинных колючих прутьев из шиповника и пошел на ту сторону.

Как увидела Егдигу Исама, упала ему в ноги, плачет и приговаривает:

— Прости меня, Егдига, не сберегла я нашего Бату.

А Егдига думал, что и вправду охотник у нее Бату отобрал.

Долго бил он Исаму. Все тело у нее стало в занозах — колючие прутья гладкими сделались.

— Оставайся здесь навсегда, — сказал жене Егдига и пошел к себе в юрту, где поджидала его Хабала.

Лежит Исама, плачет. От горя и слез силы потеряла, встать не может. «Пусть лучше умру», — думает она.

А в это время шла по тайге добрая лесная Адига, коренья лечебные собирала. Косы у нее зеленые, как трава, глаза синие, как вода в протоке, а халат из кружевных листьев папоротника шит.

Увидела она Исаму, нагнулась над ней и спрашивает ласково:

— Кто тебя обидел?

И начала она своими тонкими пальцами занозы вынимать из тела Исамы. И так она ловко это делала, что Исама даже боли не чувствовала. И рассказала Исама ей о своем горе.

— Пойдем ко мне в юрту. Я помогу твоему горю, — позвала Адига.

А в это время Бата проснулся в своей люльке на дне озера и заплакал. Проплывали мимо рыбы Оё и Хоё, подобрали Бату и понесли в свою травяную юрту. Повесили люльку на камыш и стали качать плавниками. Бата подумал, что это мать его укачивает, и заснул.

— Я стану ему матерью, — сказала Оё.

— Хороший он, — ответил Хоё, — только плохо, что хвоста у него нет.

И стали рыбы ухаживать за Батой. Кормили его икрой да разными сочными корешками. Мальчик рос быстро. Рыбу Оё стал он называть мамой, а рыбу Хоё — папой.

Однажды Бата собирал на дне озера белые ракушки и не заметил, как вылез на берег. Смотрит, а на берегу все совсем не так, как в воде: вместо рыбок птицы летают и поют, тины нет совсем, а камыш такой толстый, что и двумя руками не обхватишь. Это деревья он принимал за камыш. Засмотрелся Бата, и тут увидела его Адига.

— Здравствуй! — сказала добрая лесная Адига. — Выходи ко мне. Гостем будешь.

Испугался Бата человеческого голоса, нырнул в воду и поплыл в свою травяную юрту. Там он все рассказал рыбе Оё.

— Не ходи на берег, Бата, — говорит ему Оё, — там живут люди. Они злые. Поймают тебя и в котле сварят.

«Но разве та девушка злая? — подумал Бата про Адигу. — Она такая ласковая». И ему захотелось опять увидеть Адигу.

А Исама и Адига наделали много чашек из бересты, налили в них молока и расставили на берегу.

— Попробует Бата молоко — вспомнит его вкус, — говорит Адига.

Спрятались Исама и Адига в кустарник и ждут, когда еще выйдет на берег Бата.

Вот вынырнул Бата. Посмотрел кругом: никого нет. «Что это в чашках налито? — думает Бата. — Белая вода! Надо попробовать». Взял Бата первую чашку — она стояла у самой воды, — выпил и опять спрятался под водой. Такой вкусной показалась ему белая вода, такой знакомой!.. Вышел он на берег за второй чашкой — выпил и ее. Потом выходил за третьей, за четвертой. И так он отходил все дальше и дальше от воды. Когда же подошел он к самым кустам за последней чашкой, тут Исама с Адигой и поймали его.

— Я твоя мама, — говорит Исама.

— Нет, — отвечает Бата, — моя мама рыба Оё. Исама обнимает Бату, плачет от радости, а он вырывается и зовет на помощь Оё и Хоё.

— Мама, папа! Меня люди взяли!

Но не пришли к нему на помощь Оё и Хоё. Исама и Адига отнесли Бату к себе в юрту, положили на шкуры. Лежит мальчик и не дышит.

Испугалась Исама, заплакала:

— Умер мой Бата!

— Не плачь, — утешает ее Адига, — это в нем сердце водяное перестало биться. Я ему оживлю лесное, охотничье сердце.

И оживила Адига в груди Баты лесное, охотничье сердце.

Открыл он глаза, узнал свою мать.

— Мама, — говорит он Исаме.

А Исама опять заплакала, сейчас уже от радости.

— Живите теперь в моей юрте. А мне надо другим помогать, — сказала Адига, взвилась над тайгой и полетела за синий перевал.

Настала зима. Озеро покрылось льдом и снегом. Сделала Исама мальчику игрушечный лук и говорит:

— Учись, Бата, метко стрелять. Вырастешь — охотником станешь. Только не пускай стрелу на ту сторону озера.

Бегает Бата по льду озера: пустит стрелу и, пока она летит, догоняет ее.

Откуда ни возьмись, появилась сорока.

— Плохо ты бегаешь, Бата, — посмеялась сорока. — Не догнать тебе меня.

Рассердился Бата и пустил в нее стрелу. Еле увернулась сорока, а стрела улетела на ту сторону озера. Пошел Бата за стрелой, видит: юрта стоит, дымок над юртой вьется.

«Кто здесь живет? — думает Бата. — Дай-ка узнаю».

Входит он в юрту, а там Егдига с Хабалой ужин варят.

— Откуда ты пришел, мальчик? — спрашивает Егдига.

— С той стороны озера, — отвечает Бата.

— Откуда пришел, туда и уходи, — сердито проговорила Хабала.

— Нет, садись и расскажи, кто твоя мать? — спрашивает Егдига.

— Моя мать Исама.

— Твоя мать отдала тебя чужому охотнику! — в гневе сказал Егдига.

— Нет, — ответил Бата, — меня тетка бросила в озеро.

И рассказал Бата все как было. Обрадовался Егдига. Взял к себе в юрту жену с сыном, и стали они жить вместе. А Хабалу прогнали на мороз. С тех пор она по тайге зимой бродит. Как подует ветер, холодно становится Хабале, и стучится она в двери да окна. Но никто ее не пускает.

НАСЫР ПЛЕШИВЫЙ

Узбекская сказка

ах правил городом Кокандом в стародавние времена. У этого шаха была любимая редкостная пиалá. Хоть бы кто и тысячу раз всю землю обошел, другую такую пиалу не смог бы найти. Мало того, что она была очень красивая, в темные ночи она сияла, как луна.

Держал шах эту пиалу в золотом сундуке. А ту комнату, где стоял этот сундук, стража день и ночь охраняла.

Когда шах садился пить чай, он посылал за пиалой своего самого верного слугу. Слуга открывал особым ключом золотой сундук, осторожно вынимал драгоценную пиалу и бережно нес ее шаху. А другой верный слуга был специально приставлен, чтобы наливать в ту драгоценную пиалу чай.

Шах каждый раз, когда пил чай, вертел в руках пиалу и любовался ею.

Однажды призвал шах своего самого верного слугу и приказал ему принести драгоценную пиалу.

Слуга взял ключ и пошел. Но когда он нес ее, споткнулся и уронил пиалу на пол. Разбилась она на тысячу черепков.

Слуга испугался шахского гнева и бежал из дворца.

Ждет шах слугу с пиалой, а того все нет. Надоело шаху ждать. Послал он за слугой другого слугу. Тот ушел и тоже не вернулся. Послал тогда шах за слугами своего визиря. Пошел визирь и видит: валяются на полу мелкие осколки.

— Так вот в чем дело! — сказал визирь. — Они пиалу разбили и потому бежали от шахского гнева. Конечно, если б они не убежали, шах приказал бы немедленно казнить их.

Собрал визирь с пола черепки драгоценной пиалы в полу халата и пошел к шаху.

— Не прогневайся, мой падишах, — сказал он, — большая беда приключилась.

— Какая беда? Говори скорей! — закричал шах.

Визирь ответил:

— Если меня пощадите, сейчас скажу.

— Пощажу, говори, — сказал шах, — только говори!

— Господин, ваша любимая пиала разбилась. Слуга побоялся вашего гнева и убежал. И другой слуга, которого вы за ним послали, тоже испугался и убежал. Вот все, что осталось от вашей любимой пиалы.

И визирь подал шаху черепки разбитой пиалы.

С горя шах несколько дней ничего не ел, худеть стал, наконец совсем заболел и слег. Пролежал он сорок дней и сорок ночей и только тогда пришел в себя. Приказал он созвать со всего Кокандского шахства гончаров. Собрались гончары, вышел к ним шах и говорит:

— Вот, гончары, была у меня самая красивая на всей земле пиала. И она разбилась. Если кто из вас починит мою пиалу и сделает ее такой, какой она раньше была, дам ему все, что его душа пожелает. Но если он меня обманет и не починит, прикажу ему голову отрубить, а все имущество в казну заберу. Смотрите сами, кому вы это дело доверить можете.

Гончары посоветовались и попросили дать им сорок дней сроку. Взяли они черепки пиалы и ушли.

Сорок дней старались гончары, но что они ни пробовали, так и не смогли пиалу починить. Приказал шах всех их казнить.

Приводили к шаху гончаров из других городов. Но и те не сумели пиалу починить. Впал шах в ярость и приказал всем головы отрубить.

Так казнил шах всех несчастных гончаров в Кокандской земле.

Потом созвал он народ и спросил:

— Еще где-нибудь гончары остались?

Вышел один человек из толпы и сказал:

— Ваше шахское величество, в одном кишлаке есть сорок гончаров. Только они не очень искусны. Вы сами знаете, что лучшие, самые знаменитые мастера не смогли починить вашу пиалу. Так что на этих гончаров вы не надейтесь.

Но шах приказал привести и этих сорок гончаров.

Отправились шахские слуги в кишлак и насильно привели к шаху гончаров.

Показал им шах разбитую пиалу.

— Вот, смотрите, — сказал он, — если можете починить эту пиалу — чините, если не можете — все равно чинить заставлю.

Гончары только руками развели.

— Никогда, — говорят, — мы такой работы не делали.

Шах рассвирепел и приказал:

— Чините, иначе головы прикажу вам отрубить. Даю вам сроку сорок дней.

Увидели гончары, что делать нечего, поклонились и сказали:

— Ладно, попробуем.

Взяли черепки и ушли в свой кишлак.

Идут они домой и говорят друг с другом:

— Если он так со знаменитыми гончарами поступает, то с нами что будет?

Вернулись они в кишлак, собрались, посоветовались. Однако сколько головы ни ломали, ничего не могли придумать, чтобы пиалу починить.

У одного из этих сорока гончаров был ученик по имени Насыр Плешивый. Услыхал он, как гончары спорят, пришел к ним и говорит:

— Эй, мастера, что вас беспокоит, о чем у вас такой жаркий спор?

Они ему отвечают:

— А тебе какое дело! Ты знай свое — глину копай.

Поругали его и прогнали.

Прошло девять дней. Насыр видит, что мастера все хмурятся, все о чем-то шепчутся, и говорит:

— Удивляюсь, что это с вами стало? Какой бес в вас залез, что вы все спорите по-пустому? Про еду забыли. Зачем вы от меня это в тайне держите? Может, и я что-нибудь придумаю.

Но гончары Насыра и слушать не захотели:

— Тебя еще тут не хватало! Чего лезешь в наши дела? Убирайся вон, пока тебя палкой не огрели.

Вдруг один старый гончар сказал:

— Постойте, братцы, в каждой голове что-нибудь да есть. Плешивый все же ученик гончара. Он нам хочет помочь, а мы его гоним. А зачем? Вот мы уже девять дней головы себе ломаем и ничего придумать не можем. Давайте расскажем ему про нашу беду — посмотрим, может быть, он что-нибудь полезное придумает.

Тогда один из них обратился к Насыру:

— Ну, Плешивый, тут вот какое дело. Водили нас к шаху. Дал он нам черепки пиалы и сказал: «Если можете починить ее — почините, если не можете — все равно чинить заставлю». Пришлось нам взяться за это дело. Уже многих гончаров шах за эту пиалу погубил. Теперь наша очередь пришла. Как склеить пиалу — не придумаем. Тут не только за сорок дней, но и за сорок лет ничего не сделаешь.

Насыр им тогда сказал:

— Если в этом вся загвоздка, так у меня есть средство.

Сорок гончаров удивились:

— А ты правду говоришь? Ну, говори, какое средство!

— А вот какое, — говорит Насыр. — Через сорок дней придут шахские слуги. Вы им так скажите: «Вот отец этого Плешивого был самый знаменитый мастер-гончар. Когда вашу редкостную пиалу делали, он тоже над ней работал. Плешивый у него многому научился и теперь хочет попробовать, не удастся ли ему эту драгоценную пиалу починить».

Один из гончаров обрадовался:

— Ну что ж, нам все равно. Только знай, Плешивый: если ты склеить пиалу не сможешь, шах все равно тебя казнит.

Кончились сорок дней. Пришли в кишлак шахские слуги. Созвали они всех сорок гончаров.

— Ну что, починили пиалу? — спросили шахские посланцы.

Один из гончаров ему ответил:

— Почтенные шахские слуги, оказывается, эту пиалу вместе с другими мастерами делал отец этого Плешивого. И он тогда говорил, что пиалу, которую он сделал, никто другой, кроме него, починить не сможет. Такой уж его отец был замечательный мастер, но и Плешивый мастер хороший. Он даже нас, гончаров, делу учил.

Шахский начальник спросил:

— Ну как, Плешивый, починишь пиалу?

— Починю, — ответил Насыр.

— Если сможешь пиалу починить, поедешь с нами, скажем про тебя шаху.

— Нет, я к шаху не поеду, — возразил Насыр.

— Как не поедешь? Прежде чем чинить пиалу, надо от шаха приказ получить, — сказал начальник.

— Как же я вместе с вами могу идти? — ответил Насыр. — Вы все на лошадях приехали. А я пешком пойду? Я тоже верхом хочу.

Один из шахских слуг сказал:

— Садись, Плешивый, на моего коня сзади меня, и поедем.

— Нет, — опять возразил Насыр, — так я не поеду. Уж если я поеду, то только на хорошем коне.

Все сорок гончаров стали шахских слуг просить:

— Ну дайте ему коня, везите его с собой!

Один из шахских воинов посадил на своего коня Плешивого, а сам сел сзади. Приехали всадники во дворец. Шах как увидел, что один из его самых почтенных слуг впереди себя какого-то плешивого везет, разозлился, поднял крик:

— Эй, так вы мою честь бережете? Зачем этого плешивого во дворец привезли?

— О досточтимый падишах! — ответил слуга. — Простите нас, мы этого Плешивого неспроста привезли.

— А зачем?

— Если меня пощадите — скажу.

— Пощажу! — сказал шах.

Слуга ему объяснил:

— Отец этого Плешивого был очень искусный мастер-гончар. Он один из тех мастеров, который вашу славную пиалу делал. Сорок кишлачных гончарных мастеров не могут вашу драгоценную пиалу починить. Они ее Плешивому дали — может быть, он починит.

Посмотрел шах на паренька и спросил:

— Починишь?

— Починю, — ответил Насыр.

Назначил ему шах сроку сорок дней.

Насыр спросил шаха:

— А я ее даром чинить буду?

— Ты еще смеешь торговаться, несчастный! Ну ладно. Что ты хочешь за починку пиалы?

— Прошу внимания к моим словам, — сказал Насыр. — Дайте мне коня, какого вы себе сами желаете, корову, баранов и всякой другой скотины и домашней птицы. Потом возьмите сорок лошадей и нагрузите их золотом, серебром, драгоценными самоцветами из вашей казны и отошлите ко мне домой. После этого я возьмусь вашу пиалу чинить.

Шах приказал приготовить все, что требовал Плешивый, и отправить к нему в дом. А потом обратился к сорока гончарам:

— Ну, до времени казнить вас я не буду. Оставляю вас поручителями за Плешивого. Если он только пиалу не починит, прикажу и ему, и вам отрубить головы.

Плешивый вернулся домой, разделил среди тех сорока гончаров скот и драгоценности, которые получил от шаха, и сказал им:

— Ну, мастера! Есть теперь у нас на что попить сорок дней и сорок ночей. Если я за. Эти сорок дней починю пиалу, еще больше богатств добуду вам. На всю жизнь хватит. Так что не беспокойтесь.

Отнес Насыр в свою бедную хижину черепки пиалы, положил их на полку и оставил там. Живет себе, пирует, а пиалу даже и не думает чинить. Гончары тоже успокоились, решили: «Починит он пиалу». Нарядились в праздничные одежды, устроили на сорок дней, сорок ночей пиршество и забыли о заботах.

И только когда уже двадцать дней прошло, они задумались: «Починит Плешивый эту проклятую пиалу или нет?» Заглянули они в его хижину. Пришли, смотрят: Насыр как ни в чем не бывало лежит себе на боку, а черепки шахской пиалы, как положил он их на полку, так и лежат, только пылью покрылись.

Удивились гончары и спрашивают:

— Ты что же думаешь, Плешивый? Почему пиалу не чинишь? Когда ж ты за нее возьмешься?

— Починю как-нибудь, — говорит Насыр. — Идите веселитесь, здоровы будьте и не беспокойтесь.

Гончары видят, что толку от их разговора нет, и ушли. Наконец подходит и сороковой день. Опять пошли гончары в хижину Насыра. А он спит.

— Эй, Плешивый, — рассердились гончары, — ты все еще пиалу не починил! Вставай сейчас же, берись за работу!

— Э, мастера, хватит вам напоминать мне, как-нибудь починю, — ответил Насыр.

Поднялся он, постелил гончарам коврик, пригласил садиться. Уселись гончары на коврик. Насыр им говорит:

— Вам надо об этом деле подумать. Вы мастера, а я только ученик.

От этих слов у гончаров сердца екнули, а Насыр такую речь повел:

— Если сами мастера не могут сделать, что же сумеет ученик? В тот день я стоял перед шахом и думал: погубит он вас всех. Жалко мне вас стало. Уж если приходится людям зря помирать, так пусть они хоть перед смертью поживут, повеселятся, сытно поедят, а тогда уж умирают. Вот богатство все между вами и поделил. Ну а теперь зачем вы ко мне пришли? Чего вы еще от меня хотите? Я ж какой был, такой и остался.

Гончары подумали: «Ничего теперь не поделаешь, в тот раз уцелели, на этот раз погибать придется» — и разошлись по домам. А Насыр лег спать.

В полночь он вспомнил про пиалу, встал, ледяной водой умылся и подумал: «Сколько из-за этой разбитой пиалы людей головы сложили! Что же это будет, если я пиалу не сделаю?» И с таким жаром взялся за работу, что не успел оглянуться, как изготовил новую пиалу не хуже той, что была у шаха. Поглядел на нее Насыр, и она ему не понравилась. Бросил он ее на пол, и разбилась она на мелкие кусочки. Сделал Насыр тотчас же другую пиалу, но и эта ему не понравилась. Он и ее разбил. Изготовил третью пиалу — такая она вышла красивая, что в сравнении с ней прежняя шахская пиала была все равно что глиняная миска.

По бокам у новой пиалы были изумительные цветы, а внутри все предметы отражались, разными красками переливались. И еще было у нее такое свойство: посмотришь на нее с правой стороны — как будто у тебя в руке не одна пиала, а семь; посмотришь с левой стороны — опять только одна пиала видна. Подержал Насыр пиалу перед глазами и сказал сам себе: «Да, вот теперь такая пиала получилась, как я хотел». Завернул ее осторожно в кисею и лег спать.

Наступило утро. Приехали в кишлак шахские слуги и прямо к Плешивому в дверь стучатся. Насыр встал с постели и впустил их к себе.

— Ну что, Плешивый, починил? — спросили слуги.

— Починил, — ответил Насыр.

Шахские слуги отвезли его в город Коканд, во дворец шаха. Шах сразу же увидел, что Насыр идет веселый, решил про себя: «Значит, починил пиалу» — и обрадовался.

— Давай сюда пиалу, показывай!

Насыр передал завернутую в кисею пиалу прямо шаху в руки. Когда он раскрывал пиалу, задел ее ногтем. Пиала зазвенела, и звон ее разнесся по всему дворцу.

Все приближенные сразу заговорили в изумлении: «Никогда такого приятного звона не слышали!»

Посмотрел шах на пиалу и от радости долго ничего сказать не мог. Наконец спросил он у своего визиря:

— Что же мы теперь Плешивому дадим?

— Ничего ему давать не нужно, — ответил визирь.

— Как так? — удивился шах. — Плешивый починил пиалу лучше, чем я того желал. Надо ему что-нибудь подарить.

— Нет, — твердил свое визирь, — ничего этот Плешивый не делал.

— Как так не делал? Откуда же пиала взялась?

— А вот откуда. Таких пиал было две. Одна у вас была и разбилась, а другую давно украл вор. Долго его поймать не могли, а теперь поймаем. Вот этот Плешивый и есть вор. Вместо того чтобы чинить вашу пиалу, он привез вам украденную. Палачей ему надо, а не подарки.

— Правильно говоришь, — согласился шах. — Ну, я ему покажу! — И объявил своим приближенным: — Драгоценных таких пиал во всем свете было только две. Одну из них давно украли, а другую разбили слуги. Долго мы вора не могли найти, а теперь он сам попался. Вот она, та пиала, которую у меня украли! А вот это вор! — И шах указал на Плешивого.

Позвали палачей, схватили они Насыра, руки-ноги ему связали и повели на казнь.

Насыр закричал:

— Эй, милостивый шах, справедливый шах, одна у меня просьба есть!

— Какая там просьба! — разозлился шах. — Какая еще может быть у вора просьба?

— Прошу меня выслушать, а потом можете казнить.

— Ну ладно, говори. Только скорей, а то время идет.

— Просьба у меня такая, — сказал Насыр, — прикажите, пусть мне руки развяжут. Никуда я не убегу, мне только вам несколько слов сказать надо. Скажу их, и тогда прикажите меня казнить. Когда казните, ничего уж просить не буду.

Дал шах приказ, развязали Насыру руки.

— Эй, милостивый шах, справедливый султан, — попросил Насыр, — дайте мне еще раз перед смертью эту пиалу в руках подержать. Ничего больше просить не буду.

Дал шах пиалу Плешивому.

Взял ее Насыр и сказал:

— Ну, господин! Так, значит, эта пиала ваша?

— Ах ты злодей! — закричал шах. — А то чья же еще? Конечно, моя.

— А сколько у вас было таких пиал? — спрашивает опять Насыр.

— Две, — ответил шах.

— Одну украли, а другая разбилась — так, что ли? — спрашивает Насыр.

— Ну да! — крикнул шах. — Эй, палачи, берите его.

— Только правду говорите, — настаивал Насыр.

— Я тебе говорю правду. Чего тебе надо?

— А то, что ваша правда оказывается неправдой.

— Ты, вор, еще смеешь меня учить! Сказано тебе, было две пиалы: одну пиалу украли, а другая разбилась.

Тогда Насыр сказал:

— Эй, все, кто есть, слушайте! Шах сказал, что у него было две пиалы: одну пиалу украли, а другая разбилась.

И Насыр повернул пиалу направо — вместо одной пиалы стало семь. И шах, и визирь, и все люди, которые кругом стояли, поразились. Тогда Насыр спокойно обратился к шаху:

— Ну, милостивый шах, вот ваша разбитая пиала — возьмите ее себе. А это вот украденная пиала — отдайте ее вашему визирю, а эту дайте вашей жене, а вот эту — дочери, а эти две дайте жене и дочери визиря, ну а там еще одна остается — отдайте ее вашей сестре. Теперь видно, что у вас, шах, не голова, а незрелая тыква.

Сказал так Насыр и поставил перед шахом в ряд все семь пиал. Увидев их, шах готов был сквозь землю провалиться, щеки у него покраснели, как раскаленный котел. Люди кругом тихонько смеялись в рукав.

А шах стоял неподвижно и с места сдвинуться не мог. Наконец пришел он в себя и со злости, не долго думая, приказал отрубить визирю голову. Потом дал Насыру парчовых халатов, всяких дорогих вещей и отпустил домой.

Вернулся Насыр в свой кишлак и раздал все эти дорогие вещи сорока гончарам.

СКАЗАНИЕ О СТАРИКЕ ШАМАНЕ, ЕГО СЫНОВЬЯХ И О ЧИНЧИРЕ ШИТОЛИЦЕМ

Нганасанская сказка

Пересказ Н. Гессе и З. Задунайской

Жил старик нганасан. Жена у него была, три сына и дочь-невеста. Два сына уже охотники. Один бегал так быстро, что дикого оленя догонял. Звали его Мерагэ. Другой — стрелок хороший, птиц в лет бил, Дютадэ по имени. А третий сын еще мальчик был, еще только детским луком владел.

Как-то старик сказал старшим сыновьям:

— Поезжайте легким чумом в горы, в эту пору там много диких оленей. И сестру с собой возьмите, она вам еду будет варить.

— И я с ними поеду, — мальчик просит.

— Что ж, поезжай. А мы с матерью при стаде останемся, будем оленей пасти.

Приехали в горы три брата и сестра. Поставили легкий чум. Живут. Промысел хороший, диких оленей много. Мерагэ и Дютадэ до света встают, в темноте с добычей возвращаются. Сестра оленья мясо впрок вялит, маленький брат ей помогает — хворост приносит, куски мяса на вёшалах^[86] развешивает.

Только раз вот что случилось. Ушли старшие братья далеко.

Девушка сидит у очага, шьет. Мальчик стрелы на пушных зверьков мастерит. Наконечник у стрел не заостряет, чтобы пушистый мех не попортить.

Вдруг заскрипел за чумом снег, шаги человека слышались. Встревожилась девушка: «Почему один брат возвращается? Не случилось ли чего?»

Только успела так подумать, вошел в чум чужой человек. Лицо у него все разукрашено, на щеках и на лбу узоры будто нитками вышиты. Огляделся кругом: нет ли мужчин в чуме? Сгреб девушку в охапку, с ней бежать хотел. Тут мальчик схватил свой детский лук и пустил в шитолицего стрелу с тупым наконечником. Ударил стрела чужого в плечо. Он девушку из рук выпустил. Засмеялся, вытащил длинный нож, к мальчику шагнул. Девушка на руке у него повисла, закричала:

— Брата моего не убивай! Он же тебе вреда не причинил.

А шитолицый уже занес нож над мальчиком.

Сестра молит:

— Куда хочешь с тобой поеду! На тебя работать буду! Только не убивай брата!

Опустил нож шитолицый, сказал:

— Ну ладно! Его с собой тоже возьму. Подрастет немножко, работником будет. Здесь его не оставишь: он меня видел, все расскажет.

Вышли они из чума, на две нарты сели. Шитолицый на задней нарте едет, настороженный лук у него на коленях лежит. А девушка с братом на передней нарте. Это шитолицый так приказал, чтобы они не убежали. Когда нужно повернуть, он с задней нарты кричит.

Долго едут. Ночевки короткие делают: шитолицый погони боится. Сколько дней так прошло, девушка не знает и мальчику не сосчитать.

Раз вечером на стоянке девушка нечаянно котелок на костер опрокинула. Еда пропала, и огонь погас. Ударил ее за это шитолицый. Мальчик за сестру вступился. Слабым своим детским кулаком замахнулся на обидчика. Тут шитолицый рассердился, схватил его, затряс.

— Щенок шелудивый! — кричит. — На кого руку поднял?! На князя шитолицых Чинчира! Не нужен мне такой работник. Брошу тебя здесь — пропадай в снегах с голоду, с холоду!

Потом к девушке повернулся:

— А ты поворачивайся живее! Сейчас дальше поедем.

Пока шитолицый Чинчир запрягал оленей, сестра успела брату шепнуть:

— Иди по следу нашего аргйша [87]. На каждой ночевке еду буду тебе оставлять. Увидишь воткнутую в сугроб палку — там и ищи.

Увез Чинчир девушку. Мальчик один среди снегов остался. Поплакал, пошел по следу аргйша.

Так идет от стоянки к стоянке. Все дальше отстает от быстроногих оленьих упряжек.

Началась в тундре весна. Бредет он по талому снегу, еле ноги передвигает, а все же оленную дорогу, нартяную дорогу не теряет из виду. И вот такой день настал, когда эта дорога в реку уперлась. Видно, шитолицый давно здесь проехал — пока еще лед стоял. А теперь тронулась река, плывут по ней со звоном льдины, стучаются одна о другую, дыбом становятся — не перейти, не переплыть мальчику. Побрел он по берегу куда глаза глядят. Что с ним случилось — может, узнаем, может, не узнаем.

Теперь назад повернем, что раньше было, расскажем. В тот день, когда шитолицый Чинчир девушку и мальчика увез, Мерагэ и Дютадэ поздно вечером вернулись. Зашли в чум, а там пусто, будто никто никогда не жил. Из чума выбежали, увидели истоптанный снег, след чужого аргйша. Бросились они по этому следу, но он скоро в камнях потерялся. Тогда братья быстро легкий чум разобрали, в тундру, к отцу, к матери погнали свои упряжки.

Узнав про беду, начала старуха мать плакать. Отец разгневался, своих сыновей бабами, трусами называл. Какого другого имени они стоят, если сестру и маленького брата не уберегли! Потом схватил шаманский бубен — он ведь шаманом был, — принялся в бубен бить, кружиться стал, ногами топать. Долго так плясал и кружился, наконец на землю упал. С закрытыми глазами заговорил:

— Вижу, вижу: далеко мои дети, пар от их дыхания с дыханием их обидчика к небу поднимается. Прямо на середину дня они путь держат. Хорошо, что живы они, догоним, отобьем!

Поднялся старик с земли, велел сыновьям в тундре свежих оленей поймать, в нарты запрягать. Быстро снарядились, поехали. Все прямо на полуденную сторону, на середину дня едут. Себя не жалеют, про сон не думают, про пищу не вспоминают. Стоянку делают, когда олени совсем притомятся.

Перевалили через один хребет, за ним густой лес пошел. Проехали лес, впереди опять горы встали. Поднялись, спустились, в березовый лес въехали. Тут на поляне аргйш остановили. Старик снова шаманить начал. Когда упал на землю, закричал, заплакал:

— Пар от дыхания дочки с паром от дыхания похитителя смешался. Дыхания мальчика не вижу. Горе нам!

— Теперь всему роду обидчика отомстим! — сказали Мерагэ и Дютадэ.

Дальше упряжки погнажи. На заросшей тальником равнине дикого белого оленя увидели. Рога его качаются, как тальник под ветром, мех белый, как снежный сугроб.

— Если убьем этого оленя, — старик сказал, — хорошо будет.

Быстроногий Мерагэ соскочил с нарты. Хоть глубокий снег намело по тальникам, без лыж погнался за оленем. Догнал. Убил. Старик велел шкуру с белого оленя снять, а мясо бросить.

Все едут и едут. Снег понемногу тает, весна настает. Перерезала им путь река. Только остановили аргиш на берегу, олени без сил на землю упали. Соскочили люди с нарт, смотрят, куда приехали. Многоводная это река, широкая. Над чистой водой чайки вьются, в реке рыбу ловят. Выше всех поднимается одна чайка, шире других крылья раскидывает. Глянул на нее старик, сказал:

— Если эту чайку убьем, хорошо будет.

Дютадэ улучил миг, когда чайка над берегом пронеслась, прицелился, сшиб ее.

Опять велел старик с чайки шкуру вместе с перьями снять, мясо бросить. Птичью шкуру под шкуру белого оленя на свою нарту положил.

Стали оленей поднимать, чтобы через реку переправляться, — олени не встают. Если человек знает, куда и зачем идет, он много вытерпеть может. А олень бежит куда ему человек приказывает — у него силы быстрее кончаются. Не вынесли олени такого долгого пути без отдыха.

Старик сказал:

— Нет у нас времени ждать. Срубите семь деревьев, будем вязать плот.

Сделали плот, с нарт перенесли на него что в пути понадобится, что на себе тащить можно. На переднюю часть плота старик положил шкуру чайки, шкуру белого оленя себе на колени положил. Сам сыновей посадил сзади, сказал им:

— Глаза закройте, не открывайте, пока не велю!

Зажмурили глаза Дютадэ и Мерагэ, сидят. Заколыхался плот, заплескалась кругом вода. Слышат братья — олень фыркает, тяжелое его дыхание слышат. Удивляются: откуда олень взялся? Посмотрели бы, да нельзя. Это старик бросил на воду впереди плота шкуру белого оленя. Своим шаманством оживил его, заставил плот тянуть.

Наконец тише пошел плот, тише... О берег толкнулся.

— Переправились! — старик сказал. — Открывайте глаза.

Братья смотрят: плот у другого берега стоит, а старик белую оленью шкуру складывает. Сложил, к земле ухом приник, слушает что-то. Потом заговорил:

— Теперь обидчик мою дочку в свое стойбище привел. Пар от их дыхания с паром от дыхания многих людей смешался, вверх поднимается. Большое это стойбище, много там шитолицы. Три дня пути до него осталось. Отсюда пойдём крадучись, от чужого острого глаза оберегаясь.

Шли сторожко, где оврагом, где за деревьями хоронясь. Наконец дымки десяти чужих чумов увидели. Залегли в яме под корнями вывороченного дерева. Старик сказал:

— Надо дочку повидать, одну усторожить. Да ведь закричит, глупая, с перепугу — на нас врагов наведет.

Мерагэ ответил:

— Я так усторожу, что не вскрикнет.

Подкрался поближе к стойбищу, затаился на опушке леса, ждет. Ночь кончилась. Ранним утром вышла из чума его сестра, к лесу направилась, мимо брата прошла. Стала девушка валежник собирать. Тут Мерагэ как стрела к ней бросился. Обхватил ее, рот зажал. Забилась девушка у него в руках, он ей тихонько сказал:

— Не бойся, это я, твой брат Мерагэ.

Девушка его обняла, заплакала. Тут и отец с Дютадэ подошли. Отец с дочерью заговорил:

— Где твой брат? Убил его твой похититель?

— Нет, не убил. Упросила я. А где теперь, не знаю. Верно, в живых нет.

Рассказала все как было. Старик головой поник. Потом опять стал спрашивать:

— В жены взял тебя обидчик?

— Нет, — дочь ответила, — работница я у него. Ему плохо, сплю мало.

— А кто он?

— Чинчир его зовут. Князь он шитолицы. Все его слушаются.

— Оружие у него какое?

— Нож-отказ, в полторы сажени рукоятка, да лук со стрелами. С луком никогда не расстается. В чуме сидит — под рукой держит, спать ложится — кладет рядом.

Старик говорит:

— Слушай теперь, не забудь ничего. Вечером, когда будет Чинчир спать ложиться, ты ему скажи: «У тебя одежда, как у всех людей стойбища. Нас, нганасанских девушек, с малолетства учат красивыми узорами пярки^[88] и бакари^[89] расшивать. Дай и тебе разошью, чтобы твои люди сразу увидели, что не простой ты шитолицы, а Чинчир-князь». Даст он тебе одежду, ты парку жильными нитками между рукавами зашей, прошей бакари посреди голенища. Когда крепко заснет Чинчир, возьми раздвоенную стрелу, остриями сделай на луке царапину-насечку.

Дочь головой кивает:

— Так и сделаю, отец, как ты велишь.

Отец говорит:

— Я еще не все сказал. Братьям твоим с Чинчиром с глазу на глаз надо расправиться. Шитолицы хорошо бы из стойбища увести. Вот как будет. На рассвете пробежит мимо стойбища белый олень. Когда увидишь его, Чинчира не буди. Шитолицы поднимай, скажи им: Чинчир велел за оленем гнаться. Теперь я все сказал.

Девушка к Чинчиру с вязанкой хвороста вернулась. Ударил ее Чинчир, закричал:

— Почему так долго ходила?

Девушка ответила:

— Место обжитое. Ваши женщины весь хворост поблизости выбрали, мужчины сухие деревья порубили.

— Разговаривай поменьше да еду вари скорей, — сердито сказал Чинчир.

Поел, ушел. Девушка шкуры мять села, старается Чинчиру во всем угодить. Вечером сказала ему, как

отец велел. Усмехнулся Чинчир, снял парку и бакари, работнице отдал, а сам спать лег.

Девушка взяла парку, перед со спинкой сложила, длинным швом прошила посредине. И бакари посреди голенища прошила жильными нитками. Потом к луку тихонько подобралась, царапинку-насечку на нем раздвоенной стрелой сделала.

Спит Чинчир, а девушка не ложится, сторожит бессонными глазами рассвет.

Когда совсем рассвело, вышла из чума, смотрит: вокруг стойбища белый олень кругами ходит. Девушка бросилась к чумам шитолицы, будит их, говорит:

— Вставайте скорее! К нашему стойбищу пришел белый олень. Чинчир велел его поймать.

Вскочили охотники, луки со стрелами взяли, девятисаженные арканы намотали на руку. А белый олень к верховьям реки помчался. Побежали ему вдогон шитолицы.

Чинчир в своем чуме от топота ног, от шума проснулся.

— Что там такое? — девушку спрашивает.

— Твои люди за белым оленем погнались, — она отвечает. — Может, и ты побежишь?

— Надо было меня раньше будить! — заворчал Чинчир. — Неужели я, князь, в хвосте у своего последнего охотника побегу?!

Повернулся и опять захрапел.

Только стих шум погони, в стойбище прокрались Мерагэ и Дютадэ. Меткий стрелок Дютадэ ворвался в чум князя и выстрелил в спящего Чинчира. Но темно было в чуме после яркого солнечного света — стрела попала не в Чинчира, а пригвоздила к земле одеяло. Выбрался из-под него шитолицы, схватил лук, парку и бакари, располоснул ножом нюк^[90] и выскочил из чума.

Дютадэ метнулся за ним. Три раза стрелял на бегу. Но всякий раз то пригибался Чинчир, то отскакивал в сторону. Увернулся от стрел. Принялся надевать парку — не надевается она. Бросил парку Чинчир, попробовал натянуть бакари — не лезет в них нога. И их отшвырнул. Стал лук настораживать, в Дютадэ целиться, но лопнул, надвое переломился лук, поцарапанный концами раздвоенной стрелы.

Тогда Чинчир босой, без парки бросился бежать вдоль реки, вниз по течению. В кровь разбивает себе ноги о камни, но бежит. Не может его Дютадэ нагнать. Тут быстроногий Мерагэ, как стрела из лука, за ним полетел. Догнал. Схватились они на ножах, но оказался сильнее Мерагэ. Убил он Чинчира. Как раз Дютадэ подоспел. Вдвоем столкнули тяжелое тело в реку.

Оглянулись — рядом с ними стоит отец. Грудь его тяжело ходит после долгого бега. Сказал отец сыновьям:

— Чуть не настигли меня шитолицы! Смолоду, когда я оленем оборачивался, легче бегал. А может, этот белый олень, в шкуру которого я влез, как и я, стар уже был. Однако, сейчас шитолицы вернуться, след мой потеряв. Надо в стойбище идти.

Спрятались они в чуме Чинчира. Вовремя спрятались. Уже шитолицы один за другим в стойбище возвращаются. Вышла им навстречу дочь старика. Они у нее спросили:

— Где Чинчир?

— Спит крепким сном, не добудиться.

— А ты не буди. Может, хорошо выспится и не так станет сердиться, что мы не догнали белого оленя, след его потеряли.

Разошлись люди по своим чумам. Тут старик дочери так велел:

— Вот возьми шкурку чайки. Стань посреди стойбища, по пути солнца помахай ею. Налетят чайки, за их криком не услышат нас шитолицы.

Вышла девушка, махнула шкуркой раз, другой. Откуда ни возьмись, слетелись чайки, подняли крик, драки меж собой затеяли.

Тут и напали на шитолицы старик с сыновьями. С мужчинами — воинами Чинчира — бились, убивали их. Женщин и детей не трогали.

Долго или недолго та битва шла, а только остался в стойбище лишь один паренек. Не мужчина еще, не промышленник, но уже и не мальчик. Занес над ним нож Дютадэ — старик его за руку схватил:

— Не убивай! Воинов всех десяти чумов мы перебили. Плохое дело сделаем, если не оставим мужчину женщин и малых детей защищать, оленей охранять, путь указывать при перекочевках. Ну, парень, выбирай, сколько надо вам оленей под аргиши! Остальных мы с собой угоним.

Мать подростка поклонилась старику:

— За это ты своих внуков увидишь. Сыновья твои до седых волос доживут. Дочка хорошо замуж выйдет.

Теперь старик с сыновьями и дочерью в обратный путь пускаются. На четырех нартах возвращаются с победой. Везут с собой добро Чинчира. А у старика в сердце радости нет. Про жену-старуху думает. Как ей сказать, что сына-малолетку потеряли?

Трижды на ночевки останавливались, до большой реки доехали. Через нее вместе с оленями переправились. Дальше аргиш гонят. Совсем недалеко отъехали, вдруг зоркий стрелок Дютадэ говорит:

— Человек за деревьями от нас хоронится. Может, какой шитолицый из стойбища Чинчира убежал, нас подстеречь хочет.

Остановили аргиш. Мерагэ с нарты соскочил, сказал:

— Побегу. Если шитолицый, убью его!

Пробирается в глубь леса, тоже за стволами деревьев прячется, лук наготове держит. А тот чужой человек от дерева к дереву перебегает, только тень его видна. Почему-то короткая, маленькая тень. Мерагэ удивился, стрелять не стал. Вышел, не таясь, на открытое место. Засвистела тут стрела. Мерагэ руку вытянул, на лету ее схватил. Посмотрел: стрела из детского лука пущена. Узнал Мерагэ стрелу. Начал кричать:

— Не стреляй больше! Скорей сюда иди! Я брат твой, Мерагэ!

Высунулся из-за толстой лиственницы мальчик.

Посмотрел недоверчиво, потом побежал к брату. Худой, одежда вся изорвана... Как только прожил один в лесу такое долгое время! Мерагэ ему руку на плечо положил, сказал:

— Ну, не пропал с голоду, от диких зверей уберегся — значит, мужчиной будешь, хорошим охотником!

— А я и так мужчина, — мальчик отвечает. — Большой лук себе мастерю, силы набираю, чтобы за сестру и за себя Чинчиру отомстить!

Обнял Мерагэ мальчика.

— Мы уже за вас отомстили! — сказал. — Идем к аргишу. Там ждет наш отец, брат Дютадэ и сестра с

нами.

Радости много было, смеху веселого, а слез не было. Слезы от счастья старуха мать лила, когда они все целые и невредимые домой вернулись.

Тут и конец старой сказке!

МУДРАЯ ДЕВУШКА И ЛЕНТЯЙ

Таджикская сказка

Пересказ Н. Алембековой

ыло или не было, а жил один падишах.

Однажды отправился он на охоту вместе со своим визирем правой руки. Только они начали охотиться, как над их головами пролетела ворона и что-то прокаркала.

— Что она сказала? — спросил падишах у своего визиря.

— Не знаю, — отвечал визирь. — На то она и ворона, чтобы каркать!

— Что ты за визирь, если даже не знаешь, о чем каркает ворона! — рассердился падишах. — Ты мой визирь правой руки, ты должен все знать! И если до завтра ты не скажешь мне, о чем прокаркала ворона, то не сносить тебе головы!

Опечаленный вернулся к себе домой визирь правой руки.

— Отчего ты так печален? — спросила у него дочь.

Визирь рассказал дочери о том, что случилось на охоте.

— Не печалься, отец, — отвечала ему дочь, — я твоему горю помогу.

Сказала так девушка и отправилась к своей подруге — дочери бедняка. Подругу эту звали Окилхон. И не зря ее так называли — она и в самом деле была мудрой девушкой.

Выслушала Окилхон дочь визиря и сказала:

— Ступай к отцу и скажи ему, о чем прокаркала ворона. А прокаркала она вот что: «Умная жена и глупого мужа умным сделает!» Передай своему отцу эти слова, только не говори, что это я сказала!

Дочь визиря так и сделала.

Пришел назавтра во дворец визирь правой руки и сказал падишаху:

— О великий падишах! Я знаю, о чем прокаркала ворона. Она на своем вороньем языке сказала: «Умная жена и глупого мужа умным сделает!»

Выслушал падишах ответ своего визиря, а про себя подумал: «Визирь мой не сам догадался, о чем прокаркала ворона. Ему кто-то подсказал ответ. И надо найти того человека».

И разослал тогда падишах своих гонцов по всем своим владениям и велел им найти человека, понимающего язык птиц.

А мы пока расскажем о лодырях. Они жили при дворе падишаха и ничего не делали. Дни и ночи лежали на коврах да пуховиках. Спали, просыпались, ели и снова засыпали. Им лень было даже думать, и потому их считали еще и глупыми. И вот в ожидании гонцов падишах решил развлечься: приказал своим слугам отвести тех лодырей в деревянную лачугу и поджечь ее со всех сторон. Огонь охватил лачугу —

кровля и стены ее рухнули. Все лодыри разбежались, остался сидеть лишь один — самый ленивый. И падишах повелел привести его к себе. А тут как раз и гонцы вернулись. Они доложили, что во владениях падишаха живет одна мудрая девушка по имени Окилхон и что она будто бы понимает язык птиц. Падишах тут же приказал своим слугам доставить девушку во дворец. Слуги привели к повелителю Окилхон, и тот сказал ей:

— Я догадался, что это ты подсказала моему визирю ответ. Ведь он не знает языка птиц, а ты поняла, о чем прокаркала ворона, даже не слышав ее карканья. Теперь я хочу узнать, правду ли сказала ворона.

Сказал так падишах и приказал слугам отвести в безлюдную степь того самого ленивого лентяя и самую умную в государстве девушку. Слуги тут же исполнили его повеление.

Остались в безлюдной степи девушка и лентяй совсем одни.

Лентяй все время лежал на земле и не шевелился. Ему было лень даже взглянуть на девушку, не то что разговаривать.

«Я докажу падишаху, что ворона сказала правду», — подумала Окилхон. Оставила она лодыря там, где он лежал, а сама отправилась в дорогу.

Шла она, шла и дошла наконец до какого-то кишлака. В том кишлаке Окилхон отыскала одинокую и немощную старую женщину и сказала ей:

— О матушка, ты одинока и немощна. Я хочу послужить тебе. Я буду на тебя работать, а ты мне за это будешь давать по две лепешки в день.

Старая женщина с радостью согласилась, и Окилхон осталась у нее жить.

Прошел день. Одну заработанную лепешку девушка съела сама, а вторую завернула в платок и отправилась в степь, к тому месту, где она оставила лентяя. Пришла она туда и увидела: лежит лентяй на том же месте и спит. Тогда Окилхон вынула из платка лепешку и положила ее на землю в трех шагах от лентяя. Положила и сказала громко:

— Эй, лодырь! Я принесла тебе лепешку! Встань и возьми ее!

Лентяй открыл глаза, взглянул на лепешку, но с места не сдвинулся. Ему очень хотелось есть, но вставать было лень. Он протянул к лепешке руку, но не достал. Тогда он перевалился на бок и пополз. Схватил лепешку, тут же съел ее и остался лежать на том же месте.

На другой день девушка не стала есть сама, а обе лепешки завернула в платок и принесла их лодырю. Вынула Окилхон одну лепешку и положила ее на землю в десяти шагах от лодыря. И снова крикнула:

— Эй, лодырь! Я принесла тебе лепешку! Встань и возьми ее!

Лентяй раскрыл глаза и увидел: лепешка лежит от него еще дальше, чем вчера. Не хотелось ему шевелиться, но он был голоден. Делать нечего, он снова пополз к лепешке, схватил ее и съел.

Другую лепешку Окилхон положила на землю еще дальше от лодыря, а сама вернулась в кишлак.

Через день девушка снова пришла в степь и снова принесла с собой две лепешки. Пришла она и видит: лентяй съел и вторую лепешку. На этот раз Окилхон подвесила лепешку на ветку одинокого дерева, которое там росло. Подвесила лепешку на дерево, села неподалеку на землю и стала ждать.

Лодырь увидел лепешку, пополз к ней, но достать не смог — высоко висела она. Делать нечего, пришлось лентяю подняться с земли. Поднялся лодырь на ноги, снял лепешку с дерева и съел ее. Тогда Окилхон показала лодырю вторую лепешку, но из рук ее не выпустила. Лентяй с жадностью смотрел на лепешку.

Окилхон, держа лепешку в руках, потихоньку пошла по дороге в кишлак. Посмотрел ей вслед лентяй и увидел: девушка уходит все дальше, а вместе с ней и лепешка. Делать нечего, пришлось и лентяю пойти за Окилхон.

Пришли они в дом старой женщины, и сказала лентяю Окилхон:

— Здесь нет глупого падишаха, который кормил тебя даром. Если хочешь есть — работай. Не хочешь работать — ступай на все четыре стороны!

Испугался лодырь, что девушка больше не станет его кормить, и остался жить в доме старой одинокой женщины.

С того дня он делал все, что ему велела Окилхон. Он колот дрова, носил воду, кормил скотину, а девушка кормила его.

Лентяй оказался неглупым и добрым юношей. Он трудился и ел заработанный хлеб. Полюбили его жители кишлака, стали уважать. Полюбила юношу и Окилхон. Скоро они сыграли свадьбу и насовсем остались жить в доме старой женщины. И все трое радовались.

А во дворце падишаха в то время умер визирь левой руки. Падишах не знал, кого ему назначить на место умершего визиря. И решил он тогда выпустить в небо своего ловчего сокола и загадал: тот, на чье плечо опустится сокол, и станет визирем левой руки. Как задумал, так и сделал.

Далеко улетел сокол. И послал тогда падишах своих слуг во все свои владения: пусть они посмотрят, на чье плечо сядет его ловчая птица.

Летал, летал сокол и опустился на плечо одного дехканина^[91] в дальнем кишлаке. И стал дехканин визирем левой руки.

Падишаху понравился умный и трудолюбивый визирь.

— О мой визирь левой руки! — сказал падишах. — Я доволен тобой: ты неглупый и любишь трудиться.

Рассмеялся визирь левой руки и сказал:

— Умная жена и глупого мужа умным сделает! Услыхал эти слова падишах, удивился и воскликнул:

— Правду сказала ворона!

— Правду сказала мудрая девушка по имени Окилхон! — проговорил визирь левой руки. — Я ведь тот самый лодырь, которого ты отослал в степь вместе с той мудрой девушкой. Она стала моей женой, а я — твоим визирем левой руки!

Так мудрая Окилхон доказала падишаху правдивость своих слов.

ПРОДЕЛКИ АЛДАРА

Киргизская сказка

КАК АЛДАР НАКАЗАЛ РАЗБОЙНИКА

оль сказывают люди, значит, так оно и было. По преданию, жил в одном киргизском аиле умный и находчивый человек, которого звали Алдár-Косé.

Как-то раз Алдар пошел за водой. Только начал опускать ведро в колодец — видит: к нему направляется известный на всю округу разбойник. На счету того было много плохих дел, и Алдар решил наказать непрошеного гостя.

Хитрец что-то задумал и начал громко причитать и плакать. Разбойник подошел к нему и спрашивает:

— Что ты так рыдаешь?

— Я уронил в колодец ведро из чистого серебра. Как мне теперь достать его?

Услышал жадный разбойник про серебряное ведро — не стал долго раздумывать, разделся и по веревке спустился в колодец. Пока он искал в ледяной воде то, чего там не было, Алдар отвязал веревку, прихватил его одежду и ушел восвояси.

Только поздно вечером удалось разбойнику выбраться из колодца. Он продрог в ледяной воде так, что зуб на зуб не попадал. Больше его в аиле никто никогда не видел.

С тех пор в народе говорят: «Колодезная вода смывает все зло».

Киргизская сказка

БЕЛЫЙ КОЗЕЛ АЛДАРА

Был у Алдара белый как снег козел, с острыми, как сабля, рогами, злой и бодливый. Чтобы он не бодал детей, хозяин держал его на привязи во дворе, под навесом.

Однажды, вернувшись из соседнего аила, Алдар не нашел рогатого на месте. «Видимо, козел порвал веревку и удрал в поле», — подумал Алдар и отправился на поиски. Он искал козла всюду: в поле и горах, в садах и оврагах. Но тот как сквозь землю провалился.

Удивленный пропажей и раздосадованный неудачными поисками, Алдар вернулся домой и вновь внимательно осмотрел закуток, где обычно стоял белый козел. Осмотрел — и не поверил своим глазам: в темном углу лежали рога, борода да копыта — все, что осталось от его любимого козла. Алдар сразу догадался, что здесь произошло.

Собрав в серый волосяной мешок рога, копыта и бороду, он пошел к логову волка, который жил в кустарнике на пригорке. Пришел и закричал:

— Эй, разбойник, признавайся: это ты сотворил черное дело — задрал моего белого козла? Ну, волк, сам вылезай из норы, пока я не переломал твои ребра! Заодно хочу проверить, прочна ли твоя шкура!

Волк, услышав голос человека, еще дальше забился в угол норы и сжался в комок от страха. Алдар решил сам влезть в нору и выволочь Серого за уши, да плечи не пролезли. Подумал, подумал Алдар и решил выманить разбойника из его логова хитростью.

— Эй, пастух, — крикнул он в сторону негромко, но так, чтобы его слышал волк, — ты всегда был мне верным помощником. Докажи и сегодня верность нашей дружбе. Вон за теми черными безлесыми горами, в зеленой долине, около белопенного озера живет охотник Карабай. Отправляйся к нему за помощью. У него есть цепкие капканы. Пусть он прихватит их вместе с лопатой да поскорее идет сюда. Мы мигом изловим волка, сдерем с него шкуру и воротник сошьем.

Услышал это волк да как выскочит из норы. Выскочил — и угодил в мешок, раскрытый у самой норы предусмотрительным Алдаром.

Хитрец усмехнулся, что так ловко провел волка, завязал крепко мешок сыромятной бечевкой, взвалил Серого на плечи и понес домой. Волк долго молчал, а потом спрашивает дрожащим голосом:

— Алдаке[92], скажи правду, что ты хочешь со мной сделать?

— Мяса тебе больше не видать, работу козла будешь выполнять, — ответил спокойно человек.

Придя домой, Алдар тут же принялся за дело. Крепко-накрепко связал волку лапы и пасть, чтобы не царапался и не кусался да в горы не смог убежать, приклеил козлиную бороду, прикрепил копыта, а к голове — козлиные рога-сабли. Посыпал волка мукой. Тот стал похож на белого козла.

Алдар остался доволен своей работой.

— Вот теперь ты не волк, а мой белый козел, не в горах будешь рыскать, а службу мне служить. Слушай меня внимательно: скоро у хана будет большой праздник — той. Известно ли тебе, что во время пира хан устраивает поединки козлов? Знай же: вместо моего белого козла, которого ты погубил, на этот раз тебе придется сражаться с черным свирепым козлом хана.

Что мог поделаться волк? Пришлось подчиниться Алдару.

В назначенный день посадил Алдар в мешок «козла» и пришел с ним на той. Народу здесь собралось видимо-невидимо: всем хотелось посмотреть, как сражаются круторогие бородачи. А те дрались так, что из

рогов искры сыпались.

Хан, увидев Алдара, подозвал его к себе и с усмешкой говорит:

— Что у тебя в мешке — козел или кузнечик? — И он громко расхохотался, довольный своей шуткой. — Если там сидит твой белый козел, пускай его в круг. Или он от страха дух испустил?

В ответ на насмешку хана Алдар решил сам посмеяться над ним.

— О великий хан! — сказал он, отвешивая низкий поклон. — Мой козел не станет драться за малый приз — он любит золотые монеты, да в придачу еще кое-что!

Люди так и ахнули от смелых и дерзких слов безбородого.

— Ну, если так, то приз назначай сам, — добродушно предложил хан, — ты его все равно проиграешь!

Он снова залился смехом, который чем-то напоминал козлиное блеяние.

Долго они спорили-рядили, какой назначить приз. Наконец сошлись на том, что, если выиграет черный козел, Алдар отдаст своего белого, а если победит белый козел, хан отдаст своего черного козла и в придачу пять валухов^[93]. Дескать, знай, бедняк: хан — щедрый человек... на посулы.

Взгляды собравшихся устремились на круг, туда, где должны были сражаться черный козел хана и белый козел Алдара.

Два высоких, сильных джигита привели упирающегося черного козла в круг.

Вступил в круг и Алдар. Опустив мешок на землю, он развязал сыромятную бечевку, украдкой поправил «козлу» бороду, рога, копыта и выпустил на волю. Волк, увидев много людей, испугался и бросился в сторону. На его пути оказался черный козел. Глаза хищника загорелись голодным огнем. Никто даже и не заметил, как он щелкнул острыми клыками. Почувяв волчий запах, черный козел так перепугался, что подскочил вверх метра на два и бросился наутек.

Народ так и покатился со смеху, увидев позорное бегство черного козла, а хан побледнел от злости, что проиграл. Но делать нечего, пришлось отдать вместе с черным козлом еще и пять обещанных валухов.

С той минуты хан затаил злобу на Алдара и стал думать, как бы отнять у него белого козла. Думал-думал и ничего не смог придумать лучшего, как позвать Алдара и предложить ему за белого козла большой выкуп.

— Я дам тебе сто овец за козла, — уговаривал хан. — Сто овец через год принесут сто ягнят. Так ты сам скоро станешь богатым.

— О владыка со звездой во лбу! — воскликнул Алдар и притворно заплакал. — Не то что за сто овец, я своего козла и за двести овец не уступил бы никому. Но для вас... я готов на все. Не только козла — свою жизнь отдам.

Хан обрадовался, что так легко добился своего, и безмерно расщедрился:

— В таком случае даю тебе в придачу еще десять ярочек.

На том сделка и состоялась. Алдар сходил домой за «козлом», принес его в мешке и пустил в ханскую овчарню. При этом предупредил работников хана:

— Пока козел не привыкнет к овцам, ворота не открывайте — не ровен час, сбежит.

Сказал и погнал домой овец с ярочками — ханский выкуп за белого «козла».

Утром джигиты открыли ворота овчарни и отшатнулись: вся отара овец была порезана волком, а сам он кинулся в открытые ворота — только его и видели. В углу овчарни остались козлиная борода, рога да

копыта.

Рассказали о случавшемся хану. Тот сильно рассердился и послал за Алдаром своих джигитов, но те вскоре вернулись ни с чем: Алдар не стал дожидаться, когда его начнут разыскивать, и отправился в степь — подальше от владений хана.

ЖЕЛЕЗНАЯ ПТИЦА

Нанайская сказка

одном стойбище жили когда-то муж и жена.

Прожили они долго, а детей так и не было. Очень хотелось им заиметь сына или дочь, и стали они молить духов послать им в утешение ребенка.

Вот прошло какое-то время, и почувствовала жена, что скоро будет матерью. Отправилась она в родильный шалаш — цóро. Вскоре у нее родился сын, и тут же мальчик стал быстро расти.

Обрадовалась мать и кричит мужу из шалаша:

— Сын родился! Быстро растет, скоро большим будет!

Не поверил муж и говорит:

— Если это правда, пусть мой сын встанет и поймает мышку.

Услышал сын приказание отца, выпрыгнул из рук матери, поймал мышку.

— Сын мышку поймал! — кричит она мужу из цоро. — Признаешь теперь, что он твой сын?

— Нет, — отвечает муж. — Если он мой сын, пусть пойдет в тайгу, поставит капкан и поймает соболя!

Услышал сын приказание отца, пошел в тайгу, поставил капкан и поймал соболя. Принес матери.

Снова кричит она мужу из цоро:

— Сын соболя из тайги принес! Признаешь теперь, что он твой сын?

— Нет, — отвечает муж. — Если он мой сын, пусть пойдет туда, где солнце заходит. Пусть пройдет четыре горы, переплывет четыре реки, найдет гору, где живет железная птица, пожирающая людей, свяжет ее и мне принесет. Тогда признаю его своим сыном!

Услышал сын приказание отца и говорит:

— Хорошо, я сделаю так, как ты велишь, отец. Но ты должен исполнить мою просьбу. Сделай мне семь железных шапок для головы и сплети мне крепкий пояс, чтобы он был длиной как семь самых высоких деревьев в тайге.

Выполнил отец просьбу сына. Выковал семь железных шапок и сплел из мягкой, крепкой травы пояс длиной как семь самых высоких деревьев в тайге.

Надел сын все семь шапок на голову, опоясался длинным поясом и отправился в ту сторону, где солнце заходит, — искать железную птицу, пожирающую людей.

Долго шел и с каждым шагом рос мальчик. Не по дням, а по часам. Когда четыре горы прошел, четыре реки переплыл, совсем взрослым, красивым юношей стал. Наконец пришел он к высокой горе и видит, что она из человеческих костей. На самой вершине старое, засохшее дерево стоит, и на голой его ветке птица сидит — глаза как огонь горят, крыльями машет, грозным голосом спрашивает:

— Ты зачем пришел ко мне?

— Хочу поймать тебя, — отвечает юноша, — и отнести к моему отцу, тогда он признает меня своим сыном!

Засмеялась железная птица, замахала огромными крыльями так, что дерево зашаталось, и говорит:

— Посмотри, что осталось от тех, кто хотел поймать меня, как ты. И с тобой будет то же, лучше уходи поскорее!

Птица снова страшно засверкала глазами и замахала железными крыльями.

— Я не боюсь тебя, — отвечает юноша. — Давай лучше поборемся. Если ты меня одолеешь, то ты меня съешь, а если я тебя поборю, то отнесу к отцу.

— Хорошо, — сказала железная птица, — готовься к тому, что я тебя съем.

Слетела железная птица с высокого дерева, камнем упала на юношу и острым клювом стала долбить его голову. Но голова юноши была покрыта семью железными шапками. День прошел, и ночь прошла — продолбила птица только одну железную шапку.

А юноша не терял времени. Привязал конец своего пояса к ногам птицы и, пока она клювом долбила его голову, стал ходить вокруг и опутывать ее длинным травяным поясом.

Шесть дней прошло, шесть ночей прошло — продолбила птица шесть железных шапок на голове юноши, одна осталась. Но к этому времени он так опутал поясом птицу, что у той только голова да шея были видны.

Седьмой день наступил, стала железная птица шею поворачивать, чтобы последнюю шапку на голове юноши продолбить.

Взял тогда юноша конец крепкого пояса и завертел его на шее птицы так, что она головы не могла повернуть и клюва раскрыть.

— Ну, — спрашивает он, — кто победил? Ты или я?

— Ты победил меня, великий Мэргэн, — отвечает птица, — неси меня к твоему отцу. Пусть признает тебя своим сыном.

Обещала железная птица больше не трогать людей и не есть человеческого мяса. Взял тогда юноша на плечо сухое дерево, которое стояло на вершине горы из человеческих костей, посадил на него железную птицу и отправился в обратный путь.

Долго шел и наконец пришел в свое стойбище. Вышли все старики, мужчины, женщины и дети встречать Мэргэна, победившего железную птицу, пожирающую людей.

Принес он птицу в дом отца и спрашивает:

— Признаешь теперь меня своим сыном, отец?

— Теперь признаю тебя своим сыном, Мэргэн, — отвечает отец.

Захотелось ему железную птицу руками потрогать, но только подошел, как она засверкала глазами, зашипела и закричала страшным голосом. Испугался отец, замахал руками, приказал сыну поскорее унести птицу из дома или убить.

Пожалел юноша железную птицу, не стал убивать. Отнес на опушку леса, посадил на высокое дерево, а чтобы она не скучала, обещал каждый день приходить и приносить ей пищу.

Много надо было еды железной птице, и, чтобы добыть ей пищу, юноша рыбу в реке ловил, в тайге

на зверя охотился.

Привязалась железная птица к юноше, совсем добрая стала.

Вот однажды и говорит ему:

— Твой отец скажет скоро, чтобы ты убил меня. Но ты отпусти, дай мне улететь. Улечу далеко-далеко и людей больше трогать не буду. Когда будем расставаться, я дам тебе перо из своего крыла. Не теряй его. Будешь идти на охоту — брось перо и посмотри, в какую сторону оно упадет концом. В ту сторону иди — удачливым охотником будешь и счастье свое найдешь!

Приходит сын домой, а отец ему говорит:

— Железная птица много мяса, много рыбы ест. Зима скоро. Как жить будем, если еды не станет? Пойди убей птицу!

Пошел юноша в лес к большому дереву, на котором сидела железная птица, и говорит ей:

— Жаль мне расставаться с тобой, но отец велел мне убить тебя. Не буду тебя убивать, лети куда хочешь!

Развязал он птицу, расправила она железные крылья, выдернула одно перо, отдала юноше и улетела далеко-далеко.

Много дней прошло с тех пор, как улетела птица, но не забывал ее юноша и перо железной птицы всегда с собой носил. Как пойдет на охоту — возвращается с богатой добычей. Хорошо стало жить отцу и матери с добрым, заботливым сыном!

Сильного, красивого юношу все звали Мэргэном. Но вот пришла ему пора жениться, и старики стали сватать сыну невест. Но не нашлось под стать ему красавицы.

Загрустил Мэргэн и решил сам искать себе невесту. Взял с собою лук, стрелы, немного еды, попрощался с отцом и матерью, бросил вверх перо железной птицы и пошел в ту сторону, куда указало острие пера.

Шел, шел, долго шел, людей не встретил. Есть захотел Мэргэн. Ничего не осталось из того, что взял из дома. Надо охотиться, чтобы добыть еду. Но стало тихо в тайге: ни зверя, ни птицы не слышно.

Рассердился Мэргэн и громко воскликнул:

— Обманула ты меня, железная птица! Где то счастье, которое ты мне обещала? Я поверил тебе, шел по дороге, которую указало твое перо, но ни зверя, ни птицы не встретил и теперь от голода должен погибнуть!

Только сказал последнее слово, как над его головой вспорхнула маленькая птичка. Схватил он лук и хотел подстрелить птичку, но она сказала:

— Не убивай меня, Мэргэн, иди за мной!

Пошел Мэргэн за птичкой. Шел, шел, совсем ослабел от голода, спотыкается, в глазах темно — вот-вот упадет. Совсем выбился из сил, не может больше идти.

Вдруг слышит нежный голос:

— Вот и конец пути! Мэргэн, подними голову, посмотри вперед!

Поднял голову Мэргэн и видит: тайга расступилась, впереди большая поляна, на ней домик стоит, весь светится. А навстречу ему девушка идет, да такая красавица, какой никогда видеть не приходилось! Черные косы до земли падают, шелковый халат удивительными узорами расшит, разными красками, как

цветы на поляне, переливается, а блестящие украшения на подоле серебряными колокольчиками звенят!

Протянула девушка к нему руки, улыбается:

— Здравствуй, Мэргэн! Я давно тебя жду. Это я маленькой птичкой летела впереди тебя, дорогу к нашему дому показывала. Заходи!

Понял Мэргэн, что не обманула его железная птица. Нашел он свое счастье — красивую невесту.

Скоро они отправились в обратный путь — в дом отца и матери Мэргэна. Очень обрадовались старики возвращению сына с красивой и умной невестой. Отпраздновали свадьбу, и зажили счастливо Мэргэн со своей красавицей женой. Долго жили. Много детей было, все красивые. Девушки научились от матери шить красивую одежду, стали искусными рукодельницами, а юноши, как отец, — храбрыми охотниками. И еще научились они от отца украшать затейливой резьбой разные вещи из дерева.

Хорошо жили! А может, и теперь живут.

КАК ЯРТЫ-ГУЛОК НАШЕЛ ОТЦА И МАТЬ

Туркменская сказка

Перевод А. Александровой и М. Туберовского

было ли это или не было, ехал по раскаленным от солнца пескам старик.

Он ехал на ишаке и вел за собой на поводу верблюда. Старик до света уже работал на мельнице и очень устал. Верблюд нес на себе тяжелые мешки и тоже устал. Ишак же устал потому, что на нем сидел старик. А до аула было еще далеко.

От бархана к бархану, от одной песчаной горы до другой целый день вела старика дорога. Даже птица не знает, где конец этой дороги. Ветер и тот не знает, где конец пустыне. А человек называет эту пустыню Каракумы, что по-туркменски значит «Черные пески». Вот где ехал старик.

Он ехал и пел песню, длинную, как его жизнь, и печальную, как его мысли, потому что он был уже очень стар и борода его стала белой, как груды хлопка, но у него не было сына — помощника в старости. О чем старик думал, о том и пел:

Был бы у меня сынок,
Сынок хотя бы с ноготок,
Лицом подобный цветущему маку,
Нравом подобный веселому солнцу,
А трудолюбием подобный пчеле,—
Вот тогда был бы я счастлив...

Вдруг старик услышал, что кто-то его зовет:

— Эй, ата[94]-джан, дорогой отец! Если у тебя нет сыночка, так возьми меня в сыновья.

Старик удивился. Он остановил ишака и стал смотреть себе под ноги, но увидел на дороге только сухие кусты верблюжьей колючки.

Но голос раздался снова:

— Если хочешь увидеть орла, не смотри на землю!

Тогда старик поднял глаза к небу, однако и там не нашел ничего.

А голос сказал совсем громко:

— Эй, ата-джан, кто же ищет барса среди облаков?

Старик взмолился:

— Перестань прятаться! Покажись сейчас же!

Ему очень хотелось поскорей увидеть своего долгожданного сыночка. И вдруг он его увидел: маленький мальчик выглянул из верблюжьего уха! Он весело посмотрел на старика и пропищал тоненьким голоском:

— Я здесь, здесь! Ты видишь меня? Будь так добр, помоги мне выбраться из этой тесной кибитки, а то я задохнусь.

Старик вынул мальчика из верблюжьего уха и посадил себе на ладонь — вот какой он был маленький! Голова его спереди была гладко выбрита, как у всех туркменских мальчишек, а за ушами торчали две тугие черные косички.

— Как же тебя зовут? — ласково спросил старик мальчика.

— Зови меня как хочешь! — бойко ответил малыш и принялся заплетать свои косички. Он проделывал это так спокойно, будто сидел у себя дома на мягкой кошме-подстилке, а не на шершавой ладони.

Старик покачал головой:

— Какой же ты маленький! Клянусь, ты не больше половины верблюжьего уха!

Малыш глянул на старика и засмеялся:

— Вот так меня и зови! Это мне по душе!

И старик назвал мальчика Ярты-гулок, что значит «половина уха».

— Всем ты хорош, Ярты-гулок, — вздохнул старик, — но будешь ли ты мне добрым помощником в старости? Ты слишком мал!

Сынок хитро подмигнул отцу и ответил:

— Ата-джан, алмаз тоже невелик, но за один алмаз отдают сотню больших верблюдов. — И прибавил: — Но ты, отец, не отдавай меня и за тысячу верблюдов, потому что я принесу в твой дом счастье и удачу.

С этими словами Ярты-гулок вскочил на ноги и, как заправский погонщик, закричал на задремавшего ишака:

— Ио, ио, мой ишак! Вези нас скорее к дому, а то у моей матери плов пригорит!

Ишак встряхнул ушами, и все четверо двинулись в путь.

Пускай они едут, а ты слушай, что было со старухой.

* * *

Старуха сидела посреди двора на белой кошме-подстилке и ткала ковер. Она завязывала маленькие шерстяные узелки и думала о своем горе. А когда у человека горе, он или плачет, или поет.

Вот старуха и пела:
Был бы у меня сынок,
Сынок хотя бы с ноготок,
Выткала бы я для него ковер —
Алый, как лепестки гвоздики,
Золотистый, как солнце на закате,
Синий-синий, как ночное небо.

Когда старуха глянула за ворота, она увидела, что ее старик несется вскачь на своем ишаке прямо к дому, а старый верблюд, приплясывая, бежит за хозяином.

— Эй, мать! — закричал старик еще издалека. — Счастье приходит и к молодым, и к старым. К нам пришло оно очень поздно, но тем лучше мы его оценим. Я привез тебе сына!

Старуха даже рассердилась:

— Зачем ты смеешься над нашим горем?

— А почему бы судьбе не порадовать нас и не подарить нам маленького сыночка? — ответил старик и указал на мальчика.

Ярты сидел между ушей верблюда и важно поглядывал на родителей.

Старуха глянула на мальчишку и всплеснула руками:

— Ой, сыночек, какой ты красивый, какой румяный!

Она взяла мальчика в свои теплые руки и не могла на него наглядеться. Она шептала ему ласковые слова, называла его то румяным яблочком, то своим верблюжоночком.

А потом спросила:

— Почему только ты такой маленький?

Ярты отозвался:

— Не горюй, апá[95]-джан: маленькому сыночку пойдет на халат меньше шелка!

И мать унесла сына в свой дом-кибитку.

Это было днем, а потом пришел вечер.

* * *

Старуха обошла всех своих соседок и позвала их на «умé» — помощь по хозяйству. Она ничего не пожалела для гостей: наварила плову большой кунгáн, напекла сдобных лепешек и поставила на стол деревянное блюдо, полное кишмиша и ломтиков сладкой дыни.

Целый вечер пели соседки, до поздней ночи звенел дутáр[96].

И под звуки песен сшили женщины для Ярты-гулока три халата — из маленького платочка, тубетейку — из коробочки хлопка, а туфли-ичиги[97] стачали из нежной кожи цыпленка.

Они нарядили Ярты-гулока, посмотрели на него справа, потом посмотрели слева, хлопнули в ладоши и засмеялись:

— Вот это настоящий джигит!

Ярты-гулок поклонился родителям и важно сказал:

— Спасибо вам за заботу. Отдыхайте на старости. Теперь я возьмусь за хозяйство.

ДОЧЕРИ ОТОРТЕНА

Мансийская сказка

Обработка М. Анисимковой

Только ветер знает да Чй-стоп-камень помнит, может, гусям-лебедям матери рассказывали про то время, когда в этих местах молодой охотник Отортэн жил.

Первым солнце встречал Отортен, первым ветер ласкал Отортен, первым слышал он громкий плач улетающих птиц.

Как забьют в бубен, позовут на бой — всех туже лук Отортена, всех острее стрела Отортена. «Ай-я-я! Какой храбрый манси Отортен!» — говорили все.

За рога удержит сохатого, из берлоги достанет медведицу, переставит валун с места на место. «Ой-ой-ой! Какой сильный манси Отортен!» — говорили все.

Если лодки нет, по волнам пробежит через речку любую или озеро... «Её-ё-ё! Ну и ловкий манси Отортен!» — говорили все.

По следам запорошенным он обгонит зверя, изловит его. Даже птица с высот не приметит Отортена! «Ай-я! Хитрый какой Отортен!» — говорили все.

Одиноко в тайге жил Отортен. Мать, отца схоронил, братьев лед утащил, а невеста по сердцу не встретилась.

Шел как-то Отортен берегом говорливой речки Тосемьи. Вдруг слышит сзади завывание сердитое. Оглянулся, видит: ветер летит, ветки деревьев к земле гнет, траву с корнем рвет.

— Что ты делаешь, ветер Сиверко[98]? — взмолилась река Тосемья, облила ветру бороду косматую.

Долго тряс ее ветер, моросил дождем, а сам кричал сколько было сил:

— Неспроста кружу-у! Неспроста иду-у! Океан послал жениха найти своей дочери. Чтобы храбрый был, чтобы сильный был, чтобы ловкий был, чтобы хитрый был.

Приумолкла река Тосемья, призадумалась, волны спрятала, стала тихою.

А ветер кружит, дрожит, как олень на привязи, — ждет, что скажет река говорливая.

Вдруг всплеснула одна и другая волна. Замутилась река. Ветер тут как тут.

— Отортен — жених! Лучше не найти, — прошептала река. И давай хлестать волны в разные стороны.

— Что ты делаешь? Неразумная! — проревел Сиверко.

А река ревет, волны пенятся, к берегам летят.

— Подожди! Расскажи! Успокойся! Не расслышал я.

А в ответ, будто человек, простонала река Тосемья, в камнях спряталась.

Слышал все это Отортен и с тоской смотрел на сухие каменистые берега. Как травы между собой разговаривали, слышал, видел, как утки в страхе кричали, с гнезд поднимали птенцов слабокрылых да к озерам скорей летели.

Чаще стал ходить к сухим берегам Отортен. И увидел раз, как облака с землей встретились. Закачались деревья, стали землю вершинами бить, а по сухой реке Тосемье ручеек прозвенел.

Обрадовался Отортен, что река снова в берега входит. Только перед ним вдруг появилась девушка-красавица. Солнце дало ей руки свои, травы дали нежность и стройность, а озера подарили глаза голубые, бездонные.

— Прячься, Отортен! За тобой летит ветер Сиверко! — громко крикнула девушка и потерялась, а за ней пробежал ручеек.

— Это ты пришла, Тосемья-река? — крикнул радостно Отортен. — Где ты? Покажись еще! Пойдем в чум ко мне!

А буран поднялся невиданный. Это хитрый ветер Сиверко услышал имя охотника и задурил, закричал:

— Отортен! Отортен! Отортен!

— Ты иди скорей ко мне! Прячься под берег! Я укрою, засыплю камнями тебя! — слышит Отортен слабый голос девичий.

— Отортен! Отортен! — слышно ветра крик.

А косматые тучи закрыли все, закружили все.

— Не отдам тебя в чужую страну! Оставайся со мной, Отортен, храбрый сын народа, сильный сын тайги, ловкий сын лесов! — крикнула каменная Тосемья-девушка.

И рассеялось, потерялось облако темное. На том месте меж гор, где стоял Отортен, очутился вдруг большой камень. А Тосемья-река обежала, журча, его, обласкала водой. И стоит с тех пор камень Отортен. Давным-давно снег не тает, лежит на вершине его.

Чтоб не грустил Отортен, не печалился, каждую весну ему Тосемья-река по ручейку говорливому дарила. Пошумят ручейки и убегут в болота, у подножия Отортена спрячутся. Любовался ими Отортен. Год от году ручейки ширились. В реки полные собираться стали. Отортен стал звать их по имени. Постарше дочь Печóрой назвал, помоложе которая — Вишерой.

Раз в весенний день солнечный замолчала, задумалась Печора-дочь. Долго ждал сказок ее Отортен, прислушивался. Горсть снега с вершины сбросил, а Печора молчит. Видит Отортен: почернела Печора, нахмурилась дочь Вишера.

— Ты пусти нас, отец, в сторону! — прокричала Отортену Печора-дочь.

Посуровел Отортен. Сбросил камень один, а за ним другой, много камней, заковал дочерей в берега. Замолчал. Год молчит, два молчит. Крепко держит дочерей в утесах каменных.

Утки с криком летели, гуси крыльями свистели, над вершиной Отортена разговор вели:

— Дорога длинная, нелегкая. Нет озер! Нет лесов! Пусто-мертво все без воды.

И садились птицы на речную гладь, и купались в Печоре и Вишере. На утесах крутых перья чистили, в низинах речных гнезда вили, птенцов выводили. А Отортен все молчал. Все думушку думал.

Как-то в теплый день Отортен послал звонкий чистый ручей к дочерям своим. Испугались они, приутихли, слушают.

— Я раздвину плечи свои, — разнесся голос Отортена, — открою ходы-выходы, на простор пущу. Пусть в водах ваших рыба водится, пусть по глади вашей птицы плавают, по берегам пусть леса растут.

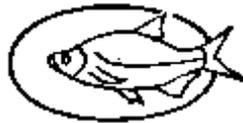
И умолк.

Заметались реки, закачали волны и запели песню камню Отортену.

Долго сил Отортен набирался, тихо поворачивался, раздвигая свои плечи каменные с той стороны, где солнце падает, и отпустил дочерей по широким лугам воды нести.

Он им каждый год свои думы шлет, талым снегом отцовским потчует. С побелевшей головы светлые ручейки гонит. Да не знают про то сестры, что отец Отортен на другую сторону, что ближе к солнышку, отпустил дочерей самых меньших своих — Лóзьву с Сосьвою, — как их люди зовут. Наградил их водой прозрачной. Каждый камушек в них птицы видят с небес. Облака в этих реках купаются, прихорашиваются, а в награду дал им Отортен рыбку малую позолоченную. Все селедкой ее зовут сосьвинской. Не увидеть такой, не сыскать нигде!

Стоит Отортен, снежная шапка на нем и совик[99] расшиты мхом да лишайником. Низко кланяется ему ветер Сиверко, и подножия ласкают дочери, да течет у подножия малый ручеек Тосемьи-реки. Тот, кто был в тех краях да у камня Отортена стоял, тот и сам, наверно, сказками его заслушивался.

ГОВОРЯЩИЕ ДЕНЬГИ

Таджикская сказка

Перевод К. Улуг-заде

В одном кишлаке жил старый скряга. Он ходил в рваном халате, держал впроголодь жену и детей, сам недоедал — все старался скопить побольше денег. Так он накопил кувшин золота и кувшин серебра и зарыл их под забором у своего дома.

Но случился неурожайный год, и старику пришлось вспомнить про заветные кувшины.

Вот взял он лопату и пошел откапывать зарытые деньги. Но едва он достал кувшин с золотом и хотел открыть его, как послышался голос: «Не тронь — это деньги Курбана!»

— Ой, что это? — удивился скряга, скорее заткнул горлышко кувшина с золотом и стал откапывать кувшин с серебром. Но едва он открыл этот кувшин, как услышал опять: «Не тронь — это деньги Курбана!»

— Да что все это значит?! — воскликнул скряга и поскорее заткнул горлышко кувшина с серебром. — Я копил серебро и золото, а оказывается, это деньги какого-то Курбана! Не бывать этому!

Снова закопал он оба кувшина в землю, сел у забора и стал думать:

«Мои деньги захотели принадлежать какому-то Курбану! Как раз в нашем квартале живет ювелир Курбан. Так мои деньги захотели попасть к ювелиру?! Но накопил-то их я, и я не допущу, чтобы они попали к другому!»

Он побежал в сарай, взял топор и веревку, сел на своего осла и поехал в горы. Там в арчовой [\[100\]](#) роще свалил он дерево, отрубил два больших чурбака, взвалил на осла и привез домой.

Дома он выдолбил чурбаки, откопал кувшин с деньгами и высыпал золото в один чурбак, а серебро — в другой. После этого он туго забил отверстие каждого чурбака щепками так, что ни одной щелочки не было видно.

Тут же скряга взвалил на осла эти арчовые обрубки, отвез их к реке и бросил в воду.

— Теперь посмотрим, как вы будете принадлежать Курбану!

Всю ночь не спал скряга и думал:

«Ах, что я наделал! Копил-копил деньги, а потом сам же бросил их в реку! И вот теперь не могу заснуть от досады и огорчения».

Только начало светать, он надел сапоги и пошел по берегу реки искать свои чурбаки с деньгами. Жадно всматривался он в тот и другой берег, ожидая, что, может быть, они зацепились за что-нибудь и застряли. Но их нигде не было видно.

Все дальше и дальше шел он по течению реки, разыскивая свои деньги, и дошел до соседнего города.

В этом городе жил бай Касым. Он держал на берегу реки двух работников, которые с утра до вечера вылавливали бревна и хворост, плывущие по реке. Вечером работники грузили эти дрова на осла и

отвозили их на байский двор.

Однажды работники бая увидели плывущие по реке арчовые обрубки и выловили их.

В этом городе жил также бедный кузнец Курбан. Он покупал у бая дрова и так много задолжал баю, что не мог вовремя выплатить долг.

В тот день, когда работники бая привезли во двор два арчовых чурбака, Касым позвал кузнеца и сказал ему:

— Если не можешь отдать долг, отработай за него. Пойди сейчас ко мне во двор, возьми дров и нажги из них побольше угля.

Вошел Курбан на байский двор, и сразу ему бросились в глаза два арчовых чурбака.

— Вот это будет уголь! Самый лучший уголь выходит из арчи, — говорил он, складывая дрова на арбу.

Курбан привез дрова к себе в кузницу и свалил перед очагом. Теперь надо было расколоть их на куски и пережечь в уголь.

— Начну-ка я с арчи, — сказал Курбан и ударил топором по одному чурбаку. Чурбак раскололся пополам, из него посыпалось серебро.

— Ой-ей, жена, — негромко позвал Курбан, — иди скорей сюда да захвати с собой чашку!

Прибежала жена кузнеца с чашкой, увидела рассыпанное серебро, стала его собирать и набрала полчашки.

— Неси деньги домой и спрячь, — сказал кузнец. — Ну, теперь уж я расплачусь с баем и избавлюсь от долгов!

Обрадовался Курбан, с силой ударил по другому чурбаку и не мог удержаться от крика:

— Жена, иди скорей сюда! Да носи еще вторую чашку!

— Видно, сжалилась над нами судьба, теперь наши дети будут сыты и одеты, — говорила жена кузнеца, собирая золото в другую чашку.

— Завтра же расплачусь с баем и пойду на базар. Куплю рису, сала, баранины и детям сладостей, куплю всем новые халаты и ичиги с калошами, а самое главное — куплю себе новую наковальню с молотом и подновлю свою старую кузницу. Тогда мои дела поправятся, и, может быть, нам будет хватать на жизнь, — говорил жене Курбан.

Через несколько дней, вечером, в этот город пришел скряга — хозяин золота и серебра. На окраине города он спросил у первого встречного:

— Не скажешь ли ты мне, где я могу переночевать?

— Стучи в любую калитку, никто не откажет страннику.

Скряга постучал в калитку.

— Салам алейкум![\[101\]](#) Не пустишь ли переночевать? — сказал он кузнецу Курбану, который открыл калитку.

— Пожалуйста, заходи — гостем будешь, — ответил Курбан.

Кузнец ввел гостя в комнату и велел жене подать угощение.

— Позволь спросить, откуда ты идешь и куда направляешься? — спросил гостя Курбан за ужином.

— Ох, стыдно сказать, такое со мной случилось неладное дело! Вижу, ты хороший, добрый человек,

открою тебе свою тайну...

И гость рассказал хозяину дома все, что мы с вами уже знаем.

Пораженный рассказом, Курбан сидел молча, понутив голову.

А когда гость уснул, Курбан вышел в другую комнату, где спала его жена с детьми, и сказал ей шепотом:

— Нашелся хозяин золота и серебра. Мы должны вернуть ему деньги. Но надо это сделать так, чтобы он не заметил, что часть денег уже истрачена. Как бы это получше устроить?

— Я замешу тесто и к рассвету испеку две большие лепешки. В одну из них я запеку золото, а в другую — серебро, — предложила жена. — Утром, когда гость соберется уходить, отдадим ему эти лепешки на дорогу. Так к нему вернуться его деньги.

Утром после завтрака гость собрался уходить.

— Вот возьми на дорогу эти две лепешки, — сказал хозяин гостю. — Проголодаешься дорогой — съешь их.

Гость взял из рук доброго хозяина лепешки, три раза поцеловал каждую, приложил их к своим глазам, потом завернул их в платок и привязал у пояса.

— Спасибо тебе за гостеприимство. Я решил вернуться домой. Не угнаться мне за быстрой рекой! — сказал скряга и вышел со двора Курбана.

Он дошел уже до окраины города, как вдруг у него лопнул сапог. Пошел он к сапожнику и сказал:

— Мастер, у меня лопнул сапог, а денег нет заплатить тебе за починку. Не возьмешь ли ты за работу вот эту лепешку?

— Ладно, давай твою лепешку, снимай сапог, почию, — сказал сапожник.

Скряга снял сапог, отдал его сапожнику и стал развязывать платок с лепешками.

Сапожник вдел в иголку дратву, взял шило и стал втыкать его в сапог, а оно хрустнуло и сломалось. Мастер взял другое шило, но и оно тут же сломалось. Так, не починив сапога, сапожник сломал одно за другим четыре шила.

— Ну и сапог! — воскликнул сапожник. — Никогда я не ломал шила, а тут сразу четыре сломал! Больше нет у меня шила. Ты посиди здесь и подожди, пока я сбегаяю к мастеру.

Сапожник собрал сломанные шила и хотел идти, но, взяв в руки лепешку, полученную от путника, сказал:

— Денег у меня нет: не заработал еще сегодня. Придется за работу мастеру отдать твою лепешку.

— Может быть, одной не хватит, вот возьми еще другую, — сказал скряга и отдал сапожнику вторую лепешку.

Положив обе лепешки за пазуху, сапожник направился к кузнецу Курбану. Курбан сделал сапожнику четыре новых шила.

— Не взыщи, пожалуйста, я нынче еще не заработал денег — заплачу тебе лепешками, которые сам получил вперед за работу.

Сапожник отдал кузнецу принесенные лепешки и поспешил к своему заказчику.

Вечером, когда Курбан протянул жене заработанные лепешки, она воскликнула:

— Да ведь это же мои лепешки! — и разломила их.

Из одной лепешки посыпались золотые монеты, из другой — серебряные.

— Ой-ей-ей! Что же теперь делать? Не хочу я пользоваться чужим добром! — воскликнул огорченный Курбан.

— Как же ты теперь найдешь хозяина? Наш гость давно ушел, и мы даже не знаем, в какую сторону он направился, — сказала жена кузнеца. — Видно, ты тот самый Курбан, к которому захотели попасть деньги, вот они и не уходят от тебя.

МОЙТНЫНГ

Хантыйская сказка

Запись С. Фалеева. Пересказ Т. Чучелиной

а высокими горами, за топкими болотами, в дремучем лесу стоял старый чум. Жила в чуме девушка-красавица. Не было у нее ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер. Звали девушку Мойтнынг. Надоело ей быть одной. Собралась она в путь — искать свой народ, только дороги из лесу не знает.

Отправилась Мойтнынг куда глаза глядят. Вечером пришла она к маленькой избушке с большим сараем. В избушке той жили хозяйин с хозяйкой, а в сарае — их слуги: серый волк да бурый медведь.

Взглянула хозяйка на незнакомую девушку и говорит слугам:

— Узнай, волк, узнай, медведь, с добром ли пришла к нам девушка? Коли с добром — накормим, напоим ее, а со злом — разорвите негодную в клочья.

Понюхал медведь воздух, понюхал и волк воздух.

— Добрые, — говорят, — намерения у Мойтнынг, это твоя племянница.

Хозяйка была старая, слеповатая, но все-таки узнала Мойтнынг. Очень девушка походила на свою мать, родную сестру хозяйки.

— Куда путь держишь, милая племянница? — поинтересовалась хозяйка.

— Надоело одной в лесу жить, иду свой народ искать, — ответила Мойтнынг. — Не укажете ли мне тропку?

— Стара я стала, все позабыла. Вот придет с охоты твой дядя — может быть, он вспомнит.

Тут раздался стук, и вошел сам хозяйин. Был он высокий и сильный. Принес дядя с охоты убитого оленя. Увидела Мойтнынг оленя и заплакала: узнала его. Был тот олень ручной, пасся он возле дома девушки, кормила она его с ладошки.

Поздно ночью подкралась к постели Мойтнынг волк да медведь и говорят:

— Не плачь, красавица! Мы тебе поможем, отдай только нам свою порцию оленины. Но прежде выбери из мяса все косточки да целыми в стену брось. Они сквозь нее пролетят и укажут ту дорожку, которую ищешь. А еще станешь ты очень сильной.

Утром на стол поставили большой котел с отварной олениной. Сели завтракать. Хозяин ест и косточки обгладывает, хозяйка ест и косточки обгладывает. Мойтнынг не ест, только косточки выбирает. Кинула она их в стену, косточки проскочили сквозь нее и легли на дорожку. Мясо Мойтнынг волку и медведю отдала.

Удивился хозяйин проделкам Мойтнынг. Тоже попробовал косточки в стену кидать, да только ничего у него не получилось: застряли они в стене.

После завтрака, когда девушка собралась в путь, дядя остановил ее.

— Никуда не пойдешь. Будешь служить мне, как служат волк и медведь.

— Нет, — ответила Мойтнынг. — Я иду искать свой народ. Хотя ты и грозен, но давай силой мериться...

Рассердился хозяин. Принес он лосиный рог. Сели они на пол, друг против друга. Стали тянуть рог каждый в свою сторону. Тянули, тянули — рог сломался.

— Я победил, — сказал грозный дядя.

— Не слушай его, — шепнули девушке волк и медведь. — Свей веревочку из жил ручного оленя, и тяните еще раз.

— Рог был гнилой, — сказала Мойтнынг.

Свили они веревочку из жил оленя и стали тянуть. Тянут, тянут — ничья взять не может. Но вот Мойтнынг поднатужилась, рванула веревочку — и хозяин перелетел через ее голову, ударился о стену и умер.

Загоревала хозяйка. А серый волк и бурый медведь заплясали от радости, побежали они оба в лес, на свободу.

Мойтнынг вышла за ворота избышки и направилась по дорожке, вдоль которой лежали косточки оленя.

Долго ли, коротко ли она шла, но дорожка неожиданно кончилась. Справа — тайга непроходимая, слева два серебряных ручейка в разные стороны текут, впереди — избышка чуть поменьше прежней и сарай. В избышке той старуха древнее первой, в сарае — звери голодные: пятнистая росомаха и рыжая рысь. Не испугалась Мойтнынг, приблизилась к жилью.

Увидела ее старуха да и говорит своим слугам, рыси и росомахе:

— Проверьте, с добром ли идет к нам девушка. Если с добром — накормим, напоим ее, а если со злом — разорвите ее на клочки.

Понюхали росомаха и рысь воздух.

— С добрыми, — говорят, — намерениями пришла Мойтнынг. Она твоя племянница.

Тетка с годами глуховата стала, но сразу узнала Мойтнынг по голосу. Тот очень походил на голос матери, родной сестры хозяйки.

— Куда ты путь держишь, милая племянница? — поинтересовалась старуха.

— Надоело мне, тетушка, одной в лесу жить. Ищу свой народ, — отвечает Мойтнынг. — Не укажете ли мне тропу?

— Стара я стала, все забыла. Вот придет с охоты твой дядя, он и укажет.

Тут вошел сам хозяин. Был он сильный и ловкий, принес с охоты дюжину уток. Среди них — один селезень.

Глянула Мойтнынг и слезами залилась. Это был тот селезень, что жил на озере возле ее избышки, она с рук его кормила.

Поздно ночью, когда все уснули, подкрались к постели девушки рысь и росомаха, утешают:

— Не плачь, красавица, мы тебе поможем. Когда утром будете есть мясо птиц, ты не ешь, нам отдай. Еще выпроси у дяди горсть перьев селезня. Кинь их по ветру — они и укажут тот ручей, вдоль которого тебе

идти.

Утром ошипали птиц, сварили и котел с мясом поставили на стол. Сели завтракать. Дядя ест и тетка ест, Мойтнынг свои куски то рыси, то росомахе бросает. Удивился хозяин:

— Ты почему не ешь?

— Не хочется, — отвечает Мойтнынг. — Подари мне, дядюшка, горсть перьев селезня.

Еще больше удивился хозяин. Просьбу ее исполнил. Вышла Мойтнынг на двор, бросила перья по ветру. Они полетали-полетали и упали в тот ручей, вдоль которого девушке идти.

— Спасибо за все, — сказала Мойтнынг. — Я пошла к своему народу.

— Нет! — ответил хозяин. — Ты останешься. Будешь служить мне, как рысь и росомаха.

Но Мойтнынг отказалась и предложила дяде помериться с нею силой.

Достала Мойтнынг веревочку из жил ручного оленя. Сели они на пол друг против друга и стали тянуть веревочку каждый в свою сторону. Тянули, тянули — никто перетянуть не может. Но вот Мойтнынг поднатужилась, рванула посильнее — и хитрый хозяин перелетел через ее голову, ударился об стену и умер.

Загоревала хозяйка. А рысь и росомаха запрыгали от радости и побежали в лес, на свободу. Мойтнынг пошла вдоль того ручья, по которому плыли перья волшебного селезня.

Ручей привел девушку к большой реке, на берегу которой стоял город.

«Здесь, наверное, и живет мой народ», — подумала девушка.

Постучала она в первое окошко крайнего дома, вышел добрый старичок и спросил:

— Куда путь держишь, красавица?

— Иду я из лесу, ищу свой народ, — ответила Мойтнынг. — Не скажешь ли, дедушка, куда мне дальше идти?

— Разущи каменный, самый большой дом в нашем городе. Живет там богатырь-мудрец. Он все знает. И весь народ слушается его, — объяснил старичок.

Приблизилась Мойтнынг к каменному, самому большому дому. Встретил ее богатырь. Был он совсем еще молодой. Обрадовался редкой красоте девушки и вежливо спросил ее:

— Что тебе надо?

— Надоело в лесу одной жить, — ответила Мойтнынг. — Ищу я свой народ. Куда мне дальше идти?

— Оставайся у нас, — сказал мудрец.

— Нет, — отказалась Мойтнынг.

И, боясь, что богатырь станет ее задерживать, предложила ему силой мериться.

Рассмеялся юноша мудрец и согласился.

— Если перетяну, — говорит, — то останешься жить в городе.

Достала Мойтнынг веревочку из жил ручного оленя, а юный мудрец головой качает и подает девушке золотую палочку.

Сели они друг против друга, стали тянуть золотую палочку каждый в свою сторону. Сколько ни старалась Мойтнынг, а перетянуть не смогла.

— Вот и хорошо! — обрадовался юный мудрец. — Ты, красивая девушка, нашла свой народ. Если согласишься, оставайся у меня, будь моей женой.

Девушка согласилась. С тех пор живет Мойтнынг с мудрым мужем и в городе своего народа.

ЖАДНЫЙ БАЙ И АЛДАР-КОСЕ

Казахская сказка

Перевел Н. Пантусов

ил на свете Шигай-бай, прозванный за необыкновенную жадность Шикбермесом^[102]. Во всей степи не было человека скупее его. Много было у него баранов, быков и лошадей. Но жадность богача не знала пределов. Священный закон гостеприимства для бая не существовал. Вход в юрту Шигай-бая был закрыт для приезжих. За всю свою жизнь он никому не дал куска.

— Ну, меня бы он накормил! — уверенно сказал Алдар-Косе.

— Не думаю, — ответил известный острослов Жиренше.

Они поспорили и уговорились: если Алдар-Косе ухитрится поест у Шигай-бая, то Жиренше отдаст Алдар-Косе все, что тот потребует.

Заправив полы халата за пояс, Алдар-Косе сел на коня и отправился в путь. К вечеру он доехал до аула Шигай-бая. Осторожно добравшись до юрты богача, Алдар-Косе увидел вокруг нее разостланный камыш. Жадный бай по шороху узнавал о приближении гостя и успевал спрятать пищу, которую варили дома.

Алдар-Косе потихоньку собрал камыш и проложил себе дорогу к юрте. Он нашел маленькую дырочку в кошке и заглянул внутрь. На тагане кипел котел. Шигай-бай делал колбасу. Хозяйка ощипывала гуся. Служанка опаливала баранью голову, а дочка месила тесто. Алдар-Косе неожиданно вошел в юрту и отдал салам.

В один миг исчезли колбаса, гусь, баранья голова и тесто.

Гость сделал вид, что ничего не заметил.

Шигай-бай сказал с притворной улыбкой:

— Рады видеть тебя, Косе! Садись и будь гостем. Только прости, попотчевать тебя нечем.

— И на добром слове спасибо! — ответил Алдар-Косе и занял самое почетное место в юрте.

— Что нового в степи? — поинтересовался хозяин.

— А что ты хочешь знать, добрейший Шигай-бай? То, что я видел, или то, что я слышал?

— Слухи часто бывают ложью. Я им не верю. Лучше расскажи, что ты видел.

Алдар-Косе стал рассказывать:

— Еду я к тебе и вижу: по дороге ползет длинная-предлинная змея. Увидела она меня, зашипела и свернулась так же, как та колбаса, которую ты спрятал под себя, добрейший Шигай-бай. Я схватил камень величиной с баранью голову, вроде той, на которой сидит твоя служанка. Бросил я камень в змею, она от удара расплющилась и стала как тесто, которое находится под твоей дочерью. Если я сказал хоть одно слово неправды, пусть меня ощипают, как гуся, спрятанного твоей женой.

Шигай-бай побагровел от ярости и бросил колбасу в котел. Хозяйка опустила туда же ошипанного гуся, а служанка — опаленную голову барана.

И хором они воскликнули:

— Варитесь пять месяцев!

Алдар-Косе быстро разулся, поставил свои сапоги у двери и сказал:

— Отдохните, мои сапожки, десять месяцев!

После этого он растянулся на кошме, так как время было позднее, и притворился спящим. Хозяева услышали его храп и тоже улеглись спать.

Алдар-Косе дождался, когда хозяева крепко заснули, потихоньку встал, подкрался к котлу. Выловил гуся, съел его, потом достал баранью голову и закончил ужин колбасой.

Насытившись, он изрезал на кусочки кожаные сапоги хозяйской дочки и кинул их в котел.

Сытый и довольный своей проделкой, Алдар-Косе лег спать.

Ночью Шигай-бай проснулся, разбудил потихоньку домашних и велел им подать ужин. Гостя он не пригласил.

Стали хозяева есть. Жевали-жевали жесткую кожу, никак не могли разжевать, чуть зубы не переломали.

— Спрячь мясо до завтра, — сказал Шигай-бай, — а нам налей супа.

Прошла ночь. Собрался утром Шигай-бай в поле, позвал жену и говорит ей на ухо:

— Дай мне с собой айрана[103], только незаметно, чтобы не видел гость.

Жена наполнила выдолбленную тыкву айраном и дала мужу. Шигай-бай сунул тыкву в карман и хотел выйти из юрты. Но Косе увидел, что карман его оттопырился, кинулся хозяину на шею и принялся его обнимать.

— Ну, прощай, добрейший Шигай-бай, сегодня, возможно, я уеду.

А сам вертит бая из стороны в сторону, тормошит его изо всех сил. Айран из тыквы льется на ноги баю. Тот терпел, терпел и не выдержал. Бросил тыкву и закричал:

— На, пей мой айран, пей, пусть лопнет твое брюхо!

Ушел в этот день Шигай-бай голодный из дому. Идет он степью и думает: «Как мне избавиться от такого вредного гостя?»

На другое утро снова бай говорит жене шепотом:

— Испеки, жена, лепешку, но только так, чтоб Косе не видел!

Испекла жена лепешку, вынула ее из горячей золы и дает мужу. Только он откусил кусок, входит Алдар-Косе. Шигай-бай мигом сунул лепешку за пазуху. Но Алдар-Косе заметил это.

— Должно быть, я сегодня уеду! — сказал он и обнял хозяина, словно прощаясь. — Любезный и добрейший Шигай-бай! Я не знаю, как благодарить тебя за твое гостеприимство...

Говоря эти слова, он все сильнее и сильнее прижимал к себе хозяина. Горячая лепешка жгла баю голый живот. Наконец Шигай-бай не вытерпел и крикнул:

— Чтоб тебе подавиться, Косе, моим хлебом! На, ешь!

Но Алдар-Косе съел лепешку и не подавился.

Бай опять ушел в поле голодный.

Прошло несколько дней. Шигай-бай никак не мог отделаться от непрошеного гостя. Каждое утро тот собирался в путь, но после оставался до следующего дня.

Алдар-Косе приехал к Шигай-баю на вороном жеребце с белой приметной лысиной. Он стоял в конюшне вместе с лошадьми хозяина. Богач решил отомстить Алдару-Косе и зарезать его жеребца. Но Косе узнал о злом намерении богача, подслушал его разговор с женой.

— Погоди, ты еще пожалеешь, вредный бай! — сказал Косе и отправился на конюшню.

Он замазал навозом лысину своей лошади, а на лбу одной из лошадей Шигай-бая, тоже вороной масти, нарисовал мелом белое пятно.

В полночь Шигай-бай пошел в конюшню и кричит оттуда:

— Косе, вставай! Твоя лошадь запуталась в поводу. Сейчас она подохнет!

— Так зарежь ее скорее, чтобы не пропало мясо! — сказал Алдар-Косе и повернулся на другой бок.

Шигай-бай и зарезал вороного жеребца с белым пятном на лбу.

Утром хозяин и гость пошли свежевать лошадь.

Алдар-Косе опустился возле нее на колени и стал жаловаться на судьбу, отнявшую у него последнего коня. Незаметно он стер меловую лысину и радостно воскликнул:

— Слава Аллаху! Это не моя лошадь, добрейший Шигай-бай. Ты ошибся. У моей — белое пятно на лбу.

Не долго думая, Алдар-Косе побежал к табуну, нашел свою лошадь, стер навоз и подвел ее к Шигай-баю:

— Вот мой конь!

Богач в припадке гнева готов был разорвать на части Алдара-Косе, но с большим трудом сдержался.

Наконец, к огромной радости бая, Алдар-Косе по-настоящему стал собираться домой. Посмотрел он на свои рваные сапоги и сказал:

— Надо их починить. Не дашь ли мне биз, добрейший Шигай-бай?

Бай торопился в степь к своим баранам и ответил:

— Жена, дай ему, что он просит!

Вышел хозяин из юрты, а Алдар-Косе говорит старухе:

— Шигай-бай велел мне отдать вашу дочь Биз!

— Да ты с ума сошел! — возмутилась старуха. — Да разве я отдам красавицу такому проходимцу, как ты!

— Не надо кричать, байбише [\[104\]](#), — ответил спокойно Алдар-Косе. — Муж приказал, а твое дело — слушаться.

— Мой муж не дурак. Убирайся вон!

— Тогда спросим его, байбише.

Побежали они вдогонку за баем. Алдар-Косе крикнул:

— О добрейший Шигай-бай! Байбише не дает мне биз! А без биз я не могу тронуться в путь.

Шигай-бай испугался, что Алдар-Косе еще задержится в его ауле, и крикнул жене:

— Отдай ему скорее биз, и пусть он убирается на все четыре стороны!

Старуха даже рот разинула от удивления. Алдар-Косе быстро оседлал своего коня, посадил впереди себя девушку, которая давно мечтала покинуть скрягу-отца, и скрылся в степи.

Привез Алдар-Косе Биз в свой аул, оставил ее, а сам отправился к Жиренше. Рассказал он, как провел жадного бая, и говорит:

— Ты мне проиграл. Я пожил у Шигай-бая и был сыт.

— Ну, что же, — ответил Жиренше, — обмануть бая-дурака нетрудно. Ты вот попробуй меня обмани. Тогда получишь все, что желаешь.

Алдар-Косе согласился, и они, покинув аул, отправились в степь. Жиренше ехал верхом, а Алдар-Косе шел пешком.

Прошли друзья немного, вдруг Алдар-Косе остановился и говорит:

— Чтобы тебя провести, мне нужен пестрый мешок, а он остался дома. Придется вернуться.

— Возьми моего коня, чтобы не терять времени! — предложил Жиренше.

Алдар-Косе сел на лошадь, отъехал немного и сказал:

— Вот я тебя и обманул. Была у тебя лошадь, а теперь нет ее! Счастливо оставаться, Жиренше!

Алдар-Косе ускакал, а Жиренше побежал домой.

Рассказал он жене про свою беду.

— Хорошо, — сказала жена. — Сиди дома и жди меня с лошастью.

Взяла она старое одеяло, свернула его так, словно ребенка спеленала, и побежала пересечь дорогу Алдару-Косе. Встретились они, тронулись дальше вместе. Алдар-Косе едет на лошади, а женщина идет пешком. Добрались до речки. Видит Алдар-Косе, что его спутница собирается вброд переходить реку, и говорит ей:

— Дай мне ребенка, я перевезу на тот берег.

— Он может проснуться, — отказалась женщина.

— Тогда возьми мою лошадь и переезжай.

— Спасибо!

Села женщина на лошадь, добралась до середины реки и крикнула:

— И самого хитрого хитреца проведет простая женщина. Не горюй, Алдар-Косе, ты, кажется, еще молод! Когда вырастут у тебя борода и усы, может быть, женщину и проведешь. Желаю тебе удачи!

Перебралась женщина на другой берег, помахала ему рукой и ускакала на лошади своего мужа.

ЧУДЕСНАЯ ШУБА АЛДАР-КОСЕ

Казахская сказка

Перевел Н. Северин

Только в лисьей шубе в такую холодную зиму нельзя было замерзнуть. А в дырявой-предырявой шубенке Алдар-Косе мерз каждый день.

Ехал он раз по степи — руки, ноги озябли, нос посинел. Скорей бы до теплой юрты добраться!

Ветер свистит, за уши хитреца хватает. А в степи нигде не видно дыма над аулом.

Напрасно махал камчой [\[105\]](#) Алдар-Косе: старый тощий конь не мог бежать. Взмахнет он гривой и опять шагом идет.

«Плохой конь — долгая дорога, — качая головой, говорил сам себе всадник. — Ехать еще далеко, собачьего лая не слышно, и ни одной юрты в степи нет. Пропадешь при таком морозе!»

Вдруг увидел он: едет навстречу всадник. По хорошему бегу коня Алдар-Косе догадался, что едет бай. Хитрец сразу же смекнул, что делать. Он распахнул свою дырявую шубенку, выпрямился в седле и запел веселую песенку.

Встретились путники, остановили коней и поздоровались.

Бай в теплой лисьей шубе ежится от холода. Алдар-Косе шапку набок сдвинул, отдувается, точно сидит на солнцепеке в летний жаркий день.

— Неужели ты не замерз? — спрашивает бай хитреца.

— Это в твоей шубе холодно, а в моей очень жарко, — отвечает Алдар-Косе.

— Как же может быть в такой шубе жарко? — не понимает богач.

— А разве не видишь?

— Вижу, что вороны рвали твою шубенку и в ней дыр больше, чем меха!

— Вот и хорошо, что дыр много. В одну дыру холодный ветер входит, в другую выходит. А мне тепло остается.

«Надо у него эту чудесную шубу выманить», — думает бай.

«Вот тепло будет, если байскую шубу надеть!» — размышляет хитрец.

— Продай мне твою шубу! — сказал бай Алдару-Косе.

— Не продам. Я без своей шубы замерзну.

— Не замерзнешь! Возьми в обмен мою лисью шубу, — предложил бай, — она тоже теплая.

Алдар-Косе. сделал вид, что и слышать не хочет. А сам одним глазом смотрит на теплую шубу, а другим на байского скакуна любуется.

— Шубу отдам и денег прибавлю! — стал соблазнять бай.

— Денег мне не надо. Вот если коня дашь в придачу, тогда подумаю.

Обрадовался бай, согласился. Снял свою шубу и отдал коня.

Надел Алдар-Косе лисью шубу, пересел на байского скакуна и помчался, обгоняя ветер.

Хорошо теперь было Алдару-Косе ездить от аула к аулу в теплой шубе, на хорошем коне.

В каждой юрте спрашивали у хитреца:

— Откуда у тебя лисья шуба и конь-бегунец?

— Сменял на чудесную шубу, в которой было семьдесят дыр и девяносто заплат...

Потешая людей, Алдар-Косе рассказывал, как бай накинулся на его дырявую шубенку и отдал ему свою лисью.

Смеялись люди, угощая кумысом хитреца. Когда смех ослабевал, Алдар-Косе каждый раз повторял:

— Далекий путь или близок, узнает тот, кто проедет. Горькую еду от сладкой отличит тот, кто поест!

ТИГР У ДВЕРИ

Негидальская сказка

Пересказ Н. Гессе и Э. Задунайской

Пять человек в тайгу собираются — самострелы ставить. Шестой человек с ними просится:

— Возьмите меня с собой, я тоже промышлять хочу.

Пятеро говорят:

— Не промышленник ты еще! Молод очень. И отец твой рано умер, ничему тебя научить не успел. От такого охотника что в тайге проку?

Мальчик на своем стоит:

— Возьмите! Я около вас учиться буду.

Один из охотников сказал:

— Так просит, почему не взять? Согласились, взяли.

В тайге у охотников деревянный балаган стоял. В балаган пришли, там ночуют.

Рано утром проснулись, самый старший говорит:

— Плохой сон мне приснился! Будто тигры к нашему балагану пришли, перед дверью сидят.

Приоткрыл дверь другой охотник, поглядел — назад отпрянул. Правда, пришли к балагану тигры, перед дверью сидят. Шесть тигров хвостами по земле метут, усы топорщат. Как тут из балагана выйдешь?

День дрожат в балагане охотники, ночью не спят, трясутся. Утром выглянули — пять тигров ушли, один остался.

— Ну, и этого пересидим, — друг другу сказали.

Пять дней сидели, проели все запасы, от жажды пропадают. А выйти боятся: тигр от двери не отходит.

На шестой день старший охотник сказал:

— Этот тигр, пока одного человека не съест, не уйдет!

Все молчат: «нет» не говорят — боятся трусами показаться, «да» не говорят — не хотят тигру в пасть лезть.

Тут старший опять сказал:

— Чем шестерым пропадать, пусть лучше один погибнет.

Младший спросил:

— Кто же пойдет?

— Ты и пойдешь! — закричали охотники. — У нас жены, дети, а ты все равно что сирота. Одна мать у тебя, да и та старая.

Что мальчику делать? Распахнул дверь, стал на пороге. И тигр к порогу подошел. Хочет мальчик под его брюхом проползти — тигр большую голову пригибает. Хочет перескочить — тигр задирает голову вверх. Тогда мальчик сделал вид, словно вниз бросается. Нагнул тигр голову, мальчик на голову тигра ногой оперся, подпрыгнул, за ветку дерева схватился. Все выше и выше лезет. Взревел тигр, по дереву лапой ударил так, что затряслось оно от корней до верхушки. Потом разбежался, прыгнул да прямо в развилку дерева головой угодил. Повис, лапами бьет.

Тут охотники выскочили из балагана.

Мальчик им с вершины дерева кричит:

— Пускайте скорее стрелы в тигра, пока он из развилки не выбрался!

Охотники не слушают, в разные стороны понеслись.

— Эх вы! Меня одного в беде оставили! — вздохнул мальчик. — Хорошо, что тигр крепко застрял.

Спустился он по боковым веткам на землю, сказал тигру:

— Хотел меня съесть — сам добычей дерева стал!

Душит дерево тигра, ничего он ответить не может, только смотрит на мальчика. Из левого глаза светлая слеза у него катится. Пожалел его мальчик.

Взял топор в балагане, стал сук рубить, что от ствола в сторону отходил. Недолго и рубить пришлось. Затрещал сук под тяжестью тигра, сломался. Тигр на землю упал.

Мальчик говорит:

— Что сделал, то сделал, а врага к жизни вернул.

Тигр ему отвечает:

— Не врагу, а другу ты жизнь подарил. Я тебе за это охотничью удачу дам.

Попрощался с мальчиком и ушел.

Мальчик думает: «Надо свою удачу попробовать!»

Пять петель поставил на соболя. В балагане спать лег. Выспался, пошел петли осматривать. В одну только петлю светлый летний соболя попался.

— Эта добыча — не добыча! — сказал себе. — Много ли за такого выручишь? Видно, обманул меня тигр.

Однако опять петли поставил. В этот раз ему в три ловушки хорошие соболя попались. Так и пошло. Каждый день добыча. Под конец таких трех соболей добыл, что и цены им нет. Темный пушистый мех у них, встряхнешь шкуру — блеск по ней бежит. Лик-лимп такие соболя называются.

— Теперь не стыдно и домой вернуться! — сказал себе мальчик.

Отправился. Пока светло было, у селения пережидал, в кустах прятался. Ночью в свой дом прокрался, богатые меха в сундук спрятал, только одного светлого летнего соболя на виду оставил. Стал крышку закрывать, заскрипели петли. Тут проснулась мать. Сына обняла, заплакала. Сказали ей, будто сына тигр растерзал. Сколько она слез пролила — казалось, все выплакала, а теперь на радостях полились ручьями. О том, что добычи не видно, не горюет, на светлого соболя даже не глянула. Что ей соболя, когда сын живой!

Наутро по всему селению слух пронесся: вернулся мальчик! И еще друг другу передавали, что не с пустыми руками пришел. Как это проведали? Откуда узнали? Да очень просто — ведь всем известно: если тигр смерть не принес, значит, удачу подарил.

Еще и солнце невысоко поднялось, прибежал к мальчику богатый сосед, тот, что всегда у охотников меха скупал.

— Ну, показывай добычу, — говорит. Мальчик светлого соболя показал.

Покачал головой богач:

— Разве пришел бы я к тебе из-за такой дрянной шкурки!

Мальчик ему отвечает:

— Кто для второго шага ногу занес, тот должен был и первый шаг сделать.

— Однако, еще до мужчины не дорос, а уже хитрости научился! — удивился купец.

— Под лапой тигра один миг за год считается, — мальчик ответил.

— Ну ладно, куплю у тебя этого соболя, дальше показывай.

Стал мальчик из сундука соболей вынимать. Сперва тех, что поплоче, сбыл, потом тех, что получше. За каждую шкурку деньги берет, отдает матери. Только под самый конец вытащил трех бесценных соболей лик-лимп, разложил перед богачом. У того глаза заблестели, руки затряслись. Все деньги он из мешочка высыпал, даже считать не стал. Схватил соболей, побежал к себе.

Ушла нужда из дома мальчика. Теперь, когда охотники в тайгу ходили, мальчика с собой звали: он не только сам стал добычлив, но и другим удачу приносил. Молодой охотник со всеми ходил, не отказывался. Лишь с теми пятью, что его на волю тигра бросили, никогда вместе не охотился.

КУРИЦЫН ХЛЕБ

Саларская сказка

Обработка Э. Тенишева. Пересказ В. Бахревского

ыл некий юноша сирота. Он косил в горах траву и продавал, тем и кормился.

Однажды увидел он, как дерутся две змеи: черная и пестрая. Черная оплела пеструю и душила.

Растащил косарь палкой змей, черную отбросил в кустарник, пеструю оставил на дороге.

Заговорила змея человеческим голосом:

— Ты мой спаситель. Пойдем ко мне домой.

Привела змея юношу к норе с кулак шириною.

— Проходи, — говорит.

— Да как же я в такую щель пролезу?

— А ты закрой глаза и ступай смело.

Закрыв юноша глаза и очутился в змеином дворце.

Отец-змея спросил сына:

— Что это за человек?

— Не будь его, черная змея убила бы меня, — ответил сын.

— Я рад гостю. — И отец-змея приказал подавать угощение.

Прошло две недели, и юноша засобирился домой. Пестрая змея сказала ему:

— Завтра мой отец спросит: «Большую меру серебра ты хочешь или малую меру золота?» Ты скажи: «Не хочу ни серебра, ни золота. Хочу курицу, что на твоём дворе».

Подарил отец-змея юноше курицу и отпустил с миром.

Пришел юноша домой, проголодался и думает:

— Не схитрил ли змеиный сын? На серебро и золото я был бы и сыт, и одет, а что с курицы возьмешь?

Повздыхал, лег спать, а наутро голодный ушел косить сено. Вернулся домой: на столе хлеб, в кувшине чай.

Отведал хлеба — душистый, вкусный, император и тот такому хлебу позавидовал бы.

Откуда что взялось, непонятно. Курица по дому бродит, зернышки в трещинах ищет.

Утром запер юноша дверь на цепочку, а сам в щель подглядывает. Смотрит: курица перья скинула, обернулась красавицей и принялась хлеб печь, чай кипятить.

Вбежал тут юноша в дом, схватил куриные перья и бросил в огонь. Стала красавица ему женой. Она

пекла хлеб, а он ходил в горы косить траву.

Однажды повстречался ему охотник. Сели они передохнуть да перекусить.

Попробовал охотник курицыного хлеба, и до того этот хлеб изумил его, что он спрятал кусочек и осмелился поднести императору.

Отведал император курицыного хлеба, призадумался.

Шли дни медленно — стали идти быстро.

Выследили слуги императора красавицу, что пекла косарю свой хлеб. И тотчас последовал указ:

— Пусть косарь явится с конем на императорский луг для состязания. Если конь косаря проиграет, император возьмет жену косаря себе.

Испугался косарь, а его жена повеселела:

— Ступай к змеиной норе. Там найдешь малого жеребенка. На нем и езжай с императорскими конями состязаться.

Посмеялись наездники над неказистым жеребенком косаря, а потом люто позавидовали, когда отстали от него на полдороги.

Император бровью не повел. У него новый указ наготове. Подозвал косаря и показал ему на две горы:

— Завтра ты сровняй с землей эту гору, а мое войско сровняет другую. Не сровняешь за день — уведу твою жену.

Выслушала красавица мужнюю печаль и еще больше повеселела:

— Ступай к змеиной норе, возьми сундук, с ним пойдешь на состязание.

Пришел косарь утром к горе, а войско императора уже работает. Открыл у сундука крышку, и вылетело оттуда столько голубей, словно их со всего белого света собрали. Размели голуби гору крыльями за единый час.

Пришел косарь к императору и сказал:

— Я опять победил.

Император и бровью не повел.

— Завтра приду за твоей женой.

Жена услышала такое — в ладоши захлопала:

— Дело к концу идет! — А мужу сказала: — Не печалься. Ровно через неделю приходи во дворец. Пусть на тебе будет плащ из перьев и клочков шерсти, через плечо повесь драную суму, а в руки возьми гнилую палку.

Увел император жену косаря, и ровно через семь дней явился к дверям дворца нищий в перьях и шерсти. Рассмеялась красавица, глядя на оборванца.

Обиделся император:

— Мне ты не улыбнулась ни разу, а какому-то оборванцу смех пожаловала!

Красавица сказала:

— Надень плащ нищего, возьми его суму да палку — я и тебе засмеюсь.

Император тотчас позвал нищего во дворец и поменялся с ним одеждой. Сам пошел к воротам и стал

просить хлеба.

Тут женщина и закричала страже:

— Гоните прочь попрошайку!

Так вот и стал косарь императором, а его курица-жена императрицей.

АЛЫКЕ И БАРЫПЖАН

Киргизская сказка

или два друга, по имени Сарыкán и Каракán.

У Сарыкана был сын Алыкé, а у Каракана — дочь Барыпжán.

Скоро Каракан откочевал со своей семьей далеко на запад.

Сарыкан между тем умер, и Алыке остался сиротой.

Алыке рос умным и смелым мальчиком. С молодыми он был любезен, со стариками почтителен. Понравился Алыке одному старику волшебнику, и тот научил его своим заклинаниям. Произнесет, бывало, Алыке несколько волшебных слов — и конь превратится в альчик[106]. Шепнет мальчик какое-то слово — и альчик снова станет конем. Рос Алыке и не знал, что где-то далеко на западе живет его нареченная невеста.

Однажды играл Алыке в бабки с сыном соседки и обыграл его, да еще вдобавок поколотил. Рассердилась мать того мальчика и сказала Алыке:

— Эй, Алыке, чем обижать моего сына, лучше бы поехал ты за своей нареченной невестой Барыпжан, дочерью Каракана.

Выслушал Алыке женщину, вернулся домой и сказал матери:

— Я еду искать свою невесту.

— Твоя невеста живет далеко. Отец ее Каракан давно откочевал из этих мест. С тех пор мы никаких подарков не посылали Барыпжан, хотя получили от ее родителей кольцо, — отвечала Алыке мать. — Подрасти еще немного, тогда и поедешь к Барыпжан.

Прошло несколько лет, и Алыке решил ехать к своей невесте. Перед отъездом мать дала ему кольцо — подарок невесты. Сел Алыке на быстроногого коня-тулпара, доставшегося ему в наследство от отца, и поехал.

Быстро скакал конь Алыке, и юноша через некоторое время достиг аила Каракана. Тут превратил он своего тулпара в захудалого жеребенка, переделся в бедные одежды и нанялся к Каракану в работники.

Барыпжан к тому времени уже подросла, и к ней сватался старый бай из соседнего аила.

Однажды брат жениха Барыпжан привез им дрова. Алыке усердно помогал ему разгружать их.

— Работай, не ленись, мой плешивец! — поощрял Каракан своего работника.

Плешивцем он прозвал Алыке за то, что у того из-под шапки не выбивался ни единый волос.

— Дайте мне десять арканов, я сам пойду за дровами, — сказал Алыке.

Удивился Каракан просьбе Алыке. Но еще больше удивился он, когда Алыке принес за один раз все деревья, которые росли на склоне ближней горы.

Скоро приехал к Барыпжан ее жених — старый бай. Каракан приказал, чтобы свадьба продолжалась

сорок дней. Молодежь затеяла игры. Все веселились, лишь Барыпжан сидела грустная. Одна забава сменялась другой, все были очень довольны, только Барыпжан ни разу не улыбнулась.

Но вот свадьба стала подходить к концу.

— Эй, плешивец, разожги большой костер! — приказала Алыке одна из женщин.

— Мне в глаз попала соринка. Вытащи ее, — подошел Алыке к этой женщине.

Но едва та провела рукой по его векам, как джигит отпрянул назад со словами:

— У тебя пальцы как колючки.

Так он обошел трех женщин и каждой говорил одно и то же. Наконец Алыке подошел к Барыпжан.

— Вытащи соринку, Барыпжан, — попросил он. Положила Барыпжан его голову к себе на колени, стала искать в глазу соринку, а Алыке и шепчет ей:

— Какие у тебя руки нежные, — и показал ей заветное кольцо.

Девушка улыбнулась.

Наутро начались конские состязания — байгá.

— Я поскачу на своем жеребенке, — сказал Алыке.

— Тебя кони затопчут, — отвечал ему Каракан со смехом.

Но Алыке сел на жеребенка, прошептал несколько слов — и жеребенок снова превратился в тулпара. Алыке пришел первым в байге.

Потом началась борьба.

— Я буду бороться с самым сильным джигитом! — заявил Алыке.

Каракан стал его отговаривать и насмехаться над ним, но Алыке его не послушался и поборол силача.

Потом Алыке пошел за дровами, а вернувшись, сказал девушкам:

— Сестрички, сколько орехов в лесу!

Услышала это Барыпжан и вместе с десятью подругами пошла в лес. Как только девушки углубились в чащу, Алыке принял свой обычный вид, превратил жеребенка в тулпара, сел на него, а Барыпжан посадил впереди себя, и помчались они в его аил.

Проехав большое расстояние, они сошли с коня. Алыке превратил тулпара в альчик и спрятал его за пазуху. И сели они отдохнуть.

Тем временем родичи девушки и ее жениха пустились в погоню за беглецами и скоро окружили их со всех сторон.

Алыке тут же превратил альчик в коня, вскочил в седло и ринулся на врагов. Он перебил всех родственников жениха Барыпжан, но из ее родных не тронул никого. Потом Алыке открыл Каракану свое настоящее имя, и Каракан сказал:

— Я хочу пышно отпраздновать вашу свадьбу.

И все они вернулись в аил.

На свадьбу Барыпжан и Алыке собрался весь аил. Все пили, ели, веселились сорок дней и ночей. Отец подарил молодым богатую белую юрту.

С тех пор прошло много времени. Барыпжан родила сына, которому дали имя Сейтэк.

Сейтек рос очень быстро. Вот как-то Барыпжан говорит мужу:

— Вспомни поговорку: «Не бывает коня, который не тосковал бы по своему табуну, не бывает батыра, который не скучал бы по своей родине». Как ты думаешь, не пора ли нам вернуться в твои родные края?

На это Алыке отвечал:

— Для того чтобы уехать из аила твоего отца, нужно найти предлог.

Вскоре после этого Каракан заколол барана и пригласил Алыке и Барыпжан в свою юрту. Когда подали мясо, Каракан отрезал от туши барана голень задней ноги и протянул ее своему внуку Сейтеку. Алыке и Барыпжан обиделись.

— Видно, отец не желает нашему сыну благополучия, если угощает его голенью, — сказали они и не притронулись к мясу.

Тогда понял Каракан, что дочь и зять ищут предлог, чтобы покинуть его. Он подарил им богатую одежду, ковры, коней и драгоценную сбрую.

Сели на коней Алыке, Барыпжан и Сейтек. Поехала с ними и рабыня, рябая и уродливая.

Ехали они медленно, а Алыке очень хотелось поскорее добраться до родных мест. Поэтому он обогнал свой караван и помчался вперед.

Барыпжан остановилась на ночевку подле озера.

— Не хотите ли искупаться, моя госпожа? — предложила ей рабыня. — Я дам вам в руки один конец веревки, а другой буду держать сама. Когда вы искупаетесь, я помогу вам выбраться на берег.

Барыпжан стала купаться. Рабыня, стоя на берегу, держала конец веревки. Как только Барыпжан отошла на глубокое место, рабыня выпустила веревку из рук.

Барыпжан понесло течением и прибило к острову посередине реки.

А рабыня быстро переделась в одежду Барыпжан, посадила Сейтека на седло впереди себя и поехала дальше.

Между тем Алыке приехал в свой аил и сказал родичам:

— Я женился на Барыпжан, своей нареченной невесте. Сейчас она едет сюда, а с ней и наш сын Сейтек.

Родичи Алыке поскакали навстречу дорогим гостям.

И скоро они увидели рябую, уродливую женщину на коне. Впереди нее сидел мальчик. Привезли их в аил. Рабыня сказала Алыке:

— Алыке, я увидела на дороге пеструю ворону, и едва она каркнула, как я покрылась пятнами. Ворона каркнула во второй раз — и я вся почернела. А бедная наша рабыня умерла со страху.

Поверил Алыке рабыне — думал, что и вправду перед ним его любимая жена Барыпжан. Поставили они свою богатую белую юрту и стали в ней жить.

Вот однажды зашел к ним какой-то прохожий: — Начни беседу, дорогой гость, — предложил ему Алыке.

— О чем рассказать тебе: о слышанном или о виденном? — спросил прохожий.

— Гость должен быть смирнее овцы. Сиди и молчи, — приказала рабыня.

Так за весь вечер гость ни разу рта и не раскрыл. Наутро он ушел.

На следующий день увидела рабыня подле юрты ветку чертополоха и растоптала ее со словами:

— Эта колючка может воткнуться в ногу ребенка.

Потом, увидев белого верблюжонка, подошедшего к юрте, она приказала зарезать его, сказав:

— Он может напугать ребенка.

Через несколько дней зашел к ним в юрту другой прохожий.

— Начни беседу, дорогой гость, — предложил ему Алыке.

— О чем рассказать: о слышанном или о виденном? — спросил прохожий.

— Слышанное может оказаться выдумкой, расскажи о виденном, — сказал Алыке.

— Гость должен быть смирнее овцы. Не лучше ли тебе помолчать? — вмешалась в разговор рабыня.

— А почему бы мне и не поговорить? Ведь я буду рассказывать только о виденном, — возразил гость. — А видел я удивительную вещь. Невдалеке отсюда есть озеро. Над этим озером летает пестрая гусыня и плачет-приговаривает: «О мой Сейтек, я пробралась к тебе колючкой — меня истоптали, подошла верблюжонком — меня зарезали». Просто диво какое-то!

Наутро Алыке пошел к озеру и увидел пеструю гусыню, которая причитала о Сейтеке. Алыке вернулся домой, взял с собой сына, привел к озеру и оставил его на берегу. Подлетела гусыня к ребенку и накрыла его крылом. Тогда Алыке подошел и схватил гусыню. Гусыня сказала:

— О мой Алыке! Ступай принеси мне мою одежду!

Алыке поспешно принес ей одежду. И гусыня снова превратилась в Барыпжан.

Вернувшись домой, Алыке прогнал из своего дома коварную рабыню.

После этого Алыке устроил пир, и все они зажили спокойно и счастливо.

ВОЛШЕБНЫЙ КЕТМЕНЬ

Уйгурская сказка

Пересказ А. Алиевой

давние времена родились у одного падишаха два желанных сына-близнеца. Любил их падишах, баловал.

Годы прошли незаметно, и близнецы превратились в красивых, стройных юношей.

Но вот однажды у сыновей падишаха пропал аппетит. Ни есть они не могли, ни пить и стали быстро чахнуть.

Сильно обеспокоился падишах. Жаль ему сыновей— наследников трона и несметного богатства. Созвал он всех лекарей, поваров и навайчи[107] своего государства.

Но никто из них не мог помочь близнецам.

Тогда сыновья попросили у отца разрешения отправиться в дальний путь и поискать лекарство в другой стране.

Отец разрешил.

За городом братья повстречали старика крестьянина, долбившего кетменем сухую землю. Спросили у него:

— Дорогой, сделай милость, скажи нам, где, в каком государстве можно найти лекарство, вызывающее аппетит?

— Такое лекарство нетрудно найти, — проговорил старик. — Но видите, как много у меня работы: до вечера я должен разровнять этот бугор, чтобы посеять хотя бы немного чумизы и кукурузы. Если вы мне поможете, я обещаю помочь вам найти хо-о-рошее лекарство!

Близнецы согласились.

Старик оставил им свой кетмень и ушел домой.

В поте лица работали юноши кетменем, сменяя друг друга, работали до поздней ночи — так хотелось им во что бы то ни стало найти желанное лекарство.

Тем временем старик пришел домой и наказал жене:

— Приготовь-ка к вечеру большой казан[108] плова. Если у тебя не хватит моркови, накроши побольше редьки.

Поздней ночью старик привел юношей в свой дом и поставил перед ними большое блюдо с дымящимся пловом.

Юноши, сами того не замечая, ели плов с таким аппетитом, что не оставили в блюде ни одного зернышка риса. Хотелось им еще, да попросить постеснялись. Тогда один из близнецов спрашивает:

— Дорогой бова, какое волшебное лекарство положили вы в плов? Он так вкусен!

— Признаюсь, — рассмеялся от души старик, — в плове нет никакого волшебного лекарства. Волшебный у меня кетмень, который оставил я вам в поле...

Поняли юноши слова старика и не пошли дальше искать лекарство, а тут же вернулись домой.

ХОЗЯЙКА ОГНЯ

Селькупская сказка

Пересказ Н. Гессе и З. Задунайской

Товорят, давным-давно это случилось. Случилось в том стойбище, где семь родов жили, где семь чумов стояло!

Однажды собрались все мужчины на охоту.

Отправились. Остались одни женщины да дети в стойбище.

Три дня жили, все хорошо было. На третий день к вечеру вот что вышло. В одном чуме женщина себе еду варила. Подбросила в очаг побольше дров, котел с оленим мясом подвесила над огнем. Сама села со своим маленьким ребенком к очагу поближе. Ребенок смеется на ее коленях, женщина ему улыбается.

Вдруг треснуло полено, полетели искры из очага, одна попала ребенку на руку. Заплакал ребенок. Женщина огонь попрекает:

— Ты что же это делаешь?! Я тебя дровами кормлю, за тобой ухаживаю, а ты моего ребенка обижаешь!

Испугался ребенок материнского крика, еще больше заплакал. Носит его женщина по чуму, на руках качает, а он не унимается. От жалости, от досады шлепнула женщина малыша. Ребенок совсем зашелся. Себя бы женщине винить, а она все на огонь сердится.

— Видишь, что ты наделал! — кричит. — Не будет тебе дров, изрублю тебя, водой залью!

Положила она ребенка в люльку, схватила топор. Топором огонь рубит. Потом набрала в ковшик воды, на очаг плеснула — зашипел огонь, погас.

Женщина говорит:

— Вот теперь будешь знать, как обижать моего сына! Ни одного огонька, ни одной искорки от тебя не осталось!

Не горит огонь. Темно, холодно в чуме. Ребенок жалобно заплакал: озяб он.

Опомнилась женщина. Нагнулась над очагом, золу разгребает. Так ведь сама сказала, что ни одной искорки не оставит. И не оставила.

А сын все плачет. Мать подумала:

«Сбегаю в соседский чум, возьму огня, разожгу очаг».

Побежала. Только к соседям вошла — у них в очаге пламя заколебалось, садиться стало. Потом последний синий огонек струйку дыма пустил и погас.

Женщина к другим соседям побежала. Чуть дверь отворила — и у них не стало огня. Она к ним даже не вошла, сразу дверь прикрыла. Обошла все стойбище, и всюду огонь погас. Еще только в одном,

последнем чуме горит.

Там старушка жила, век доживала. Много знала, много видела. Постояла женщина перед чумом, боится войти. Да что делать? Маленький сын ее совсем замерзнуть может. Вошла.

Пыхнул огонь, задымил и потух. Женщина заплакала. А старуха золу разгребает, ищет, нет ли в пепле уголька-искорки. Нету ни уголька, ни искорки. Холоден, темен очаг.

— Такого никогда еще не бывало, — сказала старуха. — Я свой огонь берегу, кормлю его досыта. Спать ложусь, угольки золой укрываю. Почему огонь погас? Уж не натворила ли ты чего, лягушка холодная? Уж не обидела ли ты огонь в своем очаге?

Женщина головой поникла, молчит.

— Так и есть, — сказала старуха. — Что же теперь делать? Ну, пойдем в твой чум, посмотрим.

Вышли из чума вдвоем. Идут стойбищем. Тихо всюду, темно. Будто покинули стойбище люди, будто вымерло оно.

В чуме женщины ребенок искричался весь, уже и плакать не может. Старушка серное дерево взяла, принялась огонь добывать. Долго трудилась — не разжигается огонь.

Опустила старушка усталые руки, опять женщине говорит:

— Свят огонь в очаге, жизнь нам всем дает. Светит, греет и кормит. Погас огонь — все равно что солнце потухло. Померзнем, пропадем, злая смерть нас возьмет.

Встала старушка на колени и тут Хозяйку огня увидела. Сидит она в уголке очага. Одежда у нее серая, как зола, а кожа отсвечивает, как уголек, что пеплом подернулся.

Покачалась Хозяйка огня вперед-назад, старушке сказала:

— Зачем стараешься? Не будет вам огня. Женщина меня сильно обидела. Лицо мое топором рубила, глаза мои водой залила, злые слова кричала!

Стала старушка просить:

— Не сердись, Хозяйка огня! Сжался над нами! Эта глупая женщина виновата, другие не виноваты.

Качает головой Хозяйка огня, волосы ее, словно сизый дым, колеблются.

А старушка опять молит:

— Скажи, что сделать, чтобы снова в очагах огонь пылал? Все исполним, что прикажешь.

Хозяйка огня ответила:

— Нет таких слов, нет такой силы ни у меня, ни у вас, чтобы огонь запылал, как прежде. Теперь его только от человеческого сердца зажечь можно.

Сидит молодая женщина, ребенка к груди прижимает, плачет.

Старушка ей говорит:

— Видишь, что ты сделала? Все семь родов людских из-за тебя, неразумной, пропасть должны! Охотники храбрые, как рассерженные медведи, сильные, как лоси, погибли. Трудолюбивые женщины зачахнут у холодных очагов. И дети малые умрут, и старики, и старухи. Потому, что нет жизни без огня.

Высохли слезы у женщины. Поднялась она, отдала ребенка старушке, сказала:

— Береги его!

И на камни очага бросилась. Хозяйка огня пальцем до груди ее дотронулась — разом взметнулось

пламя, загудел, забушевал огонь в очаге. Только и видно было, как Хозяйка огня обхватила женщину пламенными руками и вместе с искрами в дымовое отверстие унесла.

А старушка сказала:

— Из этого чума пойдет сказка-предание о том, как из живого сердца огонь зажегся. Навеки запомнят селькупы, что в нашем стойбище случилось. Будут беречь огонь в очаге!

АХМЕД

Туркменская сказка

Перевод О. Эрберга

В одном городе жил бедняк по имени Ахмед. Все его считали глупцом, потому что он постоянно твердил:

«Вот если бы у меня были деньги, я бы знал, что с ними делать».

Один купец услышал эти слова и предложил Ахмеду:

— Я дам тебе денег, а ты поезжай торговать. Купец дал Ахмеду немного денег и отвел его в караван-сарай, где находились купцы, собравшиеся ехать в другой город.

На все деньги Ахмед накупил старого тряпья, набил им несколько тюков и нагрузил на верблюдов.

Когда караван вышел в путь и купцы узнали, какой товар везет с собою Ахмед, они начали смеяться:

— Ого, Ахмед, ума у тебя много!

— Будем смеяться после, как подсчитаем прибыль и убытки, — отвечал им Ахмед.

Через несколько дней купеческий караван прибыл в большой город, стоявший на берегу большой реки.

Купцы вошли в город и остановились в караван-сараях, а Ахмед остался на пустынном берегу реки.

Он снял со своих верблюдов вьюки со старым тряпьем, сложил их в кучу и поджег, а когда тряпье сгорело, рассыпал пепел по берегу.

Ночью к берегу подплыла стая рыб. Они приплывали сюда, чтобы порезвиться. Из рта они выкладывали на берег крупные жемчужины, поднятые со дна реки, и затем начинали играть ими.

На этот раз рыбы не смогли собрать жемчужины, потому что они не были видны в пепле.

Утром Ахмед смел в огромную кучу пепел, провеял его, как пшеницу на току, и собрал жемчуга несколько мешков.

Затем он пошел на караванную дорогу, собрал верблюжий навоз, замесил его на воде, приготовил кизяки и в каждом из них спрятал по несколько горстей жемчужин. Когда он высушил кизяк, у него получилось несколько вьюков навоза.

На следующий день его спутники-купцы, распродав на базаре все свои товары, пришли к реке за Ахмедом. А тот сидит на своих вьюках и дожидается спутников.

Увидев вьюки Ахмеда, купцы начали смеяться.

— Вот так умница Ахмед! — говорил один купец.

— Выгодно выменял старое тряпье на навоз! — потешался другой.

— А теперь хочет доставить эту поклажу в родной город на расстоянии семи дней пути! — посмеивался третий.

— Каждый поступает по своему уму-разуму! — спокойно отвечал им Ахмед.

— Ну и молодец, ума-разума у тебя хватает! — сказали купцы и, посмеявшись, отправились в путь.

На седьмой день караван приблизился к родному городу, и купцы послали вперед вестника, чтобы он предупредил близких о благополучном их возвращении и об удачной торговле.

Верховой прискакал в город, сообщил радостную весть, а затем рассказал, что Ахмед выменял старое тряпье на навоз и теперь везет его, чтобы продать на базаре. Это развеселило всех купцов города, кроме того купца, который дал Ахмеду деньги.

«Теперь надо мной все будут смеяться», — с досадой укорял он себя и не пошел встречать Ахмеда.

Когда караван вступил в город, купцы встретили своих возвратившихся друзей и поздравили их с благополучным прибытием, и только Ахмеда никто не поздравил. Все смеялись над ним, а вечером купцы устроили пир. Ахмед пришел на этот пир и начал разгружать своих верблюдов. Купец, который доверил ему деньги, сидел мрачный и от стыда не поднимал глаз. В это время другие купцы, сидя на коврах, вели разговоры о своей удачной торговле и о том, кто ловче обманул покупателей. Каждый по очереди похвалялся выдумками, стараясь перещеголять друг друга.

Когда очередь дошла до Ахмеда, купцы со смехом спросили:

— А что ты умудрился сделать? Чем тебе помог твой великий ум-разум?

Ахмед ответил:

— Что было, то было, а больше того, что было, мне и не нужно.

С этими словами он начал высыпать из верблюжьих вьюков кизяки.

Купцы пуще прежнего стали смеяться, а купец, который доверил ему свои деньги, заорал во всю глотку:

— Пошел прочь отсюда, бездельник!

Тогда Ахмед начал один за другим разбивать кизяки, и из них посыпались сверкающие жемчужины. Купцы, разинув рты, смотрели на это богатство, а купец, который доверил Ахмеду деньги, стал, как ящерица, ползать по коврам, сгребая жемчужины.

Когда на ковре выросла целая куча жемчуга, Ахмед сказал купцам, сидевшим в безмолвии:

— Торговать я не буду и вам не завидую.

Затем он обратился к купцу, который доверил ему деньги, и сказал:

— Забирай этот жемчуг! Я не обманывал народ, как обманываете вы, купцы, а ты еще постыдился меня встретить.

Сказав это, Ахмед покинул пирующих.

МУДРАЯ ДЕВУШКА

Киргизская сказка

Перевод М. Богдановой. Пересказ Н. Алембековой

старые, давние времена жил хан по имени Сарыбай. Однажды он собрал свой народ и говорит ему:

— Вот уже сорок лет я ваш хан, я много повидал за это время, я выпил и съел столько, сколько мне было предназначено. Теперь мне осталось только умереть, но нет у меня детей и некому передать ханство. Изберите же сами себе нового хана.

И отвечает Сарыбаю его народ:

— Ты сам назначь нам нового хана!

— Нет, — говорит хан, — ведь живые быстро забывают слова умерших. Умру я, а со мной вместе умрут и мои слова.

Но народ снова стал просить его:

— Мы чтим тебя и твои слова. Назначай нового хана, и мы послушаем тебя!

Тогда Сарыбай сказал:

— Есть у меня верный друг — белый сокол. После моей смерти он три дня не будет ни двигаться, ни есть, ни пить. На четвертый день вы подойдите к нему, покормите его, напоите и выпустите на волю. Следите за ним и смотрите, где он будет кружиться. Тот, на чью голову опустится белый сокол, и станет вашим ханом.

Прошло немного дней, и хан Сарыбай умер. И верный его друг — белый сокол — три дня не двигался, не ел и не пил. На четвертый день его накормили, напоили и выпустили на волю. Высоко в воздух поднялся сокол, покружился над собравшимся народом и опустился на голову молодого пастуха Болотбека. Зашумел тут народ. Одни кричали:

— Уж очень молод Болотбек — сможет ли он править ханством?

— Не станем выбирать ханом пастуха! — кричали другие.

Тогда выступили вперед старейшины — почтенные белобородые старики аксакалы и обратились к народу:

— Мы обещали Сарыбаю выбрать ханом того, на чью голову опустится белый сокол. Он опустился на голову пастуха. И пусть этот молодой пастух станет теперь нашим ханом!

И вот стал пастух Болотбек ханом. Был он умным, справедливым и щедрым, помогал бедным: раздавал им скот и выдавал одежду из ханской кладовой.

Скоро народ заметил, что каждый раз, когда хан Болотбек выходил из кладовой, глаза его бывали заплаканы. Стали люди спрашивать у него о причине его печали и слез. И молодой хан отвечал им:

— В кладовой лежит мой старый, рваный халат. Он напоминает мне о том, что среди моего народа есть еще много бедняков. От этого мне становится тяжело, и я плачу!

С тех пор еще больше полюбили подданные своего хана.

Долго правил хан Болотбек, правил мудро и справедливо. Но одно печалило народ: не берет хан себе жены, не нравятся ему дочери баев и ханов. И вот однажды пришли к нему аксакалы и стали просить его жениться.

— Вспомни Сарыбая, — сказали они ему. — Он умер, не оставив после себя наследников, так будет и с тобой!

Долго уговаривали его аксакалы, и хан наконец согласился.

— Хорошо, — сказал он. — Созовите всех знатных девушек нашего ханства, я загадаю им три загадки, и та, которая отгадает их, станет моей женой.

И вот во дворце Болотбека собрались все знатные девушки ханства. Выходит к ним хан Болотбек и загадывает им три загадки:

«Какое расстояние между востоком и западом? Какое расстояние между небом и землей? Какое расстояние между правдой и ложью?» Для ответа хан дал три дня сроку и приказал девушкам каждое утро и вечер приходить во дворец и рассказывать, что они надумают за это время.

Прошло два дня, но еще ни одна из девушек не разгадала загадок хана. На третий день по дороге во дворец они встретили бедную девушку по имени Даанышман, которая собирала хворост.

— Сестрицы, — обратилась к ним Даанышман, — вот уже третий день ходите вы во дворец. Скажите мне, зачем?

— Не твое дело, — грубо отвечали ей знатные девушки. — Собирай свой хворост!

Но среди девушек нашлась одна подбрее и рассказала ей все.

Тогда Даанышман стала упрашивать и ее взять во дворец. Девушки смеялись над ее бедной одеждой и не хотели брать с собой, но после долгих просьб они наконец согласились. Пришли девушки во дворец, и хан Болотбек спрашивает их:

— Ну, кто из вас отгадал мои загадки?

Никто из девушек не откликнулся. Тогда выступила вперед Даанышман и сказала:

— Хан, я отгадала твои загадки. Между востоком и западом один день пути, потому что утром солнце начинает свой путь на востоке, а вечером заканчивает его на западе. Невелико расстояние между небом и землей, его нетрудно охватить взором: поднимешь глаза — увидишь небо, опустишь глаза — увидишь землю. Третью загадку отгадать тоже нетрудно: расстояние между правдой и ложью всего лишь в четыре пальца — это расстояние между глазом и ухом, потому что ухо часто слышит ложь, но глаз всегда видит только правду.

— Правильно, — воскликнул хан, — ты одна разгадала загадки, ты самая умная девушка в моей стране, и я женюсь на тебе!

И Болотбек велел созывать народ на свадьбу.

Так бедная девушка стала ханской женой. Жили они дружно и счастливо.

Даанышман помогала хану своими умными советами и наставлениями. Ведь недаром ее звали Даанышман, что значит «мудрая». Хан всегда слушал свою жену, но взял с нее слово, что никого другого, кроме него, она не будет учить уму-разуму.

Однажды сильно провинился перед ханом один джигит. Понял джигит, что хан может казнить его за такой проступок. И пришел тогда джигит к ханше и стал просить ее, чтобы она научила его, как избежать неминуемой смерти.

Жаль стало ханше джигита, и она нарушила слово, данное мужу, — научила джигита, как отвечать.

— Только смотри не говори хану, что это я тебя научила! — приказала она.

Но хан Болотбек сразу понял, что сам джигит не мог так умно придумать, и стал его расспрашивать:

— Скажи, кто тебя научил так отвечать? Если не скажешь, велю казнить тебя!

Испугался джигит и сознался, что это Даанышман его научила. Разгневался хан. Пришел он к жене и говорит ей:

— Ты не сдержала своего обещания, значит, ты не можешь быть мне верной женой! До сих пор жили мы с тобой дружно, но теперь оставь мой дворец и мой город — уезжай! Можешь взять с собой то, что ты больше всего любишь.

— Хорошо, — отвечала Даанышман, — я согласна. Только исполни мою просьбу: в последний раз поешь со мной вместе!

Согласился хан Болотбек.

Ханша приготовила еду, принесла вина и стала угощать мужа. Когда хан уснул, Даанышман приказала запрячь в арбу лучших лошадей. Она уложила в арбу спящего хана и повезла его, погоняя лошадей что было силы.

Скоро приехали они в другое ханство. Хан Болотбек проснулся, посмотрел вокруг и увидал, что находится в каком-то незнакомом городе, а рядом с ним сидит его жена Даанышман.

Удивился хан Болотбек, спрашивает жену:

— Где я, что случилось?

— Хан мой, — отвечает ему жена, — ты сказал мне: «Оставь мой дворец и мой город — уезжай! Можешь взять с собой то, что ты больше всего любишь». Я оставила твой дворец, оставила твой город, но взяла с собой тебя, потому что люблю тебя больше всего на свете!

Понял хан Болотбек, что был несправедлив, стыдно ему стало перед своей женой-умницей. Он вернулся с ней в свой дворец, и зажили они, как прежде, счастливо и дружно.

ТРИ УЛЫБКИ ПАДИШАХА

Уйгурская сказка

Обработка Э. Тенишева. Пересказ В. Бахревского

днажды, когда падишах принимал просителей, пришел человек, стал в дальнем углу и ничего не попросил.

Падишах посмотрел на этого человека и погладил свою голову. Человек поклонился и провел ладонью по рту. Падишах погладил лицо. Человек — горло. Падишах дотронулся до своего живота, человек — до ноги.

— Я жалую просителю слиток золота! — сказал падишах.

Казначей повиновался. Молчаливый проситель принял дар и ушел.

Советники правой руки ужасно рассердились и спросили падишаха:

— За какую такую службу ты столь щедро наградил безродного оборванца?

— За царскую, — ответил, улыбаясь, падишах. — Я задал мудрому человеку три вопроса и получил три ответа.

— Но мы не слышали ни вопросов, ни ответов! — возразил визирь.

— Имеющий глаза — видит, имеющий ум — понимает, — улыбнулся падишах. — Я погладил голову, и мудрец понял мой вопрос. А я спрашивал: «Что более всего нас угнетает?» — «Неосторожное слово», — ответил мудрец. «А кому грозит опасность потерять свое лицо?» — «Тому, — ответил мудрец, — кто дни свои и состояние пропускает через горло». — «Но разве человек не раб своего желудка?» — спросил я. «Нет, — ответил мудрец. — На то и даны человеку ноги, чтобы искать и находить работу и ничего не пропустить из чудес белого света».

Падишах посмотрел на придворных и улыбнулся в третий раз:

— Вам тоже полезно запомнить изреченную перед вами мудрость: «Рот доведет до беды, а ноги — до еды».

ДВА БРАТА

Энецкая сказка

Пересказ для детей Н. Гессе и З. Задунайской

развилки реки чум стоял. Жила в том чуме женщина с двумя маленькими сыновьями. Однажды ушла женщина пропитание добывать и не вернулась. Что с ней случилось, неизвестно. Может, медведь задрал, может, утонула в реке. Только остались ее маленькие сыновья одни в чуме.

Сперва все плакали, мать звали. Потом привыкли. Собирали грибы и ягоды, рыбу в речке ловили. Так и жили, росли понемногу.

Сколько лет, сколько зим прошло, не знают — считать они не умели.

Вот как-то раз сказал один брат другому:

— Почему одни живем? Помнится, мать говорила, есть еще люди. Давай людей искать!

Второй брат спросил:

— А как искать будем?

— Да так: ты иди по берегу левой реки вверх по течению, и имя тебе будет Река слева — Дяха сэтанó. Я пойду вдоль правой реки вверх по течению, и имя себе возьму Река справа — Дяха маханó. Найдем людей, посмотрим, как живут, и назад вернемся. В нашем чуме встретимся.

Сговорились так и пошли.

Целый день шел Дяха маханó. К вечеру шалаш сделал из веток, лег спать. Лежит, думает:

«Дяха сэтанó себе тоже шалаш сделал. Хороший у него шалаш! Если дождь пойдет, не вымокнет мой брат!»

Встал утром, дальше идет. Много дней идет.

Привела его река к озеру, к тому месту, откуда оно свое начало берет. Большое это озеро, берега у него низкие, болотистые, вправо и влево уходят.

Остановился Дяха маханó, думает:

«Как моему брату, Дяха сэтанó, через такое озеро перебраться? Он ведь тоже на таком низком берегу стоит, как я, не знает, что делать».

Тут увидел Дяха маханó корявое бревно, что комлем к берегу пристало, вершиной на воде колыхается. Сел он на бревно, оттолкнулся от берега. Руками загребает, плывет.

«А есть ли такое бревно у Дяхи сэтанó? — думает Дяха маханó. — Есть! Если я нашел, так и он плывет!»

Переправился через озеро. Только хотел пристать, вдруг выскочил какой-то зверь, с берега в воду прыгнул. Перепугался Дяха маханó, чуть с бревна не свалился. Потом догадался: выдра это, простая выдра!

Засмеялся:

— Глупый у меня брат, Дяха сэтано! Что ему выдра может сделать!

Смотрит Дяха махано: от озера тропка идет. Точно такая, какую они с братом от своего чума к реке протоптали.

«Не люди ли здесь живут?» — думает.

Прошел немного — и правда, человека встретил. Девочка это была. Она морошку собирала. Увидела девочка Дяху махано, ягодой угостила.

— Брат мой, Дяха сэтано, тоже морошку любит, — сказал Дяха махано и целую горсть морошки в рот отправил.

Удивилась девочка.

— Где же твой брат? — спросила. — Мне и ему морошки не жалко.

— А он по другой реке отправился людей искать.

— Так ты людей ищешь? — девочка сказала. — Пойдем в наше стойбище, в стойбище племени тау.

Дяха махано задумался:

«Пошел ли мой брат, Дяха сэтано, за девочкой? Верно, пошел. Мы же для того и чум бросили, чтобы людей найти. Пойду и я!»

Вот и стойбище. Много чумов стоит. Между чумами ходят мужчины, женщины. Дети бегают.

— Ой-ой-ой! Сколько людей на свете, оказывается! — сказал Дяха махано. — Да еще и не столько, а вдвое больше. Не иначе как мой брат, Дяха сэтано, в такое же стойбище пришел. Тоже много людей увидел!

Повела девочка Дяху махано в свой чум, к отцу своему, к матери. Стал он у них жить. Да не без дела же люди живут. Отец девочки сказал ему:

— Будешь оленей пасти!

— Как это — оленей пасти? — Дяха махано спрашивает. — Олени сами где хотят бегают. Вот хоть и у моего брата, Дяхи сэтано, спроси. Мы с ним не раз в лесу оленей видели.

Оказалось, оленей пасти можно. Ездить на них можно! Дяхе махано понравились домашние олени. Стал он их пасти. Говорят, хорошо пас.

Много чему научился Дяха махано у людей. И считать научился. Сосчитал, что прожил в стойбище племени тау семь лет.

«Вот как много! — думает. — Интересно, сколько лет мой брат, Дяха сэтано, в том стойбище прожил? Больше или меньше? Выходит, столько же! Мы-то с ним в один день из нашего чума в путь отправились».

Семь лет — долгое время. Вырос Дяха махано, мужчиной сделался. И та девочка, что его морошкой угостила, тоже выросла, девушкой стала. Он и женился на ней.

Отец девушки дал им ездовых оленей и верховых оленей подарил. Обрадовался Дяха махано, подумал:

«Мое стадо да стадо брата, Дяхи сэтано, вместе пастишь будут. Ничего, однако, не маленькое стадо выйдет!»

Подумал так и жене сказал:

— В путь собирайся, ехать пора. Мой брат, Дяха сэтано, уже в наш чум со своей женой, со своими оленями возвращается. Как бы нам не опоздать!

Поехали. Зимой дело было. Олени быстро бегут, не то что пешему ногами землю мерить! И озеро замерзло. По льду Дяха махано оленье стадо легко перегнал.

Вот и чум впереди завиднелся, что в развилке рек стоит.

Погоняет оленей Дяха махано, к родному месту спешит. Видит: по берегу второй реки тоже аргиш движется. На передней нарте человек сидит, оленей погоняет. На второй нарте женщина сидит — видно, жена.

— Гляди, — Дяха махано своей жене говорит, — мой брат, Дяха сэтано, едет! Не опоздали мы!

Сошлись аргиши. Соскочил Дяха махано с нарты, и тот, второй, соскочил. Смотрят друг на друга. Дяха махано не брата своего, Дяху сэтано, видит, а совсем чужого человека. Рассердился он.

— Что тут делаешь? — спрашивает. — Зачем сюда приехал?

— К своему чуму приехал, — тот отвечает. — Встречи со своим братом ищу.

— Если братом моим назваться хочешь, — говорит Дяха махано, — расскажи, как жил, что с тобой было. Тогда увижу, твой это чум или не твой, мой ты брат или не мой!

Стал тот человек рассказывать:

— Шел я вверх по левой реке, как мое имя велело. Сколько дней шел, не знаю, считать тогда не умел...

«Мой брат! — кивает Дяха махано. — И я так шел!»

— Потом вышел на высокий берег озера. Там журавля испугался, что взлетел из камышей вверх...

«Не мой брат, — огорчается Дяха махано. — На озере берег низкий был, и не журавля он должен был испугаться, а выдры!»

— Через озеро я на коряге переплыл...

«Все так и есть!» — радуется Дяха махано.

— Переплыл, девочку встретил. Она голубику собирала и меня угостила.

— Забыл ты! — закричал Дяха махано. — Не голубика то была, а морошка.

— А тебя что, морошкой угощала? — спросил приезжий. — Значит, ты не Дяха махано, не мой брат.

— Я-то Дяха махано, твой брат! Это ты не мой брат, не Дяха сэтано! Ну, давай дальше рассказывай.

— Оказалась эта девочка из стойбища племени сомату.

— А у меня племени тау. Опять не выходит!

— Она меня привела к своим родителям. Прожил я у них семь лет. С ее отцом на охоту ходил...

— А почему оленей не пас? — рассердился Дяха махано.

Тот, второй, не слушает, дальше рассказывает:

— Хорошим охотником я стал. Много соболей, песцов, лисиц добыл. А когда женился на дочери стариков, шкуры на оленей выменял и сюда приехал.

— Ну, все! — говорит Дяха махано. — Не мой ты брат. Мне оленей отец жены дал.

Тот отвечает:

— Может, и ты не мой брат! А только я здесь жить буду, мой это чум.

— С чего он твой? Откуда знаешь? Чем докажешь?

— Вот когда отсюда уходил, я белые камушки у левой стены спрятал.

— Правильно! — подхватил Дяха махано. — А я черные камушки у правой стены спрятал. Давай посмотрим, так ли?

Зашли в чум, посмотрели. И правда, лежат камушки — белые слева, черные справа.

— Выходит, все-таки мы с тобой братья! — сказал Дяха махано.

Обнялись они, потом жен позвали. Стали вместе жить.

Дяха махано оленей пасет. Дяха сэтано на охоту ходит. Хорошо век прожили, детей вырастили и внуков увидели.

СКРИПУЧАЯ СТАРУШКА

Ульчская сказка

авно это было. Самые старые старики от дедов слышали, а тем, когда они ребятишками были, их деды рассказывали. Жили в маленьком стойбище старик со старухой. Бедно жили. Сыновей у них не было, а были две дочери — Лага и Дыю. Хорошие выросли девушки. А все-таки без мужчин в доме как жить? Пришлось сестрам самим в тайгу ходить — зверя промышлять да в амурских протоках рыбу ловить.

Старики скоро померли, остались сестры вдвоем. Хоть и трудно было, не унывали. Лага хорошо промышлять научилась, в тайгу ходила, пушнину и мясо добывала, а младшая, Дыю, дома хозяйничала.

Вот однажды зимним утром собралась Лага на промысел. Отцовский охотничий наряд надела, лук взяла да копье короткое.

Осталась Дыю одна в избушке. Сидит на нарах, рукавицы кроит да песенку поет. Вдруг слышит она за дверями шаги — будто что-то поскрипывает: скрип-скрип, скрип-скрип... Открыла девушка дверь и видит: стоит перед ней странная старушка, да такая, что и на человека-то не похожа: голова — как котел, нос — как у птицы, пальцы — как когти, ноги — как палки, сама тонкая-тонкая, а чуть повернется — вся скрипит, точь-в-точь как дерево старое.

Посмотрела старушка на девушку и спрашивает:

— Ты одна дома, доченька? Устала я, пусти меня отдохнуть.

Дыю пустила старушку. Села та, ноги-палки вытянула, девушку рядом посадила. Расспрашивать стала. Узнала, что, кроме сестры, никого у нее нет. Тогда говорит девушке:

— Какие у тебя красивые волосы, доченька, дай я расчешу их и заплету косу!

Но как только старуха заплела косу, она уколола девушку острой иглой, и у той сразу глаза закрылись, заснула она. Тогда старуха отрезала у Дыю косу, уложила девушку на нары, одеялом накрыла, а сама в тайгу ушла.

Вечером вернулась старшая сестра. Удивилась: никто встречать не выходит, очаг в избушке не топится — дыма нет. А на снегу чужие следы пролегли. Что такое?

Открыла Лага дверь и видит, что сестра на нарах лежит. Рассердилась Лага. Закричала:

— Почему так долго спишь, еду не приготовила, меня не встречаешь?

Но не ответила сестра, и тогда Лага увидела, что коса у Дыю отрезана. И не понять, то ли спит она, то ли померла.

Долго плакала Лага. Потом решила: «Пойду искать, кто сестру погубил, отомщу ему».

Пошла Лага по следам в тайгу. Долго шла, устала. Наконец пришла к ветхой избушке, постучалась в дверь и попросилась переночевать. Вышла к ней бледная и грустная девушка и сказала:

— Нельзя ночевать в этом месте. Здесь живет злая старуха, ненавидящая людей. Чтобы продлить свою жизнь, она отрезает косы у девушек. Я живу только потому, что ей прислуживаю. Ненавижу ее, но сделать ничего не могу. Уходи, пока не вернулась старуха, а то погубит она тебя.

— Не боюсь я, — сказала Лага. — Теперь я знаю, кому отомстить за сестру. Только как это сделать?

— Слышала я от старухи, что есть у нее красивая шкатулка с костяной резьбой, — сказала девушка. — Вот в этой шкатулке все старухино зло хранится. Если растолочь, растереть ее в порошок, старуха никому ничего плохого делать не будет. Только шкатулку эту старуха всегда с собой носит, а когда спит — под голову кладет, спит чутко — не подойдешь к ней.

Долго думали девушки. Наконец придумали. Сбегала Лага в тайгу, разыскала под снегом траву, от которой крепкий сон приходит. Нашли девушки крепкое дубовое корыто и тяжелый деревянный пест.

Спрятала девушка Лагу, застлала нары мягкими шкурами, а под шкуры сонной травы наложила и стала дожидаться старуху. Вот послышалось за дверью: скрип-скрип.

Открыла дверь злая старуха, потянула носом и спрашивает:

— Что-то чужим духом пахнет?

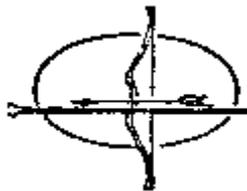
— Нет, — отвечает девушка, — это пахнет коса, которую ты принесла сегодня.

— Правда, — говорит старуха, — хорошая коса, я ее у совсем молодой девушки обрезала. Теперь я долго проживу. А та погибнет. Сама проснуться не сможет. Чтобы ее разбудить, надо эту ее косу на старое место к голове приложить. А у нее, кроме сестры, никого нет, заступиться некому. Сестра что мне сделает? Ну ладно, я спать лягу, устала сегодня.

Легла старуха на нары и сразу уснула.

Взяли девушки шкатулку у нее из-под головы, корыто с пестом взяли и вышли из избушки. Отошли подальше и принялись за работу. Долго толкли старухину шкатулку. Крепкая была. Так и не смогли все в порошок превратить. Потом разбросали осколки в разные стороны. Ветер подхватил их и унес. Только превратились те осколки, что побольше, в оводов, помельче — в комаров и мошек, которые досаждают людям и животным. Старики говорят: «Чтобы все зло уничтожить, много труда и терпения надо».

А девушки взяли косу Дыю, вернулись в избушку сестер. Приложили косу к голове девушки, и она сразу ожила. Стали жить втроем. Хорошо жили. Злая старуха не появлялась, никто о ней больше никогда не слышал.

БАЙ И БАТРАК

Узбекская сказка

Перевод М. Шевердина

давние времена жила бедная вдова. Была она уже преклонных лет, а три сына ее — Ярмáт, Шарип и Алдár — только подросли и еще никакому ремеслу не обучились.

Трудно приходилось старушке. Порой дома даже и куска хлеба нельзя было найти, хотя она от восхода и до захода солнца пряла пряжу и продавала ее в базарные дни ткачам.

Стала плохо видеть вдова, не могла больше прясть. Позвала тогда она старшего сына Ярмата и сказала:

— Сын мой, я слепну, а ты уже почти взрослый. Теперь твой черед кормить семью. Иди-ка поработай.

Отвела старушка на следующее утро своего сына к богатею Саттарáю и упросила его, чтобы он взял Ярмата в услужение.

Попрощалась вдова, поклонилась пониже и пошла себе домой, опираясь на свой старушечий посох.

— Ну, черная кость, — заговорил бай, — посмотрим, что ты можешь и чего не можешь.

Дал он Ярмату большое сито, в чем муку просеивают, и приказал:

— Сходи наноси из реки воды.

Побежал Ярмат на реку, зачерпнул ситом воды, а она, конечно, в сите не держится. Черпал, черпал, так воды и не зачерпнул и пришел домой ни с чем.

— Где вода? — закричал бай.

— Разве тем, что вы мне дали, воду зачерпнешь? — сказал Ярмат.

— Ты что, еще спорить со мной, черная кость, смеешь? — разозлился бай, схватил палку и прогнал Ярмата.

Поплакала старушка, но что поделаешь — с господами разве поспоришь, и решила отдать среднего сына, Шарила, баю в услужение.

Только пришел он к баю, Саттарбай приказывает Шарипу:

— Принеси сейчас же воды! — и дал вместо ведра сито, как раньше Ярмату.

Только Шарип не пошел на реку, а сказал баю:

— Ты что, надо мной издеваешься? Какой глупец воду в сите носит?

Рассвирепел Саттарбай:

— Ах, вот как, черная кость, ты еще спорить! — ударил палкой Шарипа и прогнал.

Заплакала старушка вдова, слезами залилась.

Но тут вдруг заговорил младший сын вдовы, Алдар:

— Отпусти меня, мать, к Саттарбаю. Надо же нам с ним рассчитаться за все его милости, что оказал он нашей семье.

— Иди, — сказала старушка, — может, ты, Алдар, удачливее своих братьев будешь.

Пришел он к баю, а Саттарбай первым же делом приказал Алдару:

— А ну, пошевеливайся, черная кость, притащи сейчас же боды, да поживей!

Сунул бай Алдару в руки сито и вытолкал взашей из дому.

Алдар спорить не стал. Завернул по пути на базар, попросил у жестянщика таз, положил в него сито — так и принес Саттарбаю воды.

— Эге, — сказал бай, — да из тебя, черная кость, человек выйдет!

Стал работать Алдар в доме Саттарбая: двор прибирать, скотину кормить, землю пахать, поля поливать, да еще по ночам дом караулить. Не знал Алдар отдыха ни днем, ни ночью. А Саттарбай только ходит да покрикивает: «Эй, черная кость, опять лодырничает!»

Вот раз собрался Саттарбай с женой, с чадами в гости. Оставил он Алдара дома и строго наказал:

— Эй, черная кость, сторожи дом! Да смотри, чтобы все было в порядке: двор прибери, подмети, чтобы блестел, скаковой конь чтобы из кормушки голову не поднимал, ворота чтобы наглухо были заперты, в комнате для гостей чтобы пылинки не осталось.

— Ладно, — сказал Алдар, — все сделаю, как приказываете, будьте спокойны.

Вернулся бай с семейством из гостей домой, хотел открыть ворота — не тут-то было. Стучался бай, стучался, Алдар выглянул из-за забора и смотрит.

— Эй, черная кость, — крикнул бай, — почему ворота не открываешь? Не видишь, кто приехал?

— Как не видать, — отвечает Алдар. — Да только ворота теперь не открыть.

— Что ты болтаешь, дурак? Почему нельзя ворота открыть?

— Да вы же приказали их наглухо закрыть, чтобы никто не прошел. Вот я позади ворот новую стенку из кирпича и сложил.

Никуда не денешься, пришлось баю смолчать.

Перелез Саттарбай через забор и ахнул: земля вся была полита льняным маслом! Сколько было у бая в кладовой масла, все до последней капли Алдар вылил во двор.

— Вай, какой убыток! — закричал бай. — Только сумасшедший мог погубить столько добра.

— Я исполнил ваше поручение, господин. Вы же приказали мне, чтобы двор блестел. Вот он и блестит.

Ничего не поделаешь, пришлось баю смолчать. Вдруг видит он, что его любимый скаковой конь мордой привязан к кормушке. Взыл Саттарбай от ярости:

— Что ты наделал?

— Господин, вы же приказали, чтобы конь не поднимал головы от кормушки.

Никуда не денешься, пришлось снова баю промолчать.

Зашел он в комнату для гостей и от огорчения чуть не лишился разума: оказывается, Алдар, чтобы не осталось на стенках ни пылинки, сорвал всю дорогую алебастровую штукатурку с тонкой резьбой.

Застонал Саттарбай, схватился за голову и, не сказав Алдару ни слова, убежал на женскую половину дома.

Пришел бай к жене и говорит:

— Дело плохо, жена, этот батрак, черная кость, настоящий сумасшедший. Складывай вещи, придется бежать, а то как бы он нас не загубил.

Раскрыли они большие кожаные яхтаны[109] и уложили в них все добро, а затем вышли крадучись во двор, чтобы запрячь лошадь в арбу.

Алдару только этого и надо было. Потихоньку забрался он в самый большой яхтан и притаился в нем.

Погрузили вещи бай с женой, сели на арбу и уехали, думая, что Алдар спит.

Бай все погонял лошадь и похвалялся:

— Хитрый Алдар, а я хитрее!

Всю ночь и день бай гнал лошадь и только к вечеру остановился на ночлег на берегу реки.

Стала тут байская жена охать и стонать:

— Хоть слуга был, а то и костер разжигай, и ужин готовь.

— Пожалуйста, пожалуйста, дорогие хозяева, — сказал Алдар, вылезая из яхтана.

Бай и его жена только рты разинули. Сидят — молчат.

После ужина бай и его жена притворились спящими. В полночь они стали сговариваться:

— Как только Алдар, черная кость, заснет, столкнем его в воду.

Все слышал Алдар и, едва только бай и его жена задремали, тихонько встал, надел на себя байский халат, повязал голову байской чалмой и осторожно разбудил жену бая.

— Пора топить Алдара, — голосом бая прошептал Алдар.

Спросонья жена ничего не разобрала и помогла Алдару столкнуть в воду своего мужа.

Наутро жена бая проснулась, видит: Алдар ходит около арбы.

— Эй, черная кость, ты что, со дна реки выбрался? Мы же тебя утопили.

Тогда Алдар сказал:

— Вы, госпожа, не меня бросили в реку, а своими руками утопили мужа своего, Саттарбая. Теперь я с ним за все его милости рассчитался.

Повернулся Алдар и пошел своей дорогой.

ЛУЧШИЙ ОХОТНИК НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Орочская сказка

Пересказ для детей Н. Гессе и З. Задунайской

ил один орóч. Жена у него была и сын. Сын большой, пора бы отцу во всем помогать. Да мать избаловала, во всем ему потакала. Что хочет, то и делает.

Однако, хоть и поздно, отец стал его к охотничьему промыслу приучать. Глаза у сына зоркие, ноги быстрые, руки сильные. Но только, чтобы зверя убить, хитрость нужна. И не столько хитрость, сколько терпение. Бывает, целый день в засаде просидишь из-за одного зайца. А сын этого не любил, ему бы все побыстрее.

Однажды отец с сыном снарядили оморочки, отправились на нерп охотиться. Вышли устьем реки в море, туда поглядели, сюда — нет нерп.

Сын говорит:

— Чего ждать? Домой повернем.

Отец говорит:

— Куда торопиться? Подождем, может, появятся.

Недолго и ждать пришлось. Сразу три нерпы вынырнули, смотрят круглыми глазами по сторонам, а охотников не замечают. Отец к ним оморочку направил. Сыну крикнул:

— За мной греби!

А сын в ответ:

— Эти нерпы мелковаты. Вон у мыса большая нерпа плещет. За ней погонюсь.

— Не нерпа это — косатка, — говорит отец.

— А я вижу — нерпа! — сын отвечает и поворачивает оморочку к мысу.

В море не до споров. Нерпы ждать не будут. Погнал отец к ним свою оморочку. Две нерпы ушли от него, одну убил. Что ж, и то добыча!

«Как-то у сына охота идет?» — подумал отец и поплыл к мысу. Обогнул его.

Открылось пустынное море. Куда глаз хватает валы катятся, а сына нигде не видеть.

Долго отец вдоль берега плыл, все сына выглядывал. Нет и нет его. Утонуть не с чего: море тихое да и оморочка, хоть перевернутая, плавала бы.

Пошел отец домой. И дома сына нет. Жена плакать стала, мужа попрекает:

— Не уберег дитя родное! Хватило совести мальчика одного в море оставить! Какой же ты отец после этого!

— Молчи, жена! — говорит муж. — Может, он далеко заплыл, еще придет.

Но не пришел сын.

Каждый день отец к морю ходит, сына высматривает. И охоту бросил, ни на что руки не поднимаются. А раз сел на берегу и горько-горько заплакал.

Вдруг услышал слова:

— В моем море, в моих владениях горько-соленой воды и так много! О чем плачешь?

Не знает охотник, то ли голос это, то ли шум волны. Прикрыл от солнца глаза ладонью, в море посмотрел. Видит: невдалеке от берега, на скале, что словно зуб над водой торчит, сидит старик в халате из кожи кеты-рыбы. Борода у него зеленая, как водоросли, длинная-предлинная. Конец ее в волнах полощется. Испугался, удивился охотник, однако ответил:

— Как не плакать? Сын у меня пропал. Молодой, красивый. На всем побережье лучшего охотника не было.

Засмеялся старик на скале:

— Лучше, говоришь, не было? — и опять хохочет.

Отцу обидно, что над его пропавшим сыном чужой смеется. Хотел недобрыми словами ответить, да вдруг понял, что не простой старик перед ним. Зачем простому человеку в рыбьем халате на скале сидеть? Откуда у простого человека зеленая борода взялась? Ясное дело, Тэму́ это, Хозяин моря. Оробел охотник, проглотил худые слова.

Тэму ему говорит:

— Давно я так не веселился! За то, что рассмешил меня, отдам тебе сына. Построй на берегу юрту из китовых костей и жди. С новым месяцем вернется твой сын.

Сказал так и в глубину ушел. Плеснул, словно большая рыба.

Охотник за женой побежал. Вместе принялись юрту строить. Спешат очень. Кончаются безлунные ночи, новый месяц вот-вот народится.

Построили юрту. Устали. Забрались в нее, оба уснули.

Как раз в эту ночь узкий месяц, словно лодочка-оморочка, на небо выплыл. А к берегу прибило... Не будем вперед заглядывать — спит ведь охотник, ничего не знает.

Проснулся он на самом раннем рассвете, когда на небе свет с темнотою спорит. Выскочил из юрты, подбежал к берегу. Смотрит: вынесло волнами плетенную из морской травы люльку. В ней младенец плачет. Тут из юрты и жена выбежала, услышала детский плач.

Муж говорит:

— Видно, ошибся Тому! Не наш это сын, наш уже охотником был!

А жена схватила ребенка, крепко к себе прижала.

— Ослеп ты, что ли? Лица его не видишь! Оглох ты, что ли? Голоса его не слышишь! Наш это сын, в точности такой, каким был двадцать лет назад.

Унесла мать ребенка в юрту. Слышит охотник, уже песню над ним поет.

Сам охотник на берегу остался, не понимает, радоваться ему или печалиться.

К этому времени рассеялся предутренний туман, солнце показалось. Увидел охотник, что на той же

скале опять Тэму сидит. В зеленую бороду посмеивается.

— Я свое слово выполнил, — сказал Хозяин моря, — вернул тебе сына.

— А почему он маленький? — спрашивает охотник. — У меня большой был.

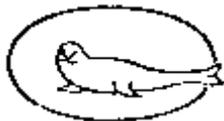
— Большой, да глупый, — Тэму отвечает. — Вместо нерпы за косаткой погнался! За той косаткой, в пасти которой я свое жилище устроил. Я ему кричу, чтоб убирался, а он не слушает, острогой [\[110\]](#) размахивает. Ну, я его и схватил. Когда сына второй раз растить будешь, получше учи. Построже воспитывай!

Тут большая волна на скалу накатила. Накатила и отхлынула. А Тэму уже на скале нет.

Охотник в юрту пошел. Жена младенца на руках качает, говорит мужу:

— Хорошо, что сыночек маленьким вернулся. Теперь я его никуда от себя не отпущу. Глаз от него не отведу, чтобы с ним ничего не случилось.

— Нет уж! — муж отвечает. — Теперь я его растить буду. Только ходить начнет, стану приучать к охоте. Всему с малолетства обучу! И терпению, и умению.

ТРИ ВЕЛИКАНА

Тофаларская сказка

Обработка В. Рассадина. Перевод В. Бахревского

прежние времена жили на земле три брата-великана. Они были громадные, как горы, и глупые. Ничего не жалели, что встречалось на их пути: деревья ломали, зверей давили, птицам шеи сворачивали.

Однажды самый старший, самый сильный великан шел по тайге и встретил человека верхом на лошади. А человек этот был непростой. Это был бурхán[111]. Пошли вместе. Наступил вечер, стали они табор налаживать.

— Принеси вон ту лиственницу! — И великан показал бурхану на огромное дерево.

Обвязал бурхан арканом лиственницу, потянул. Она даже не шелохнулась. Захотел великан, одной рукой вырвал дерево с корнем и бросил в костер. А костер у него тоже был великанский — огонь до неба доставал.

Задумался бурхан:

«От такого сильного, глупого великана всем достается: земле и небу, людям и зверям. А ведь великанов трое!»

И вот что бурхан придумал.

У великанов была любимая поляна для игр. Когда они резвились, земля дрожала и гудела, горы окрест обваливались, все живое убегало в страхе прочь.

Поставил бурхан на той поляне большой и очень красивый ящик, а крышку откинул.

Однажды пришли братья на поляну, чтобы поиграть, и увидели ящик. Самый старший, самый сильный взял да и сел в него, а потом лег — подумал, что это постель. Тут ящик и захлопнулся.

Как ни старались братья открыть крышку, ничего у них не получилось. Ушли они домой — силы за ночь поднакопить. Утром прибежали на поляну, а ящик камнем обернулся. Испугались братья и пошли в разные стороны куда глаза глядят.

Средний брат достиг берега моря. И тут он почувствовал, что вода тянет его к себе. Как ни упирался, море было сильнее. Утянуло в свои глубины, и стал великан Хозяином воды.

Младший брат через горы шел. Утомился, задумал чай сварить. Пошел зачерпнуть котелком воды в реке. А была ночь, на небе стояла полная луна. И почувствовал великан, что луна тянет его к себе. Ухватился за куст, но луна была сильнее.

С той поры великан на луне, с котелком в одной руке, с кустом в другой.

Так вот и перевелись на земле великаны: один стал камнем, другой — водяным, а младший на луне живет.

БРАТЯ

Саларская сказка

Обработка Э. Тенишева. Пересказ В. Бахревского

Был некий юноша сирота, у него была мать. Юноша рубил в горах дрова и продавал их в городе. Тем и кормились.

Однажды с горы сорвался лев и запутался в колючем кустарнике.

«Если срублю куст, — подумал юноша, — лев получит свободу и съест меня».

А вслух сказал:

— Съест так съест! — и срубил куст.

Лев поднялся на лапы и прорычал, как гром:

— Будем братьями!

С той поры лев заготавливал в горах дрова, а юноша носил их в город.

В один из дней лев пришел к брату в гости и сказал его матери:

— Пора женить старшего брата!

— Пора, — сказала мать, — да кто отдаст дочь за бедняка?

— Я достану жену моему брату, — пообещал лев и принес ему дочь императора.

Женился юноша и стал жить хлебопашеством. Красавица жена сеяла, а юноша пахал землю. Когда пахарь глядел на жену, соха шла прямо, а когда вел борозду в другой конец поля, соха шла криво.

Жена догадалась и сделала свое изображение. Все борозды стали ровнехоньки, и поле родило хлеба вдвое.

Да вот беда. Однажды налетел ветер и унес изображение дочери императора в город.

Дня не прошло — явились в дом хлебопашца стражники. Дочь императора отправили во дворец, а юношу в тюрьму.

Горько зарыдала старушка мать. На ее слезы прибежал лев.

— Погубил ты моего сына, — упрекнула его мать, — ему бы жену попроще. Теперь и мне погибать с голоду.

— Не плачь! — сказал лев. — Я верну тебе сына. Прибежал в горы и взревел громовым рыком. На грозный зов собрались все львы империи.

— Моего старшего брата схватили и держат в тюрьме! — сказал лев. — Его надо спасти из неволи.

Ночью львы окружили город императора. Когда рассвело, люди увидели, что из города не выйти и в город не войти.

— Мы чем-то обидели львов, — сказал император. — Найдите такого человека, который взялся бы их укротить.

Ни во дворце, ни в домах попроще смельчака не нашлось, а в тюрьме сыскался.

— Это по мне скучает мой младший брат, — сказал юноша. — Отпустите меня на волю, и я спрошу его, чем люди не угодили львам.

Вышел юноша за городскую стену и спросил брата-льва:

— Зачем вы пришли?

— Тебя выручать. Твоя мать плачет и клянёт меня за императорскую дочь.

Вернулся юноша в город и рассказал императору правду.

— Прогони львов, — попросил император — и я назову тебя моим сыном.

Снова вышел юноша ко львам и сказал:

— Ступайте все в горы, но двое, самые храбрые, пусть останутся со мной.

Император на радостях устроил львам угощение, и те ушли с миром в горы.

А юноша остался жить во дворце, с женой и с матерью. Охраняли его от завистников и злоумышленников два могучих льва.

СЫН БЕДНЯКА И ЖЕСТОКИЙ ХАН

Бурятская сказка

Перевод М. Степанова

ыло это во владениях злого, жестокого, бессердечного хана.

Жил в тех местах не старый еще бедняк с сыном. Хан его притеснял, заставлял работать даром, кормил впроголодь. Бедняк не мог придумать, как избавиться от кабалы. Однажды он собрался в лес и взял с собой сына. Шли они и разговаривали.

— Соседи завидуют моему уму и ловкости, — говорил отец. — Я могу из сорочьего гнезда яйцо утащить — и сорока не заметит. А вот хана мне не провести...

Сын показал отцу на дерево — на самой макушке было сорочье гнездо.

— Попробуйте достаньте яйцо, чтобы сорока не увидела.

Отец подошел к дереву, обхватил его ногами в унтах и полез. Сын усмехнулся, вытащил нож, быстро срезал с отцовских унтов подошвы. Отец достал из гнезда сорочье яйцо, спустился вниз и ахнул: унты-то оказались без подошв!

— Ну и сын! — рассмеялся бедняк. — Ты, пожалуй, можешь хана перехитрить.

Рассказал он соседям про ловкость сына, и пошла молва о том, что сын бедняка очень умный и хитрый.

Скоро хан призвал ловкого паренька к себе во дворец.

— Слышал я, — грозным голосом сказал хан, — что ты умен да хитер. Так ли это?

— Так, светлейший хан, — смело ответил сын бедняка.

— Ха-ха-ха! — раскатисто засмеялся хан. — Ха-ха-ха! Ты просто хвастун!

От хохота жирное брюхо у хана колыхалось, щеки тряслись, а глаза были красные, злые.

— Вот я тебя испытаю. Слушай: в домике, во дворе у меня, стоит ручная мельница. Сумеешь унести ее сегодня ночью, чтобы никто не видел, — твоя будет. Не сумеешь — голову с плеч сниму. Понял?

— Понял, — спокойно ответил сын бедняка. — Попробую.

Вечером хан спустил с цепей девяносто четыре злые собаки, приказал двум баторам всю ночь непрерывно вертеть ручную мельницу. Потом призвал придворного палача и велел ему наточить топор.

— Ха-ха-ха! — смеялся хан, укладываясь спать. — Посмотрим, кто кого перехитрит!

Ночью паренек пробрался на ханский двор, увидел собак, баторов и вернулся домой. Голыми руками мельницу не добудешь!

Дома он набрал полный мешок костей, взял большую чашку саламата[\[112\]](#) и снова пошел на ханский двор. Дал по косточке всем девяносто четырем собакам и, пока они дрались из-за костей, стал пробираться

дальше. Чашку с саламатом поставил у дверей дома, где стояла ручная мельница, а сам спрятался.

Вот один батор захотел выйти на улицу — отдохнуть. Он наказал второму, чтобы тот не отлучался от мельницы.

— Вернись — ты отдохнешь, — сказал он.

Батор вышел во двор и увидел у дверей большую чашку саламата.

— О добрый, заботливый хан-отец! — проговорил обрадованный батор. — Позаботился о нас, приготовил угощение!

Он съел весь саламат, облизал чашку, вернулся к товарищу и все рассказал ему.

— А мне ты оставил саламата? — спросил тот.

— Нет, весь съел...

Второй батор рассердился, стал ругаться, полез драться. Баторы сцепились, выкатились на улицу. Хитрому пареньку того и надо было. Пробрался он в дом, схватил мельницу и убежал.

Когда рано утром хан пришел посмотреть, на месте ли мельница, баторы еще дрались.

— Стойте! — властно крикнул хан. — В чем дело?

— Да вот, — стал объяснять один батор, показывая на другого, — он съел весь саламат, который вы принесли...

— Какой саламат? — заревел хан диким голосом. — Где мельница?

А мельницы не было. Нечего делать, вернулся хан домой.

Утром паренек пришел во дворец, принес ручную мельницу.

— Хан-отец, вот ваша мельница, — насмешливо сказал он.

— Ну, погоди же! — свирепо проговорил хан. — Я тебя проучу. Слушай: если сегодня ночью ты сумеешь увести с моего двора трех лучших иноходцев, они станут твоими. Если не уведешь, отрублю тебе голову. Понял?

— Попробую, — поклонился хану сын бедняка.

Вечером хан запер трех лучших иноходцев в амбар, поставил двух караульных. Позвал палача и велел ему наточить топор, а сам лег спать.

Хитрый паренек надел ханский халат и ночью отправился к караульным.

— Ну, что? — спросил он караульных хриплым ханским голосом. — Не приходил еще этот парень?

— Нет, хан-отец, не приходил, — ответили те. — Будьте спокойны, он нас не проведет.

— Глядите, он хитрый, — предупредил паренек. — Не прозевайте коней...

Через некоторое время он пришел еще раз и принес караульным большую бутылку молочной водки.

— Замерзли, наверно, давно стоите. Выпейте по чашечке — согреетесь.

— Спасибо, хан-отец, за вашу заботу, — закланялись караульные, — очень холодно на улице.

Паренек налил им по чашке, поставил бутылку у стены амбара и строго сказал:

— Водка будет стоять вот здесь. Больше не пейте, захмелеете.

Только он отошел, караульные налили себе еще по чашечке.

Скоро паренек в ханском халате снова вернулся к амбару.

— Не появлялся этот хитрец? — спросил он хриплым голосом. — Теперь уж, наверное, не придет. Побоялся. Разрешаю вам еще по одной чашке водки.

— Да будет по-вашему, хан-отец! — весело отозвались караульные и быстро выпили по чашке водки.

— Холодно станет — еще по одной можете, но не больше, — сказал паренек и ушел.

Едва он скрылся в темноте, караульные бросились к бутылки. Напились здорово и завалились спать. Хитрый паренек подкрался к ним, вытащил ключ, отпер замок, вскочил на иноходца, двух других взял за поводья и ускакал домой.

Утром хан пришел к амбару и остолбенел: амбар открыт, коней нет, пьяные караульные валяются на земле, возле стены.

Рассвирепевший хан растолкал их и грозно спросил:

— Где кони?

Но караульные начали оправдываться, будто хан сам всю ночь поил их водкой. Махнул на них хан рукой и отправился во дворец. Придя во дворец, приказал он, чтобы к нему немедленно привели того хитрого парня.

— Я такого бесчестия не потерплю! — гневно закричал на него хан. — Ты меня опозорить задумал? Ну, нет... Вот тебе еще одна задача: стащи сегодня ночью соболью шубу моей жены. Сумеешь — шуба твоя будет. Попадешься — голову отрублю, юрту спалю, последнего барана у твоего отца отберу.

Паренек молча кивнул: ладно, мол, постараюсь.

Вечером хан приказал жене надеть соболью шубу и ложиться спать в комнате на самом верхнем этаже дворца.

— Да смотри, чтобы этот парень шубу с тебя не снял, — сердито предупредил хан жену. А сам сел у окна спальни с луком и стрелами наготове.

Ночью парень подошел ко дворцу, все высмотрел, обдумал и отправился на кладбище. Выкопал из могилы покойника, которого в этот день похоронили, и притащил его к ханскому дворцу. Взвалил его себе на плечи, долез по стене до спальни, где спала ханша, и прислонил к окну так, будто живой человек в спальню заглядывает. Хан увидел, закричал от радости, натянул тетиву лука и выстрелил. Человек за окном взмахнул руками и полетел вниз. «Наконец-то я от него избавился! — подумал довольный хан. — Нужно поскорее его закопать, пока опять что-нибудь не случилось». Разбудил хан слуг, вместе с ними поднял убитого и остался посмотреть, чтобы его получше закопали.

А хитрый паренек, пока хан возился с покойником, пробрался во дворец, нарядился в ханский халат и в темноте разбудил ханшу.

— Убил я вора, — сказал он хриплым голосом. — Теперь можно спокойно уснуть. Ты-то как спала, жена?

Ханша заворочалась, завздохала.

— Ты что охаешь? — спросил паренек ханшу, ну точь-в-точь как сам хан бы спросил.

— Жарко мне, ведь я в шубе лежу, чтобы тот хитрый ее не стащил.

— Можешь раздеться. Больше опасаться нечего.

Сняла ханша шубу и сразу уснула. Паренек схватил шубу — и в дверь.

Только он ушел, явился хан. Разбудил жену, спросил:

— Хорошо ли спала, жена?

Ханша рассердилась:

— Да ты что, в самом деле? Только что разбудил меня и спрашивал, а теперь снова спать не даешь.

— Когда спрашивал? — удивился хан. — Я только что пришел.

— Не обманывай! — закричала ханша. — Ты был и шубу велел снять.

— Где шуба? — завопил хан, накидываясь на жену с кулаками. Но шуба исчезла.

Рано утром во дворец явился хитрый паренек. На нем была нарядная соболья шуба. Он остановился на пороге.

— Примите утренний привет, хан-отец, и вы, ханша-мать, — насмешливо проговорил он. — Как спалось, спокойная ли была ночь?

Хан сжал кулаки и бросился к парню.

— Уйди! — хрипло зарычал хан. — Голову с плеч снесу!

А хитрого парня уже и след простыл.

АЙОГА

Нанайская сказка

Обработка Г. Меновщикова

ила-была девочка. Звали ее Айога. Все ее любили и говорили, что красивее ее никого нет ни в одном стойбище. Загордилась Айога. Стала часто любоваться собою. Глядит на себя — не наглядится. То в медный таз начищенный смотрится, то своим отражением в воде любитесь.

Некогда Айоге делом заниматься. Все только любитесь собой.

Вот однажды говорит ей мать:

— Принеси воды, дочка!

Айога отвечает:

— Я могу в воду упасть.

— А ты за куст держись, — говорит ей мать.

— Руки поцарапаю.

— Рукавицы надень.

— Изорвутся, — говорит Айога. А сама все в медный таз смотрится, какая она красивая.

— Разорвутся, так зашей рукавицы иголкой.

— Иголка сломается...

— Возьми толстую иголку.

— Палец уколою.

— Наперсток возьми из крепкой равдуги[113].

— Наперсток прорвется.

Тут соседская девочка говорит матери Айоги:

— Давайте я за водой схожу! Пошла и принесла воды.

Замесила мать тесто, сделала лепешки. Испекла их на раскаленном очаге.

Увидела Айога лепешки и кричит:

— Дай мне лепешку, мама!

— Горячая она, руки обожжешь, — отвечает мать.

— Рукавицы надену.

— Рукавицы мокрые.

— Я их на солнце высушу.

— Покоробятся.

— Я их мялкой разомну.

— Руки заболят, — отвечает мать. — Зачем тебе, дочка, трудиться, красоту свою портить? Лучше я лепешку той девочке отдам, которая рук своих не жалеет...

Взяла мать лепешку и отдала соседской девочке. Рассердилась Айога. Пошла на реку, села на берегу и смотрит на свое отражение в воде. А соседская девочка стоит рядом и лепешку жует.

Потекли слюнки у Айоги. Стала она на девочку поглядывать. Шея у нее и вытянулась — стала длинная-длинная.

Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепешку, мне не жалко!

Разозлилась тут Айога. Побелела вся от злости, зашипела, пальцы растопырила, замахала руками— и руки в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го!.. — кричит.

Не удержалась Айога на берегу. Бултыхнулась в воду и обратилась в гуся. Плавает и кричит:

— Ах, какая я красивая! Го-го-го... Ах, какая я красивая!..

Плавала, плавала, пока говорить не разучилась. Все слова забыла. Только имя свое не забыла, чтобы с кем-нибудь ее, красавицу, не спутали. Чуть людей завидит, кричит:

— Айо-га-га-га-га!.. Айо-га-га-га!..

ЧУДЕСНЫЙ САД

Казахская сказка

Пересказ Е. Малюги

или некогда два друга бедняка — Асан и Хасен. Асан обрабатывал клочок земли, Хасен пас свое маленькое стадо, и так добывали они себе скудное пропитание. Оба друга были вдовцами, но у Асана была красивая и ласковая дочь — его утешение, а у Хасена сильный и послушный сын — его надежда.

В одну из весен, когда Асан готовился выйти на свое поле, Хасена постигла беда: степь поразил джунт[114], и все бараны бедняка пали.

Весь в слезах, опираясь на плечо сына, прибрел Хасен к другу и сказал:

— Асан, я пришел проститься с тобой. Стадо мое погибло, без него скоро должен буду погибнуть и я.

Услышав эти слова, заплакал и Асан и, прижимая Хасена к груди, проговорил:

— Друг мой, тебе принадлежит половина моего сердца. Не отказывайся же, прими и половину моего поля. Утешься, возьми кетмень и с песней принимайся за работу.

С той поры и Хасен сделался земледельцем.

Шли дни, шли месяцы, шли годы. Однажды Хасен вскапывал свое поле и вдруг услышал из-под кетменя какой-то странный звон. Он стал поспешно рыть землю в этом месте, и вскоре его глазам открылся старый казан, доверху наполненный золотыми монетами.

Не помня себя от радости, Хасен схватил казан и бросился стремглав к землянке друга.

— Веселись, Асан, — кричал он на бегу, — веселись, к тебе пришло счастье! Я вырыл на твоей земле казан, полный золота. Теперь ты избавился от нужды!

Асан встретил его приветливой улыбкой и отвечал:

— Я знаю твое бескорыстие, Хасен, но это твое золото, а не мое. Ведь ты нашел клад на собственной земле.

— Я знаю твое великодушие, Асан, — возразил Хасен, — но, подарив землю, ты не дарил мне того, что скрыто в ее недрах.

— Дорогой друг, — сказал Асан, — все, чем богата земля, должно принадлежать тому, кто эту землю полил потом.

Долго они спорили. Наконец Асан сказал:

— Покончим с этим, Хасен! У тебя есть жених-сын, у меня — невеста-дочь. Они давно любят друг друга. Давай поженим их и отдадим им это золото. Пусть наши дети не будут знать бедности.

Когда друзья объявили о своем решении детям, те едва не умерли от счастья.

В этот же день была отпразднована веселая свадьба. Юноша и девушка поселились в землянке Хасена, а Хасен перебрался к Асану.

На другой день, лишь только начало светать, молодожены явились в отцовскую землянку. Лица их были озабочены, а в руках они держали казан с золотом.

— Что случилось, дети? — тревожно воскликнули Асан и Хасен. — Какая беда подняла вас так рано?

— Мы пришли сказать вам, — отвечали молодые люди, — что не годится детям владеть тем, чем пренебрегли их родители. Мы богаты и без этого золота. Наша любовь драгоценнее всех сокровищ мира.

И они поставили казан посреди землянки.

Тогда снова начался спор о том, кому же следует распорядиться кладом, и длился он до тех пор, пока не надумали все четверо отправиться с золотом к одному знаменитому мудрецу, жившему далеко в степи. Шли они степью много дней и вот пришли к кибитке мудреца. Кибитка одиноко стояла среди степи, была черна и убога. Путники вошли в кибитку и с поклоном предстали перед мудрецом.

Мудрец сидел на ветхой кошме. Рядом с ним, по двое с каждой стороны, сидели четверо его учеников.

— Что за нужда привела вас ко мне, добрые люди? — спросил мудрец пришедших.

И те рассказали ему о своем споре. Выслушав их, мудрец долго сидел в молчании, а затем, обратившись к старшему ученику, спросил:

— Скажи, как разрешил бы ты на моем месте тяжбу этих людей?

Старший ученик ответил:

— Я бы приказал отнести золото хану, ибо он владыка всех сокровищ на земле.

Мудрец нахмурил брови и спросил второго ученика:

— Ну а ты какое решение принял бы на моем месте?

Второй ученик ответил:

— Я бы взял золото себе, ибо то, от чего отказываются тяжущиеся, по праву достается судье.

Еще больше нахмурился мудрец, но все так же спокойно задал вопрос третьему ученику:

— Поведай нам теперь, как бы ты вышел из затруднения?

Третий ученик отвечал:

— Раз это золото никому не принадлежит и все от него отказываются, я повелел бы снова зарыть его в землю.

Совсем стал мрачен мудрец и спросил четвертого, самого младшего ученика:

— А ты что скажешь, мое дитя?

— О мой учитель! — отвечал младший ученик. — Прости мне мою простоту, но вот мое решение: я вырастил бы на это золото в пустой степи большой и тенистый сад, чтобы в нем могли отдыхать и наслаждаться плодами все усталые бедняки.

При этих словах мудрец поднялся со своего места и со слезами на глазах обнял юношу.

— Поистине правы те, — сказал он, — кто говорит: «Считай старше себя и молодого, если он умен». Суд твой справедлив, дитя мое. Возьми же это золото, отправляйся в ханскую столицу, купи там лучших семян и, возвратившись, вырасти сад, о каком ты говорил. И пусть вечно живет среди бедняков память о

тебе и об этих великодушных людях, что принесли золото.

Юноша сейчас же положил клад в мешок и, вскинув его на плечи, двинулся в путь.

Долго он странствовал по степи и наконец благополучно достиг столицы ханства. Придя в город, он сразу отправился на базар и стал бродить среди шумной толпы в поисках торговцев плодовыми семенами.

Долго бродил он, разглядывая выставленные возле лавок диковинные предметы и яркие ткани. Вдруг за его спиной раздался звон караванных бубенцов и послышались пронзительные крики. Юноша обернулся и увидел: через базарную площадь проходит бесконечный караван, груженный удивительной поклажей. Вместо тюков с товарами на верблюдов были навьючены живые птицы, тысячи птиц, какие только гнездятся в горах, в лесах, в степи и в пустыне. Они были связаны за лапки, крылья их, помятые и истрепанные, мотались, как лохмотья, тучи разноцветных перышек вились над караваном. При каждом движении каравана птицы бились головками о верблюжьего бока, и из их открытых клювов вырывались жалобные крики.

Сердце юноши сжалось при виде такого зрелища. Протолкавшись сквозь толпу любопытных, он подошел к караван-баши и, почтительно поклонившись, спросил:

— Господин, кто обрек этих прекрасных птиц на такую страшную муку и куда вы с ними держите путь?

Караван-баши ответил:

— Мы держим путь ко дворцу хана. Птицы эти предназначены для ханского стола. Хан заплатит нам за них пятьсот червонцев.

— Отпустишь ли ты их на волю, если я дам тебе золота вдвое больше? — спросил юноша.

Караван-баши взглянул на него насмешливо и продолжал свой путь.

Тогда юноша сбросил с плеч кожаный мешок и раскрыл его перед караван-баши. Караван-баши остановился, не веря своим глазам, а сообразив, какое богатство ему предлагают, тотчас же приказал караванщикам развязать птиц.

Едва почувствовав свободу, птицы разом взвились в небо. Было их так много, что в одно мгновение день превратился в ночь, а от взмахов крыльев по земле пронесся ураган.

Юноша долго следил за удаляющимися птицами. Когда они скрылись, он поднял с земли пустой кожаный мешок и пустился в обратную дорогу.

Сердце его ликовало, ноги неслись легко, из уст сама собой лилась веселая песня.

Но чем ближе он подходил к родным местам, тем все больше овладевало им горькое раздумье и раскаяние все больше теснило грудь.

— Кто дал мне право распоряжаться по своей прихоти чужим богатством? Не сам ли я вызвался посадить сад для бедняков? Что скажу я теперь учителю и тем простодушным людям, что ждут моего возвращения с семенами?

Так сетовал на себя юноша. Мало-помалу отчаяние совсем овладело им, и он, упав на землю, стал плакать, призывая смерть на свою голову. В конце концов горе так истомило его, что он крепко заснул.

И снится ему сон: неведомо откуда на грудь к нему слетела прелестная пестрая птичка и вдруг запела чудным голосом:

«О добрый юноша! Забудь, забудь свою печаль! Вольные птицы не могут вернуть тебе золото, но они по-иному вознаградят тебя за твое милосердие. Проснись скорей — и ты увидишь нечто такое, что сразу осушит твои слезы».

Пропев так, птичка вспорхнула и улетела. Юноша открыл глаза и замер от удивления: вся широкая степь была покрыта дивными птицами, занятыми непонятным делом.

Птицы разгребали лапками в земле ямочки, роняли в них из клюва белые семена и вновь заматали крыльями.

Юноша пошевелился, и в тот же миг птицы снялись с земли и устремились к небу. И снова день превратился в ночь, и от взмахов крыльев по земле пронесся ураган. Но вслед за тем случилось еще большее чудо: из каждой ямочки, выкопанной птицами, вдруг потянулись зеленые побеги. Они росли все выше и выше и вскоре превратились в могучие ветвистые деревья, роскошно убранные блестящими листьями. Не прошло и мгновения, как ветви деревьев уже покрылись невиданными пышными цветами, наполнившими воздух сладким благоуханием. Затем цветы облетели, а вместо них на ветвях закачались великолепные золотистые яблочки.

Величественным яблоням, покрытым корой точно из янтаря, не было числа и счета. Между стройными стволами повсюду виднелись тучные виноградники, заросли джиды и светлые лужайки, покрытые буйной травой и яркими тюльпанами. Тенистые тропинки были выстланы нежными лепестками цветов, только что опавших с деревьев. По сторонам тропинок звучно журчали студены арыки, выложенные разноцветными драгоценными камешками. А над головой непрестанно порхали и щебетали птички, такие же красивые и голосистые, как и та, что привиделась юноше во сне.

Юноша в изумлении оглядывался по сторонам и все не мог поверить, что видит сад наяву. Чтобы испытать себя, он громко крикнул и ясно услышал свой голос, многократно повторенный эхом. Видение не исчезло. Тогда он изо всех сил устремился к кибитке мудреца и рассказал там обо всем, что с ним случилось. Выслушав его рассказ, и мудрец, и три его ученика, и Асан с Хасеном, и их дети пожелали немедленно увидеть сад.

В скором времени слух о чудесном саде разнесся по всей степи. Первыми к саду прискакали на своих борзых иноходцах всадники белой кости. Но лишь только они достигли опушки, как перед ними выросла высокая ограда с железными воротами на семи замках. Тогда они встали на резные седла и попытались через ограду дотянуться до золотых яблок.

Но всякий из них, кто прикасался к плоду, сразу терял силы и замертво валился на землю. Увидев это, всадники белой кости в страхе и ужасе повернули коней и умчались в свои аулы.

Вслед за ними к саду со всех сторон потянулись толпы бедняков. При их приближении замки упали с железных ворот, и ворота широко распахнулись. Сад наполнился народом — мужчинами и женщинами, стариками и детьми. Они расхаживали по тропинкам, топчя лепестки, и лепестки не увядали; они пили воду из арыков, и вода не мутилась; они срывали с деревьев плоды, а плодов не убывало. Весь день не умолкали в саду звуки домбры [\[115\]](#), веселые песни, громкий смех.

Когда же наступило время ночи и на землю спустился мрак, из яблок вдруг заструился мягкий голубой свет и птицы запели тихую и сладкую песню. Тогда бедняки улеглись на душистой траве под деревьями и заснули крепким сном, довольные и счастливые в первый раз за всю свою жизнь.

ЧУЖАЯ УРАСА

Юкагирская сказка

Пересказ для детей Н. Гессе и З. Задунайской

ак-то под вечер сидели в своей урасе [\[116\]](#) три брата.

Имя у старшего — Лошийя. У среднего — Лопчуб. А младшего брата звали Акчин-хондо. Делать им нечего было. Старший брат сказал:

— Давайте песни петь, голоса пробовать. Я первый начну.

Начал, запел:

— Лошийя-я! Шийя! Лошийя!

Спел так, похвалил себя:

— Хороший у меня голос. Теперь ты пой, — говорит среднему.

Средний запел:

— Лопчубо-о! Чубо! Лопчубо!

Спел, сказал:

— И я хорошо пою! Посмотрим, как наш младший споеет.

Младший запел:

— Акчин-хондо! Хондо-хондо! Акчин!

Закончил. Братья говорят:

— Что ж, и у него получается. Теперь давайте все вместе споем.

Запели. Каждый свое поет. Никак песня не складывается. Старший на младшего рассердился. Младший — на среднего. Средний — и на младшего, и на старшего:

— Зачем свои имена поете?! Мое пойте. Тогда песня сложится.

— Из твоего имени песня не ладится! Мое петь надо! — кричит старший.

— А я ваших имен и знать не хочу! — младший бранится. — Свое знаю! — И затянул — Акчин-Акчин-Акчин-хондо! Хондо-хондо-до-до-Акчин!

Средний брат и старший брат на него набросились. Бить его стали. И он им спуска не дает.

Котел опрокинули, огонь в очаге залили. Катаясь по полу, стрелы изломали.

Старший сказал:

— Однако в урасе плохо драться. Пошли наружу!

Пошли братья наружу. Принялись на траве драться. Старший младшего на землю повалил. Лежит

младший на спине, лицом кверху. Увидел над собой звездное небо, закричал:

— Стойте, братья! Беда идет!

— Какая беда? Где беда? — закричали средний и старший.

Младший вскочил, на небо пальцем показал.

— Смотрите, чужие люди сухой тальник зажгли. Дорогу себе огнем освещают! На нас войной двинулись!

Братья испугались.

— Убегать надо! Их много, нас мало!

Побежали к реке, в лодку-стружок прыгнули, за весла схватились. Гребут, как песню в уресе пели: один назад, другой вперед, третий весла то опустит, то поднимет — ни назад, ни вперед!

Лодка-стружок на месте крутится. Вода о борта плещется. Кажется братьям, что лодка их быстро идет.

Старший вверх взглянул, говорит:

— Гонятся!

Опять гребут. Средний вверх взглянул, закричал:

— Как будто отставать начали!

Еще веслами помахали. Младший задрал голову, сказал:

— Отстали!

А это уже светает. В сером небе звезды померкли. Не видно горящих тальниковых прутьев в руках у вражеских воинов.

— Знаю, почему отстали, — сказал старший брат. — Они нашу урасу грабят!

— Ясное дело, грабят! — сказал средний.

— Котел унесут, шкуры унесут! Что делать? — убивается младший.

Вдруг видят братья: стоит на берегу ураса. Хорошая, большая ураса.

— Верно, это вражеских воинов жилище, — говорит старший.

— А чье же! — средний отвечает. — Конечно, их.

— Если они наше жилище грабят, мы их урасу разорим! — закричал младший и выпрыгнул из лодки.

За ним двое других выскочили. С криком бросились к вражескому жилью.

Шесты изломали, сорвали шкуры. Котел схватили, в лодку унесли. Опять роятся на том месте, где чужая ураса стояла. Младший лук нашел. Поднял его и закричал:

— А ведь это мой лук! Я сам его делал!

— Не может того быть! Глупости говоришь, — отмахнулся старший.

Сказал так и свой лук увидел.

— Послушай, — толкнул он среднего, — кажется, Акчин-хондо не совсем глупый. Я тоже свой лук нашел.

А средний брат, по имени Лопчуо, третий лук в руках держит, осматривает, головой качает.

— Луки, выходит, наши. Может, и ураса наша?

Разобрали шкуры, что в кучу сбросили, — все узнали.

— Вот этого оленя я убил!

— Этого — я!

— А эта медвежья шкура нам еще от отца досталась!

Посмотрели братья друг на друга. Друг у друга спросили:

— Как же так вышло? Всю ночь гребли — к своей же уресе приплыли.

И решили братья: не иначе, какой-то шаман их песне позавидовал, туман на их глаза, в их головы наслал.

Так они решили, так подумали. До одного не додумались: у этого шамана имя есть. Сами догадайтесь какое!

МАЛЬЧИК ИДЭ

Хантыйская сказка

Обработка для детей Г. Меновщикова

Ил-был мальчик Идэ. Рано остался он круглым сиротой. Отец его, охотник, ушел однажды в тайгу на промысел и не вернулся. А вскоре умерла и мать. Взяла мальчика к себе старая бабушка.

Любила бабушка внука, и Идэ тоже любил бабушку. Целый день бегал за ней по пятам: бабушка к речке — и Идэ за ней, бабушка в лес — и Идэ с нею. А один никуда от избушки не отходил: боялся.

— Стыдно таким трусом быть, — говорила ему бабушка. — Ведь ты уже большой мальчик, а всего боишься.

Молчит Идэ. А бабушка думает:

«Как бы его храбрым вырастить? Другие в его годы и за рыбой, и за птицей в лес одни ходят, а мой Идэ ни шагу без бабушки».

В тот год в тайге много кедровых орехов уродилось. Вот бабушка как-то и говорит:

— Пойдем, Идэ, орехи собирать.

— Пойдем, бабушка.

А в лес надо было плыть по реке.

Собрала бабушка берестяные корзинки и села в челнок [\[117\]](#). Идэ рядом с ней пристроился...

Оттолкнулись веслом от берега и поплыли.

День выдался ясный, теплый.

Проплыли бабушка с Идэ две песчаные косы, миновали и третью. К четвертой косе причалили.

Вытащили челнок на берег, сами на горку поднялись, в тайгу вошли.

Стали бабушка и Идэ орехи собирать.

Высокие кедровые деревья прячут в ветвях зрелые шишки. Бабушка ударит по сучку колотушкой — шишки сами на землю и падают.

Носят бабушка с внуком полные корзинки шишек в челнок. Так много орехов набрали, что на всю зиму хватит. Можно бы и домой ехать. А бабушка села на пень и думает: «Надо, чтобы внучек мой храбрым вырос. Испытаю я сегодня его, оставлю на ночь в лесу. Медведи и волки здесь не водятся, а остальные звери не страшны». Подумав так, говорит бабушка внуку:

— Ой, Идэ, забыла я на горке еще одну полную корзинку. Сбегай, внучек, принеси.

Побежал Идэ на горку. А бабушка села в челнок, оттолкнулась от берега и поплыла.

Глядит Идэ с горы: уплывает бабушка, все дальше и дальше уносит ее река.

Закричал Идэ с горы, заплакал:

— Бабушка! Бабушка! Что же ты меня одного оставила?

А бабушка с лодки отвечает:

— Побудь здесь ночку, внучек, а я утром приеду за тобой.

Так и уплыла. Идэ один на берегу остался.

«Что же теперь со мной будет? — думает он. — Пропаду я тут один, конец мне пришел».

А солнышко тем временем уже низко за тайгу опустилось. Вечереет, скоро ночь наступит.

Стал Идэ над рекой от дерева к дереву бродить — ищет, где бы на ночлег устроиться. В большом старом кедре увидел он глубокое дупло. Залез туда, свернулся клубочком и лежит тихонько. Сам ни жив ни мертв от страха.

Потемнела тайга, нахмурилась. Ветер поднялся, дождь пошел. Падают шишки на землю, стучат по стволу. Совсем испугался Идэ. Спрятался он еще глубже в дупло, дрожит, боится, как бы звери не пришли. А его никто и не думает есть. Только кедровые шишки шумят под дождем. Как ни трусил Идэ, все-таки понемножку засыпать начал. Всю ночь и провел в дупле.

Утром просыпается, смотрит: светло, небо ясное, день жаркий, солнечный. Шумят над ним свежие зеленые ветки, а птицы так и заливаются.

«Жив ли я?» — думает Идэ со страхом.

Стал он сам себя ощупывать: правую руку протянул — тут рука, левую протянул — и левая тут. Голова на месте и ноги целы. Никто не съел.

Вылез Идэ из дупла. Смотрит: кругом на земле шишек видимо-невидимо. Ночью насыпались. Вот хорошо-то!

Стал он шишки в кучу собирать.

Большую кучу набрал. Глянул на реку, а у берега на песке знакомый челнок лежит и бабушка, кряхтя, в гору поднимается.

Закричал Идэ бабушке издали:

— Ты что же меня вчера одного оставила?

А бабушка и отвечает:

— Это я нарочно, Идэ. Я хочу, чтобы ты храбрым вырос. Ты — человек, а человек над всем на свете хозяин. А разве ты не хочешь храбрым быть?

— Хочу, — тихонько говорит Идэ.

Помирились Идэ с бабушкой. Пошли вместе орехи собирать. Опять целый челнок шишек набрали. Домой поехали.

С тех пор перестал Идэ всего бояться. И в лес, и на реку — всюду один ходит. Нигде ему не страшно.

ТРУС ХУДАЙБЕРДЫ И ЛИСИЦА

Туркменская сказка

Перевод и обработка О. Эрберга

Жил когда-то человек по имени Худайберды. Он очень боялся лисиц и, когда встречался с ними в степи или в лесу, старался обойти или объехать их стороной. Поэтому он и прослыл трусом.

Однажды жена и дочь Худайберды наткали бумажной материи и поручили ему продать ткань на базаре.

Когда Худайберды сел на лошадь, чтобы ехать в город, жена попросила привезти ей халвы, а дочь — леденцов.

— Ладно, привезу вам гостинцы, — пообещал Худайберды и выехал со двора.

В лесу навстречу ему вышла лисица.

— Куда путь держишь, Худайберды? — спросила она.

Худайберды хотел повернуть лошадь назад, но лисица стала бегать вокруг да размахивать хвостом.

— Жена и дочь послали меня на базар продать ткань, — ответил Худайберды.

— Зачем же тебе возить ее на базар? — сказала лисица. — Продай лучше мне. А когда поедешь обратно, я тебе на этом же месте положу деньги.

— Ладно, — согласился Худайберды. — Только уговор: когда поеду обратно, чтобы деньги уже лежали под кустом.

— Будь спокоен! — сказала лисица.

Худайберды поверил, отдал ей материю и поехал в город.

На базаре он увидел халву и леденцы и вспомнил про наказ жены и дочери. Но купить эти сласти ему было не на что. Он сел на свою лошадь и ни с чем отправился домой.

Подъехав к тому месту, где его встретила лисица, Худайберды не нашел под кустом ни денег, ни материи, ни лисицы.

Он долго ждал, когда лисица принесет ему деньги, но так и не дождался и вернулся домой с пустой переметной сумой.

— Привез халву? — спросила у него жена.

— Нет, жена, не было халвы на базаре, — ответил Худайберды.

— Привез леденцов? — спросила дочь.

— Нет, дочка, все леденцы раскупили, пока я дошел до лавки бакалейщика.

— А деньги за товар привез? — спросила жена.

— Эх, жена, — ответил Худайберды, — когда я ехал на базар, мне встретила лисица. Она купила матерью, а деньги обещала положить под куст. Только она обманула и не принесла деньги.

Жена напустилась на Худайберды:

— Где ж это видано, чтобы кто-нибудь торговал с лисицей? Да разве ей можно верить! Теперь она сидит в своей норе да потешается над тобой. Сейчас же иди отыщи ее нору и потребуй деньги или матерью!

— Что ты, жена! — испугался Худайберды. — Как мне идти к ней, когда она пригрозила. «Если, — говорит, — ты не продашь мне матерью, то я тебя съем вместе с лошадыю».

— Трус! — закричала жена. — Недаром же тебя в глаза трусом называют! — И стала подступать к нему с кулаками.

— Постой, жена, — сказал ей Худайберды, — мне с дэвами легче дело иметь, чем с лисицами. Лучше пошли меня за деньгами к дэвам.

— Где хочешь, там и доставай деньги! — продолжала кричать жена. — Вот еще храбрец нашелся! К дэвам собрался идти, а от лисьего хвоста убегает!

— Вот увидишь, пойду к дэвам, — твердил свое Худайберды. — Завтра же пойду и потребую у них деньги!

На другой день Худайберды начал собираться к дэвам. Люди узнали про это и подняли его на смех:

— Наш трус Худайберды собрался с дэвами сражаться!

Худайберды пошел в курятник, взял одно яйцо и положил в карман. На дороге нашел ослиный хвост и засунул себе под папаху. Потом он пошел в поле проверить расставленные сети и увидел в них фазана. Худайберды забрал его и сунул за пазуху, затем смотал в связки несколько веревок и, простившись с женой и дочерью, пустился в путь.

Худайберды доплелся до пещеры, где жили дэвы, вошел в нее и приветствовал их.

Старший дэв сказал ему:

— Мы бы растерзали тебя и съели вместе с потрохами, если бы ты нас не приветствовал. Ну, говори, кто ты такой?

— Меня зовут Худайберды-силач, — ответил он.

— Тогда садись к нашему очагу и будь гостем. Худайберды уселся, и старший дэв сказал ему: — Среди нас есть один дэв-силач. Если ты его поборешь, ты можешь просить у нас чего хочешь, а если он победит, тогда мы немедля съедим тебя.

Дэвы позвали своего силача, и тот начал борьбу с Худайберды. У Худайберды сразу захрустели кости и глаза полезли на лоб. Ожидая своего смертного часа, Худайберды запрокинул голову, а дэв-силач увидел, что тот уставился в небо, и спросил:

— Что высматриваешь в небе?

Худайберды собрался с последними силами и ответил:

— Я высматриваю ту звезду, под которую тебя сейчас подброшу.

Услыхав это, дэв-силач выпустил Худайберды и бросился бежать. Худайберды побежал вдогонку.

— Стой, стой! — закричал старший дэв. — Не губи нашего силача! Мы дадим за него выкуп!

— Ладно, — согласился Худайберды, — пусть он живет. А выкуп мне дайте без обмана.

Тут Худайберды подсел к дэвам и сказал:

— Теперь я хочу посмотреть, чьи блохи больше: мои или ваши!

Старший дэв снял с себя блоху величиной с кулак. Худайберды вытащил из-за пазухи фазана и подбросил его.

Фазан, шумно хлопая крыльями, улетел прочь.

— Вот так блоха! — изумились дэвы.

— У богатыря и блохи богатырские, — сказал Худайберды. — А теперь покажите, какой толщины у вас волосы.

Старший дэв вырвал из своей головы волос толщиной в десять конских волос, а Худайберды вытянул из-под папахи ослиный хвост.

Удивились дэвы и сказали:

— Вот так волосы! И как только голова твоя их выдерживает?

— У богатыря и волосы богатырские, — ответил Худайберды. — Напоследок давайте померимся силою ног. Кто из вас сможет выжать масло из земли?

Дэвы поднялись и начали разминать свои ноги. Худайберды тем временем незаметно вынул из кармана яйцо, положил его на камень и слегка присыпал песком.

Дэвы начали изо всех сил топтать ногами. Земля затряслась, но масла не было видно.

— А где же масло? — спросил Худайберды.

Дэвы стали топтать ногами так, что от их топота повалилась пятисотлетняя чинара, но масла не было.

— Ни капли масла не выдавили, — сказал Худайберды. — Теперь глядите, как я буду выжимать масло.

С этими словами он нажал ногой на закопанное в песке яйцо, и тотчас же из песка выступил желток.

Дэвы с изумлением обступили Худайберды, а старший дэв сказал:

— Ну и силища же у тебя!

— Теперь будем состязаться, кто из нас больше деревьев повалит, — предложил Худайберды.

Дэвы согласились и начали выдергивать из земли вековые деревья вместе с могучими корнями.

После того как каждый дэв выдернул по десятку деревьев, Худайберды размотал свои веревки.

— Ты что собираешься делать? — спросил старший дэв.

— Не хочу выдергивать каждое дерево поодиночке! — ответил Худайберды. — Я обвяжу веревками весь ваш лес и сразу повалю.

— Что ты! — испугались дэвы. — Этот лес посадили наши деды! Пощади его, мы прибавим к выкупу еще и подарки.

— Ладно, пусть будет по-вашему, — согласился Худайберды. — Тащите сюда выкуп и подарки.

Дэвы засуетились, взяли заступы и пошли откапывать зарытое в землю золото.

Перед уходом старший дэв сказал Худайберды, показывая на сорокаведерный котел с пловом:

— Если проголодаешься, присаживайся к котлу и ешь сколько сможешь, а мы, когда вернемся,

доедим, что после тебя останется.

Дэвы ушли, а Худайберды вырыл яму, перетаскал в нее лопатой весь плов из котла и засыпал яму землей.

Когда дэвы вернулись, они увидели Худайберды, залезшего в котел и облизывающего его дно. От удивления они и рты разинули:

— Столько плова нам всем не съесть, сколько он один съел!

Старший дэв сложил в пещере семь мешков золота и сказал Худайберды:

— Ложись спать, а утром я прикажу кому-нибудь из дэвов отвезти тебя домой.

Дэвы устроили в пещере постель и дали Худайберды тигровую шкуру, а сами вышли наружу и стали потихоньку совещаться.

— Что нам делать с этим Худайберды-силачом? — сказал старший дэв. — Он унесет наше золото и, чего доброго, еще обложит нас данью.

— Теперь он непременно повадится ходить к нам за золотом, — сказал другой дэв.

— Давайте убьем его, — предложил старший дэв. — Ночью, когда он уснет, подкрадемся к нему и убьем.

Худайберды подслушал их разговор и не лег спать на постель, а положил под тигровую шкуру камни, сам же спрятался в углу.

Поздно ночью дэвы подкрались к пустой постели Худайберды и долго дубасили камни, покрытые шкурой. Старшему дэву и этого показалось мало: он приказал еще поджечь хворост, на котором была разостлана постель Худайберды.

Покончив с этим, голодные дэвы принялись варить плов. Ранним утром, когда плов поспел, они присели к котлу, но в это время из пещеры, позевывая и потягиваясь, вышел Худайберды.

Дэвы в таком ужасе повскакали с мест, что опрокинули котел и вывалили весь плов на землю.

— Что-то мне плохо спалось, — сказал им Худайберды. — Сначала будто моросил дождь и мелкие капли падали на меня, а когда я плотней закутался в шкуру, то так упарился, что даже вспотел.

Старший дэв в страхе сказал одному из дэвов:

— Сажай себе на плечи Худайберды-силача, забирай семь мешков золота и уноси его отсюда, пока мы целы!

Дэв взвалил на себя мешки с золотом, посадил сверху Худайберды и поднялся ввысь.

В пути дэв спросил Худайберды:

— Славный силач, ты так много ешь плова, а в теле твоём нет никакой тяжести. Почему бы это?

— Потому, — ответил Худайберды, — что я не хочу обременять тебя всей своей тяжестью. Я закинул на небо веревку и держусь за нее.

Тогда дэв попросил:

— А ну отпусти веревку! Я хочу почувствовать тяжесть твоего богатырского тела.

— Ладно, — сказал Худайберды, — сейчас почувствуешь.

Он вытащил из-за пояса нож и стал медленно загонять его между лопатками дэва.

— Худайберды! — взмолился дэв. — Хватайся опять за веревку, а то я не выдержу тяжести и мы

упадем!

Худайберды спрятал нож, и дэв полетел быстрее.

Наконец они спустились в том лесу, где жила лисица, обманувшая Худайберды.

— Отпусти меня домой, Худайберды-силач, — попросил его дэв. — До твоего дома осталось недалеко: взвали себе на плечи семь мешков золота и шагай спокойно.

Худайберды увидел под деревом лисью нору.

— Нет, дэв, — сказал он, — уговор был такой, чтобы ты довез меня до дому. Если устал лететь, пойдем пешком. Мешки с золотом придется нести тебе. Люди привыкли видеть, что я переносу разом по нескольку верблюдов, и если теперь увидят на моей спине эти легкие мешки, то будут надо мной смеяться.

Все это слышала лисица, высунувшая свою морду из норы.

Дэву ничего не оставалось делать, как донести мешки с золотом до кибитки Худайберды. Здесь Худайберды отпустил его, и дэв поспешил в ближайший лес, чтобы передохнуть немного перед тем, как лететь обратно.

В лесу встретила его лисица:

— Откуда идешь, дэв?

— Отнес домой Худайберды-силача и семь мешков золота, — ответил дэв.

Лисица начала смеяться:

— Вот еще, нашел храбреца-силача! Да он даже меня боится! Он из-за трусости отдал мне материю, которую нес на базар, а вы ему платите дань!

Лисица еще пуще залилась смехом. Но дэв ей не поверил. Тогда лисица сказала:

— Если не веришь, я тебя поведу к его кибитке. Он, как увидит меня, тотчас же убежит, и ты сможешь взять обратно все свое золото. Только уговор: ты мне дашь в награду немного золота на зимнюю шубу.

Дэв согласился, привязал себя веревкой к шее лисицы и пошел с ней к Худайберды.

Завидев издали лисицу и дэва, Худайберды забрался на свою кибитку и крикнул сверху:

— Эй, лисица! Ты проиграла мне в кости трех дэвов, а ведешь только одного! Где же остальные два?

Услышав это, дэв закричал на лисицу:

— Ах негодная обманщица! Ты хотела хитростью отдать меня Худайберды-силачу!

Он рванулся, лисица взвилась на веревке и с такой силой ударилась о землю, что разлетелась на мелкие куски, а дэв побежал так быстро, что только пятки засверкали.

С той поры Худайберды прославился как храбрец.

ИЧА

Селькупская сказка

Запись и обработка Е. Прокофьевой

Ича жил вдвоем с бабушкой. На другой стороне реки жил Корсэ-старик, князь. Корсэ-старик был любопытный, жадный. Он часто посылал своих работников посмотреть, что люди его добыли: много ли ценных шкурок, много ли диких оленей добыли, не утаили ли что от князя своего.

Ича однажды позвал свою собаку, привязал ей на шею связку собольих шкурок и отпустил собаку на улицу.

Пришли князевы работники к Иче. В чум вошли, сели, все оглядывают. Вдруг кто-то стал царапаться в дверь. Ича и говорит бабушке:

— Это, верно, собака моя вернулась,пусти ее! Обратился он к Князевым работникам и говорит: — Собачку мою семь дней тому назад послал я на промысел в лес. Посмотрим, что она добыла!

Бабушка впустила собаку. Смотрят люди: что такое? На шее у собаки собольи шкурки. А Ича говорит:

— Вот, хорошая собака моя, хорошие шкурки принесла!

Работники тут же вскочили и к князю Корсэ побежали — рассказать про Ичину собаку. Прибежали и рассказывают старому князю:

— Князь Корсэ, какую собаку мы у Ичи видели! Семь дней тому назад он послал ее на промысел, и она ему связку собольих шкур принесла.

Корсэ-князь говорит им:

— Идите сейчас же к Иче и скажите, что я куплю у него эту собаку!

Побежали работники к Иче. Передали, что князь сказал. Ича ответил:

— Правда, умная моя собака, за коня уж продам ее князю. Только смотрите не испортите ее!

Работники забрали Ичину собаку, отвели к князю, а Иче привели коня.

Ича, как только Князевы работники ушли, коня убил, кишки вынул, кровью убитого коня кишки наполнил и бабушку свою ими обмотал. А поверх опять сарафан надела бабушка. Так сидит.

Приходят работники князя Корсэ и говорят Иче:

— Ича, князь Корсэ сердится: собака твоя ничего промышлять не идет, и в лес-то не идет, только по двору княжескому бегают.

Ича вскочил и закричал:

— Вы испортили мою собаку! Я ведь говорил вам — смотрите не испортите! — Повернулся к бабушке и кричит: — Я не хотел мою собаку продавать. Это ты ее князю отдала! Теперь я тебя убью!

И ударил Ича бабушку ножом. Кровь потекла, и бабушка будто умерла. Сел Ича и сидит. Сидел, сидел,

думал. Вдруг и говорит, плача:

— Что я сделал! Ведь я сам отдал свою собаку за коня! Зачем я бабушку свою убил?!

Взял свой нож, поставил его на землю около правого своего колена и говорит ножу:

— Ты мою бабушку убил, теперь ты ее и оживи. Смотрят люди: бабушка пальцами зашевелила, потом руками зашевелила, потом глаза открыла — ожила.

Работники побежали к Корсэ-князю и рассказывают:

— У Ичи такой мудреный нож есть — он же убьет, он же и оживит убитого! Сами видели!

Князь приказал им:

— Идите и скажите Иче, что я хочу такой нож испробовать — может быть, куплю!

Побежали работники к лодке, переплыли реку, к Иче идут. Пришли, говорят:

— Ича, дай твой нож, князь Корсэ испробовать его хочет!

Ича отвечает:

— Нет, не дам! Вы его испортите, как и собаку мою испортили. Этим ножом бедных и работников резать нельзя — он испортится. Можно только богатых, настоящих оленщиков резать да начальников, у них тело жирное. Разве что испробовать дам. Но помните, что я сказал: не испортите мой нож.

Взяли работники нож, побежали к князю.

Князь Корсэ собрал в город всех своих самых богатых оленщиков да начальников и стал их этим ножом резать. Ударит — убьет. Всех поубивал.

Потом поставил нож на землю около своего правого колена и говорит ножу:

— Ты всех поубивал, теперь ты же их и оживи! Лежат мертвые и не шевелятся. Совсем убил. Никто не оживает. Закричал Корсэ-князь:

— Ича обманул меня! Тащите Ичу сюда, я его убью! Из-за него я своих лучших людей лишился!

Побежали работники к Иче:

— Иди скорей! Князь Корсэ сильно на тебя сердится! Он всех своих богатых оленщиков твоим ножом поубивал!

Ича тоже рассердился:

— Значит, вы испортили мой нож! Вы, верно, работников и бедных людей им резали! Пойдемте к князю. Зачем он мой нож испортил, разберемся!

А князь кричит:

— Ты еще разговариваешь со мной?! Я из-за тебя своих лучших людей лишился. Схватите его, убейте!

Время уже к вечеру подходило. Ича посмотрел на небо и говорит:

— Зачем же сегодня меня сразу убивать! Если моя вина есть, то уж лучше сперва помучайте меня, а завтра убьете. Завяжите меня в мешок из сырой коровьей кожи, снесите к проруби, пусть я до утра помучаюсь, а утром убьете.

— Верно, — сказал князь Корсэ, — так и сделайте.

Работники схватили Ичу, завязали в мешок из сырой коровьей кожи, стащили под гору к проруби и там положили. Сами ушли в город.

Совсем стемнело. Наступила ночь. Все люди в городе заснули.

Ича лежит у проруби. Слышит: едут собачьи нарты. Это купцы товары везут. Купцы говорят:

— Будто что-то лежит у проруби.

Ича отвечает им:

— Это я лежу!

— Зачем же ты лежишь?

— А из проруби много товару скоро выходить начнет. Там, на дне, много разного добра имеется: и ткани красивые, и многое другое. Вот я скоро вытаскивать наверх этот товар буду.

Купцы говорят:

— Дай нам немножко полежать, мы тоже товару немного возьмем!

— Нет, не пуцую вас! Вы самое лучшее вытащите, а мне последки, худое останется.

— Пусти, мы только до выхода луны полежим, а ты после нас хоть всю ночь и день лежи да вытаскивай товар!

Ича помолчал, потом говорит:

— Ну ладно! Ложитесь, только и мне хороший товар оставьте!

Развязали его купцы. Сами в мешок залезли. Ича их завязал. Говорит им:

— Сейчас глаза ваши привыкнут к темноте, и вы увидите товар. Я ваши нарты немного в сторону отведу, больше места будет вам товар складывать.

Взял Ича собак за повод и отвел к себе весь аргишь [\[118\]](#) с купеческим добром. Собак разогнал, нарты сломал, а товары купеческие в чум к себе перетащил.

Утром Князевы слуги к реке спустились, мешок в прорубь бросили.

Прошел день. На следующее утро вышел Корсэ-князь из дома, смотрит: что такое? У Ичиной бабушки вершина чума сильно дымится. Видно, большой костер в чуме горит. Много еды варит бабушка.

Позвал князь слуг и приказал:

— Переплывите к чуму Ичиной бабушки, посмотрите, почему у нее так сильно костер дымит. Что у нее там случилось?

Переплыли работники. Пришли к Ичиному чуму. В чум вошли. Видят: верно, большой костер весело горит. Дым столбом выходит вверх. В чуме всякого товару повешано, как у купца в лавке. Ича сам на сундуке сидит, перед ним на столике разная еда поставлена. Какая только мыслима под нашим небом еда, всякая имеется.

Ича сидит, чай пьет, а лицо у Ичи все исцарапано. Говорит им Ича:

— Садитесь, гостями будете! Вы вчера меня в прорубь бросили, а вот теперь смотрите, что я там нашел. Видите, сколько всякого товару я нашел. Да еще там много всего осталось.

Работники так удивились, чай пить не сели. Постояли, послушали Ичу, только глаза и рот открыли от удивления. И побежали скорей к князю. Все ему рассказали, а по пути всем людям в городе рассказали.

Князь велел тут же корову убить, его, князя, в мешок из коровьей шкуры зашить и в прорубь сбросить. И все купцы и начальники стали коров убивать, в мешки зашиваться, а затем приказали слугам своим в прорубь себя столкнуть. Там все и утонули.

Не стало жадного князя и жадных начальников. Всех Ича хитростью истребил. Выбрали селькупы над собой Ичу старшим. И жить хорошо стали. На этом и конец.

ХВАСТЛИВАЯ ЛЯГУШКА

Якутская сказка

Обработка А. Ольхона

лягушки в тундре жить не захотели. Поселились в таежном болоте и стали считать себя хозяевами тайги. Деревьев они, правда, не видят, в моховых озерах, в топях гнилых свою жизнь проводят. Но кажется им, в этих топях, в этих болотищах только и можно жить. Что там, за осокой, за кочками?

«Ничего там нет! — думают лягушки. — Конец болота, конец света. Что еще может быть, кроме наших кочек? Не может ничего быть! Какие еще песни могут быть, кроме нашего кваканья? Уж не птичья ли болтовня?»

Так говорили лягушки.

А одна, самая хвастливая, вылезла весной на верхушку самой большой кочки, увидела свое отражение в луже стоячей воды и заквакала:

Я лягушка,
Я Ква-Ква!
Обо мне идет молва.
Я прекрасная девица,
На болоте я царица.
Знает весь болотный свет,
Что меня красивей нет!

Так наквакивала лягушка, грея на солнце озябшую спинку и скрюченные лапки. Во время долгих северных холодов лягушка спала и простудилась.

Голос у нее был хриплый, а ей казалось, что такого звучного голоса никогда не слышало родное болото.

Налюбовавшись в луже грязной воды своим видом, лягушка стала ворочать неуклюжей шеей, осматривать свое болотное царство. На кочке, где сидела хвастливая Ква-Ква, рос высокий стебель травы осоки. Острые ребра осоки понравились лягушке. Она пощупала осоку лапкой и обрадовалась:

— Вот эта травина достойна быть моей царской пикой. Острая, граненая, длинная. С такой пикой мне никто не будет страшен. Храбрости у меня много, силы хоть отбавляй. А с этой пикой я могу управлять всем миром.

Тут лягушка поднатужилась, обхватила лапками корневище осоки и вырвала его из моховой кочки.

«Какая я могучая, — подумала Ква-Ква, — тяжелую огромную пикку вырвала из земли, как волосок».

Помахивая стеблем осоки, лягушка стала прыгать по кочке и петь свою хвастливую песню:

Я лягушка,

Я Ква-Ква!
Обо мне идет молва.
Я геройская девица,
На болоте я царица.
Знает весь болотный свет,
Что меня сильнее нет!

Пропев свою песню, лягушка поглядела в лужу и увидела Личинку Стрекозы, похожую на водяного червяка. Личинка плыла мимо кочки.

— Эй, ты, водяная мелочь, ползи из воды сюда! Да побыстрее, а не то я проткну тебя пикой!

Личинка Стрекозы испугалась и выползла на кочку.

— Глади на меня, водяная мелочь. Нравлюсь я тебе?

— Да, да, ты мне очень нравишься! — ответила боязливая Личинка Стрекозы.

— Ну, тогда пиши мой портрет. Пусть все жители болота узнают мое прекрасное лицо!

Личинка Стрекозы не посмела послушаться и на круглом листе болотной кувшинки нацарапала своим рыльцем изображение лягушки. Лягушка долго вглядывалась в свой портрет и потом сказала:

— Водяная мелочь, твоя работа мне кажется неплохой. Признаешь ли ты меня царицей болотного мира?

— Да, да, признаю! — торопливо ответила трусливая Личинка Стрекозы. — Конечно, ты царица болот, копыеносная повелительница.

— Хорошо, — сказала, надуваясь, Ква-Ква, — за твое послушание я назначаю тебя моим писарем-секретарем. Приготовься писать то, что я тебе скажу.

Личинка Стрекозы собрала несколько листов водяной кувшинки, поправила усики и стала писать то, что ей говорила лягушка. А говорила она вот что:

— Все жители болота! Все, кто ползает, плавает или прыгает! Завтра в полдень явитесь к большой кочке, на поклон к повелительнице болотного мира. Тот, кто не придет, будет проткнут насмерть острой пикой!

На каждом листке этого приказа лягушка, захватив в лапку жидкой грязи, подписала свое имя:

«Царица болотного мира, владеющая граненой пикой, Ква-Ква».

После этого лягушка легла спать, а Личинка Стрекозы поползла с кочки на кочку. На каждой большой кочке она вывешивала грозный приказ Ква-Ква.

На другой день, ровно в двенадцать часов, собрались все плавающие, ползающие, прыгающие жильцы лягушкиного болота. Здесь были боязливые личинки стрекоз, водяные жучки и пауки, хвостатые головастики, писклявые мухи, комары-толкуны, болотные мошки, слизняки-улитки и моховые черви с козявками. Оказывается, только они и жили в этом болотце. Лягушка в самом деле была здесь всех сильнее.

Поднявшись на самую высокую кочку, где висел ее портрет, нарисованный Личинкой Стрекозы, лягушка взмахнула пикой и запела:

Я лягушка,
Я Ква-Ква!
Обо мне идет молва.
Я красивая девица,

Я могучая царица!
Знает весь болотный свет,
Что меня умнее нет!

Кончив песню, лягушка заквакала:

- Поняли все, что красивее меня нет?
- Поняли, поняли, — хором запищали, зашептали болотные жители.
- Поняли все, что сильнее меня нет?
- Поняли, поняли!
- Поняли все, что умнее меня нет?
- Да, да, поняли, — отвечали болотные жители.
- Признаете меня повелительницей мира? — спросила лягушка.
- А знаешь ли ты, что такое мир? — вдруг раздался громкий голос.

Это сказал Серый Гусь. Он пролетал низко над болотом и слышал хвастовство Ква-Ква.

— Что такое мир? — переспросила лягушка. Она немного испугалась Серого Гуся, но потом решила, что это большой толстый комар, и ответила насмешливо: — А разве ты не знаешь? Мир — это мое болото. Слушай-ка ты, толстый серый комар, что я тебе спую:

Я лягушка,
Я Ква-Ква!..

— Подожди, подожди, — сказал Серый Гусь. — Я вижу, что ты только лягушка. Ты мне споешь песню потом. А сейчас я покажу тебе, что такое мир.

Серый Гусь схватил лягушку лапой за спину и, расправив крылья, поднялся высоко в небо. Лягушка зажмурила глаза. Она выронила свою пику. Стебель осоки покрутился в воздухе и стал падать вниз.

— Смотри, — сказал Серый Гусь, и лягушка открыла глаза.

Внизу под нею лежали десятки больших и малых болот, текли быстрые и тихие реки, шумели необъятные леса, дымились туманом горы.

Мир был так огромен, что у лягушки выпучились глаза. Голова ее закружилась.

— Я читал на кочке твой приказ. Ты, кажется, считаешь себя царицей всего мира? Сейчас ты еще видишь не весь мир. Хочешь, я покажу тебе весь мир? Давай поднимемся повыше, — сказал Серый Гусь.

Но перепуганная лягушка, поводя вытаращенными глазами, замахала лапками:

— Нет, нет! Не надо! Ничего не надо. Отпусти меня домой, в болото. Не хочу быть царицей мира. Я пошутила. У меня глаза лопнут, если я еще буду глядеть в такую ширь. Отпусти меня скорее.

Услышав эти слова, Серый Гусь усмехнулся и выпустил лягушку из своей твердой лапы. Долго летела Ква-Ква вниз и наконец шлепнулась животом прямо на кочку. Падая, лягушка сорвала свой портрет, нарисованный Личинкой Стрекозы, и расшибла живот.

До сих пор на животе лягушки остались кровавистые пятна от ушиба. На спине лягушки видны следы когтей, которыми Серый Гусь держал ее в воздухе. А глаза у Ква-Ква так и остались вытаращенными. Она уже не любит себя, не хвастается ни силой, ни умом.

Живет лягушка трусливо, прячась от всякого шума в гнилой воде или в моховых кочках.

Личинка Стрекозы иногда навещает лягушку, но о том, что было, они вспоминать не любят.

ЧОКЧОЛОЙ-БАТЫР

Киргизская сказка

Перевод и обработка Д. Брудного

авным-давно где-то в горах жили старик со старухой. Они имели корову, козу, двух козлят, сторожевую собаку и кота.

Однажды старуха налила коту молоко, но собака все выпила, и коту ничего не досталось.

Разозлился кот, бросился на собаку, одним махом выцарапал ей глаза.

Собака ослепла, а вскоре околела.

Старик сетовал:

— Нет у нас теперь собаки. Кто же будет охранять корову и коз?

А старуха решила:

— Кот убил собаку, пусть теперь и охраняет наш скот.

И вечером привязала на длинной веревке кота возле коровы и коз.

Ночью, когда старик и старуха укладывались спать, возле юрты жалобно завизжала собака. Выбежал старик и увидел, что соседская собака, окровавленная, бежит прочь. А кот стоит с грозным видом, изогнув спину дугой, с оскаленными зубами и поднятым хвостом.

— Байбиче, кот, оказывается, настоящий богатырь! Даже большая и злая собака нашего соседа убежала от него. Наверное, он выстоит и против волка! — крикнул старик радостно.

— Если так, назовем его Чокчолой-батыр[119], — ответила старуха.

Так кот стал называться Чокчолой-батыр.

Прошла зима, наступила весна. Люди стали откочевывать на джайлоо[120]. Старик и старуха навьючили юрту на корову, козу решили вести на веревке, а Чокчолой-батыра, чтобы он не устал, положили в мешок поверх вьюка.

Когда они шли по тропинке среди густого леса, мешок то и дело хлестали ветки и в конце концов свалили его наземь.

Старик и старуха ничего не заметили и продолжали свой путь.

Мяукал кот, мяукал, но его никто не услышал. Долго он бился, чтобы выбраться из мешка. Но только выбрался, как, откуда ни возьмись, набросились на него тайганы[121]. Взобрался кот на высокую ель и просидел там до вечера, пока тайганы не оставили его в покое.

Когда кот спустился с ели, понял он, что потерял своих хозяев, и побрел наугад.

По дороге встретила его лиса. Чокчолой-батыр по привычке оскалил зубы, задрал хвост и зашипел.

Испугалась лиса, но виду не подала. Приложила лапу к груди, низко поклонилась и сладким голосом сказала:

— Здравствуйте, незнакомый друг. Вы, наверное, прибыли издалека. Давайте познакомимся.

Чокчолой еще сильнее зашипел, принял грозный вид и ответил:

— Разве ты не знаешь, кто я? Я — Чокчолой-батыр!

Подумала лиса про себя: «Кто такой этот Чокчолой-батыр?» И решила испытать его:

— Куда же вы идете, батыр? Здесь, в лесу, живут ваши братья — тигр-батыр, волк-батыр, медведь-батыр. Против них никто не может устоять. И ни у кого не хватит сил, чтобы напасть на них. Кроме них, есть еще заяц-батыр и барсук-батыр. Вы их знаете?

Чокчолой прорычал:

— Я никого не знаю и никого не боюсь!

Решила лиса, что это и впрямь опасный зверь, заговорила еще ласковей:

— Батыр мой, — сказала она, — наступает ночь. Если вы согласны, будьте моим гостем.

Чокчолой согласился.

Лиса привела его к себе, усадила на почетное место, а сама побежала к барсуку и зайцу.

— побыстрее вставайте, собирайтесь ко мне. У меня сидит Чокчолой-батыр. Надо угостить его вкусной едой, иначе он всех нас погубит.

Барсук и заяц заторопились на поклон к страшному гостю.

Лиса угодливо сказала коту:

— Дорогой Чокчолой-батыр, вот мои истинные друзья. Мы вместе веселимся, вместе ищем себе еду. Познакомьтесь, пожалуйста, с ними. Это батыр-заяц, он отличается от других выпученными глазами и длинными ушами. А это батыр-барсук, он очень жирный и веселый.

Положила лиса перед Чокчолоем угощение — суслика. Кот был очень голоден, поэтому облизнулся и начал быстро терзать зверька, мурлыча и урча от удовольствия. А зайцу и барсуку показалось, что кот сердится и рычит. В испуге они попятнулись и замерли у порога.

Захотелось вкусного суслика и самой лисе. Она высунула язык и начала облизываться. Но кот грозно пошевелил усами, и лиса смиренно отошла в сторону.

Барсук тихо сказал зайцу:

— Вот настоящий батыр! Его боится даже лиса. Где нам равняться с ним!

— Да-да, — ответил заяц и опустил уши, — он настоящий богатырь. И как хорошо соблюдает чистоту и порядок! Видишь: после еды моет лицо и лапы.

Съел Чокчолой суслика. Забрался на постель лисы и заснул.

Обиделась лиса, что гость без разрешения занял ее постель, и решила натравить на него зайца:

— Смотри, он нас даже не признает. Попробуй его. научить уму-разуму.

Подзадорил зайца и барсук:

— Мы с тобой принесли вкусную еду, а он не дал нам и кусочка. Ростом он не больше тебя, заяц. Смело хватай его.

Послушал их заяц, подошел к коту и ударил его. Кот спал крепко и даже не шевельнулся.

Еще раз ударил заяц кота.

Вскочил Чокчолой, в ярости разорвал когтями зайцу губу.

Закричал заяц от боли, прижал рваную губу передней лапой и пустился наутек.

Не выдержал барсук, с упреком сказал коту:

— Ты что за бесстыдный батыр? Тебе бы явиться смиренным гостем и так же смиренно уйти, а ты...

Тут кот набросился на барсука и больно укусил.

Пришлось бежать и барсуку.

Совсем струсила лиса.

— Чокé-батыр, — говорит, — они же глупые задиры. И вам недостойно с ними драться. Я их сама накажу как следует. Отдыхайте спокойно, а я буду готовить для вас еду.

Кот опять заснул, а лиса помчалась к волку.

— Беда, волк, беда! Появился у нас неизвестный Чокчолой-батыр. Зайцу губу разорвал, барсука укусил и меня, лису, из дома выгнал. Теперь кричит: «Где ваш волк-преступник? Каких только бед не наделал этот вор! Только на днях он съел жеребенка и ягненка. Сколько уничтожил животных — не сосчитать! Пусть скорее явится ко мне держать ответ. Если не придет, пойду к нему сам и разделаюсь с ним».

Выслушал волк лису, задрожал от страха.

Потом лиса пошла к тигру и медведю и повторила свой рассказ.

Не поверил тигр, что нашелся зверь сильнее его. В гневе он схватил горсть земли и швырнул в лису.

Лиса заскулила:

— Высокочтимый тигр, я говорю истинную правду. Этот невиданный батыр приказал мне даже: «Немедленно приведи тигра. Он здесь своевольничает. Пусть оправдается передо мной, попросит прощения. Иначе убью его». Он еще сказал так: «Пусть криволапый медведь тоже придет».

Такого оскорбления звери не могли снести. Разъярились, грозно зарычали. Но как отомстить наглому пришельцу? Ничего не могли придумать тигр и медведь. Пришлось им обратиться к лисе. По ее совету тигр привел жирную корову, а медведь — кабана. Корову привязали к ели, а кабана убили.

Накрыла лиса тигра сеном и положила рядом с ним убитого кабана. А медведь полез на верхушку ели.

В это время к тигру и медведю пришли жаловаться на кота барсук и заяц. Но увидев, что могучие богатыри притаились, заяц сказал:

— Они сами до смерти испугались и прячутся кто как может. От таких трусов нечего ждать нам помощи. Пойдем отсюда.

Барсук заупряился:

— Нет, я отомщу Чокчолою! И пока не сумею отомстить, отсюда никуда не уйду!

Они спрятались в сторонке: что будет дальше?

Через некоторое время лиса привела Чокчолой-батыра и сказала:

— Вот, батыр, все это угощение я приготовила для вас. Кушайте кабана. Он ведь жирный. А эту корову

можно подоить и напиться вкусного молока.

Чокчолой увидел привязанную корову и обрадовался: это была корова, которая принадлежала старику и старухе.

— Подожди-ка, лиса, кто привел эту корову?

— Не знаю, батыр. Но она приведена для вас и принадлежит вам.

Чокчолой еще строже повторил вопрос.

Лиса не решалась прямо ответить. Она боялась тигра и медведя. А корова не выдержала и жалобно промычала:

— Меня привел сюда тигр.

— Где он? Вот я с ним разделаюсь! — И кот задрал хвост, выгнул спину, будто готовился прыгнуть на врага.

Тигр и медведь задрожали от страха. А заяц и барсук бросились со всех ног к своим норам.

Случилось тут, что ухо тигра защекотала травинка. Он потрянул головой.

Чокчолой увидел, что зашевелилось сено. «Там мышья!» — подумал он и одним прыжком бросился вперед. Острые когти кота вонзились в спину тигра. Тигр взвыл от боли и помчался прочь от страшного зверя. А кот и сам испугался и метнулся на ель.

Медведь решил, что он подбирается к нему, — от испуга свалился с дерева и разбился насмерть.

Все это видела белка, которая сидела на верхней ветке. Она сорвала шишку и ударила кота по макушке.

Почесал кот ушибленное место и спрыгнул на землю. Потом отвязал корову, и она повела его к старухе и старику. Они были очень довольны, что Чокчолой вернулся и корову привел обратно. С тех пор они всегда живут вместе.

ПТИЧКА-НЕВЕЛИЧКА

Кетская сказка

Обработка Г. Меновщикова

или-были старик со старухой. Вот как-то раз и говорит старуха:

— Сходил бы ты, старик, в лес, принес бы дров. А то ни щепки дома нет.

Пошел старик в лес и стал гнилые пни на дрова ломать. Целую охапку наломал. Подошел к одному пеньку, ударил его ногой — повалить хотел. А из-под пня вдруг птичка вылетела — совсем маленькая, птичка-невеличка. Села она на пенек и говорит человеческим голосом:

— Что тебе, дедушка, надо? Зачем ты в мой пень постучал?

Удивился старик. Поклонился диковинной птичке и отвечает:

— Хотел я твой пенек на дрова разломать да домой унести. Моей старухе обед варить нужно.

— Нет, дедушка, — говорит птичка, — ты мой пенек не трогай, а иди домой да ложись спать. К утру у вас будет дров довольно.

Вспорхнула птичка-невеличка и улетела. Посмотрел старик ей вслед, подумал и сделал, как велела птичка. Приходит домой и говорит старухе:

— Не нашел я, старуха, дров подходящих. Завтра еще пойду искать.

Проснулась утром старуха и видит: у чума большая охапка нарубленных дров лежит. Удивилась она, стала старика будить:

— Вставай, старик, погляди, чудо какое! Ты ведь ночью дров не рубил?

Поглядел старик на дрова, поглядел на старуху и рассказал ей, как он вчера в лесу с птичкой-невеличкой встретился.

Обрадовалась старуха, развела огонь в чуме и говорит старику:

— Дров-то у нас теперь много, а есть нечего. Пойди в лес, найди тот пенек, постучи в него и попроси, чтобы птичка нам мяса дала.

Пошел старик в лес, целый день искал пенечек, наконец нашел. Постучал в него — вылетела из-под пенька птичка-невеличка.

— Зачем, дедушка, в мой пенек стучишь? Что тебе надо?

— Да вот, — говорит старик, — старуха меня прислала. Дров у нас теперь много, а есть нечего. Старуха и велела мне мяса у тебя попросить.

— Хорошо, — говорит птичка, — дам я вам мяса. Иди домой и ложись спать. Все у вас будет.

Вернулся старик в чум и лег спать. Проснулся и видит: мясо у порога лежит.

Досыта наелись старики. А старуха после обеда и говорит:

— Видно, старик, твоя птичка всякую нашу просьбу исполнить может. Пойди-ка ты еще раз в лес, стукни хорошенько по пеньку, вызови птичку и скажи, что мы с тобой не хотим больше быть бедными людьми, а хотим быть богатыми купцами.

Покачал старик головой, но все же пошел снова в лес. Ходил он, ходил, искал пенек, искал, к вечеру нашел и ногой в него постучал. Вылетела птичка-невеличка и спрашивает:

— Зачем ты, дедушка, опять в мой пенек постучал? Что тебе надо?

Поклонился старик птичке и отвечает:

— Опять меня старуха прислала. Хочется ей купчихой стать. Не поможешь ли?

— Хорошо, — отвечает птичка, — иди домой, ложись спать. Все будет, как ты хочешь.

Вот проснулись утром старики, оглянулись — да так и ахнули. Глазам своим не верят: полон их чум разных товаров — и платки тут, и пуговицы, и медные чайники, и колечки, и баранки.

Обрадовался старик, а старуха усмехнулась и говорит:

— Эка невидаль — купчиха! Не хочу я быть купчихой. Иди, старик, в лес, вызови птичку и скажи ей, чтобы сделала она нас хозяевами всего леса.

Испугался старик:

— Чего ты, старуха, захотела! В своем ли ты уме?

— Иди, не разговаривай! — закричала старуха и замахнулась на старика суковатой палкой.

Вздыхнул старик, вышел из чума и побрел в лес. Пришел он к знакомому пеньку, постучал в него. Вылетела из-под пенька птичка-невеличка:

— Что тебе, дедушка, нужно? Зачем ты опять в мой пень стучишь?

— Да не знаю, что со своей старухой делать. Прислала меня к тебе. «Попроси, — говорит, — птичку, чтобы сделала нас хозяевами всего леса».

— Ах, вот она чего захотела, — говорит птичка-невеличка. — Жадность ей покоя не дает. Ну, хорошо. Иди домой, ложись спать.

Вспорхнула птичка-невеличка и улетела, а пенек ее вдруг под землю ушел.

Вернулся старик домой. Легли они со старухой на свои постели, одеялами теплыми укрылись. А утром проснулись — ни товаров в чуме, ни еды, ни дорогих платьев.

Вот и сказка вся.

МЫШОНОК МУДРЕЦ

Узбекская сказка

Перевод С. Паластрова. Пересказ М. Афзалова

Жил когда-то один охотник. Однажды он вышел в поле. Поставил сеть и, насыпав зерна для приманки, залег в ожидании добычи. Немного спустя прилетела стайка голубей и расположилась на ветвях чинары.

Среди них был старый сизокрылый голубь. С незапамятных времен ему была дана кличка Сизарь за его оперение. Сизарь предупредил всех голубей:

— Не вздумайте спускаться на землю: видите, сеть стоит. Долго ли до беды?

Молодые голуби не послушались старого, опытного Сизаря. Один за другим они спустились на землю и принялись клевать зерно.

Сизарь не привык жить в одиночку, всегда летал вместе с товарищами. Вот почему он сам тоже слетел с чинары и присоединился к другим голубям. В тот же момент охотник осторожно дернул бечевку — сеть упала и накрыла всех голубей.

— Слушайте, что я вам скажу, — заворковал Сизарь, обращаясь ко всем голубям. — Я научу вас, что нужно делать, и нам удастся спастись.

— Говорите, говорите! — встрепенулись голуби. — Мы не послушались вас и вот попали в беду. А теперь мы сделаем все, что вы нам скажете!

— Так вот, — продолжал Сизарь, — мы сейчас полетим все вместе — куда я, туда и вы. Только смотрите, рванемся все сразу, дружно...

Голуби рванулись вверх. Бечевка лопнула, а сеть поднялась в воздух, улетев из-под носа охотника, который уже хотел схватить свою добычу. Он погнался вслед за голубями, надеясь поймать их там, где они спустятся на землю. Сизарь подбодрил молодых голубей, они взвились высоко-высоко, и охотник отстал.

Теперь Сизарь стал думать о том, как бы им выпутаться из сети. Думал-думал и вдруг вспомнил, что у него есть хороший друг — маленький мышонок, который жил далеко в степи. Это был очень смысленый мышонок, хлопотливый, кропотливый, осторожный, зря он никуда не бегал, лишний раз из своей норки не выглядывал, а если и бегал на поиски пищи, то подкрадывался осторожно, несколько раз останавливался, оглядывался, а когда убеждался, что ему не грозит опасность, тогда тащил к себе добычу. За смысленность, находчивость и умение выпутываться из любой опасности все прозвали мышонка Мудрецом. Так и осталось за ним навсегда это прозвище.

«Надо лететь к Мудрецу, только он один может избавить нас от этой сети», — решил Сизарь.

Долго летели голуби вместе с сеткой над полями и холмами и наконец опустились на землю в степи у самого входа в норку Мудреца. Сизарь громко позвал своего друга. Услыхав знакомый голос, Мудрец выглянул из норки, поводит носом, посмотрел по сторонам. Когда он увидел Сизаря, его маленькие глазки

засверкали, и он, семеня лапками, подбежал к нему поближе. Мудрец быстро перегрыз нитки сети в нескольких местах и освободил голубей. Потом он повел их в прохладное место среди кустиков травы, притащил для них из своих запасов много зерна и всяких вкусных яств и стал угощать.

В то время, когда голуби попали в сеть охотника, на верхушке той же самой чинары сидела ворона. Она видела все, что случилось с голубями, и, когда те взлетели в воздух, каркнула от удовольствия:

— Вот молодцы! Ловко ускользнули из-под носа охотника! Они всегда умеют находить себе корм. Не полететь ли и мне за ними? Быть может, и мне удастся поживиться чем-нибудь около них?

Не долго думая, она взмахнула крыльями и полетела вслед за голубями. Однако голуби летели очень быстро, и ворона хотела уже было вернуться назад.

— Здесь трудно мне будет найти какой-нибудь корм, — говорила она себе. — Куда это их занесло?

Но жадность заставляла ее лететь дальше и дальше, и она увидела, что голуби наконец спустились на землю. Но каково же было ее удивление, когда она увидела, как из норки выскочил мышонок, быстро перегрыз сеть и освободил голубей, а потом притащил им зерна, хлебных корок и всяких вкусных вещей! Ворона просто глазам своим не поверила и подумала:

«Вот что значит дружба! Мышонок помог своим друзьям, выручил их из беды, накормил, не пожалел своих запасов. А я-то, глупая, всегда охотилась на мышей! Нельзя ли и мне подружиться с этим мышонком?»

Ворона подлетела к норе и окликнула Мудреца. Мышонок выглянул из норки и обомлел, увидев ворону. Но он и виду не подал, что испугался, и вежливо сказал:

— Пожалуйста, сестрица! Что скажете?

— Карр! — каркнула ворона. — Я всю жизнь живу одиноко. Никогда ни с кем не водилась — ни с животными, ни с птицами. У меня нет ни родных, ни друзей, ни знакомых, ни одной живой души, и некому обо мне позаботиться. Меня чуждаются все звери и птицы, от меня все бегут. Уж так надоело мне это одиночество! Опостылела такая жизнь! И вся я измучилась! Думала-думала и решила подружиться с вами. Я считаю, что лучшего друга мне не найти. Это мое заветное желание. Я говорю вам откровенно, надеюсь, что вы не отвергнете моей дружбы.

— Все это хорошо, — пропищал ей в ответ мышонок, — но ведь вы всегда охотитесь на мышей, пожираете их. И меня тоже можете схватить и съесть. Поэтому трудно поверить в искренность ваших слов.

— Вы правы, друг мой! — согласилась ворона. — Сказать вам по правде, как увижу я где-нибудь мышонка, падаю камнем сверху вниз, хватаю его и ем. Но я убедилась, что дружба лучше, чем вражда и лихие налеты, и теперь никакого вреда причинять вам не буду. Даю вам в этом свое воронье слово, и вот посмотрите — сдержу его.

Выслушав обещание вороны быть верным другом, Мудрец поверил ей, вышел из норки, протянул свою лапку. Теперь уже они будут друзьями навеки. По этому случаю Мудрец притащил из норки зерна и всяких припасов и предложил вороне отведать его хлеба-соли.

Так началась дружба вороны и Мудреца. Как-то раз ворона пригласила к себе в гости своего друга.

— Полетим со мной вместе в мой тенистый сад, — предложила она.

Мудрец согласился и стал собираться в дорогу. Ворона сначала хотела нести мышонка в клюве, но подумала:

«Может быть, ему будет больно. Кроме того, вдруг в дороге нечаянно каркну, тогда мышонок шлепнется на землю и разобьется. Лучше я понесу его в когтях».

Осторожно взяв мышонка когтями, она взмахнула крыльями и полетела. Прилетев в сад, ворона опустила мышонка на землю, а сама села на ветку дерева. Это был прекрасный сад. В нем росли всевозможные фруктовые деревья, какие только есть на свете. В цветниках благоухали цветы. Всюду журчали веселые, говорливые ручейки. Только журчание и плеск прозрачной воды да пение птиц нарушали приятную тишину. А сколько там было фруктов всяких сортов! Спелые яблоки, груши, персики падали с веток и катились прямо под ноги.

Ворона устроила для Мудреца богатое угощение. Мышонок был очень доволен ее дружеским приемом и приветливым обращением. Насытившись, друзья отправились гулять по саду. Шли они по дорожкам, наслаждаясь прохладой, дыша чистым воздухом.

Когда они, беседуя, проходили мимо цветника, их увидела черепаха, притаившаяся за кустом розы. Черепаха всегда держала себя тише воды ниже травы, в случае чего всегда прятала голову и коротенькие ножки под свой надежный панцирь, чтобы ее не обидел вдруг какой-нибудь хищник. Никто никогда не слышал ее голоса, но тут уж ей просто не терпелось, и она решила заговорить. Она никогда еще не видела мышонка вместе с вороной и не думала, что они могут вести приятную дружескую беседу. Черепаха позавидовала им и, высунув из-под панциря голову, поползла навстречу друзьям, чтобы узнать причину такой дружбы.

Остановившись на некотором расстоянии, черепаха поздоровалась, расспросила о здоровье и самочувствии, а потом уже задала интересовавший ее вопрос: почему они так дружны и так внимательны друг к другу? Ворона рассказала черепахе о том, что произошло с голубями, как они попали в беду и как их выручил мышонок Мудрец.

Черепаха слушала рассказ вороны и очень захотела во что бы то ни стало найти себе верных друзей. Что может быть ценнее дружбы и единства? Это самое лучшее из всего, что есть на свете.

Черепаха дала слово, что отныне будет их верным, искренним другом на всю жизнь. Ворона выслушала заверения черепахи, любезно пригласила ее к себе, оказала ей большие почести и угостила на славу.

В конце сада виднелись высокие холмы, склоны которых были покрыты густой зеленой травой. Каждый день на этих склонах паслась коза. Она гуляла на приволье до заката солнца и с наслаждением ела свежую сочную травку. Насытившись, она подбегала к родничку с чистой холодной водой и утоляла жажду. Увидев, как мирно прогуливались вместе по саду ворона, мышонок и черепаха, коза спустилась вниз и, приблизившись к друзьям, приветствовала их.

Все с большой радостью встретили козу, а ворона пригласила ее к дастархану. Она расставила всякие вкусные яства. Все ели и вели между собой дружескую беседу.

Коза поинтересовалась, почему они все трое, хотя и совсем разные, живут в дружбе и согласии... Когда ворона кончила свой рассказ, коза заявила, что ей тоже хотелось бы связать себя с ними узами вечной дружбы. Друзья с радостью приняли ее и стали расспрашивать о ее жите-бытье.

Во время беседы Мудрец вдруг вспомнил про голубей.

— Надо их позвать, — сказала ворона и попросила Мудреца написать им приглашительную записку.

Мудрец охотно исполнил ее просьбу. Написав записку, он привязал ее вороне на правую ногу.

Ворона взмахнула крыльями и полетела. Прилетев к голубям, она отвязала клювом записку и подала ее Сизарю. Прочитав записку, голуби вместе с вороной прилетели в сад. Сели сначала на ветки дерева, а потом спустились вниз. Все очень обрадовались встрече. Друзья приветствовали друг друга, расспрашивали о здоровье, о жите-бытье, вели приятную дружескую беседу.

Мудрец, черепаха, коза и Сизарь с голубями долго оставались в гостях у вороны. Ворона уговаривала всех переселиться навсегда в свой прекрасный сад.

Однажды коза отправилась погулять среди холмов, пощипать зеленой травки, попить холодной родниковой воды.

Но вот и день кончился, и солнце уже скрылось за горами, а козы все не было. Все забеспокоились. Настала ночь. Искать козу ночью было бесполезно. На следующий день все поднялись чуть свет и отправились на розыски, но козы нигде не оказалось. Тогда Сизарь сказал, обращаясь к вороне:

— Пропала коза, до сих пор о ней нет ни слуху ни духу. Надо узнать, где она.

И ворона полетела на розыски. Искала-искала, весь свет облетела, но нигде не могла найти. Опечаленная, не зная, что делать, ворона полетела назад. Вдруг ее взгляд упал на глубокую ложбину на склоне горы. «Что это там чернеет среди зеленой травы?» — подумала ворона. Она спустилась пониже, смотрит, а это коза. Оказывается, бедняжка попала одной ногой в силки, поставленные злым охотником.

Не теряя времени, ворона быстро полетела в сад.

Ее уже с нетерпением ждали друзья, и когда она спустилась на землю, все обступили ее и стали расспрашивать. Ворона рассказала, что коза попала в ловушку и ей угрожает гибель. Все загоревали и стали советовать, что теперь делать.

Тут опять заговорил Сизарь. Он дал такой совет:

— Тебе, вороне, придется лететь сейчас же туда, — сказал он. — Ты возьми с собой Мудреца, понесешь его в когтях. Пусть он перегрызет силки.

Ворона осторожно взяла мышонка в когти и полетела. Сизарь собрался лететь за ней следом, но его задержала черепаха. Она тоже хотела идти на выручку. Сколько Сизарь ни отговаривал ее, сколько ни просил остаться в саду, она стояла на своем. И когда Сизарь улетел, она тоже отправилась к месту происшествия. Ворона быстро доставила мышонка на место, опустила его на землю около козы, и он начал перегрызать силки.

Сизарь, осмотрев силки, подумал немного и сказал:

— Послушай-ка, Мудрец, друг мой. Ты не трать зря силу, не старайся разорвать весь силок — перегрызи с одной стороны бечевку, а с другой стороны не трогай. Придет охотник, увидит, что весь силок разорван, сразу догадается, что это дело наших рук! И тогда причинит нам немало бед, от него только и жди какой-нибудь пакости. А как только придет охотник, коза у него на глазах поднатужится и рванет изо всех сил — так все три бечевки лопнут и она убежит у него из-под носа.

Мудрец сделал, как научил его Сизарь. Он перегрыз одну бечевку, а три оставил так, что издали казалось, будто силок цел. Надо было торопиться, потому что каждую минуту мог нагрянуть охотник. Ворона, взяв в свои когти мышонка, улетела обратно в сад. Потом и Сизарь, осмотрев еще раз работу Мудреца, полетел за ней следом.

Между тем охотник пошел проверять ловушки. Увидев козу, попавшую в силки, он обрадовался и поспешил к ней. Но коза не стала его ждать. Она поднатужилась да как рванет ногой изо всех сил — так все три бечевки и лопнули. Коза скакнула перед самым носом охотника и убежала. Охотник разинув рот посмотрел сначала вслед умчавшейся козе, а потом на разорванные силки. Он очень разозлился и хотел было взять порванные силки, но увидел черепаху. Как она ни спешила, но все же опоздала и только теперь подползла к ловушке.

Раздосадованный охотник схватил черепаху и бросил ее в хурджин, потом снял силки, крепко завязал

хурджин бечевкой, перекинул его через плечо и пошел.

Тем временем коза прибежала в сад. Друзья встретили ее с радостью и стали расспрашивать, как это ее угораздило попасть в ловушку. Сначала никто не заметил отсутствия черепахи, но потом ее хватились.

— Сколько я ни старался, — сказал Сизарь, — сколько ни уговаривал ее, чтобы она сидела на месте, все-таки она сделала по-своему. Слушай, ворона, придется тебе еще раз лететь. Осмотри хорошенько всю дорогу, узнай, где она.

Когда ворона подлетела к ловушке, охотник еще был там. Она увидела, как он нагнулся, схватил черепаху и бросил ее в хурджин, потом снял силки, завязал хурджин, перекинул его через плечо и пошел. Ворона тотчас же вернулась в сад и рассказала все друзьям.

Пока все советовались, что же делать, Сизарь уже придумал, как спасти черепаху. По его совету ворона схватила когтями мышонка и полетела догонять охотника. Она должна была лететь сзади и не выпускать его из виду. А коза выбежала навстречу охотнику, но потом, словно испугавшись его, свернула и, хромя на одну ногу, пошла в сторону. Увидев козу, охотник обрадовался. «Ага! Хромяет! Видно, она вывихнула себе ногу, когда рванулась из силков. Теперь-то уж я ее поймаю!» — подумал он и погнался за козой. Долго бежал он, запыхался, а коза все дальше и дальше убегала.

Охотник так устал, что уже не в силах был передвигать ноги. Бросил он на землю хурджин и уже налегке погнался за козой. Ворона опустила мышонка на землю вблизи хурджина. Не теряя времени, Мудрец подлез под хурджин и прогрыз в нем большую дыру. Черепаха выбралась на волю, забралась под большой камень и спряталась.

Тогда ворона подняла с земли мышонка и улетела с ним в сад. Благополучно доставив его на место, она снова полетела в степь. Теперь ей надо было найти охотника, гнавшегося за козой. Подлетев поближе, она пронеслась над землей около самой козы и каркнула: «Черепаха на свободе! Убегай!» Коза вдруг перестала хромять да как кинется со всех ног вперед. Охотник только увидел взметнувшуюся пыль и в изнеможении повалился на землю.

Коза примчалась в сад. Одновременно с ней прилетела и ворона. Друзья обрадовались и стали спокойно ждать возвращения черепахи.

С тех пор друзей никто не тревожил. Вокруг царили тишина и спокойствие. И зажили они в прекрасном саду привольной жизнью.

ХРАБРЫЙ ОСЕЛ

Казахская сказка

Обработка Е. Малюги

адоело ослу поклажу таскать. Вот и говорит он однажды верблюду — своему товарищу:

— Эй, верблюд, надоело мне поклажу таскать: живого места на спине нет! Давай убежим от хозяина, станем жить вдвоем на воле как вздумается.

Помолчал верблюд, подумал, говорит:

— Плохой у нас хозяин, верно: кормит дурно, работать заставляет много. Я бы и рад убежать, да как убежишь?

А у осла ответ уже готов.

— Я все обдумал, — говорит, — не беспокойся. Завтра хозяин заставит нас везти соль в город. Сначала мы будем идти послушно и смиренно, а как поднимемся на гору, так упадем разом и притворимся, будто совсем обессилели. Станет хозяин нас бранить, станет палкой колотить — а мы ни с места. Выбьется он из сил и уйдет домой за помощью. Тут уж нам раздолье — беги куда хочешь, только бы ноги не сплосшали.

Развеселился верблюд:

— Вот хорошо ты придумал, вот славно! Так мы и сделаем, как ты сказал!

Дождались они утра. Поутру хозяин навьючил на них мешки с солью и погнал в город.

Полдороги шли они как всегда: верблюд впереди, осел за ним следом, а сзади хозяин с палкой. Но вот поднялись они на гору, и тут осел и верблюд упали на землю и притворились, что совсем обессилели, не могут на ногах стоять.

Хозяин их бранить:

— Ах вы лентяи, ах вы лежебоки! Поднимайтесь сейчас же, пока палки не отведали!

А они и ухом не ведут — лежат, словно ничего не слышат.

Рассердился хозяин и давай их палкой бить сплеча.

Ударил он верблюда тридцать девять раз — ничего, а как замахнулся в сороковой — заревел верблюд и вскочил на ноги.

— То-то же, — сказал хозяин, — давно бы так!

А сам принялся за осла. Ударил он его сорок раз — осел и не охнул, ударил пятьдесят раз — осел и не вздрогнул, ударил шестьдесят раз — как лежал осел, так и лежит.

Видит хозяин, дело плохо: должно быть, подышать собрался осел. Велика беда, да что поделаешь!

Снял он с осла поклажу, взвалил ее на верблюда и тронулся в путь.

Еле шагает верблюд под вьюком, клянет осла:

— Проклятый осел, из-за тебя я битый иду, двойную кладь несу!

А осел подождал, пока хозяин с верблюдом скрылись за перевалом, потом поднялся и пустился бежать, не глядя под ноги.

Бежал он три дня, перебежал три горы и три долины и наконец достиг широкой поляны у быстрой реки.

Ослу понравилась поляна, тут он и поселился. А теми землями уже много лет правил могущественный тигр.

Однажды надумал тигр осмотреть свои владения. Вышел он в путь утром, а в полдень набрел на осла.

Ходит себе осел по поляне, помахивает хвостом, ест траву.

Тигр думает: «Что за зверь? Никогда не видел такого».

А осел взглянул на тигра и обомлел. «Ну, — думает, — пришел мой конец!» И решил осел: «Чем умирать не защищаясь, покажу-ка я лучше страшному зверю свою отвагу».

Поднял он хвост, взмахнул ушами, раскрыл пошире пасть да как затрубит во все свое ослиное горло!

У тигра и свет в глазах помутился. Кинулся он назад, бежит что есть мочи, боится оглянуться.

По дороге встречается ему волк:

— Кого ты так испугался, повелитель?

— Испугался я зверя, страшнее которого нет на свете: вместо ушей у него крылья, пасть у него как бездна, а ревет он так, что земля содрогается и меркнет небо.

— Постой-постой, — говорит волк, — да уж не с ослом ли ты повстречался? Так оно и есть. Ладно же, завтра мы с тобой укротим его арканом.

На другой день волк добыл аркан, один конец аркана привязал к шее тигра, а другой — к своей шее, и так они отправились на поляну.

Волк идет впереди, а тигр сзади — все упирается.

Приметил их осел издали и опять за свое: хвост кверху, пасть раскрыл пошире и заревел громче прежнего.

Тут тигр и кричит волку:

— Э-э, приятель, да ты, видно, тащишь меня на съедение этому чудовищу!

Рванулся он изо всех сил в сторону — у волка и голова долой.

Прибежал тигр домой, не может отдышаться.

В это время прилетела к нему сорока. Натрещала, налопотала, расспросила тигра обо всем, а потом и говорит:

— Погоди-ка, слетаю я на поляну — погляжу, что за зверь там ходит и что он делает. Разведаю все подробно и доложу тебе.

Полетела сорока на поляну.

А осел заметил ее издали, лег на землю и вытянул ноги, будто мертвый.

Сорока глянула вниз и обрадовалась: страшный-то зверь околел!

Спустилась она прямо на осла, расхаживает по нему взад и вперед, придумывает, что бы такое наврать тигру о своей победе над чудовищем.

Вдруг, на свою беду, заметила она на земле пшеничное зернышко, совсем уже нацелилась клювом, да оступилась и попала головой ослу между колен.

Тут-то осел и ожил. Зажал он ногами сороку покрепче и давай ее хлестать хвостом. Хлестал-хлестал — только перышки от сороки летели во все стороны. А потом как поддаст копытом — покати́лась сорока на край поляны.

Отлежалась она здесь, опомнилась и кое-как, кряхтя да охая, полетела обратно.

Летит и еще издали кричит тигру:

— Беги отсюда подальше, покуда цел! Навеки меня искалечил проклятый зверь! Смотри, как бы с тобой того же не было.

Совсем оробел тигр. Собрал он свои пожитки и навсегда ушел в чужие страны.

А храбрый осел и доныне живет на широкой поляне.

УМНЫЙ ОСЕЛ

Таджикская сказка

Перевод К. Улуг-заде

Жил-был дехканин. У него было два вола и один осел. Каждый день рано поутру дехканин взваливал на осла пшеницу, садился на него сам и гнал перед собой быков, направляясь в поле пахать землю и сеять пшеницу.

Однажды вечером, после работы, один из волов пожаловался ослу, с наслаждением спавшему на соломе.

— Эй, друг, — сказал вол, — ты счастливее нас, тебя не так уж мучает наш хозяин. Отвезешь на поле пшеницу с хозяином, оттуда привезешь дров — на этом и кончатся твои муки. Ох, будь проклята воловья доля, мучения наши намного тяжелее: каждый день хозяин впрягает нас в ярмо и без передышки с утра до вечера гоняет. Если мы от усталости чуть замедляем шаг, он безжалостно избивает нас так, что ноет мозг наших костей. Очень трудно нам жить.

Осел подумал и сказал:

— Я дам тебе совет, и если ты меня послушаешься, то избавишься от мучений.

— Что это за совет? — с надеждой спросил вол.

— Сегодня на рассвете, — начал осел, — ты ничего не ешь, притворись больным и начни стонать. Хозяин подумает, что ты сильно заболел, и не погонит тебя в поле.

Совет осла понравился волу. Утром в хлев пришел хозяин, стал класть в ясли скоту солому с сеном и вдруг заметил, что осел с одним волом охотно принялись есть, другой же вол, словно больной, не смотрит на еду.

Когда, перед выходом в поле, хозяин снова пришел в хлев, то опять увидел, что один вол ничего не ел и лежит понурый. «Что же мне теперь делать? — подумал хозяин. — Нельзя пахать на одном воле!» И вдруг его взгляд упал на жирного и гладкого осла. Хозяин сразу повеселел и сказал:

— Нашел выход!

Он погнал в поле осла с другим волом, впряг их в одно ярмо и стал пахать.

К вечеру осел сильно устал. От непривычного труда у него ныло все тело.

«Да, как это волы терпят такие муки?» — думал осел.

Утром при одном воспоминании о вчерашнем дне у осла дрожало все тело. Но он должен был терпеть мучения и так проработал несколько дней.

Осел не переставал думать о своем спасении, и вдруг ему пришла на ум одна мысль. Он даже заревел от радости. Потом, повернувшись к «больному» волу, сказал:

— Приятель, сегодня я слышал разговор хозяина с женой. Хозяин говорил: «Если вол не поправится, я

его зарежу, мясо продам, а вместо него куплю другого вола». Мой совет тебе такой: ты теперь начни есть и покажи, что ты здоров, а то тебе будет плохо.

Вол никак не ожидал, что дело так обернется. Поблагодарив осла за заботу, он последовал его совету.

Когда утром дехканин принес еду, вол был здоровым и бодрым и с большим аппетитом стал есть. Хозяин обрадовался этому и утром же впряг его в пару с другим волом.

Прошло несколько дней. Вол снова стал жаловаться ослу на свою тяжелую долю. Осел долго думал, как облегчить волю жизнь, но ничего не придумал. Вдруг как-то вечером ослу пришла на ум одна мысль. От удовольствия он закричал во весь голос и спросил у вола:

— Ты хочешь избавиться от своей участи?

— Конечно, хочу! — ответил вол.

— Если так, давай убежим от хозяина. Найдем какое-нибудь далекое пастбище и будем там свободно пастись.

Вол нерешительно сказал:

— Приятно слышать твои слова, но как мы одни на пастбище избежим зубов волка и тигра?

— Что-нибудь придумаем! — самонадеянно сказал осел.

В ту же ночь вол и осел сбежали от хозяина. Ночь они провели на окраине одного села. На заре пошли дальше. В это время петух с крыши дома увидел осла с волом и спросил:

— Эй, приятели, куда направляетесь?

— Мы убежали от хозяина, — ответил осел. — Пойдем куда-нибудь подальше и будем там жить на свободе.

— Если так, не возьмете ли меня с собой? Мой хозяин хочет меня зарезать и съесть!

— Ладно, пойдем, — сказал осел. — Садись на меня, втроем лучше, чем вдвоем.

Так, втроем, они пошли дальше. Стали они проходить мимо другого села. Вдруг им повстречалась мышь и сказала:

— Эй, приятели, куда направляетесь?

— Мы убежали от хозяев, идем куда-нибудь подальше, там будем пастись на свободе.

— В одном доме у меня было жилье, — стала рассказывать мышь, — дня два-три тому назад хозяин пустил в дом кошку. Не сегодня завтра попаду кошке в лапы и пропаду. Если б вы согласились, пошла бы я вместе с вами, спаслась бы от смертоносных когтей кошки.

— Ладно, пойдем с нами, садись на меня, — сказал осел мышке и прилег на один бок. Мышь быстро забралась к нему на спину.

— Зачем нам эти никчемные дармоеды? — сказал вол ослу, недовольный благосклонностью того к петуху и мыши. — К чему нам этот лишний груз?

— Не беспокойся, — сказал осел, — мал ли друг или велик, лучше, если он есть. Друг всегда нужен.

Их было трое, теперь стало четверо, и они все вместе продолжали путь.

Через несколько дней путники подошли к подножию горы и увидели красивое место, густо заросшее кустами и травой. Во все стороны их глазам открывалось приятное зрелище: кругом было много дикорастущего проса и кукурузы.

— Наше место вот здесь, — сказал осел. — Лучше и красивее этого пастбища трудно найти!

Все согласились с ослом и остановились тут.

Друзья зажили здесь весело и радостно. Больше всех этой жизнью был доволен осел. Он с наслаждением наедался до отвала, валялся, перекатываясь с боку на бок, бегал, скакал. Его радость омрачалась лишь одним: приятели, из страха перед волками, запретили ему кричать.

Но однажды терпение осла лопнуло.

— Я не могу больше терпеть, хочу покричать! — воскликнул осел и, не обращая внимания на приятелей, заревел пронзительно и протяжно.

Далеко в горах разнеслось эхо и достигло стаи волков, рыскавших в поисках пищи.

Вожак волчьей стаи сказал сильному и проворному волку:

— Беги на крик и узнай, где находится осел и один ли он.

Посланный волк помчался на крик осла. Приближение бегущего волка раньше всех увидел петух с дерева и сообщил об этом приятелям.

Вол рассердился на осла и сказал:

— Вот не послушал нас и накликал волков!

— Не волнуйся, дружок, — сказал осел, — я что-нибудь придумаю. Сейчас ты спрячься и, пока я тебя не позову, не выходи!

Вол спрятался. Подбежавший волк увидел, что на лугу пасется один гладкий и жирный осел.

Сначала волк подумал: «Пойду сообщу товарищам». Но при виде аппетитного осла у него сразу потекли слюни, и он передумал: «Сначала сам наемся досыта, а потом будь что будет!» — и двинулся к ослу.

— Эй, осел, пришел твой конец, сейчас я тебя съем! — крикнул волк.

— Ладно, что ж поделаешь! — сказал осел. — На моих задних ногах очень жирное и мягкое мясо. Я лягу на спину, а ты подходи и ешь!

Только волк подошел к ногам осла и наклонил голову, чтобы попробовать ослиного мяса, как осел крепко зажал своими задними ногами голову волка.

— Эй, богатыри, выходите и бейте волка! — крикнул осел.

Подбежавший вол стал бить волка рогами, мышь стала разрывать землю под ногами волка, чтоб он свалился, а петух непрерывно кукарекал и наводил на волка ужас своим криком.

Обезумевший от боли и страха, волк дернулся изо всей силы, высвободил голову и побежал прочь. Поджидавшая его стая волков в ужасе бросилась бежать за ним.

С перепугу волки убежали так далеко, что потеряли к этому месту дорогу.

Вол, петух и мышь стали без опаски жить с умным ослом в этом цветущем месте.

СТРАШНЫЙ ГОСТЬ

Алтайская сказка

Обработка А. Гарф

ил-был барсук. Днем он спал, ночами выходил на охоту. Вот однажды ночью барсук охотился. Не успел он насытиться, а край неба уже посветлел.

До солнца в свою нору спешит попасть барсук. Людям не показываясь, прячась от собак, шел он там, где тень гуще, где земля чернее.

Подошел барсук к своему жилью.

«Хрр... Брр...» — вдруг услышал он непонятный шум.

Что такое?

Сон из барсука выскочил, шерсть дыбом встала, сердце чуть ребра не сломило стуком — так испугался он и подумал:

«Я такого шума никогда не слыхивал...»

«Хрррр... Фиррлить-фью... Бррр...»

«Скорей обратно в лес пойду, таких же, как я, когтистых зверей позову: я один тут за всех погибать не согласен».

И пошел барсук всех когтистых зверей, на Алтае живущих, на помощь звать:

— Ой, у меня в норе страшный гость сидит! Помогите! Спасите!

Прибежали звери, ушами к земле приникли — в самом деле, от шума земля дрожит.

«Брррррк, хрр, фью...»

У всех зверей шерсть дыбом поднялась.

— Ну, барсук, это твой дом — ты первый и полезай.

Оглянулся барсук — кругом свирепые звери стоят, подгоняют, торопят:

— Иди, иди!

А сами от страха хвосты поджали.

В барсучьем доме было восемь входов, восемь выходов. «Что делать? — думает барсук. — Как быть? Которым входом к себе в дом проникнуть?»

— Чего стоишь? — фыркнула росомаха и подняла свою страшную лапу.

Медленно, нехотя побрел барсук к самому главному входу.

«Хрррр!» — вылетело оттуда.

Барсук отскочил, к другому входу-выходу заковылял.

«Бррр!»

Изо всех восьми выходов так и гремит.

Принялся барсук девятый ход рыть. Обидно родной дом разрушать, да отказаться никак нельзя: со всего Алтая самые свирепые звери собрались.

— Скорей, скорей! — приказывают.

Обидно родной дом рушить, да послушаться никак нельзя.

Горько вздыхая, царапал барсук землю когтистыми передними лапами. Наконец, чуть жив от страха, пробрался в свою высокую спальню.

«Хррр, бррр, фррр...»

Это, развалясь на мягкой постели, громко храпел белый заяц.

Звери со смеху на ногах не устояли, покатались по земле.

— Заяц! Вот так заяц! Барсук зайца испугался!

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!

— От стыда куда теперь спрячешься, барсук? Против зайца какое войско собрал!

— Ха-ха-ха! Хо-хо!

А барсук головы не поднимает, сам себя бранит: «Почему, шум в своем доме услышав, сам туда не заглянул? Для чего пошел на весь Алтай кричать?»

А заяц знай себе спит-храпит.

Рассердился барсук да как пихнет зайца:

— Пошел вон! Кто тебе позволил здесь спать?

Проснулся заяц — глаза чуть не выскочили!

И волк, и лисица, рысь, россомаха, дикая кошка, даже соболь здесь!

«Ну, — думает заяц, — будь что будет!»

И вдруг — прыг барсуку в лоб. А со лба, как с холма, опять скок — и в кусты.

От белого заячьего живота побелел лоб у барсука.

От задних заячьих лап прошли белые следы по щекам.

Звери еще громче засмеялись:

— Ой, барсу-у-ук, какой ты красивый стал! Хо-ха-ха!

— К воде подойди, на себя посмотри!

Заковылял барсук к лесному озеру, увидел в воде свое отражение и заплакал:

«Пойду медведю пожалуюсь».

Пришел и говорит:

— Кланяюсь вам до земли, дедушка-медведь. Защиты у вас прошу. Сам я этой ночью дома не был, гостей не звал. Громкий храп услышав, испугался... Скольких зверей обеспокоил, свой дом порушил. Теперь посмотрите: от заячьего белого живота, от заячьих лап и щеки, и лоб мои побелели. А виноватый без

оглядки убежал. Это дело рассудите.

Взглянул медведь на барсука. отошел подальше — еще раз посмотрел да как зарычит:

— Ты еще жалуешься? Твоя голова раньше черная была, как земля, а теперь белизне твоего лба и щек даже люди позавидуют. Обидно, что не я на том месте стоял, что не мое лицо заяц выбелил. Вот это жаль! Да, жалко, обидно...

И, горько вздохнув, ушел медведь.

А барсук так и живет с белыми полосами на лбу и на щеках. Говорят, что он привык к этим отметинам и уже похваляется:

— Вот как заяц для меня постарался! Мы теперь с ним друзья на веки вечные.

Ну а что заяц говорит? Этого никто не слышал.

КТО СИЛЬНЕЕ?

Киргизская сказка

Литературная обработка Ж. Таштемирова. Перевод П. Леденева

Как-то раз пестрокрылый Фазан бежал по своим делам, неожиданно поскользнулся на льду и упал. «Кто это меня опрокинул на спину?» — с недоумением подумал он.

— Лед, Лед, это ты сделал? — спросил оробевший Фазан. — Откуда у тебя такая сила?

Блестящий как зеркало Лед лукаво засмеялся: — Что ты, красавец! Нет у меня никакой силы. Если бы у меня была сила, разве б я боялся Солнца? Пригреет оно — и все вокруг тает.

Фазан, задрав головку, взглянул на Солнце и зажмурился от его ослепительных лучей.

— Солнце! Солнце! — закричал он. — Ты плавешь Лед! Откуда у тебя такая сила?

Небесное светило с интересом взглянуло на любопытную лесную птицу.

— Я не такое уж сильное, — сияя улыбкой, ответило Солнце. — Если бы у меня была сила, черная Туча не заслоняла бы моего лица. Выходит, она сильнее меня.

В это время Туча как раз нашла на Солнце, и все вокруг потемнело.

— Туча, Туча! Ты закрываешь Солнце. Ты сильнее его?

В ответ Туча пролилась на землю проливным дождем. Вокруг побежали веселые ручейки. Фазан промок от дождя и закричал:

— Дождь, Дождь! Откуда у тебя столько силы?

— Эх! — прошелестел Дождь. — Если бы я был сильным, не уходил бы под Землю. Она сильнее всех.

— Это правда? — спросил удивленный Фазан и посмотрел себе под ноги. — Ты сильнее всех на свете, Земля?

Умытая и словно помолодевшая после дождя Земля смотрела в голубое небо. Тяжелая черная Туча уплывала на восток, и Солнце, щедрое и теплое, ласково светило всем. Фазан обсох на Солнце, ему стало хорошо и весело, и он успел даже заметить на пригорке подснежники: они пробивались сквозь Землю и тянули свои нежные головки навстречу теплу.

— Ты спрашиваешь, кто сильнее? — дрогнула под ногами Фазана Земля. — Спроси у подснежников — они первые вестники весны. Приходит весна, и все оживает в природе.

Любопытный Фазан засеменил к подснежникам на пригорке. Они встретили его голубоватыми улыбками.

— Подснежник, Подснежник! Ты первым пробился сквозь Землю. У тебя что, есть буравчик?

— Разве сила в буравчике? — качнул головкой Подснежник. — Белый Ягненок сильнее меня: он ходит по земле, топчет и ест траву, цветы и нас копытцами бьет.

Фазан побежал разыскивать белого Ягненка и вскоре встретил его в зеленом ущелье.

— Ягненок, Ягненок! Ты безжалостно топчешь подснежники. Скажи, ты вправду сильный?

Белый Ягненок недовольно покачал головой: его отрывали от очень важного дела — он щипал сочную травку и собирался попить прохладной водички из горного родничка.

— Ты ошибаешься, — сказал он Фазану. — Я самый беззащитный на свете. Как только увижу серого Волка, все мои четыре колена начинают дрожать. Вот кто сильный и страшный! Не называй его имени! Как бы он и тебя не съел!

Но наш Фазан был самым храбрым среди всех фазанов, его не смутили слова Ягненка о страшном разбойнике. Он смело ринулся навстречу опасности — к пещере, где жил серый Волк.

В это время серый Волк, накануне насытившись мясом зарезанной им овцы, спал в пещере и так храпел, что каменные своды ее дрожали.

Фазан окриком разбудил хищника. У того от жадности синими молниями сверкнули глаза, когда он увидел легкую добычу, которая сама залетела к нему. Волк хищно щелкнул зубами. Фазан не ожидал увидеть такое чудовище и от неожиданности слегка отпрянул назад. Набравшись мужества, он спросил:

— Волк, Волк! Ты пожираешь овец и коз, жеребят и телят. Как ты с ними расправляешься? Откуда такая сила?

Волк не спеша, лениво встал на четыре лапы, потянулся так, что все косточки его захрустели, отряхнулся, будто готовясь к прыжку. Осторожная птица снова сделала несколько шагов назад: оказывается, Ягненок прав — с Волком шутки плохи.

А тот, словно сгорая от нетерпения, бил себя толстым хвостом по задним лапам.

— Я сильный и страшный, — завыл Волк, — но сильнее меня Ружье охотника. Вот чего я боюсь больше всего на свете.

Фазан никогда не видел Ружья и в нетерпении поспешил к юрте охотника. Хозяина дома не было, а Ружье висело в углу, на гвозде, и с ним можно было разговаривать сколько хотелось.

— Черное Ружье, меткое Ружье! Твоя дробь пробивает крепкую шкуру серого Волка. Он очень боится тебя. Скажи, пожалуйста, в чем твоя сила?

— Моя сила проявляется на охоте, — щелкнуло курком Ружье. — Грохот выстрела означает, что мой хозяин подкараулил свою добычу. Вот почему, возвращаясь с охоты, он чистит меня и смазывает вкусным курдючным жиром. Но когда хозяин уходит из юрты по своим делам, на курдючный жир набрасываются коричневые муравьи. Они щекочут и грызут меня — съедают всю смазку, я ржавею и пропадаю. Они сильнее. Поищи их. Они где-то здесь, под юртой.

Фазан очень быстро нашел гнездо трудолюбивых муравьев. Они были заняты уборкой своей квартиры. Ни один муравей не сидел без дела — все дружно работали.

Убрав свое жилище, муравьи начали таскать семена злаковых трав — дикой овсянки, птичьей гречихи, лебеды...

«Должно быть, к зиме готовятся», — подумал Фазан и спросил:

— Муравей, Муравей! Ты такой маленький, а тащишь зерно больше себя. Значит, ты сильнее всех?

— Да, у меня есть сила, и немалая, — ответил с достоинством Муравей. — Я могу поднять вес, в два раза превышающий мой собственный. Но Лес сильнее нас, муравьев. Он защищает нас от непогоды, поэтому мы прячемся под кроной деревьев от Дождя и Ветра, от сильного Мороза и жгучего Солнца.

Знаешь, какие в лесу стоят великаны деревья?! Они самые сильные и могучие.

И Фазан отправился в Лес. Дремучий Лес шумел и гудел от порывов сильного Ветра.

— Лес, Лес! Я знаю, что ты сильнее муравьев. Скажи, откуда твоя сила?

— Меня природа наградила такой силой, — шумел Лес. — Я охраняю и защищаю все живое. Под моим кровом нашли себе уют лесные звери и птицы, муравьи и разные букашки. Но я не такой уж и сильный.

— А кто же сильнее тебя?

— Человек. Захочет он — вырубит деревья, а если надо — посадит и вырастит новые. Человек рубит и распиливает деревья, строит из леса дома и корабли, мастерит мебель, делает игрушки.

И Фазан поспешил к Человеку. Тот стругал длинную деревянную доску — что-то мастерил для себя.

— Человек, Человек! Говорят, ты самый-самый сильный на свете. Это правда?

ПЕТУХ И ШАКАЛ

Каракалпакская сказка

Перевод И. Шевердиной

ил на свете петух, весь в желтых и красных перьях, с золотым хвостом-султаном. Очень красивый петух. Всем петухам петух.

Рано утром петух взлетал на забор и кричал:

— Ку-ка-ре-ку! Милые мои куры! Вставайте! Пора приниматься за работу! Вон сколько зерна рассыпано на земле.

И куры соскакивали с насеста и спешили во двор.

В тот день петух проснулся, как обычно, очень рано.

— Ку-ка-ре-ку! — закричал он. — Приветствую новый день! Ку-ка-ре-ку, милые куры! Ку-ка-ре-ку! Вставайте, пора, пора клевать зерна.

Как раз в это время мимо по дороге бежал голодный шакал. Услышал он крик петуха и подкрался поближе.

«Хороша будет пожива», — решил шакал, увидев петуха на заборе.

Он вежливо поклонился и спросил:

— Дорогой братец петух, кого вы это так рано зовете? Я что-то не расслышал.

— Я зову своих кур, — важно ответил петух. — Скорей бы проснулись! Надо спешить клевать зерна. А то солнце уже высоко.

Шакал поклонился еще ниже и сказал медовым голосом:

— О уважаемейший из уважаемых петухов, не будете ли вы так любезны, слезайте с забора. Посмотрите, сколько зерна рассыпано на дороге. Давайте будем вместе собирать.

Посмотрел одним глазом петух с высокого забора на шакала и прокукарекал:

— Нет у меня времени. Мне надо разбудить лентяек кур. А если вы хотите найти себе товарища, так он вон там, около ворот, спит в тени. Идите и позовите его.

Обрадовался шакал. Подумал он, что петух послал его к другому петуху, и побежал к воротам.

Но едва шакал подошел поближе, он разглядел, что в тени спит большая мохнатая собака. Испугался шакал, повернул назад и пустился наутек. Собака погналась за ним и схватила за шиворот.

— Ай, ай! — закричал шакал. — Отпустите меня, я друг вашего соседа, петуха! Он послал меня узнать, как ваше здоровье.

— Я охраняю петуха от таких проходимцев, как ты, — ответила собака и загрызла шакала.

Из шкуры его она сделала себе мягкую теплую подстилку.

КАК ПТИЦЫ ЦАРЯ ВЫБИРАЛИ

Хакасская сказка

Обработка И. Кычакова, А. Чмыхало

обрались птицы со всех концов и решили:

— Давайте выберем царя, чтоб он был самым сильным, самым умным и самым долговечным среди нас.

Тут Галка прошла важно и говорит:

— Я думаю, надо нам царя такого, чтобы у него хвост был длинный и чтоб шарф был на шее.

Засмеялись птицы:

— Уж не тебя ли в цари выбрать?

Обиделась Галка:

— Раз вы смеетесь надо мной, улечу я от вас. И улетела.

Филин повертел головой в разные стороны и сказал:

— А по-моему, царь должен быть чуткий и чтоб ночью мог видеть.

Снова засмеялись птицы:

— У тебя, Филин, уши длинные, ночью глаза зоркие. Не ты ли царь?

Обиделся Филин.

— Что вы смеетесь? Я вам не Галка-вертихвостка. Улечу от вас в тайгу, но берегитесь: все ваши тайные речи подслушаю и царю донесу.

И улетел.

Поднялся с места Кулик.

— Без голоса царь — не царь. Нам надо такого царя, чтобы как крикнет, так всем на душе сразу тоскливо стало.

Пуще прежнего захохотали птицы:

— Кричать-то ты мастер, Кулик! Да вот ростом невелик!

Не вынес насмешки Кулик и улетел.

Слово взял Журавль.

— Я, дорогие птицы-сестрицы, так думаю, что все эти Кулики да Галки — смех один. Ну что это за птицы, когда я их перешагнуть могу! Нам надо, я думаю, царя с длинными ногами, такими, чтоб его никто перешагнуть не мог!

Тут все птицы от хохота так и покатались:

— Эх, Журавль, хороший ты мужик, да вот умом невелик. Иди-ка ты на свое болото и командуй там над лягушками.

— И на том спасибо, — ответил Журавль, — я и лягушками сыт. Мне ваша слава ни к чему.

И улетел.

Посмеялись птицы, но все же смех смехом, а царя выбирать надо. Видят: сидит в стороне Сокол — ростом небольшой, но телом крепкий и гордый-прегордый.

— Вот Сокол, он в цари подходит, — заговорили птицы. — В полете он быстрее ветра, грудью крепче камня, глаз имеет зоркий. Чем не царь?

Ворона и Сорока рядом с Орлом сидели. Орел птичью болтовню не слушал, клевал себе мясо, а Ворона и Сорока подбирали объедки, но за спором следили.

— Ор-р-рла, Ор-р-рла! — закричала Ворона.

— Пр-р-равильно, пр-р-равильно! — подхватила Сорока.

Тут все птицы на Орла взглянули и выбрали его царем.

А Сокол от обиды взмыл вверх и стал грозить:

— Позора этого я вам вовек не прощу! Достанется от меня и внукам, и правнукам вашим!

Так с тех пор и живет Сокол в злобе на всех птиц и мстит им за обиду. А Орла и ныне птичьим царем называют. И за услугу эту прикармливает он Ворону и Сороку объедками со своего стола.

НЕУГОМОННЫЙ ВОРОБЕЙ

Таджикская сказка

Пересказ для детей Н. Алембековой

было или не было, а была одна старуха. Жила она одна в своем глинобитном доме и целыми днями пряла пряжу. Пряла пряжу, а потом несла ее на базар и продавала. Тем и жила. Бедно жила старуха.

Однажды кончился у нее хлопок, и не из чего было ей прясть пряжу. И не было денег у старухи хлопок купить. И заплакала тогда бедная старуха. Она плакала так долго, что скоро ручьи ее слез превратились в реки. Реки пролились на сухую землю, и вдруг перед домом старухи появилось белое-ребелое хлопковое поле. Обрадовалась старуха и принялась собирать тот хлопок.

Тут прилетела галка, села на старухин дувал и сказала:

— Матушка, матушка! Я буду сторожить твоё поле!

— А сколько ты возьмешь за это? — спросила старуха.

— Половину твоего урожая! — отвечала галка.

Рассердилась старуха и сказала:

— Ступай! Не нужен мне такой сторож!

Галка улетела, а вместо нее села на старухин дувал ворона.

— Матушка, матушка! — прокаркала ворона. — Я буду сторожить твоё поле!

— А сколько ты возьмешь за это? — спросила старуха.

— Половину твоего урожая! — отвечала ворона.

Снова рассердилась старуха и сказала:

— Ступай! Не нужен мне такой сторож!

Ворона улетела, а вместо нее уселся на старухин дувал воробей.

— Матушка, матушка! — прочирикал воробей. — Я буду сторожить твоё поле!

— А сколько ты возьмешь за это? — спросила старуха.

— Дай мне немножко хлопка на халат — вот и вся плата.

Обрадовалась старуха такому сторожу и дала воробью немного хлопка на халат.

Воробей ухватил клювом этот хлопок и полетел к пряхе.

— Эй, пряха! — чирикнул воробей. — Спряди мне нитки! А не спрядешь — дом твой разрушу!

Взяла пряха тот хлопок у воробья и спряла ему моток ниток.

Воробей ухватил клювом моток ниток и полетел к ткачу.

— Эй, ткач! — прочирикал воробей. — Сотки мне кусочек карбóса[122]! А не соткешь — дом твой разрушу!

Взял ткач тот моток и выткал для воробья кусок ткани. Воробей ухватил клювом тот кусок и полетел к портному.

— Эй, портной! — прочирикал воробей. — Сшей мне халат! А не сошьешь — я дом твой разрушу!

Взял портной тот кусок ткани карбос и сшил ему красивый халат.

Надел воробей красивый халат, прилетел к дому той старухи и сказал:

— Вот теперь я стану сторожить твоё поле!

Обрадовалась старуха, и стал воробей её поле сторожить. Летает над полем, чирикает громко и воров отгоняет.

Однажды мимо старухино́го дома проезжал со своим войском падишах. Увидал он белое-пребелое хлопковое поле и закричал:

— Эта земля моя, и всё, что растёт на ней, тоже мое. Ступайте, мои солдаты, и соберите с поля весь хлопок.

Как увидел воробей, что солдаты собирают хлопок со старухино́го поля, так зачирикал-закричал:

— Матушка, матушка! Урожай твой собирают! Тебя разоряют!

В доме была старуха и не слышала крика воробьиного. Зато услышал воробья падишах. Разгневался он и повелел своим солдатам:

— Схватите воробья и ощипайте!

Перестали солдаты собирать хлопок со старухино́го поля и бросились воробья ловить. Ловили, ловили и поймали наконец. Поймали и ощипали.

— Пернатым был — бесперым стал! — прочирикал воробей.

— Изжарьте его! — приказал падишах своим солдатам.

Солдаты изжарили воробья, а он не унимается.

— Сырым был — жареным стал! — прочирикал воробей.

— Подайте его мне, я его съем! — приказал падишах.

Солдаты подали жареного воробья своему повелителю, и тот съел воробья. Съел падишах воробья, а тот всё не унимается.

— Был я снаружи — теперь я внутри! — прочирикал воробей.

И так он стал в животе у падишаха скакать и прыгать, что у владыки разболелся живот. Да так разболелся, что не выдержал падишах и приказал своим солдатам:

— Возьмите мой острый меч и разрубите мне живот! Выпустите из меня этого неугомонного воробья!

Как приказал повелитель солдатам, так они и сделали.

Падишах умер, а неугомонный воробей вылетел на волю.

Рассказывают: тот воробей до сих пор живёт у бедной старухи, её хлопковое поле сторожит.

СТАРИК И ПТИЧКА

Нганасанская сказка

Обработка Г. Меновщикова

Жила в одном месте птичка синичка. Голодно и холодно ей было в студеную северную зиму. Вот летела она однажды и заметила маленький чум. Села птичка синичка на крышу чума и видит в дымовое отверстие, как внутри старичок кует топор. Спрашивает птичка старичка:

— Дедушка, дедушка, не холодно ли тебе?

Оглянулся старичок, посмотрел вверх на отверстие и сказал:

— Кто это там говорит? Заходи в чум, если ты человек.

Птичка ответила:

— Не человек я, а птичка синичка. И прилетела я к тебе, дедушка, с большой-большой просьбой. Вижу я, что живешь ты в холоде, да и есть нечего, видно, тебе. Сделай мне в своей кузне железные крылья, железный клюв и железные лапки. Полечу я на небо к хозяину облаков. У него семь дочерей. У семи дочерей — семь мешков. В каждом мешке — теплые облака, дающие людям тепло. Один из тех мешков я украду, пока облачные девицы будут спать.

Старичок сделал все, о чем просила птичка синичка. И полетела она в южную сторону неба. Летела, летела и увидела: впереди на небе белое облако разостлано, а на нем сидят рядком семь девиц. У ног каждой девицы по мешку с теплыми облаками.

Сказала птичка синичка:

— Хозяин облаков, помоги мне взять у девиц один мешок с теплыми облаками для старичка. Пусть девушки уснут крепким сном!

Как только птичка синичка кончила говорить это, старшая из девиц промолвила:

— О, сестрицы, как мне спать захотелось!

А все остальные за ней проговорили:

— Нам тоже хочется спать!

И девушки заснули. Птичка синичка тотчас подошла к мешку младшей девушки и развязала его. Из мешка вдруг посыпалось множество облаков, а птичка полетела на землю, к старому кузнецу.

Прилетела птичка синичка и видит: старичок кузнец ходит вокруг чума в одной рубашке, а из-за облаков светит яркое солнце.

— Ну что, дедушка, тепло тебе стало? — спросила птичка синичка.

— Жарко! Молодец, птаха! — ответил старичок.

Вот и говорят, что теплую погоду людям достала с неба птичка синичка.

МЕДВЕДЬ И ЧАЛБАЧА

Эвенкийская сказка

Обработка Г. Меновщикова

Жил охотник по имени Чалбача́. Однажды пошел он за ягодами и увидел в тайге медведя.

Говорит ему медведь:

— Здорово, Чалбача, куда путь держишь?

— Здорово, медведь, ягоды ищу. Не знаешь ли, где много ягод?

— Конечно, знаю. Ведь я хозяин этой тайги. Давай померяемся силой, и кто сильнее из нас, тот эти ягоды есть будет.

Растерялся Чалбача, а потом говорит:

— Хорошо, давай померяемся силой. Вот два дерева растут. Одно ты ударишь, другое я ударю. Если деревья свалятся, значит, силы наши равные. Если только у тебя дерево свалится, значит, ты сильнее. Если от моего удара дерево упадет, значит, я сильнее. Встретимся здесь завтра с восходом солнца. Кто сильнее, того и ягоды.

Медведь согласился:

— Ладно, дерево свалить пустяк!

После этого медведь пошел ягоды искать, а Чалбача отправился домой. Пришел домой и стал ждать ночи. Когда стемнело, взял Чалбача пилу и пошел в лес. Там он подпилит одно дерево так, что оно чуть держится. Пилу спрятал в траве, сел и стал ждать медведя.

С восходом солнца пришел медведь. Чалбача говорит ему:

— Ну, давай деревья валить!

— Давай.

Подшли они к деревьям, Чалбача и говорит:

— То, которое с левой стороны, ты ударишь, которое с правой — я ударю.

Медведь на задние лапы встал и со всего маху по дереву ударил. Дерево покачнулось, даже корни затрещали, но выправилось и снова стоит.

Чалбача говорит:

— Ну, теперь посмотри, как я ударю.

Хватил он со всего маху по подпиленному дереву, дерево покачнулось и свалилось.

— Ну, кто сильнее: я или ты? — спрашивает Чалбача.

— Оказывается, ты сильнее, — говорит медведь. — Больше уж не буду я с тобой спорить. Пойдем ко мне в гости.

Пришли они в дом медведя. Медведь говорит:

— Я костер разведу, а ты с этим котлом за водой сходи.

Около медвежьего дома стоял большущий котел. Чалбача еле-еле поднял его и понес к реке. Донес — из сил выбился. Поставил на берегу и стал вокруг котла яму копать.

Увидел это медведь, бежит к нему и кричит:

— Что ты делаешь, зачем яму копаешь?

— Хочу этим котелком всю воду из реки вычерпать и сразу всю тебе принести.

Испугался медведь:

— Если реку высушишь, я без воды останусь.

Взял он сам котел, воды зачерпнул и домой понес. Чалбача за медведем идет, посмеивается. А медведь, как пришел в свой дом, тотчас дверь на большой крюк запер и думает: «Что за силища у этого человека — деревья ломает, реку вычерпать может!»

Так и не впустил медведь Чалбачу к себе в дом. А тот и рад, что от медведя хитростью отделался.

ДВЕ КЕДРОВКИ

Эвенская сказка

Обработка Г. Меновщикова

или-были две кедровки.

Однажды пошли они собирать орехи. Пришли в то место, где они как-то раз уже собирали.

Одна кедровка взлетела на кедр и стала сбрасывать на землю шишки. А другая стала собирать их.

Бросила кедровка шишку и попала подружке в глаз.

Сидит кедровка с подбитым глазом и горько плачет.

Шел мимо старик и спросил у нее:

— Кедровка, кедровка, ты почему плачешь?

— Подруга мне шишкой глаз подбила.

— Кедровка, сидящая на дереве, ты зачем своей подружке глаз подбила?

— Меня кедровник хлестнул.

— Кедровник, кедровник, ты зачем кедровку хлестнул?

— Меня белка качнула.

— Белка, белка, ты почему ветку качнула?

— Потому что меня охотник преследует.

— Охотник, охотник, зачем ты белку преследуешь?

— Хочу беличьим мясом полакомиться. Жена мало хлеба мне дала.

— Женщина, женщина, ты почему своему мужу мало хлеба дала?

— Нашу муку олень съел.

— Олень, олень, ты зачем съел у женщины муку?

— С горя: моего теленочка волк задрал.

— Волк, волк, тебе кто велел у оленя теленка съесть?

— Мне никто не велел, я сам захотел.

КАК ПТИЦЫ ОГОНЬ ДОБЫВАЛИ

Шорская сказка

ыло это, когда добрый Ульгень горы и реки, деревья и травы сотворил, людьми, зверями, птицами, рыбами землю и воду населил. Птицам в их гнездах тепло и уютно жилось: перьями и пухом они были одеты. Зверям в берлогах и норах тоже вольготно было: их шерсть густая от холода укрывала. О рыбах и говорить нечего. У всех еды было вдоволь, добывать ее было легко — словом, всем хорошо жилось.

Одному человеку было плохо: он голым был, в жилище его огня не было, чтобы согреться возле него в зимние холода, мясо или коренья на нем сварить или зажарить. Холодно и голодно людям было. И стали они птиц просить-умолять:

— Вы, птицы, вокруг всей земли летаете, в небо — к солнцу и звездам поднимаетесь, горы огнедышащие переваливаете, — только вы и можете добыть и принести нам огонь...

Птицы во все концы земли разлетелись, в небо взвились.

Журавль, в небесное жилище Ульгенья поднявшись, сказал:

— Тобою созданные люди на земле от мороза коченеют, от голода погибают. Дай огонь им!

Ульгень разгневался и на людей, и на журавля. Даже искорку огня из своего очага отказался дать, как журавль ни упрашивал. Выгнал его из жилища, а сам спать улегся.

Подождал журавль, пока Ульгень хорошенько заснет, потихоньку к очагу подобрался, длинной своей ногой из очага пылающий уголек выхватил, в длинном клюве своем уголек зажав, стремглав на землю опустился, огонь людям принес...

Другая птица — орлица, над высокими горами пролетая, на скалу подоблачную отдохнуть присела. Лишь коснулась своими когтями скалы — камень от нее отломился, вниз покатился и, ударившись о другой камень, искры высек, от которых сухие деревья загорелись. Орлица, осколок скалы в своих когтях зажав, в долину к людям вернулась, сказала:

— Если два камня друг о дружку крепко ударить — искры посыплются, огонь можно разжечь...

С тех пор и научились люди из камня огонь высекать.

КАЗАРОЧКА

Ительменская сказка

Обработка Г. Меновщикова

а большом озере гуси казарки лето проводили. Когда осень наступила, начали они в дорогу собираться. Все молодые гусята выросли и научились летать. Только у одной казарочки не окрепли крылышки, и она не могла подняться в воздух.

Собрались в один ясный день гуси казарки лететь в далекую теплую страну и говорят казарочке:

— Как же ты будешь здесь жить без крыльев, наша бедняжка казарочка? Береги себя, не давайся лисам и волкам.

Казарочка сказала:

— Летите, не жалейте меня! Вырастут мои крылья, и я прилечу к вам.

Поднялись гуси казарки, трижды над озером покружились и улетели. А озеро тем временем уж замерзать по краям стало. Мимо бежала лиса и увидела казарочку. «Вот, — думает она, — мне и еда будет». Приблизилась лиса к кромке льда и говорит:

— Иди ко мне, казарочка, я тебе приют в своем доме дам! Будем вместе жить.

Казарочка отплыла подальше от кромки и сказала:

— Не пойду к тебе, лучше здесь замерзну!

Рассердилась лиса и закричала:

— Ну берегись, съем тебя!

Повертелась лиса около воды и убежала. А озеро стало быстро замерзать. Совсем уж воды мало осталось. Перепугалась казарочка, думает: «Вот уж теперь лиса поймает и съест меня!»

Вдруг на берегу озера появилась с ведром девушка в нарядной одежде. Спрашивает она казарочку:

— Почему ты не улетела в теплые края?

Отвечает ей казарочка:

— Не выросли за лето мои крылья. Родители мои улетели вместе с гусиной стаей. Оставили меня здесь зимовать. А теперь вот лиса хочет съесть меня.

Девушка сказала:

— Меня зовут Синаневт. Я дочь волшебника Кутхи. Иди ко мне. Я дам тебе теплый приют.

Согласилась казарочка. А Синаневт хорошо за ней ухаживала: отогрела, накормила и спать уложила. Так и стала жить в тепле казарочка. Вот и весна пришла. Сделала Синаневт для казарочки крепкие крылышки и научила ее летать.

А однажды в теплый весенний день над озером появилась стая гусей казарок. Услышала казарочка родное гоготанье гусей и полетела им навстречу. Ах, какие крылья! Так и несут ее вверх!

Увидели казарочку родители и другие гуси казарки, обрадовались, стали спрашивать, как она зиму прожила. И рассказала им казарочка, как лиса съест ее хотела, как Синаневт ее приютила и крылышки сделала. Полетели гуси к дому Синаневт и поблагодарили ее за спасение казарочки. А сама казарочка осталась жить в родной стае, а осенью впервые улетела вместе со всеми в теплые края.

ЛИСА И МЕДВЕДЬ

Хантыйская сказка

Обработка Г. Меновщикова

днажды медведь встретил в лесу бурундука и говорит ему:

— Собрал бы ты, бурундучок, всех лесных жителей ко мне на праздник.

Бурундук соскочил с пенька и побежал в лесную чащу. Скоро он вернулся, а за ним начали собираться и приглашенные звери.

Когда все собрались, медведь лисе сказал:

— Соседушка, как бы нам повеселиться?

— Давайте попляшем, — предложила она.

— А кто же нам на гусях играть будет? — спрашивает медведь.

— Я могу спеть-сыграть, — отвечает лиса.

— Хорошо, — говорит медведь, — спой-сыграй, а мы попляшем.

Вот начала лиса петь-играть:

Мои гусли — когти зверя,
рынга-рынга, рынга-рынга.
Мои гусли — зубы зверя,
рынга-рынга, рынга-рынга.

Все звери пустились в пляс: бурундук с зайцем, песец с росомахой, волк с медведем. Старый медведь больше всех плясал, а лиса в своей песне стала высмеивать его:

Одряхлевший старикашка,
безобразный великан,
еле лапы поднимает,
а туда же лезет в пляс.

Медведь глуховат был, однако услышал эту песенку, остановился и спрашивает:

— Кто это высмеивает меня?

Хитрунья лиса говорит:

— Это бурундук над тобой смеется!

Рассердился медведь, кинулся на бурундука, но тот ловко выскочил из-под лап хозяина да и убежал в чащу леса. Только спину бурундуку успел поцарапать медведь — так с тех пор у бурундуков и остались черные полосы на спине.

Лиса говорит медведю:

— Не сердись, медведишка, ведь убежал твой обидчик. Лучше попляши, пока струны на моих гусях не ослабли.

И лиса снова начала петь да играть на гусельках.

Медведь начал плясать пуще прежнего. За медведем и другие звери пустились в пляс. А лиса опять ту же обидную песенку про медведя поет.

Медведь услышал, остановился и спрашивает:

— Кто это смеется надо мной?

А лиса спешит с ответом:

— Это зайчик высмеивает тебя.

Бросился медведь за зайцем да как дернет его за хвост — так заячий хвост и остался в медвежьей лапе. А заяц убежал в лес. Так и бегают теперь без хвоста.

А медведь ворчит:

— Вот никчемные зверюшки, смеются надо мной!

Лиса говорит медведю:

— Не гневайся, медведишка, ведь убежали насмешники. Лучше попляши, пока струны на моих гусях не ослабли.

Лиса начала петь да играть на гусельках.

Медведь пустился плясать, а за ним и гости. Когда все начали кружиться, лиса снова запела песенку про старого медведя.

Медведь услышал, остановился и спрашивает:

— Кто это опять смеется надо мной?

А лиса спешит с ответом:

— Вон тот песец-мышелов смеется над тобой!

Бросился медведь на песца, но тот увернулся и побежал куда глаза глядят. Бежал, бежал да и прибежал с перепугу к берегу Ледовитого моря-океана. Так и остался там жить и не показывается больше в тайге.

А лиса тем временем снова медведя уговорила поплясать и опять запела:

Мои гусли — зубы зверя,
рынга-рынга, рынга-рынга.
Мои гусли — когти зверя,
рынга-рынга, рынга-рынга.

Медведь пляшет, а с ним и другие звери. Когда закружились в пляске, лиса запела:

Одряхлевший старикашка,
безобразный великан,
еле лапы поднимает,
а туда же лезет в пляс.

Медведь услышал, остановился и спрашивает:

— Кто это не перестает смеяться надо мной? А лиса спешит с ответом:

— Вон та россомаха смеется над тобой!

Схватил медведь россомаху за бока да так сжал, что кровь выступила. Вот и стали у россомахи с тех пор бока красноватыми.

А лиса говорит медведю:

— Не сердись, медведишка, попляши лучше, пока струны на гусях не ослабли.

И снова заиграла-запела лиса.

Пошел медведь плясать, а за ним и волк. Когда закружились в пляске, лиса запела ту же обидную песню про медведя.

Услыхал медведь, остановился и спрашивает:

— Кто. это смеется надо мной?

А лиса спешит с ответом:

— Вон тот волк смеется над тобой.

Рассердился медведь, схватил волка лапами да как начал трясти — тот чуть жив остался.

С перепугу волк весь седым сделался. С тех пор и ходит серым. А говорят, черным был.

Всех зверей медведь разогнал и остался с лисой вдвоем.

Лиса и говорит:

— Вот теперь, братец медведь, никто уж не будет смеяться над тобой. Всех ты наказал. Попляши еще, а я тебе сыграю на гусельках да спою.

И лиса запела:

Мои гусли — когти зверя,
рынга-рынга, рынга-рынга.
Мои гусли — зубы зверя,
рынга-рынга, рынга-рынга.

Медведь начал плясать, а лиса снова по-другому запела:

Одряхлевший старикашка,
безобразный великан,
еле лапы поднимает,
а туда же лезет в пляс.

Услыхал это медведь и закричал:

— Ах ты, обманщица, так это ты смеешься надо мной?

Лиса стала оправдываться:

— Тебе послышалось, это звери в лесу поют. Если не веришь, поклянемся перед костром — узнаем, кто же из нас прав.

Медведь согласился.

Лиса развела большой костер, много дров в него положила.

— А теперь, — говорит лиса, — каждый из нас повернется к костру спиной. У кого жир будет

вытапливаться, тот, значит, и виноват.

Подставил медведь свою широкую спину к костру, а лиса, поджав хвост, рядом с ним присела. Посидела минутку, вскочила и говорит:

— Надо дровец подложить, а то костер прогорит!

Медведь сидит да спину греет, а лиса то и дело подбрасывает дров в костер. Постоит чуточку рядом с медведем и снова костер подправляет. Самые большие поленья к медвежьей спине подвигает. У медведя от жары по хвосту жир ручьем потек. В это время лиса незаметно поднесла горящую головешку к хвосту медведя — хвост и загорелся ярким пламенем. Пока медведь до речки добежал, хвост его сгорел. Так без хвоста и остался медведь на всю жизнь.

Лиса же с тех пор старается не попадаться на глаза медведю.

ХИТРАЯ ЛИСА

Корякская сказка

Обработка К. Шаврова

идит однажды лиса на берегу и думает: «Как бы мне рыбки свежей поесть?»

Смотрит лиса, а по речке бревно плышет, на бревне две чайки сидят.

Спрашивает лиса:

— Что вы, чайки, делаете?

— Рыбу ловим.

— Возьмите и меня с собой!

— Прыгай!

Прыгнула лиса. Бревно перевернулось, чайки улетели, а лиса в воду упала.

Понесло лису вниз по речке и вынесло в море. Видит лиса — кругом вода. Говорит:

— Ну-ка, лапы, будьте мне веслами! Ну-ка, хвост, будь рулем!

Вот плывет лиса, будто в лодке. Лапы, как весла, воду загребают, хвост, как руль, поворачивается — туда-сюда, туда-сюда.

Только забыла лиса хвосту сказать, чтобы он к берегу правил. Правит хвост в открытое море.

Плыла лиса, плыла, а берега все нет. На самую середину моря заплыла. И не знает лиса, куда ей теперь плыть.

Тут встретила она тюленя.

Говорит ей тюлень:

— Куда ты, лиса, заплыла? Зablудилась, верно, у нас в море? Не доплыть теперь тебе до берега.

— Знаю я, куда плыву, — отвечает лиса. — Хочу посмотреть, есть ли еще звери в морских водах. Слышала я, будто вас уж совсем мало осталось.

— Нет, — отвечает тюлень, — много еще зверя в морских водах: и нас, тюленей, и моржей, и китов.

— Будто уж? — говорит лиса. — Пока сама не увижу, ни за что не поверю. Поднимайтесь-ка вы, все звери, из морской глубины и ложитесь в ряд до самого берега. А я считать буду!

Тут поднялись вверх все тюлени, моржи, киты и легли на воду в ряд до самого берега.

А лиса по их спинам, как по мосту, побежала. Бежит и считает:

— Один тюлень, два тюленя, три тюленя... Один морж, два моржа, три моржа... Один кит, два кита, три кита...

Так и добежала лиса до берега. Выскочила на берег и кричит тюленю:

— Правду ты сказал, тюлень: много еще вас, глупых зверей, в морских водах. Через все море мост из вас построить можно! Ну, теперь плывите куда хотите, а я отдыхать буду!

Уплыли морские звери, а лиса шубку с себя сняла и повесила сушить на кустике. А хвост на камень положила — пусть сохнет.

БАРАН И КОЗЕЛ

Казахская сказка

незапамятные времена жили старик со старухой. Были они бедные. У них было пять овец и пять коз — все их богатство. Питались они молоком да сыром. Было у них и мясо — они весь ежегодный приплод резали. Из шерсти и кожи делали себе одежду. И количество коз и овец старика и старухи, таким образом, не уменьшалось, но и не увеличивалось.

Овцы и козы на пастбище выходили сами, пили из ручейка и снова возвращались домой. Пастухами их были баран и козел. Зорко охраняли они все стадо. Старик и старуха больше всех любили козла и барана. Они казались им родными детьми. Баран и козел чувствовали эту любовь. Они охотно выполняли все желания своих хозяев. Умный был козел. Он никогда ничего зря не делал. Если козел раньше времени возвращался с пастбища, хозяйева знали: будет ненастная погода — и принимали меры предосторожности. Если все стадо поднимало шум, металось из стороны в сторону, надо было остерегаться волков, преследующих по пятам животных.

Баран и козел между собой были большими друзьями. Они помогали друг другу в беде, по своим качествам дополняли один другого. Баран был спокойным, чуть-чуть наивным и боязливым, но он твердо верил своему энергичному и храброму другу. А козел был хитрым, умным и дальновидным. Он многое мог предвидеть. Зная эти свойства своих любимых животных, старики считали их своей главной опорой и как бы хранителями своего маленького стада.

Но вот старик заболел. Старуха днем и ночью ухаживала за ним. Баран и козел сами выходили на пастбище и сами возвращались обратно. Паслись они недалеко от дома: боялись волков.

Старику становилось все хуже и хуже. Старуха только и знала, что плакала. Как-то раз пришел к ним скитающийся черный шаман. Он пощупал пульс старика, поиграл на кобызе [\[123\]](#), а затем сказал:

— Надо зарезать самый любимый скот и лечиться его мясом.

Эти слова испугали старика и старуху. Как же они могут зарезать барана или козла?

— Мы не можем принести в жертву наших священных животных — барана и козла, — сказали они, — лучше зарежем тебе самую жирную овцу.

Долго умоляли они черного шамана. Но тот был упрям.

— Лечение идет на пользу тогда, когда приносишь в жертву самое дорогое. Иначе я не стану лечить, — сказал он.

Старики не знали, что делать, оба горько плакали. Если они не зарежут барана и козла, то старик так и не встанет, а если зарежут, то весь скот их пропадет. Долго они плакали и наконец решили зарезать барана и козла.

Первым это почувствовал козел. Он разбудил ночью барана и рассказал ему о горе, которое их постигло. Они плакали, гневно возмущались и решили незаметно от других овец и коз, тайком, покинуть

родные места. Но не просто бежать хотели они, а уйти, чтобы разыскать целебные травы и вылечить ими старика.

Никто их не разыскивал. Кто же пустится в погоню? Старик болен, а старуха не может. И баран с козлом спокойно продолжали путь. Шли они через рощи и поля, через горные ущелья, через равнины и холмы, ели зеленую траву, пили родниковую воду. Так прошло несколько дней. Почти на каждом шагу их подстерегала опасность: то они наталкивались на следы волков, то ночью вокруг себя слышали вой гиены, рев медведя, хрюканье кабана. Их охватывал страх. Они прятались и тайком ускользали от всех врагов.

Баран и козел точно не определили еще места своего пристанища. Они не знали, где в лесной чаще растут целебные травы. Да и опасно там — хищники могут их задрать. А к людям пойти — они зарезать их могут. Но и без помощи людей, без их защиты нельзя прожить. Рассуждая так, они шли по степному простору. Но вот козел посмотрел на тучку, которая надвигалась по ветру, заволновался и сказал барану:

— Будет сильный дождь. Давай, мой друг, сделаем шалаш.

— Делай, — сказал баран. — У меня шерсть густая, сам я жирный, так что мне и под дождем терпимо.

Козел нарвал травы и под кустарником сделал себе теплую защиту. К вечеру погода стала ненастной, черные тучи заволокли небо. Грохотал гром, сверкала молния, и лил сильный дождь.

Под кровлей, на теплой травяной подстилке, спокойно лежал совсем сухой козел. Подставив под ветер и дождь свой широкий жирный курдюк, лежал в затишье баран. Но не долго он смог выдержать: вода стала просачиваться сквозь шерсть, а ветер пронизывал его до самых костей. Баран стал мерзнуть и наконец не выдержал и обратился к козлу с такими словами:

— Дружище, я был глуп. Если ты не поможешь мне, то я замерзну.

— Больше не делай таких глупых промахов, — сказал козел и впустил барана в свое укрытие.

Через некоторое время дождь перестал. Небо прояснилось. Баран и козел отправились дальше. В полдень козел на небе заметил облако.

— Сегодня будет снег и, возможно, буран, — сказал он. — Надо нам соорудить шалаш.

Но барана это не беспокоило.

— Снег — это не вода, чтобы просочиться через густую шерсть, — сказал он. — Заслонясь от ветра широким курдюком, я смогу и так лежать, а тебе надо укрыться, у тебя шерсть редкая, кожа тонкая.

Козел не стал убеждать своего друга. Нарвал травы и под густым кустарником соорудил себе убежище.

К вечеру тучи заволокли небо, и хлопьями стал падать снег. Резкий, холодный ветер гнал снег, кружил его. Среди снежной метели козел лежал спокойно. А в затишье, возле укрытия козла, выставив широкий курдюк и заслонясь им от ветра, лежал баран. Но пронзительный ветер и бушующий буран не давали ему покоя. И наконец баран не выдержал и обратился к козлу с просьбой:

— Дружище, а дружище! У меня совсем дела плохи. Если ты непустишь меня к себе, я замерзну. Теперь я во всем буду слушаться тебя.

— Больше не делай глупостей, — ответил ему на это козел и впустил барана.

Но вот затих буран, прояснилось небо и стало тепло. Баран и козел отправились дальше. На пути козел наблюдал за следами птиц, зайцев и волков, за тропами, проторенными кабанами, медведями.

Долго они шли. День клонился к вечеру. Наступили сумерки. Козел вдруг остановился и, обращаясь к барану, сказал:

— Друг мой, мы наткнулись на волчью нору. Вот следы.

— Тогда мы погибли, дружище, — испуганно сказал трусливый баран.

Козел вел себя спокойно.

— Убегать от волков нельзя, — сказал он. — Они увидят наши следы, учуют запах и непременно нагонят нас, куда бы мы ни ушли. Единственный путь к спасению — спрятаться в их нору.

Напуганный таким предложением, баран бормотал невнятно:

— Что ты говоришь? Что ты говоришь?!

Однако был не в силах возражать своему другу и последовал за ним.

Козел подвел его к волчьей норе. Она была широкая и имела просторные ответвления. Узкий проход у входа занял сам козел, а барана он поставил в засаду и наказал ему по его команде бить рогами волков. Сидели они долго и терпеливо ждали возвращения обитателей этой норы с ночной охоты.

К рассвету появился один волк. Усталый с ночного похода, он лениво подошел к яме и впрыгнул в нее. Затем стал входить в нору. Козел острыми, как пика, рогами задел за горло волка и прижал его шею к верхней стене норы. Затем крикнул барану:

— Бей, мой друг, бей!

Баран гнатыми тяжелыми рогами сильно ударил волка в бок. Тот завопил. Ребра и передняя нога хрустнули. Он упал, но, собрав последние силы, снова вскочил и убежал. Баран и козел преследовали его. На бегу козел повторял страшные слова: «Бей, мой друг, бей!» Волк слышал это и еще сильнее бежал вперед.

Ночевали баран и козел спокойно.

Утром они продолжили свой путь. К полудню козел сказал барану:

— Я слышу погоню: нас преследуют двадцать волков. Давай скорее доберемся вон до того высокого тополя.

И они ускорили шаги. Когда же приблизились к тополю, стоявшему на возвышенном месте у обрыва широкой реки, показались волки. Они бежали сбитой стаей, поднимая пыль. Козел взобрался на самый верх тополя, а баран не мог подняться: ему мешал тяжелый курдюк. Тогда козел слез с тополя и помог барану подняться на нижний сук. Сам козел залез немного выше барана и стал наблюдать за приближающимися волками. Один среди них был хромым: это был тот волк, которому баран и козел на рассвете переломили ногу. Волки увидели на дереве козла и барана, обрадовались. Они начали со всех сторон подкапывать корни, чтобы свалить тополь. Но корни векового тополя были толстые и глубоко уходили в землю. Сняв верхнюю часть земли, волки увидели это и растерянно остановились. Они не знали, что им делать. Некоторые из них пытались прыгнуть на нижний сук тополя, где сидел баран. Но и это им не удавалось. Срываясь, они падали на землю. Потом решили лезть один на другого и таким образом достать барана и козла. Внизу стал хромым волк, на него забрался другой, затем третий... Как только двенадцатый поднялся на самый верх и хотел уцепиться зубами за жирный курдюк барана, козел, не зная, что делать, крикнул барану:

— Бей, мой друг, бей!..

Эти знакомые страшные слова до смерти перепугали хромого волка. Ему казалось, что за этими словами опять последуют сильные удары в бока. Он рванулся в сторону. Остальные одиннадцать волков стали падать под обрыв, прямо в воду. Все они утонули в пучине. Страшно перепуганный волками баран, потеряв равновесие, свалился с тополя, но его спасла густая шерсть, которой он зацепился за сук. Козел

помог ему слезть с дерева, и они снова продолжили свой путь.

Вышли в горное ущелье, заросшее лесом. Наступил вечер, стало темно. Ночью в лесу было страшно. Оглядываясь по сторонам, они осторожно продвигались вперед. Каждый куст им казался медведем или еще каким-то страшилищем. Случайный треск вызывал страх, будто голодный волк набрасывается на них. Но вдруг козел остановился у толстой вековой сосны и сказал:

— Друг мой, посмотри, это голова и туловище волка, недавно убитого охотником. Кожу он здесь содрал.

Барану было страшно даже при виде мертвого волка, и он ничего не мог ответить козлу. А тот взял голову волка и сказал, что она пригодится. Затем положил ее между широкими гнутыми рогами барана, и они пошли дальше.

Наступила темная ночь. Кругом тишина. Лес и темные горные вершины стояли вдали. Только хруст слышен под ногами идущих рядом друзей. Боязливо шагая, они вышли на открытую полянку.

Там у огня сидела целая стая волков. Убегать было поздно: волки их заметили. Козел уговаривал друга не бояться, положить голову волка на землю и следовать за ним. Сам он смело пошел к волкам, сидящим у огня.

— Салам алейкум, — обратился он к ним с приветствием и затем стал устраиваться поудобнее у костра. Баран от страха несколько отстал от него.

Волки были поражены смелостью козла. Они радостно улыбались и перемигивались. Один из них — очевидно, вожак — сказал:

— Сам Бог вас пригнал к нам!

Козел хоть и ожидал нападения, все-таки старался быть спокойным. Затем он, обращаясь к вожаку, сказал:

— Да, мы пришли к вам по божьей воле. Издавна вы были охотниками за бараниной, теперь мы стали охотиться за волчьим мясом.

Волки удивленно переглянулись. Вожак насмешливо и гордо сказал:

— Угощение для вас готово!

Но козел не унимался. Он сказал барану, который от страха затаил дыхание и стоял молча:

— Они не спешат угощать нас. Ты лучше иди, сорви голову одного из привязанных нами волков и принеси сюда. Мы съедем ее, поджарив на огне.

Баран не спеша отправился за головой, оставленной ими. Это вызвало страх среди волков. Они поглядывали с опаской туда, куда ушел баран. Кое-кто из них отходил в сторону и убегал. И вот из леса показался баран с волчьей головой. Все ясно увидели это и разбежались кто куда. Положив волчью голову у огня, козел и баран в эту ночь спокойно отдохнули у костра.

Утром они опять тронулись в путь. Шли по лесу, и вдруг козел заметил волчьи тропы. Вдали слышались голоса волков.

— Волки, которые ночью убежали от нас, пожаловались медведю, — сказал козел. — Теперь все вместе ищут нас, преследуют. Скорее нам надо залезать на сосну и поудобнее спрятаться.

Они подошли к сосне с толстыми ветвями. Козел помог барану подняться, потом сам запрыгнул на сук. В это время десять волков во главе с бурым медведем, неуклюже шагающим впереди, шумно разговаривая, стали подходить к сосне, на которой уже сидели баран и козел. Медведь говорил волкам:

— Дураки вы, каких я не встречал. Упустили такой жирный кусок, который сам Бог прислал вам. Позор! Вы, смелые волки, испугались кроткого, трусливого барана.

Волки шумят в ответ:

— Верно! Позор нам!.. Верно, что мы глупые волки!..

— Ах, если бы они попались мне... ммне... ммне... я этими острыми когтями сцапал бы их. Сейчас я поворожу: смогу ли добыть себе жирную пищу, — сказал медведь.

И медведь на задних лапах отошел в сторону и сел у сосны, на которой прятались баран и козел. Волчья стая окружила медведя. Поблескивая огненно-красными глазами, высунув языки, волки тоже уселись на корточки. Тяжелый баран, потеряв равновесие, с треском ломая сучья, повалился вниз. Козел поспешно закричал:

— Хватай самого сильного, самого жирного!..

Баран прямо рогами тяжело ударился о голову медведя. От неожиданного удара по голове медведь страшно заревел. Волки бросились бежать. Медведь испустил дух. Козел спустился вниз, помог встать своему другу, и они пошли дальше.

Козел и баран, питаясь травой, утоляя жажду из ручейков, несколько дней шли по лесу. Все еще не могли они найти целебную траву. Баран и козел знали, что убежавшие волки, воя без умолку, заывают своих братьев отомстить им. Волки рассказали про них тигру.

Однажды козел услышал издали страшные голоса и сказал своему другу:

— По пятам нас преследуют волки. Впереди веет прохладой — там должна быть река. Скорее надо добраться туда.

Козел и баран зашагали быстрее и скоро увидели большую реку. На середине ее был виден довольно широкий остров. За ним также разлилась вода. За водой темнела опять суша. А сзади с ревом и воем показались волки и тигр. Тогда козел обратился к своему другу барану:

— Друг мой! Теперь настала твоя очередь прокладывать путь к спасению. Ты знаешь, я не мастер плыть, а ты — искусный пловец. Влезай первым в воду, а я буду плыть за тобой, придерживаясь за твой курдюк. Плыви прямо на остров.

Положив передние ноги козла на свой курдюк, баран поплыл, словно широкая лодка. Волки растерянно завывали на берегу. Сердито зарычал тигр:

— Не уйдете от нас! — Затем он скомандовал волкам: — Давайте все в воду — и за ними! Приведите их ко мне!

Первым в воду бросился вожак, который тогда ночью у огня от страха сбежал, за ним бросились и другие волки и поплыли вдогонку за бараном и козлом. Однако волкам было не так-то легко плыть. Они брызгали водой, тонули, выплывали, опять скрывались под водой и медленно продвигались вперед. Некоторые из них, мешая друг другу, стали тонуть. Затем волки сбились со взятого ими направления. Каждый старался теперь только спастись.

А баран и козел плыли ровно и выплыли прямо на остров. Баран то с радостью, то со страхом оглядывался на тонущих волков. А козел никого не опасался. Он быстро пошел в глубь острова, начал искать целебные травы. На острове было очень мало животных, и поэтому трава стояла густая-густая. И на маленьких кочках, и среди камней росли разные благоухающие травы. Козел нашел среди трав несколько целебных. Он сорвал их и крепко прикрутил к рогам барана.

А на том берегу было уже более пятидесяти волков. Все новые и новые группы бросались в воду по

требованию тигра. Самые лучшие пловцы из них ровными рядами медленно плыли к острову. Теперь было ясно, что если не все волки, то отдельные из них могут достичь берега. Тогда баран и козел стали готовиться к отплытию на противоположный берег реки. Как только плывущие впереди волки вышли на остров, баран и козел спустились в воду и поплыли дальше, на другой берег. Волки скалили зубы и с гневом смотрели вслед удаляющимся.

Баран и козел больше не оглядывались назад. Выплыв на другой берег, они пошли дальше. Наступила ночь, но, по совету козла, они продолжали идти. Козел объяснил своему другу:

— Часть волков может перебраться на этот берег и бежать по пятам. Нам надо до рассвета добраться до какого-то удобного места, где мы могли бы найти себе защиту.

Баран давно уже убедился в мудрости козла и поэтому нисколько не сомневался в правоте его предложения. Он, как всегда, молча, кивком головы выразил свое согласие. Они вышли на широкую поляну, где стояли копны сена.

Козел, ведя за собой барана и внимательно приглядываясь, обошел всю поляну, усеянную копнами. Баран был несколько удивлен этим поступком козла.

— Для чего ворошить все копны? — спросил он козла.

— Надо запутать следы, — сказал ему на это козел. — Теперь спрячемся под какую-нибудь копну. Если придут волки, то они примутся искать под всеми копнами и не сразу найдут нас. А пока они будут прощупывать все копны, может, и хозяин явится сюда.

Баран был в восторге от такой дальновидности и мудрости своего друга.

— Мой друг любезный, — сказал он, — я доволен тобой и твоим умом.

И он дружески крепко прижал козла к груди. У него на глазах блеснули слезы. Козел также обнял барана и тоже всплакнул. Оба они залезли под копну и уснули.

К рассвету сюда добрались волки. Они с воем шли по следам, разбрасывая то одну, то другую копну, — искали барана и козла. От волчьего воя проснулись косари и с косами и граблями пошли на волков. В этот момент несколько волков начали уже разбрасывать ту копну, под которой лежали баран и козел. Но шум и крик бегущих косарей испугал волков, и они бросились наутек.

Баран и козел вышли навстречу косарям, слезы радости лились из их глаз. От усталости они больше не могли держаться на ногах. Увидев барана и козла, косари только теперь поняли, почему волки разбрасывали копны. Им стало очень жалко барана и козла. Один из косарей, старик, сказал:

— Не будем трогать этого барана и козла: видать, это хорошие, благородные животные. Увезем в аул и пустим в стадо овец и коз.

Услышав это, баран и козел сильно обрадовались, начали радостно прыгать и, низко склоняя головы, выражали свое чувство благодарности. Это удивило и другого косаря.

— О, эти животные, — сказал он, — должно быть, очень разумные, кажется, они все понимают. Их действительно не надо трогать.

Баран и козел и ему поклонились. Косари погладили их по голове, приласкали и повели к своим шалашам. Там один косарь ахнул от удивления:

— Откуда эти животные? Эти баран и козел принадлежат старику и старухе, живущим в урочище Акшоқы. Они, бедные, так их ищут, у всех спрашивают, всех просят помочь разыскать.

В этот день впервые за все время баран и козел спали спокойно, без тревоги и боязни. На следующий

день косари приехали в аул и пустили барана с козлом в отару. Затем отвезли их к старику и старухе. От целебной травы, которую принесли козел и баран, старик быстро понравился. Баран и козел по-прежнему стали жить спокойно и вольно.

ЗАЙЧИК

Мансийская сказка

Обработка Г. Меновщикова

ил-был зайчик. Любил он играть в осоке на берегу озера. Однажды ел он осоку и порезал себе губу. Рассердился заяц, пошел к огню жаловаться:

- Огонь, сожги осоку на берегу озера!
- Что тебе сделала осока? — удивился огонь.
- Губу мне порезала, — ответил заяц.
- Сам ты виноват: накинулся от жадности на осоку, вот и порезал себе губу, — сказал огонь.

Еще больше рассердился заяц, пошел к воде и говорит:

- Вода, затуши огонь!
- Что тебе огонь сделал?
- Огонь не хочет осоку сжечь на берегу озера!
- Что тебе осока сделала?
- Губу мне порезала.
- Сам ты виноват: накинулся от жадности на осоку, вот и порезал себе губу, — сказала вода.

Больше прежнего рассердился заяц, пошел к двум мальчикам со стрелами и луками и говорит им:

- Мальчики, стреляйте в воду!
- Что тебе вода сделала?
- Вода не хочет огонь потушить!
- А что тебе огонь сделал?
- Огонь не хочет зажечь осоку на берегу озера.
- А что тебе осока сделала?
- Губу мне порезала!
- Сам ты виноват: накинулся от жадности на осоку, вот и поранил себе губу.

Совсем озлился заяц, пошел к мышке и говорит:

— Мышка, мышка, помоги мне — перегрызи тетиву на луках у мальчиков, чтобы не могли они стрелять.

Пожалела мышка зайчика, побежала перегрызать тетиву у луков. Испугались мальчики, схватили луки, натянули тетиву и пустили стрелы в воду. Поднялась вода и пошла огонь тушить. Испугался огонь, к

осоке перебросился. Загорелась осока, а в осоке зайчик прыгает. Растерялся, из огня побежал, уши себе подпалил. Едва жив остался. Вот и стали с тех пор у зайчика кончики ушей черными.

КУКУШКА

Эвенкийская сказка

древние времена, когда на небе было два солнца и на земле всегда день белый сиял, кукушку считали первой певуньей.

Сядет кукушка на ветку, голову гордо вскинет, хвост расправит и поет, на всю тайгу разливается. И птицы, и звери слушают, кукушку хвалят.

Пришла пора всем птицам яички откладывать, птенцов выводить. Птицы заторопились: мох, траву, ветки таскать начали, гнезда новые вить, постель теплую готовить.

Только кукушка еще больше важничает, над птицами смеется, песнями по тайге разливается.

Собрались птицы, говорят:

— Как певунья наша жить будет? Как род свой на земле сохранит?

Услыхала кукушка те птичьи речи, пуще смеется:

— Эко, глупые!.. Не думаете ли вы меня заставить гнезда вить, птенцов высиживать?..

Птицы сказали:

— Худая голова у этой птицы: ума в ней меньше, чем у мухи, — и разлетелись по своим гнездам.

А кукушка по-прежнему смеется, песнями по тайге разливается.

Пришла пора и ей яички откладывать, но гнезда-то у нее нет.

Полетела она к озеру, видит: между кочек, в камышах, утка на яйцах сидит, старается. Кукушка ей говорит:

— Эко, милая, сидишь голодная, слетай покормись, я яички твои охранять стану.

Утка послушалась, полетела. Кукушка одно яичко из утинового гнезда выбросила — свое положила.

Вернулась утка, села на яички. Кукушка улетела.

На другой день прилетела она в поле, видит: куропатка в траве на яичках сидит, старается. Кукушка ей говорит:

— Эко, милая, сидишь голодная, слетай покормись, я твои яички охранять стану.

Послушалась куропатка, полетела. Кукушка одно яичко из куропаткиного гнезда выбросила — свое положила.

Куропатка прилетела, села на яички. Кукушка улетела.

На третий день прилетела она к сухой осине, на ней большое гнездо, в нем ворона на яичках сидит, старается. Кукушка говорит:

— Эко, милая, сидишь голодная, слетай покормись, я твои яички охранять стану.

Ворона послушалась, полетела. Кукушка одно яичко из вороньего гнезда выбросила — свое положила.

Ворона прилетела, села на яички. Кукушка улетела.

Вывели все птицы птенцов, птенцы подросли. Каждая птица радуется, своими детьми хвалится.

Утка крикает:

— Кря-кря! Эх вы, мои желтоносые... Идемте к озеру — плавать, нырять будем!

Птенцы за ней бегут, крикают. Пришли к озеру. Утка нырнула — поплыла, птенцы нырнули — поплыли. Один птенец по берегу бегаёт, крылышками хлопает — воды боится.

Утка кричит, сердится:

— Ты чужой!

Плывёт утка к берегу, птенца того утопить хочет.

Подлетела кукушка, птенца с собой взяла.

Куропатка детей по траве ведёт.

— Пи-пи! Эх вы, мои быстроногие... Пойдемте по траве побегаем!

Птенцы за ней бегут. Один птенец сидит, крылышками хлопает — на ветку взлететь хочет. Куропатка кричит, сердится:

— Ты чужой!

Бежит куропатка, чтоб птенца того заклевать. Подлетела кукушка, птенца с собой взяла. Ворона детьми хвалится, каркает:

— Кар-кар-кар! Эх вы, мои черненькие... Смотрит, а один птенец пестренький. Ворона кричит, сердится:

— Ты чужой!

Ворона клюв разинула, птенца заклевать хотела.

Прилетела кукушка, птенца с собой взяла.

Собрались кукушкины дети. Кукушка хвалится:

— Эко, мои детки, все вы в меня, красавицу певунью, родились. Пусть птицы завидуют.

Прилетели птицы пенье кукушкиных детей слушать.

Кукушка своих детей учит:

— Спойте, мои детки, как я пою.

Птенец, которого утка вывела, крылышками захлопал, клюв открыл:

— Кря!.. Кря!..

Птицы засмеялись, кукушка опечалилась.

Птенец, которого куропатка вывела, крылышками захлопал, клюв открыл:

— Пиф-пиф-пиф!

Птицы опять засмеялись, кукушка еще больше опечалилась. Смотрит на последнего своего птенца, на него надеется.

Птенец, которого ворона вывела, крылышками захлопал, открыл клюв:

— Кар! Кар!

Птицы смеются, над кукушкой потешаются, а она от горя плачет, птенцам своим говорит:

— Эко, мои детки непонятливые. Слушайте, как я весело пою!

А сама плачет, слезы на траву капают. Смотрит: дети от нее полетели — один к утке, второй к куропатке, третий к вороне. От такого несчастья у кукушки горло перехватило. Взлетела она на куст, клюв открыла, от горя и слез заикается:

— Ку-ку! Ку-ку!

И стала кукушка вечной заикой, печально кукующей.

Это она о детях своих печалится, о них стонет, жалобно кукует.

КАК ВОРОН И СОВА ДРУГ ДРУГА РАЗУКРАСИЛИ

Эскимосская сказка

Обработка Г. Меновщикова

авно это было. Ворон и сова жили вместе. Жили в дружбе и согласии. Вместе добывали пищу, поровну все делили, нужды не знали.

Ворон белый был. И сова тоже белая была. Прожили они долго, состарились и стали от седины белее снега.

Вот однажды сова и говорит ворону:

— Стариками мы стали, а красивыми так и не были. Ведь у всех птиц пестрые наряды: красные, черные да серые. А нас с тобой только коротким летом и видно.

— Правда, — сказал ворон, — не видны мы, когда на снегу сидим.

— Давай разукрасим друг друга, — предложила сова, — сначала ты меня, а потом я тебя.

Согласился ворон. Взял он черный жировой нагар от светильника, выдернул из своего хвоста перо, чтобы служило вместо кисти, и попросил сову приготовиться. Села сова на камень, и ворон осторожно стал разукрашивать ее. Ходит вокруг камня и рисует на каждом перышке красивые черные пятнышки. Разукрашивает ворон сову и думает: «Постараюсь красавицей сделать ее. Увидит она мою работу и меня тоже сделает красавцем».

Долго ворон старался.

Надоело сове сидеть, думает: «Замучил меня ворон. Вот придет его очередь, так я его вмиг разукрашу».

Наконец разрисовал ворон сову и говорит:

— Смотри, какой красивой я тебя сделал! Теперь подсохни на ветру и меня разукрась!

Согласилась сова. Подсохла на ветру и попросила ворона приготовиться. Ворон сел на камень, а сова и говорит:

— Нет, садись рядом с камнем. Я по-другому тебя буду красить. Закрой глаза, а откроешь, когда я скажу тебе.

Сел ворон у камня, глаза зажмурил — приготовился.

А сова тем временем взяла светильник с черным жировым нагаром, взгромоздилась на камень и облила ворона с головы до хвоста. В один миг почернел ворон.

— Теперь, — говорит сова, — подсохни на ветру, а затем открой глаза и посмотри на себя. Хотя и быстро разукрасила тебя, но теперь и зимой, и летом всякий тебя заметит.

Подсох на ветру ворон, открыл глаза и закричал:

— Что ты наделала?! Ты сделала меня черным — теперь каждый зайчишка, каждая мышка издали увидит меня. Как же я буду добывать себе пищу? Ты меня сделала заметным!

Сова сказала:

— Сам же ты хотел быть красавцем!

Совсем рассердился ворон:

— Я так старался тебя разрисовать! Ты теперь красавица. А меня ты сделала черным. И дети мои будут черными. Уходи отсюда, сова, уходи!

Испугалась сова. Улетела подальше от ворона.

С тех пор ворон стал черным, а сова — пестрой. И старается сова не встречаться с вороном, боится его.

МЕДВЕДЬ И БУРУНДУК

Нивхская сказка

Обработка Г. Меновщикова

атаскал медведь моху и листьев в берлогу, залег в темный угол да и заснул так крепко, что не видал, как снег выпал, не слышал, как вьюги над лесом выли, как старые пихты и кедры от морозов трещали.

А когда встало над тайгой весеннее солнышко, когда растопило оно снег и зажурчали первые ручейки, проснулся медведь.

Вылез из берлоги и сел на пенек.

Глаза лапами протирает, потягивается и ворчит:

— Весна, весна, а есть нечего! Что тут станешь делать?

А есть медведю хочется. Всю зиму у него ничего во рту не было — немудрено, что проголодался.

Пошел медведь добычу поискать. Да какая еще в это время добыча — один снег кругом. Ни травинки зеленой нет. Не скоро медвежья пища — ягоды и орехи — поспеет.

Идет медведь по лесу, с боку на бок переваливается. Видит: пень стоит, а под ним кто-то живой копошится.

Медведь пень лапами обхватил — хотел с места своротить, да не смог... Пень крепкий, корявый, а сил у мишки мало.

Даже заревел с досады медведь:

— Есть тут живая душа? Вылезай!

И выскочил из-под пня желтый зверек — бурундук. Он тоже в своей норе под корнями всю зиму спал.

Смотрит маленький бурундук: стоит перед ним медведь, большой, страшный, и ревет.

Удивился бурундук:

— Дедушка медведь, ты чего такой сердитый?

— Это я с голоду! Целую зиму ничего не ел. Нет ли у тебя чего-нибудь?

— Сейчас принесу, — сказал бурундук.

Юркнул он в свою кладовую, где у него запасы еще с осени хранились, и выносит сладкие корешки.

— Кушай, дедушка!

Поел медведь, подобрел.

— Спасибо, бурундучок. Маленький ты зверь, а хороший.

И погладил медведь бурундука лапой по спине. Осторожно погладил, ласково, а на желтой шкурке

бурундука все-таки темные полосы от медвежьих когтей появились.

Появились да так и остались.

С тех пор у всех бурундуков эти полосы на спинах есть.

И когда спрашивают их другие звери:

— Отчего у вас, бурундуков, шерсть полосатая?

Они отвечают:

— А это нас дедушка медведь погладил.

РОСОМАХА И ЛИСИЦА

Эвенкийская сказка

Перевод и обработка М. Воскобойникова

адумала старая росомаха со своим стариком новые места для жилья поискать.

Слух шел, что за рекой и лес гуще, и пищи больше.

Вот и решили они свой чум и все свое добро через реку переправить и там поселиться.

А лодки для перевоза у них не было. Пошел муж росомахи в лес бересту драть, чтобы лодку сшить. А старуха свое добро в сумы сложила и села на берегу его поджидать.

Смотрит она: плывет по реке лодочка, а в ней лисица. Причалила лодочка, прыгнула лисица на берег.

— Здравствуй, бабушка! — говорит она росомахе.

— Здорово, лисонька!

— Что ты тут делаешь?

— Да вот своего старика поджидаю. Пошел он в лес бересту драть: надо лодку сшить, за реку кочевать хотим.

Посмотрела лисица на большие сумы с добром, оглянулась кругом и говорит:

— Пока твой старик бересту дерет, давай я начну ваше добро за реку переправлять.

Обрадовалась росомаха, схватила сумы и потащила в лодку. До краев поклажи набралось. Хочет росомаха сама на мешки сверху сесть.

— погоди, бабушка, — говорит лисица, — лодка полная, тебе не поместиться. Этак и потонуть можно. Сначала я добро ваше перевезу, а потом и тебя.

Оттолкнулась лисица веслом от берега, лодка и поплыла по течению.

— Ты куда же? — кричит росомаха.

— Меня, бабушка, река несет. Никак не удержаться.

— Эй, лиса, ты к тому берегу правь!

— Не бойся, бабушка, приплыву куда надо.

Смеется лисица и все дальше со старухиным добром уплывает. Поняла тогда росомаха, что обманула ее хитрая лиса. Села она на камешек у воды и заплакала.

Летел мимо дятел. Услыхал, что росомаха плачет, и спрашивает ее:

— Кто тебя, бабушка, обидел?

— Да лиса меня обокрала. Все мое имущество увезла... Что мне за это от старика будет!

— Не плачь, бабушка, — говорит дятел, — мы лису перехитрим.

Вспорхнул дятел и полетел напрямик через лес. Обогнул он большой мыс, сел на кустик и ждет, когда лисица до него доплывет.

Видит: вдали лодка показалась, в лодке сумы лежат, на сумках лисица сидит. Поравнялась лодка с кустом, дятел и просит:

— Лисичка, лисичка, возьми меня к себе в лодку.

— А откуда ты? Куда путь держишь? — спрашивает лисица.

— Я в тайгу летал, крыло лечил. Теперь обратно в свой чум тороплюсь, да с больным крылом лететь трудно. Подвези!

— У меня в лодке места мало, — говорит лисица. — Куда я тебя дену?

— А я тут вот в уголке пристроюсь. Я маленький, мне много места не надо.

Спрятался дятел за сумками — его и не видно.

Поплыли они. Лиса на корме сидит, весло держит и лодку между камнями ведет. А дятел уткнулся носом в дно лодки да и долбит его незаметно: тюк да тюк! тюк да тюк!

Тонкая береста и прорвалась. Стала в лодку вода набираться.

— Что это, никак, лодка течет? — спрашивает лиса в испуге.

— И верно, течет, — отвечает дятел, — должно быть, где-нибудь на бересте шов разошелся.

— Надо к берегу пристать, лодку починить, — говорит лиса.

Стала она к берегу править.

Причалила лодка к камешку. Выскочила лисица и говорит дятлу:

— Ты вытаскивай поклажу из лодки, а потом и лодку на берег тащи. Надо ее вверх дном перевернуть и дырку найти. А я пока в лес пойду, еловой смолы поищу. Заделаем дырку и дальше поплывем.

Только лисица в лесу скрылась, дятел сломал с куста прутик, заткнул им дырку в бересте, сел в лодку и поплыл обратно, к росомaxe.

Бежит лиса из лесу, смолу несет. А лодка уж далеко по реке отплыла.

Так и ахнула лиса.

— Дятел! Негодный! Вернись сейчас же! Слышишь?

— Нет, лисица, не вернусь, — отвечает дятел.

— Да ведь ты утонешь! В лодке дырка!

— А я ее прутиком заткнул.

— Вернись назад, разбойник!

А дятел смеется и плывет дальше.

Приплывает он к месту, где чум росомaxи стоял. Слышит: бранит старик старуху и вместе с ней плачет.

Выскочил дятел из лодки, бежит к старикам:

— Не плачь, бабушка! Не плачь, дедушка! Я вам все ваше добро назад привез да еще и лодку заодно прихватил.

Обрадовались старики, чуть не пляшут.

— Ну, — говорят они, — что же мы этому доброму дятлу в награду дадим?

И сшила старуха дятлу замшевую курточку, раскрасила ее цветной глиной, а на голову ему пеструю шапочку надела.

Стал дятел нарядный, красивый.

А старик был хороший кузнец. Сковал он дятлу крепкий стальной нос и выточил когти.

С тех пор ходит дятел в пестром наряде.

А стальным носом самое крепкое дерево долбить может.

КАК ОХОТИЛИСЬ ЛИСА И СТАРИК

Киргизская сказка

Пересказ для детей Д. Сулайманова. Перевод Б. Сарыгулова

авным-давно жили-были в далеких горах старик со старухой. Сеяли хлеб, пасли скот — тем и кормились. И жили еще в тех горах дикий кабан, серый волк, косолапый медведь, полосатый тигр, грозный лев и лиса — хитрая кумушка. Не было от них покоя старику и старухе.

Однажды настали в горах голодные времена, трудно стало жить. И особенно нелегко пришлось лисе: она ведь лакомка, привыкла есть все самое нежное, самое вкусное. А тут как бы с голоду не умереть. Помыкалась лисичка, поголодала и решила идти к людям.

Пришла она к старику со старухой, взмолилась:

— Не дайте умереть с голоду, примите к себе. Век буду помнить! Лисят своих отдам вам на шубу...

— Эх, самим есть нечего! — вздохнул старик. — Да уж ладно, не помирать же тебе.

И пустили старые люди лису в дом. Пожила у них лиса недельку, видит, на такой еде долго не протянешь: одни кости ей перепадают, да и то не всегда. Стала кумушка думать, что ей делать. И говорит старику:

— От такой скудной пищи и умереть можно. Пора и охотой заняться. Я буду зверей прямо в дом приводить, а тут мы с ними как-нибудь управимся.

— Кого же ты приведешь? — поинтересовался старик.

— Ну хотя бы льва, тигра, медведя и волка, — ответила лиса.

— Ты что, спятила, несчастная?! — не на шутку рассердился старик. — Со свету сжить нас хочешь?

Чуть не побил он лису. Та в слезы пустилась, убеждать старика принялась...

Старик подумал-подумал и согласился:

— Что ж, рыжая, давай попробуем.

И отправилась лиса в горы. Долго бежала она, пока не повстречался ей дикий кабан. Увидел он лисицу, взмолился:

— Лисонька, кумушка, выручи! Охотники за мной гонятся.

— Ступай за мной, — сказала лиса, — укроюся у моего старого знакомого.

Прибежали они к старику. Начал кабан упрашивать его жалобным голосом, чтобы впустил в свой дом.

— Впусти его,пусти, — хитро подмигивает старику лиса.

— Так и быть, заходи, — открыл двери старик. Только кабан на порог, навстречу ему старуха:

— Откуда ты взялся, такой-сякой? Весь дом испачкаешь, осквернишь. Убирайся с глаз долой!

Тут недалеко охотники показались. Перепугался кабан, бросился к лисе, стал умолять ее:

— Выручи, лисонька, спаси. Придумай что-нибудь!

— Ладно, лезь быстрее в этот мешок! — велела лиса.

Залез кабан в мешок. Рассердилась старуха, видя такие дела:

— Сколько ты людям посевов потравил, сколько лугов перекопал, рыло тупое, а я тебя укрывать должна?!

Ударила кабана кетменем — из него и дух вон. Так они с кабаном и разделались. Долго питалась лиса кабаньим мясом, поправилась.

В один день опять отправилась лиса в горы. Навстречу ей волк.

— Лисичка-сестричка, прояви смекалку, спрячь меня от погони, — стал просить серый.

Лиса привела его домой к старику, велела залезть в мешок. Старик со старухой тут как тут:

— А-а, серый разбойник, в прошлом году козленка нашего кто уволок? Попался теперь! — и палкой его по голове.

Тут же с него шкуру сняли. А мясо лисе досталось. Вошла лиса во вкус, еще раз отправилась в горы. Пришла в лес, видит: на макушке дерева сидит медведь.

— Миша, зачем ты на дерево забрался? — спрашивает лиса. — И вид у тебя перепуганный.

— Беда, лисонька! — отвечает медведь. — Шестой день тигр за мною охотится. Вот и прячусь тут. Изголодался вконец. Может, спрячешь меня в укромном местечке?

Привела лиса медведя к старику. Увидели косолапый старик со старухой и говорят:

— Гляди, кто к нам пожаловал! Мы тут себе овчинной шубы справить не можем, а он в медвежью вырядился. А ну снимай!

Ударили его в лоб колотушкой. Заревел медведь и свалился замертво. Тут вдруг тигр прибежал.

— Медведь сюда приходил? — зарычал он.

Испугались старик со старухой, не знают что и ответить. В это время издали рычание льва донеслось. Услышал тигр льва, сам не на шутку струсил.

— Бог с ним, с медведем, как бы самому жизнью не поплатиться, — заметался тигр. — Лисонька, кумушка, спаси меня.

А лиса уже мешок наготове держит. Залез тигр в мешок. Старик завязал мешок покрепче, поставил его в уголок. Взяла старуха дубинку и говорит:

— Никакого от вас покоя нет. То кабан заявится, то серый волк. Думала, после медведя никто не придет — самого тигра занесло. Отучу я вас сюда ходить! — и принялась колотить его дубинкой.

Расправились старуха и старик с тигром и вышли из дома. Видят, страшный зверь бежит: грива лохматая, пасть зубастая, глаза как огни горят, рычит сильнее грома — земля под ногами трясется.

— Был здесь тигр? — рыкнул лев так, что старик и старуха в обморок упали.

В это время показались охотники — с ружьями наперевес, с барабанами. Увидел их лев, испугался.

Старик и старуха пришли в себя и на просьбу льва спрятать его достали большой кожаный мешок: полезай!

Залез лев в мешок, а тут и охотники подоспели.

Выстрелили из всех ружей разом — конец льву пришел.

И зажили старик со старухой тихо-мирно, никто их больше не беспокоил. Тут и сказке конец.

КАК СОБАКА СЕБЕ ТОВАРИЦА ИСКАЛА

Ненецкая сказка

Обработка К. Шаврова

Огда-то собака одна в лесу жила. И стало ей скучно одной жить. Пошла она по лесу искать себе товарища.

Шла, шла, и вот навстречу ей бежит зайчик.

Собака и говорит:

— Зайчик, зайчик, давай-ка вместе жить.

— Что ж, — говорит зайчик, — давай.

Нашли они себе местечко в лесу и, как за вечерело, легли спать. Зайчик заснул, а собаке не спится — начала она лаять. У зайчика сразу и сон прошел. Вскочил он и говорит собаке:

— Чего ты лаешь? Вот услышит волк, придет и съест нас с тобой.

Замолчала собака, а сама думает:

«Плохого я себе товарища нашла. Робкое у зайчика сердце. Вот волк, так тот уж наверно никого не боится».

И ушла собака от зайца, пошла искать волка.

Шла, шла по лесу. Вдруг навстречу ей волк бежит. Говорит собака волку:

— Слушай, волк, давай-ка будем вместе жить.

Волк говорит:

— Что ж, вдвоем веселее.

Вот за вечерело, собрались они спать. Заснул волк, и собака легла. А в самую полночь проснулась собака и залаяла. Испугался волк, сердце у него упало, стал он собаку бранить:

— Ты чего лаешь? Вот медведь придет, обоих нас убьет.

«Ну, — думает собака, — видно, и волк не очень-то силен, раз медведя боится. Зато уж медведь-богатырь всех сильнее».

Бросила собака волка, пошла медведя искать. Опять по лесу идет. Шла, шла она и вот навстречу ей медведь. Подошла к нему собака и говорит:

— Эй, медведь-богатырь, давай-ка вместе жить.

Согласился медведь. День прожили, ночь настала. Задремал медведь. А собака опять в самую полночь залаяла. Проснулся медведь, струсил, душа в самые пятки ушла.

Принялся он собаку ругать.

— Молчи ты, — говорит, — чего лаешь? Услышит человек, придет, убьет нас.

«Ну, — думает собака, — и этот трус. Придется человека искать».

И убежала она. Бегала-бегала, весь лес обежала — все нет человека. Вышла она наконец на опушку леса и села отдохнуть. А человек как раз в лес за дровами собрался. Тут на опушке встретила его собака. Подбежала она к человеку и говорит:

— Человек, человек, давай-ка вместе жить станем.

Человек сказал:

— Что ж, идем со мной.

И увел человек собаку к себе в дом.

Вот завечерело, человек заснул. В полночь залаяла собака. А человек не встает. Громче залаяла собака. Проснулся человек и закричал:

— Эй, собачка моя, коли ты голодна, так поешь, а мне спать не мешай!

Тут собака замолчала, поела да спать легла. С тех пор она у человека и осталась. И теперь живет.

Примечания

1

Абаасы — огромное железное чудовище в фольклоре якутов.

2

Улус — становище кочевников, а также название селения, округа, местности.

3

Олонхо — напевные якутские сказания. Олонхо́суты — певцы, исполнители олонхо.

4

Пядь — старинная мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами.

5

Баты́р, ба́тор — храбрый, смелый человек, богатырь, герой.

6

Визірь — министр, советник падишаха.

7

Чапáн — будничный стеганый халат у народов Средней Азии.

8

Тундúк — четырехугольная кошма, прикрывающая отверстие в юрте, которое служит и окном, и дымоходом.

9

Тулпáр — боевой богатырский конь, крылатый скакун.

10

Обл — юноша, парень.

11

Аáл, айл, аýл — становище, группа юрт или кибиток у некоторых народов Востока.

12

Олбúк — подстилка из войлока.

13

Аракá — хмельной напиток.

14

Кишлáк — селение, деревня.

15

Дувáл — глинобитная ограда, забор.

16

Сангиосиёбардóр — поднимающий жернова.

17

Пахлавон — силач, могучий богатырь.

18

Чаноргардон — вертящий чинары.

19

Дарьёдаркаш — выпивающий реку.

20

Мечётъ — молитвенный дом у мусульман.

21

Дастархан — скатерть с угощением, расстилаемая на полу.

22

Яранга — жилище чукчей и других жителей Чукотки и Камчатки, крытое моржовыми или оленьими шкурами.

23

Келэ — страшилище, людоед, черт.

24

Нарты — длинные и узкие сани, употребляемые на Севере для езды на собаках и оленях.

25

Торбазá — русское название обуви аборигенного населения Чукотки и Камчатки: высокие сапоги мехом наружу, сшитые из шкуры оленя или морского зверя.

26

Евра́жка — чукотское название суслика.

27

Сто́йбище — селение, стоянка кочевников.

28

Дайхáнин — крестьянин, земледелец.

29

Нукéр — слуга, воин, прислужник у хана или бека.

30

Веки́ль — в сказках народов Востока высокопоставленный вельможа при дворе падишаха.

31

Тумáн — денежная единица, золотая монета.

32

Кяри́зы — система колодцев и подземных галерей, служащих для использования грунтовых вод.

33

Палóмник — странствующий богомолец.

34

Хум — большой глиняный котел.

35

Сачáк — полотенце для рук.

36

Мэргэ́н — смелый, удачливый богатырь, герой многих сказок.

37

Колча́н — сумка для стрел.

38

Мангатха́й — огромное прожорливое многоголовое чудовище.

39

Эсэгэ-малán — главное божество бурятской мифологии.

40

Баты́р, ба́тор — храбрый, смелый человек, богатырь, герой.

41

Див — демоническое существо в мифах, сказках и эпосе народов Востока.

42

Чалма́ — у мусульман: головной убор — длинный кусок ткани, обернутый вокруг головы.

43

Карна́й — духовой музыкальный инструмент, длинная медная труба.

44

Кошма́ — большой кусок войлока.

45

Табíб — в средние века врач, лекарь. Впоследствии — знахарь, лечащий с помощью разных приемов народной медицины.

46

Зинда́н — тюрьма, устроенная в подземелье.

47

Паланки́н — на Востоке: крытые носилки как средство передвижения знатных лиц, богачей.

48

Сала́м алейкум, валейкум сала́м! — по-арабски «Мир вам»; приветствие, распространенное в мусульманских странах.

49

Гула́ч — старая мера длины народов Средней Азии и Казахстана: расстояние между концами пальцев

вытянутых рук.

50

Карагáч — южное дерево, вид вяза.

51

Джидá — кустарник.

52

Хурджún (хурджín) — переметная сума, которую перекидывают через седло верхового животного или через плечо пешехода.

53

Сарлы́к — монгольская или тибетская корова.

54

Камлáть — шаманить, гадать, ворожить и лечить по способу шаманов.

55

Алы́п — богатырь.

56

Кишлáк — селение, деревня.

57

Молдó — мулла, учитель в мусульманской школе.

58

Аксака́л — старейшина, староста селения.

59

Арка́н — длинная веревка для ловли животных с затягивающейся петлей на конце.

60

Калы́м — выкуп за невесту.

61

Ж а м á н — дурной, плохой, ничтожный человек.

62

Сакса́ул — небольшое среднеазиатское растение.

63

Му́рза — почетный титул знатного человека, представителя родовой знати; писарь, письмоводитель.

64

Аргамáк — верховая лошадь восточной породы.

65

Ба́й, бий — в фольклоре народов Средней Азии и Казахстана — зажиточный, богатый скотовод; обращение к старшему, уважаемому человеку.

66

Малаха́й — большая шапка на меху с наушниками.

67

Унты́ — теплая обувь у народов Крайнего Севера.

68

Карава́н-сара́й — постоялый двор, где останавливались караванщики и любые другие путники.

69

Карава́н-башы́ — предводитель, глава каравана.

70

Пиг — глава селения у хакасов.

71

Мерий — в фольклоре хакасов состязание женихов.

72

Той — свадьба, пир, празднество, сопровождаемое пиршеством и развлечениями, в том числе конными скачками.

73

Чатхán — струнный народный музыкальный инструмент у хакасов.

74

Кумы́с — напиток из кобыльего (реже верблюжьего) молока, заквашенного особой закваской.

75

Чили́м — водяное растение с орехами; жвачка табака; трубочка табака.

76

Тану́р — круглая печь для выпечки хлеба, лепешек, сделанная из гончарной глины.

77

Кухля́нка — верхняя меховая одежда из оленьих шкур у коренных жителей Чукотки и Камчатки.

78

Байдáра — лодка, состоящая из легкого деревянного каркаса, обтянутого моржовой шкурой.

79

Жи́рник — жировой светильник у народов Севера, служивший источником света, тепла, а также очагом для приготовления пищи. Глиняный сосуд наполнялся топленным жиром морских зверей, а фитилем служил сухой измельченный мох.

80

Минаре́т — башня при мечети, с которой призывают мусульман на молитву.

81

Ары́к — небольшой оросительный канал.

82

Ага́, ака́ — уважительное обращение к мужчине.

83

Бурдю́к — кожаный сосуд для жидкостей.

84

Копальха́ — вяленое мясо у народов Севера.

85

Карава́н — группа вьючных животных (как правило, верблюдов), перевозящих грузы и людей в пустыне, в степи.

86

Ве́шалы — длинные жерди, на которых подвешивают рыбу для сушки.

87

Арги́ш — вереница грузовых санок, запряженных оленями.

88

Па́рка — рубаха из оленьих шкур.

89

Бака́ри — зимняя обувь из оленьих шкур.

90

Нюк — покрышка на чум, сшитая из нескольких оленьих шкур с подстриженной шерстью.

91

Дехка́нин — см. Дайха́нин. Дайха́нин — крестьянин, земледелец.

92

Алдаке́ — ласкательное от имени Алдар.

93

Валу́х — оскопленный баран.

94

Ата́ — отец.

95

Апа́ — бабушка.

96

Дута́р — народный музыкальный инструмент.

97

Ичиги́ — обувь из сыромятной кожи.

98

Си́верко — резкий холодный северный и северо-восточный ветер.

99

Сови́к — зимняя меховая одежда мехом наружу.

100

Арча́ — можжевельник.

101

Сала́м алейкум, валейкум сала́м! — по-арабски «Мир вам»; приветствие, распространенное в мусульманских странах.

102

Шик — роса. Шик-берме́с — не дающий капли воды.

103

Айра́н — жидкая простокваша; употребляется как прохладительный напиток.

104

Байбише́ (байбиче́) — вежливое обращение к женщине.

105

Камча́ — широкая плетть или кнут.

106

А́льчик — остроконечная баранья косточка, служащая для игры того же названия.

107

Навайчи́ — пекарь у уйгуров, выпекающий лепешки в специальных печах.

108

Казáн — котел для приготовления пищи.

109

Яхтáн — кожаный мешок, чемодан.

110

Острога́ — рыболовное орудие в виде вил.

111

Бурха́н — идол, божество в буддийской религии.

112

Салама́т — кушанье из сметаны у бурят.

113

Равдугá — выделанная оленья шкура, род замши.

114

Джут — бескормица и падеж скота, вызванный гололедицей.

115

До́мбра — струнный народный музыкальный инструмент.

116

Урасá — жилище у юкагиров.

117

Челно́к — выдолбленная из дерева небольшая лодка.

118

Аргіш — вереница грузовых санок, запряженных оленями.

119

Чокчоло́й-батыр — кот-богатырь.

120

Джайлоо́ — пастбище.

121

Тайга́н — охотничья собака.

122

Карбо́с — грубая хлопчатобумажная ткань.

123

Кобыз́ — струнный народный музыкальный инструмент у казахов.